

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

**INDIANA
UNIVERSITY
LIBRARY**

Графъ А. К. Толстой

Aleksei Konstantinovich graf Tolstoj

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ
Полное собрание сочинений

гр. А. К. ТОЛСТОГО.

Съ портретомъ графа Алексѣя Толстого и критико-
біографическимъ очеркомъ С. А. Венгерова.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

V. I

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1907 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1907.

Digitized by Google

PG 3363

• A1
1907
v.1

117 3

Артистич. заведение А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

UNIVERSITY LIBRARY

Алексѣй Толстой.

(Литературный портретъ).

Изученіе жизни писателей подчасъ занятіе очень тяжелое.

Какъ часто—увы!—назрѣваетъ въ историкѣ литературы горькое и обидное чувство по мѣрѣ того, какъ онъ ближе присматривается къ разнымъ установившимся литературнымъ репутаціямъ. Если пессимизмъ и вообще-то неизбѣжный удѣлъ всякаго, кто ближе знакомится съ людьми, то еще горшее разочарованіе ждетъ насъ, если эти люди не кто-нибудь такіе, а писатели, глашатаи добра по профессіи, пророки правды по основному назначенію своему. Сколько ложныхъ репутацій, сколько фразерства вмѣсто дѣйствительныхъ убѣжденій, сколько праздно болтовни и драпировки вмѣсто дѣйствительнаго желанія слѣдовать проповѣдуемымъ принципамъ.

Алексѣй Толстой подъ эту категорію ни въ какомъ случаѣ не подходитъ. Духовная личность его стоитъ на высотѣ самыхъ строгихъ требованій. Можно принимать его воззрѣнія всецѣло или, напротивъ того, сердиться на него за разные полемическіе выпады, но въ томъ и другомъ случаѣ нельзя не преклониться предъ его нравственнымъ обликомъ. Это былъ рыцарь безъ страха и упрека въ полномъ смыслѣ слова.

I.

Правда, надо и то сказать — рѣдко кому выпадало на долю провести жизнь при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Ничто не помѣшало ему вполне свободно отдаться лучшимъ стремленіямъ своей благородной натуры.

Алексѣй Константиновичъ Толстой родился въ Петербургѣ

24 августа 1817 года. Его мать, красавица Анна Алексѣевна Перовская, была дочь вельможи александровской эпохи, одно время министра народнаго просвѣщенія, графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго. Въ 1816 г. Анна Алексѣевна вышла замужъ за пожилого и весьма мало привлекательнаго вдовца, графа Константина Петровича Толстого, брата знаменитаго въ свое время художника, автора иллюстрацій къ «Душенькѣ» Богдановича, Федора Толстого.

Бракъ былъ очень неудачный, при чемъ снппатіи даже самыхъ близкихъ гр. Константину лицъ были не на его сторонѣ. Такъ, родной братъ Федоръ Толстой говорилъ: «Братъ Константинъ никогда и не долженъ былъ жениться на Аннѣ Алексѣевнѣ. Она слишкомъ умна для него. Тутъ ладу и ожидать было трудно».

Рожденіе Алексѣя Константиновича привело къ «домашней катастрофѣ» и открытому разрыву. Какъ только Анна Алексѣевна оправилась, супруги разстались навсегда, и графа Константина Алексѣи Константиновичъ никогда не видѣлъ.

Все раннее дѣтство поэта прошло внѣ Петербурга. Въ автобіографическомъ письмѣ къ составителю извѣстнаго словаря писателей, Анджело де-Губернатису, Алексѣи Толстой сообщалъ:

«Еще шести недѣль я былъ увезенъ въ Малороссію матерью моею и моимъ дядею со стороны матери, Алексѣемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ, бывшимъ позднѣе попечителемъ харьковскаго университета и извѣстнымъ въ русской литературѣ подъ псевдонимомъ Антона Погорѣльскаго. Онъ меня воспиталъ, и первые мои годы прошли въ его имѣніи».

Это имѣніе—село Погорѣльцы, Новозыбковскаго уѣзда, Черниговской губерніи. Затѣмъ Алексѣи Толстой былъ отвезенъ въ другое родовое имѣніе—Красный Рогъ, въ той же губерніи (Мглинскаго уѣзда). Имѣніе это было расположено въ очень живописной мѣстности, и чуткій къ красотѣ поэтъ на всю жизнь привязался къ нему. Даже послѣ поѣздокъ по красивѣйшимъ мѣстамъ Европы, онъ всегда съ восторгомъ возвращался въ родной уголокъ.

Въ Красномъ Рогѣ Толстой оставался до 1826 года, когда онъ съ матерью и дядею переѣзжаетъ въ Петербургъ. При посредствѣ друга Перовскаго—Жуковскаго, мальчикъ былъ представленъ, тоже восьмилѣтнему тогда, наслѣднику престола, будущему императору Александру II, и попалъ въ число дѣтей, приходившихъ къ цесаревичу по воскресеньямъ для игръ. Дружба эта продолжалась въ теченіе всей жизни Толстого, а позднѣе поэтъ былъ также въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ супругою Але-

ксандра II, императрицею Марією Александровною, высоко цѣнившою и личность и талант Толстого.

Съ 1827 г. начинается рядъ заграничныхъ путешествій небольшой семьи, предпринятыхъ частью для поправленія здоровья, частью для ознакомленія съ жизнью и искусствомъ Запада.

Сначала Толстой съ матерью и дядей побывали въ Германіи. Въ памяти мальчика особенно рѣзко запечатлѣлось посѣщеніе въ Веймарѣ Гете и то, что онъ сидѣлъ у великаго старика на колѣняхъ.

Въ 1831 г. была предпринята большая поѣздка въ Италію, которая своими художественными богатствами произвела огромнѣйшее впечатлѣніе на мальчика. Онъ все время находился въ какомъ-то экстазѣ, память о которомъ не исчезла изъ его сердца цѣлыхъ сорокъ лѣтъ спустя, когда онъ писалъ Анджело де-Губернатису:

«Мы начали съ Венеціи, гдѣ мой дядя сдѣлалъ значительныя пріобрѣтенія въ старомъ дворцѣ Гримани. Въ томъ числѣ находился бюстъ Фавна, приписываемый Микель-Анджело — одна изъ великолѣпнѣйшихъ вещей, какія я только знаю. Когда бюстъ перенесли въ отель, гдѣ мы жили, я не отходилъ отъ него, и неслѣпнѣйшій страхъ мучилъ мое воображеніе; я задавалъ себѣ вопросъ, что мнѣ сдѣлать для спасенія бюста, если вспыхнетъ пожаръ въ отелѣ, и пробовалъ, могу ли я, въ такомъ случаѣ, унести статую на рукахъ».

Дальнѣйшее пребываніе въ Миланѣ, Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ все больше и больше подогрѣвало этотъ энтузіазмъ. И по возвращеніи въ Россію онъ впалъ въ настоящую тоску. «Я впалъ въ какое-то отчаяніе, вслѣдствіе котораго я днемъ ничего не хотѣлъ ѣсть, а по ночамъ рыдалъ, когда сны меня уносили въ мой потерянный рай».

Среди путешествій и долгихъ побывокъ въ Малороссіи, Толстой получилъ хорошую домашнюю подготовку и въ срединѣ 30-хъ годовъ поступилъ въ число такъ-называемыхъ «архивныхъ юношей», состоявшихъ при московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Какъ «студентъ архива», онъ былъ допущенъ къ окончательному экзамену «по наукамъ, составлявшимъ курсъ бывшаго словеснаго факультета» и, конечно, блистательно его выдержалъ.

Душевный обликъ его въ это время уже вполне сформировался, и люди, которымъ пришлось познакомиться съ нимъ позже, говорятъ о немъ прямо съ какимъ-то молитвеннымъ восторгомъ. Такъ, въ воспоминаніяхъ кн. А. В. Мещерякова («Рус. Архивъ» 1900 г.) мы читаемъ:

«Подобной ясной и свѣтлой души, такого отзывчиваго и нѣжнаго сердца, такого вѣчно присущаго въ человѣкѣ высокаго нравственнаго идеала, какъ у Толстого, я въ жизни ни у кого не видѣлъ».

Въ томъ же 1836 г. умеръ Перовскій, оставивъ воспитаннику все свое состояніе. По желанію потрясенной смертью брата матери, поселившейся въ Германіи, Толстой на нѣкоторое время причислился къ русской миссіи при германскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Затѣмъ онъ «служилъ» или, вѣрнѣе, числился чиновникомъ при II отдѣленіи Собств. Его Импер. Величества канцеляріи и былъ камеръ-юнкеромъ, а позднѣе церемоніймейстеромъ двора цесаревича. Съ наслѣдникомъ престола онъ продолжалъ быть въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и входилъ къ нему безъ доклада.

Живя шумною свѣтскою жизнью, Толстой лишь изрѣдка покидалъ сферу салоновъ для любимой своей забавы—уединенной охоты. Имѣя успѣхъ у женщинъ, онъ и самъ усердно ухаживалъ, подчасъ влюблялся, но въ предѣлахъ великосвѣтскаго, легкаго флирта. Одно время Толстой, впрочемъ, настолько увлекся сестрою своего университетскаго товарища кн. Мещерскаго, что собирался дѣлать ей предложеніе. Но мать возстала противъ желанія его жениться на Мещерской, и сынъ безпрекословно покорился.

Своему литературному таланту Толстой въ то время не придавалъ серьезнаго значенія. Изрѣдка онъ, по собственному выраженію, «маралъ бумагу», даже кое-что подъ псевдонимомъ отдавалъ въ печать и собиралъ матеріалы для будущаго романа своего «Князь Серебряный».

Такое отношеніе къ своему дарованію тѣмъ болѣе удивительно, что личныя отношенія съ писателями у него были очень тѣсныя. Черезъ дядю и воспитателя Перовскаго, который и самъ имѣетъ извѣстное мѣсто въ исторіи русскаго романа, какъ авторъ «Монастырки», Толстой былъ близокъ съ Жуковскимъ. Въ домѣ извѣстной пріятельницы Пушкина, калужской губернаторши Смирновой, Толстой очень сблизился въ концѣ 40-хъ годовъ съ Гоголемъ.

А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ близокъ и съ представителями новаго литературнаго поколѣнія—Тургеневымъ и кружкомъ «Современника». Тургеневу онъ, между прочимъ, выхлопоталъ освобожденіе отъ ссылки въ деревню, которая выпала на долю автора «Записокъ Охотника» въ эпоху такъ-называемаго «цензурнаго террора» (1852).

Севастопольская гроза, очистившая общественно-политическую

атмосферу русской жизни, оказалась благодѣтельной и для Алексѣя Толстого. Въ эту эпоху онъ обрѣлъ и жгучее личное счастье и—несомнѣнно, въ тѣсной связи съ общимъ повышеннымъ самочувствіемъ—опредѣленно созналъ и цѣну своего дарованія.

II.

Въ 1855 г., когда выяснилось, что однихъ регулярныхъ войскъ не хватитъ, чтобы оказать противодѣйствіе врагу, по всей Россіи стали организоваться отряды охотниковъ. Толстой, вмѣстѣ съ графомъ А. Бобринскимъ, тоже началъ организовать на собственные средства особое добровольческое ополченіе, но это не удалось. Не осуществилась также его идея завести на собственные средства нѣсколько каперовъ для захвата англійскихъ купеческихъ кораблей. Тогда онъ просто поступилъ охотникомъ въ стрѣлковый полкъ Императорской Фамиліи и едва не умеръ отъ жестокаго тифа, унесшаго около Одессы значительную часть полка. Спасли его только необыкновенно крѣпкій организмъ и исключительный уходъ.

За нѣсколько лѣтъ до того Толстой встрѣтился въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ съ женой полковника Софьей Андреевной Миллеръ, урожденной Бахметевой. Ее нельзя было назвать красавицей, но что-то въ ней сразу привлекло поэта. Охватившія его ощущенія, еще смутныя и неясныя, онъ выразилъ въ одномъ изъ наиболѣе граціозныхъ стихотвореній своихъ:

Средь шумнаго бала, случайно,
 Въ тревогъ мірской суеты,
 Тебя я увидѣлъ, но тайна
 Твои покрывала черты;
 Лишь очи печально глядѣли,
 А голосъ такъ дивно звучалъ,
 Какъ звонъ отдаленной свирѣли,
 Какъ моря играющей валь.
 Мнѣ станъ твой понравился тонкій
 И весь твой задумчивый видъ,
 А смѣхъ твой, и грустный и звонкій,
 Съ тѣхъ поръ въ моемъ сердцѣ звучить.
 Въ часы одинокіе ночи
 Люблю я, усталый, прилечь,
 Я вижу печальныя очи,
 Я слышу веселую рѣчь.
 И грустно я такъ засыпаю,
 И въ грезахъ невѣдомыхъ сплю...
 Люблю ли тебя, я не знаю—
 Но кажется мнѣ, что люблю!

Неопредѣленность чувствъ и положенія длилась нѣсколько лѣтъ съ обѣихъ сторонъ.

Но какъ только до С. А. дошла вѣсть объ опасномъ оборотѣ, который приняла болѣзнь Толстого, она пренебрегла всѣми свѣтскими приличіями и отправилась ухаживать за дорогимъ больнымъ, котораго и отстояла своимъ самоотверженнымъ уходомъ.

Теперь любящіе уже болѣе не разставались, и черезъ два года, получивъ разводъ, С. А. стала женою Толстого. Поэту пришлось выдержать сильную борьбу съ матерью, которая была скандализована поступкомъ отступницы отъ свѣтскихъ приличій. Она хотѣла помѣшать браку, какъ помѣшала нѣкогда намѣренію Толстого жениться на Мещерской. Но на этотъ разъ она столкнулась съ чувствомъ рѣшительнымъ, да и въ лицѣ умной, энергичной и горячо любившей претендентки на сердце ея сына она встрѣтила противницу не по силамъ.

Женитьба Толстого принадлежитъ къ счастливѣйшимъ событіямъ его жизни. Въ лицѣ Софьи Андреевны онъ нашелъ не только жену, но и достойнаго товарища, съ критическимъ чутьемъ и съ серьезными умственными запросами. Если жена Пушкина толкала своего мужа въ пустоту великосвѣтской суеты, то Софья Андреевна, напротивъ того, всецѣло сочувствовала стремленію своего мужа отдаться исключительно поэзіи. Новой, чрезвычайно глубокой привязанности своей Толстой остался вѣренъ навсегда, и письма къ женѣ, относящіяся къ послѣднимъ годамъ его жизни, дышатъ такою же нѣжностью, какъ и въ первые годы этого счастливаго брака.

Во время коронаціи 1856 г. Александръ II назначилъ друга своего дѣтства флигель-адъютантомъ. Но избѣгавшій всякой вообще карьеры Толстой еще менѣе того былъ расположенъ къ карьерѣ военной и прямо просилъ государя освободить его отъ флигель-адъютанства.

Императоръ Александръ II былъ очень непріятно удивленъ этимъ, но все-таки не измѣнилъ добраго своего отношенія къ Толстому. Ему дали придворный чинъ егермейстера, и въ этомъ номинальномъ званіи, не неся никакой службы, онъ оставался до самой смерти. Только короткое время онъ былъ въ концѣ 50-хъ годовъ членомъ комитета о раскольникахъ.

Получивъ съ конца 50-хъ годовъ серьезную литературную извѣстность, Толстой всецѣло отдался теперь заботамъ о своей литературной дѣятельности и постановкѣ въ Россіи и за границей своихъ трагедій. Со середины 60-хъ гг. его нѣкогда богатское здоровье—онъ разгибалъ подковы и свертывалъ винтообразно зубы вилкою пальцами—пошатнулось. Жилъ онъ по-

этому большею частью за границу, лѣтомъ на разныхъ курортахъ, зимою въ Италіи и южной Франціи. Но подолгу живаль онъ также и въ своихъ русскихъ имѣніяхъ: Пустынькѣ (возлѣ ст. Саблино, подѣ Петербургомъ) и излюбленномъ Красномъ Рогѣ, гдѣ онъ и умеръ 28 сентября 1875 г.

III.

Въ личной жизни своей Алексѣй Толстой представлялъ собою рѣдкій примѣръ человѣка, который не только всячески уклонялся отъ шедшихъ ему навстрѣчу почестей, но который еще долженъ былъ выдержать крайне тягостную для него борьбу съ людьми, отъ души желавшими ему добра и предоставлявшими ему всяческія возможности выдвинуться и «блистать» въ свѣтѣ.

Толстой хотѣлъ быть «только» художникомъ. Въ первомъ крупномъ произведеніи своемъ—поэмѣ, посвященной душевной жизни царедворца-поэта Іоанна Дамаскина, Толстой говоритъ о своемъ героѣ:

Любимъ калифомъ Іоаннъ,
Ему, что день, почетъ и ласка

и это была черта автобіографическая.

Въ поэмѣ Іоаннъ Дамаскинъ обращается къ калифу со страстною мольбою:

Простымъ рожденъ я быть пѣвцомъ,
Глаголомъ вольнымъ Бога славить.
Въ толпѣ вельможъ всегда одинъ,
Мученья полонъ я и скуки;
Среди пировъ, въ главѣ дружинъ,
Иные слышатся мнѣ звуки.
Неодолимый ихъ призывъ
Къ себѣ влечетъ меня все болѣ—
О, отпусти меня, калифъ,
Дозволь дышать и пѣть на волѣ!

Съ совершенно такими же, въ буквальномъ смыслѣ слова, мольбами встрѣчаемся мы и въ перепискѣ Толстого. Истинное страданіе слышится въ его постоянныхъ отрещиваніяхъ отъ крупнѣйшей придворной карьеры. Необыкновенно мягкій и нѣжный, онъ долженъ былъ собрать весь запасъ своей энергіи, чтобы отказаться отъ близости къ государю, которому, когда Толстой заболѣлъ подѣ Одессой, по нѣскольку разъ въ день телеграфировали о состояніи его здоровья.

Одно время Толстой, впрочемъ, поколебался-было. Ему показалось привлекательнымъ быть при государѣ, какъ онъ выразился въ письмѣ къ нему, «безстрашнымъ сказателемъ правды»

Но изъ этой мечты его ничего не вышло. А просто придворнымъ Толстой не хотѣлъ быть ни въ какомъ случаѣ.

IV.

Начавъ «марать бумагу» шести лѣтъ отъ роду, Алексѣй Толстой, подъ псевдонимомъ *Краснорогскій*, выступилъ въ печати въ 1841 г. съ отдѣльно-изданной повѣстью «Упырь». Впослѣдствіи онъ не придавалъ ей никакого значенія и не включалъ въ собраніе своихъ сочиненій. Лишь въ 1900 г. повѣсть издана подъ редакціей личнаго друга семьи Толстого, Владиміра Соловьева. Это фантастика въ стилѣ Гофмана и дяди-воспитателя Толстого, Перовскаго-Погорѣльскаго. Великій литературный прозорливецъ Бѣлинскій увидѣлъ сразу задатки таланта въ неизвѣстномъ дебютантѣ и встрѣтилъ «Уныря» очень привѣтливо.

Длинный промежутокъ времени отдѣляетъ первое, мимолетное появленіе Толстого въ печати отъ дѣйствительнаго начала его литературной карьеры, которое относится къ 1854 г., когда онъ выступилъ въ «Современникѣ» съ рядомъ стихотвореній («Колокольчики мои», «Ой, стоги» и др.). Примкнувъ ненадолго къ кружку «Современника», Толстой принялъ также участіе въ составленіи цикла юмористическихъ стихотвореній-шутокъ, появившихся въ «Современникѣ» 1854 года подъ знаменитымъ псевдонимомъ *Кузьмы Пруткова*. Какъ извѣстно, Кузьма Прутковъ—лицо коллективное. Главными претендентами на славу Кузьмы Пруткова являются двоюродные братья Толстого—Алексѣй и Владиміръ Жемчужниковы. Чтò въ Кузьмѣ Прутковѣ принадлежитъ именно Толстому—опредѣлить трудно.

Юмористическая жилка была очень сильна въ Алексѣѣ Толстомъ. Онъ обладалъ даромъ весьма тонкой, хотя и вполне добродушной насмѣшки, и многія изъ лучшихъ и наиболѣе извѣстныхъ его стихотвореній обязаны своимъ успѣхомъ именно тонкой и добродушной ироніи, въ нихъ разлитой. Таковы знаменитыя стилизаціи московской старины «Спесь» и «У приказныхъ воротъ». Юмористически-сатирическія выходки Алексѣя Толстого противъ идей 60-хъ годовъ («Порой веселой мая», «Потокъ-богатырь» и др.) сыграли очень замѣтную роль въ исторіи его литературной карьеры, поссоривъ его съ критикой радикальнаго лагеря. Очень замѣтную роль занимаютъ также юмористическіе пассажи въ циклѣ толстовскихъ обработокъ былинныхъ сюжетовъ.

И наконецъ та же юмористическая жилка сдѣлала Толстого однимъ изъ очень замѣтныхъ вкладчиковъ литературы | потаен-

ной и зарубежной. Никогда не стѣсняясь въ своихъ юмористическихкихъ выходкахъ посторонними соображеніями, этотъ «консервативный» поэтъ написалъ нѣсколько политически-сатирическихкихъ поэмъ, которыя десятки лѣтъ ходили по рукамъ только въ рукописныхъ спискахъ.

Въ собраніе его сочиненій онѣ впервые попадаютъ только въ настоящемъ изданіи. Неоднократно напечатанныя за границу, сатирическія поэмы Толстого въ Россіи могли появиться только на страницахъ такого нераспространеннаго въ большой публикѣ журнала, какъ «Рус. Старина». Еще въ началѣ 1900-хъ гг. цензура не пропускала ихъ даже въ спеціальныя сборники образцовъ русской поэзіи.

Въ ряду юмористическихкихъ поэмъ Алексѣя Толстого особенною извѣстностью пользуются «Очеркъ русской исторіи отъ Гостомысла до Тимашева» и «Сонъ Попова». Первая изъ нихъ представляетъ собою обзоръ почти всѣхъ главныхъ событій исторіи Россіи, съ неизмѣннымъ припѣвомъ:

Порядка только нѣтъ.

Поэма написана въ намѣренно - вульгарномъ тонѣ, что не мѣшаетъ многимъ характеристикамъ быть очень тонкими. Превосходны строфы, посвященныя Екатеринѣ II:

«Madame, при васъ на диво
Порядокъ процвѣтеть»,
Писали ей учтиво
Вольтеръ и Дидеротъ.
«Лишь надобно народу,
Которому вы мать,
Скорѣе дать свободу,
Скорѣй свободу дать».
Она имъ возразила:
«Messieurs, vous me comblez»—
И тотчасъ прикрѣпила
Украинцевъ къ землѣ.

«Сонъ статскаго совѣтника Попова» облеченъ въ очень забавную форму: Попову снится, что онъ явился къ министру на приемъ безъ панталонъ, министръ усматриваетъ въ этомъ разговорѣ, Попова отправляютъ въ III отдѣленіе, гдѣ съ него снимаютъ строгій допросъ, требуютъ указанія «свообщниковъ», перепуганный Поповъ называетъ всѣхъ своихъ друзей, знакомыхъ и т. д. При всей безобидности шутки, въ стихахъ сквозитъ истинное презрѣніе къ сыскному вѣдомству.

Написанныя въ народномъ стилѣ стихотворенія, съ которыми поэтъ впервые выступилъ предъ публикой «толстыхъ» журна-

ловъ середины 50-хъ годовъ, особенно понравились московскому славянофильскому кружку, и въ ихъ органѣ «Рус. Бесѣда» появились двѣ его поэмы: «Грѣшница» (1858) и «Іоаннъ Дамаскинъ» (1859). Съ прекращеніемъ «Рус. Бесѣды» Толстой сотрудничалъ въ катковскомъ «Рус. Вѣстникѣ», гдѣ были напечатаны драматическая поэма «Донъ-Жуанъ» (1862), историческій романъ «Князь Серебряный» и рядъ лирическихъ и сатирическихъ стихотвореній, вышучивавшихъ, въ архаическомъ стилѣ, матеріализмъ 60-хъ годовъ.

Въ «Отеч. Зап.» 1866 г. была напечатана первая часть драматической трилогіи Толстого—«Смерть Іоанна Грознаго», которая въ 1867 г. была блестяще поставлена въ Петербургѣ на сценѣ Александринскаго театра. Трагедія имѣла крупнѣйшій успѣхъ.

Въ слѣдующемъ 1868 году трагедія въ прекрасномъ нѣмецкомъ переводѣ извѣстной Каролины Павловой, одинаково владѣвшей и русскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, была поставлена на придворномъ театрѣ великаго герцога Веймарскаго, личнаго друга Толстого. И въ Веймарѣ трагедія имѣла большой успѣхъ.

Съ преобразованіемъ въ 1868 г. «Вѣст. Европы» въ общелитературный журналъ, Толстой становится его дѣятельнымъ сотрудникомъ. Здѣсь, кромѣ ряда былинъ и другихъ стихотвореній, были помѣщены остальные двѣ части трилогіи—«Царь Ѳедоръ Іоанновичъ» (1868) и «Царь Борисъ» (1870), стихотворная автобиографическая повѣсть «Портретъ» (1874) и написанный въ дантовскомъ стилѣ рассказъ въ стихахъ «Драконъ». Уже послѣ смерти Толстого были напечатаны неоконченная историческая драма «Посадникъ» и разныя небольшія стихотворенія.

У.

Распредѣляя литературное наслѣдіе Алексѣя Толстого, мы должны начать съ «Князя Серебрянаго». Это едва ли не самое популярное изъ всего, что написано Толстымъ, и несомнѣнно, что роману предстоитъ и впредь еще долгая жизнь среди широкихъ слоевъ читающей публики и юношества. «Князь Серебряный», кромѣ того, послужилъ также сюжетомъ для множества передѣлокъ въ пьесы народнаго репертуара и далъ тему для множества широко-распространенныхъ народныхъ картинъ.

Причина такой большой популярности романа—доступность его эффектовъ и занимательность. Начатый въ сороковыхъ годахъ, когда русскій романъ еще не зналъ детальной психологической разработки, «Князь Серебряный» написанъ схематично.

Интрига и рассказ ведутся почти въ сказочномъ стилѣ. За исключеніемъ Грознаго, фигуры дѣйствующихъ лицъ созданы по тѣмъ историческимъ приѣмамъ, которые установились въ прежнемъ историческомъ романѣ нашемъ для изображенія древне-русской жизни. Считалось, что жизнь въ старину всегда шла величаво и торжественно, какъ она изображена въ пѣсняхъ и былинахъ. Даже такой геніальный поэтъ, какъ Лермонтовъ, въ «Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ» только со стороны этой навѣянной эпосомъ и народной лирикой величавой простоты и освѣтилъ старину. Общимъ эпическимъ тономъ своимъ «Князь Серебряный» сильно напоминаетъ лермонтовскую «Пѣснь», хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ приложилъ очень много стараній къ тому, чтобы быть археологически точнымъ въ деталяхъ.

Съ художественно-психологической стороны лучше всего удалась Толстому фигура Грознаго. Безграничное негодованіе, которое овладѣваетъ авторомъ каждый разъ, когда онъ говоритъ о неистовствахъ Грознаго, даетъ ему художественную инициативу порвать съ тѣмъ условнымъ умиленіемъ передъ древне-русскою жизнью, которымъ полны были наши историческіе романы 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Чтобы установить правильную точку зрѣнія на «Князя Серебрянаго», мы должны перенестись въ ту эпоху русскаго историческаго романа, когда корифеями его были Лажечниковъ и Загоскинъ, и тогда мы увидимъ, что «Князь Серебряный» представляетъ собою крупный шагъ впередъ.

VI.

Какъ поэтъ, Толстой примыкалъ къ той послѣ-пушкинской плеядѣ, которая охотнѣе всего называла себя выразительницею идеи «чистой красоты». Онъ поэтической сверстникъ и единомышленникъ Майкова, Полонскаго и Фета.

Въ сферѣ лирики Толстому, вполне соотвѣтственно его мягкому темпераменту, лучше всего удавалась легкая, граціозная грусть. Пѣвецъ нарядной красоты, Толстой сохраняетъ ее и въ самыхъ интимныхъ лирическихъ изліяніяхъ своихъ.

Гораздо сильнѣе лирики Толстого захватываютъ читателя его поэмы. Опредѣленную же поэтическую фізіономію Алексѣю Толстому даютъ обработки былинныхъ сюжетовъ и древне-русской старины.

Въ своихъ поэмахъ Толстой является поэтомъ описательнымъ по преимуществу. Созданный романтизмомъ 30-хъ годовъ колоритный тонъ поэмъ, сосредоточивающійся на эффектныхъ внѣшнихъ положеніяхъ, мало касающійся психологіи дѣйствующихъ

лицъ, отразился и на творествѣ Толстого. Такъ, извѣстная поэма его «Грѣшница», вдохновившая тоже сосредоточивавшаго свой талантъ на внѣшнемъ блескѣ Семирадскаго, обрывается какъ разъ тамъ, гдѣ начинается перерожденіе недавней блудницы. О «Драконѣ» Тургеневъ выразился въ своемъ некрологѣ, что Толстой здѣсь «достигаетъ почти дантовской образности и силы». И дѣйствительно, дантовскій стиль строго выдержанъ въ описаніяхъ.

Изъ поэмъ Толстого интересъ психологическій представляетъ собою «Іоаннъ Дамаскинъ». Она задумана очень интересно: вдохновенный пѣвецъ удалился въ монастырь отъ блеска двора, для того чтобы отдаться внутренней духовной жизни своей. Суровый и высокочтимый имъ игумень, подъ начало котораго онъ поступилъ, запретилъ пѣвцу, въ цѣляхъ смиренія внутренней гордыни и полного самоотреченія, предаваться поэтическому творчеству. Положеніе высоко-трагическое, которое могло кончиться для пѣвца чѣмъ-нибудь очень сильнымъ: Дамаскинъ могъ возмутиться и отпасть отъ церкви, или подчиниться и нравственно умереть, тая въ себѣ глухой протестъ противъ суровости аскетизма. Но, взявъ изъ жизни собственнаго сердца основной мотивъ поэмы, Алексѣй Толстой въ собственной же мягкой и чуждой мятежности натурѣ нашелъ исходъ изъ страшнаго положенія Дамаскина. Поэма заканчивается компромиссомъ: игумену является видѣніе, послѣ котораго онъ разрѣшаетъ Дамаскину продолжать слагать пѣснопѣнія.

Все же ярче сказалась поэтическая индивидуальность Толстого въ его историческихъ балладахъ и обработкахъ былинныхъ сюжетовъ. Изъ нихъ наибольшую извѣстностью справедливо пользуется вошедшій во все хрестоматіи «Василій Шибановъ». По яркости, концентрированности эффектовъ и сильному языку — это безусловно одно изъ лучшихъ произведеній Толстого.

О стихотвореніяхъ въ старо-русскомъ стилѣ Толстой совершенно вѣрно писалъ Ивану Аксакову:

Судя меня довольно строго,
Въ моихъ стихахъ находишь ты,
Что въ нихъ торжественности много
И слишкомъ мало простоты..

Основная черта ихъ — чрезвычайная нарядность. Это та же картинно-опоэтизированная парадная старина «Князя Серебрянаго». Такъ, грубый герой подлинныхъ былинъ, Алеша-Поповичъ, съ глазами завидующими и руками загребущими, въ толстовской переработкѣ галантно катается въ лодочкѣ съ полоненной имъ царевной и нѣжно напѣваетъ ей:

«...Сдайся, дѣвица-душа!
Я люблю тебя, царевна,
Я хочу тебя добыть,
Вольной волей иль неволей
Ты должна меня любить». —
Онъ весло свое бросаетъ,
Гусли звонкія беретъ —
Дивнымъ пѣніемъ дрожащій
Огласился очереть...

Къ парадному стилю толстовскихъ былинныхъ переработокъ слѣдуетъ подойти съ той точки зрѣнія, что виды красоты чрезвычайно разнообразны, и всякая красота—настоящая, если въ основѣ ея лежитъ цѣльность и стильность. А этой стильности въ нарядномъ архаизмѣ Толстого очень много. Эта красота несомнѣнно условная, но это все-таки красота настоящая, отливающая всѣмъ блескомъ красокъ. Вотъ почему односторонни указанія тѣхъ критиковъ, которые называли Толстого поэтомъ салоннымъ. Ошибка ихъ въ томъ, что они въ «салонности» Толстого видѣли какую-то тенденціозную, аристократическую преднамѣренность. Въ дѣйствительности это было въ немъ вполне естественно и потому удовлетворяетъ главному требованію отъ всякаго истинно-художественнаго произведенія—*искренности* творчества.

VII.

Какъ бы предчувствуя свою близкую кончину и подводя итогъ всей своей литературной дѣятельности, Толстой осенью 1875 г. написалъ стихотвореніе: «Прозрачныхъ облаковъ спокойное движеніе», гдѣ, между прочимъ, говорить о себѣ:

Всему насталь конецъ, прими-жь его и ты,
Пѣвецъ, державшій стягъ во имя красоты.

Это самоопредѣленіе, слѣдовательно, почти совпадаетъ съ тѣмъ, что говорили о немъ критики, называвшіе его поэзію типичною представительницею «искусства для искусства».

И тѣмъ не менѣе зачисленіе Толстого исключительно въ разрядъ представителей «искусства для искусства» можно принять только съ значительными оговорками.

Такъ, если мы обратимся къ тѣмъ самымъ стихотвореніямъ на древне-русскіе сюжеты, въ которыхъ всего сильнѣе сказана его поэтическая индивидуальность, то мы увидимъ, что здѣсь водружецъ далеко не одинъ «стягъ красоты». Тутъ же выражены и политическіе идеалы Толстого.

Самъ Толстой, въ перепискѣ, называетъ себя рѣшительнѣйшимъ

западникомъ. Но общеніе и дружба съ московскими славянофилами, несомнѣнно, наложили на него яркую печать. Такъ, въ аксаковскомъ «Днѣ» было напечатано нашумѣвшее въ свое время стихотвореніе: «Государь ты нашъ батюшка», гдѣ въ излюбленной имъ юмористической формѣ Толстой изображаетъ петровскую реформу, какъ «кашицу», которую «государь Петръ Алексѣевичъ» варитъ изъ добытой «за моремъ» крупы (своя якобы «сорная»), а мѣшаетъ «палкою»; кашлица «крутенька» и «солона», расхлебывать ее будутъ «дѣтушки».

Въ старой Руси Алексѣя Толстого привлекаетъ однако не московскій періодъ, омраченный тиранствомъ Грознаго, а Русь кievская, вѣчевая. Когда Потокъ-богатырь, проснувшись послѣ пятивѣкового сна, видитъ раболѣпіе толпы предъ царемъ, онъ «удивляется притчѣ» такой:

Если князь онъ, иль царь напоследокъ,
Что-жь метутъ они землю предъ нимъ бородой?
Мы честили князей, но не этакъ.
Да и полно, ужъ вправду ли я на Руси?
Отъ земного насъ Бога, Господь, упаси!
Намъ писаніемъ вѣдно строго
Признавать лишъ небеснаго Бога!

Вотъ почему «пытаетъ у встрѣчнаго онъ молодца: гдѣ здѣсь, дядя, собирается вѣче?» Въ «Змѣѣ Тугаринѣ» самъ Владиміръ провозглашаетъ такой тостъ:

За древнее русское вѣче,
За вольный, за честный славянскій народъ,
За колоколь пью Новограда,
И если онъ даже и въ прахъ упадетъ,
Пусть звонъ его въ сердцѣ потомковъ живетъ.

VIII

Съ такими опредѣленными идеалами, мало отзывающимися «консерватизмомъ», Толстой тѣмъ не менѣе былъ въ срединѣ 60-хъ гг. зачисленъ въ одинъ разрядъ съ писателями откровенно-ретроградными.

Произошло это оттого, что, оставивъ «стягъ красоты», Толстой вздумалъ броситься въ борьбу общественныхъ теченій и весьма чувствительно сталъ задѣвать «дѣтей» базаровскаго типа.

Не нравились они ему главнымъ образомъ потому, что—

Они звона не терпятъ гусларнаго,
Подавай имъ товара базарнаго!
Все, чего имъ не взвѣсить, не смѣрять,
Все кричатъ они, до пох⁴р⁴ити!

На борьбу съ этимъ «ученьемъ грязноватымъ» Толстой призы-
валъ «Пантелея-цѣлителя»:

И на этихъ людей,
Государь Пантелей,
Палки ты не жалѣй
Суковатыя.

И вотъ онъ самъ выступаетъ въ роли Пантелея-цѣлителя,
начинаетъ «помахивать палкою суковатою», сердито высмѣивая
«матерьялистовъ»,

У коихъ трубочисты
Суть выше Рафаэля,

которые цвѣты въ садахъ хотятъ замѣнить рѣпой, соловьевъ
«скорѣе истребить за бесполезность», роши обратить въ мѣста,

Гдѣ-бъ жирныя говяда
Кормились на жаркое,—и т. д.

Подводя рѣшительно все движеніе 60-хъ гг. (не дѣлается при
этомъ даже исключенія для мирнаго земства) подъ понятіе о
«россійской коммунѣ», Толстой полагаетъ, что ея приверженцы
все хотятъ «загадить для общаго блаженства», что

Чужимъ они, о Лада,
Немногое считаютъ,
Когда чего имъ надо,
То ташутъ и хватаютъ.
Толпы ихъ всѣ грызутся,
Лишь свой откроютъ форумъ,
И порознь всѣ клянутся
In verba вожакорумъ.
Въ одномъ согласны всѣ лишь:
Коль у другихъ имѣнье
Отымешь да раздѣлишь,
Начнется вождедѣнье.

Справиться съ ними въ сущности не трудно:

Чтобъ русская держава
Спаслась отъ ихъ затѣи,
Повѣсить Станислава
Всѣмъ вожакамъ на шею.

Нечего удивляться, что это вызвало враждебное отношеніе къ
Толстому, и онъ вскорѣ почувствовалъ себя въ положеніи писа-
теля, затравленнаго критикою. Конечно, это не могло сколько-
нибудь существенно повліять на общій характеръ его литера-
турной дѣятельности, но все же онъ сталъ выбирать для отпора
«крику оглушительному»—

Сдайтесь, пѣвцы и художники!
Кстати ли вымыслы ваши
Въ вѣкъ нашъ положительный!

менѣе рѣзкую форму: онъ просто взывалъ теперь къ своимъ единомышленникамъ: —

Дружно гребите, во имя прекраснаго, противъ теченія,
убѣжденный, что

Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное

Какъ ни характерна сама по себѣ борьба, въ которую вступилъ поэтъ, считавшій себя исключительно «пѣвцомъ красоты», не слѣдуетъ однако преувеличивать ея значеніе и, подобно нѣкоторымъ критикамъ, называть Толстого «поэтомъ-бойцомъ». Въ общемъ незначительное количество «боевыхъ» стихотвореній Толстого дѣлаетъ этотъ эпитетъ совершенно несоотвѣтствующимъ дѣйствительности. Гораздо ближе къ истинѣ то, что онъ самъ сказалъ о себѣ:

Двухъ становъ не боець, но только гость случайный,
За правду я бы радъ поднять мой добрый мечъ,
Но споръ съ обоими—досель мой жребій тайный,
И къ клятвѣ ни одинъ не могъ меня привлечь.

IX.

Въ ряды первоклассныхъ литературныхъ дѣятелей Алексѣй Толстой вступаетъ въ сферѣ русской исторической драмы. Тутъ ему принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ, и уступаетъ онъ только одному Пушкину.

Говоря о значеніи Толстого какъ драматурга, надо имѣть въ виду главнымъ образомъ его трилогію.

Изъ драмъ этой трилогіи по извѣстности долго занимала первенствующее мѣсто «Смерть Іоанна Грознаго».

Это объясняется прежде всего тѣмъ, что до недавняго времени она только одна и ставилась на сцену. А сценическая постановка трагедій Толстого, о которой онъ и самъ такъ заботился, написавъ специальное наставленіе для нея, имѣетъ, при любви Толстого къ внѣшнимъ эффектамъ, чрезвычайно большое значеніе для репутаціи его пьесъ. Сцена, напр., гдѣ къ внезапно умирающему Іоанну, въ исполненіе только-что отданнаго имъ приказа, съ гикомъ и свистомъ врывается толпа екомороховъ, конечно, при чтеніи не производитъ и десятой доли того впечатлѣнія, какъ на сценѣ.

Другая причина того, что еще лѣтъ 10 тому назадъ «Смерть Іоанна Грознаго» изъ всей трилогіи пользовалась наибольшею популярностью, заключается въ томъ, что, по своему времени, это была первая попытка вывести на сцену русскаго царя не въ обычныхъ до того рамкахъ легендарнаго величія, а въ реаль-

ныхъ очертаніяхъ живой человѣческой личности. По мѣрѣ того какъ этотъ интересъ новизны пропадалъ, уменьшался и интересъ къ «Смерти Іоанна Грознаго», которая теперь ставится рѣдко и вообще уступила первенство «Федору Іоанновичу».

Непреходящимъ достоинствомъ трагедіи, помимо очень колоритныхъ подробностей и сильнаго языка, является ея архитектуроника, чрезвычайная стройность въ развитіи дѣйствія. Въ ней нѣтъ ни одного лишняго слова, все направлено къ одной цѣли, выраженной уже въ заглавіи пьесы. Смерть Іоанна носится надъ пьесой съ перваго же момента, и всякая мелочь ее подготавливаетъ, настраивая мысль читателя и зрителя въ одномъ направленіи. вмѣстѣ съ тѣмъ каждая сцена обрисовываетъ предъ нами Іоанна съ какой-нибудь новой стороны, и мы узнаемъ его во всей совокупности его духовной личности: и какъ государственнаго человѣка, и какъ мужа, и какъ отца, и со всѣхъ сторонъ его характера, въ которомъ основу составляетъ крайняя нервность, быстрая смѣна впечатлѣній, переходы отъ подъема духа къ упадку.

Вѣнцомъ трилогіи является срединная ея драма — «Царь Федоръ Іоанновичъ».

Драму «Царь Федоръ Іоанновичъ» постигла чрезвычайно замѣчательная судьба. Ее мало замѣтили при появленіи, мало читали потомъ, мало комментировали, но вотъ въ концѣ 1890-хъ гг. было снято запрещеніе ставить пьесу на сцену. Ее поставили сначала въ придворно-аристократическихъ кружкахъ, затѣмъ на сценѣ петербургскаго Малаго театра, а затѣмъ пьеса обошла всю провинцію. Успѣхъ былъ совершенно небывалый въ лѣтописяхъ русскаго театра. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ ежедневныя представленія собирали биткомъ набитую залу.

Въ этомъ успѣхѣ нельзя никакъ обойти имени актера Орленева, создавшаго роль Федора Іоанновича. До такой степени велико было участіе его въ такъ внезапно и интенсивно создавшейся славѣ пьесы, что многіе главнымъ образомъ его удивительной игрѣ и приписывали весь успѣхъ.

Но вотъ пьеса пошла въ провинцію, и всюду нашлись «свои Орленевы» и кое-гдѣ даже лучшіе. Дѣло, значитъ, не въ актерѣ, а въ томъ замѣчательно-благодарномъ матеріалѣ, который дается трагедію.

Теперь, когда мы имѣемъ достаточно матеріала, чтобы судить объ интимной жизни Толстого, не будетъ смѣлою гипотезою привести въ связь мастерскую обработку характера Федора Іоанновича съ личностью автора. Поскольку въ «Донъ-Жуанѣ» чувствуется полная противоположность между психологіею автора

и страстнымъ темпераментомъ героя, постольку въ «Федоръ Иоанновичъ» родственность душевныхъ настроеній внесла чрезвычайную теплоту въ изображеніе, казалось, столь безвольнаго юноши-царя. Психологія отказа отъ блеска, желаніе уйти въ себя такъ знакомы были Толстому, безконечно-нѣжное чувство Федора Иоанновича къ Иринѣ такъ близко напоминаетъ собственныя его чувства къ женѣ...

И вотъ на этой родственной почвѣ Толстой съ полною творческою самобытностью понялъ по-своему совсѣмъ иначе освѣщеннаго исторіею Федора. Понялъ, что это отнюдь не слабоумный, лишенный внутренней духовной жизни человѣкъ, что въ немъ есть залежи благороднѣйшей душевной инициативы и запасы огромной духовной силы, которые могутъ дать ослѣпительныя вспышки.

Эта способность дать ослѣпительную вспышку и составляетъ основу характера Федора Иоанновича въ изображеніи Толстого и проведена съ удивительною художественною силою. Не только въ русской литературѣ, но и во всемірной мало счесть, равныхъ, по потрясающему впечатлѣнію, тому мѣсту трагедіи, гдѣ Федоръ спрашиваетъ Бориса, сначала сопротивляющагося, но затѣмъ совершенно ошеломленнаго неожиданнымъ превращеніемъ малоумнаго зятя своего въ грознаго самодержца: «царь я или не царь?» Помимо совершенной оригинальности, силы и яркости, эта сцена до такой степени свободна отъ условій мѣста и времени, до такой степени взята изъ тайниковъ общечеловѣческой души, что можетъ стать достояніемъ всякой литературы. Толстовскій Федоръ Иоанновичъ—несомнѣнно одинъ изъ міровыхъ типовъ, созданный изъ непреходящихъ элементовъ чело-вѣческой психологіи.

С. Венгеровъ.

Литературная исповѣдь.

(Письмо къ проф. Анджело Де-Губернатису, во Флоренціи).

Ментона. 4-го марта 1874.
Вилла «Parc Tranquille».

Любезнѣйшій Д. Г., моя постоянная невралгія въ головѣ и удушье, оставляющія меня въ покоѣ рѣдко и ненадолго, мѣшали мнѣ до этой минуты поблагодарить васъ за присылку вашей драмы и за ваше дружеское намѣреніе говорить обо мнѣ на публичномъ чтеніи. Моя жена и я, мы читали вмѣстѣ *Romolo* и восхищались и вашимъ новымъ литературнымъ приѣмомъ, и добросовѣстною эрудиціею, и поэтической формою драмы. Съ своей стороны прибавлю, что хотя я вообще не партизанъ символизма въ поэзіи, но все же дѣлаю исключеніе для вашего *Romolo*, ради большой искренности вашихъ идей и той оригинальной окраски, какую вы умѣли имъ придать. Въ своемъ письмѣ къ моей женѣ вы просите біографическихъ подробностей относительно моего литературнаго поприща. Она вамъ писала на это, но и я, съ своей стороны, хотѣлъ бы доставить вамъ свою исповѣдь, полную по возможности: пусть это послужитъ вамъ доказательствомъ, насколько я признателенъ вамъ за ваше вниманіе и какъ я цѣню то, чтобы человекъ, подобный вамъ, имѣлъ обо мнѣ свѣдѣнія. Не пеняйте поэтому на меня, если такое желаніе сдѣлаетъ меня многословнымъ. Вы можете остановиться на томъ, что вамъ понравится, а за остальное вы меня простите во имя величайшаго моего довѣрія къ вамъ. Итакъ, я начинаю.

Я родился въ Петербургѣ въ 1817 г. (24 августа), но еще шестинедѣльнымъ меня увезли въ Малороссію мать и мой дядя съ материнской стороны, Алексѣй (Алексѣевичъ) Перовскій

впослѣдствіи попечитель харьковскаго университета, извѣстный въ русской литературѣ подъ псевдонимомъ Антона Погорѣльскаго. Онъ меня воспиталъ, и первые мои годы прошли въ его имѣніи, почему я смотрю на Малороссію, какъ на мою истинную родину. Мое дѣтство было чрезвычайно счастливо и оставило во мнѣ одни свѣтлыя воспоминанія. Бывъ единственнымъ сыномъ, не имѣвъ товарища игръ и одаренный пылкимъ воображеніемъ, я очень рано привыкъ къ мечтательности, которая вскорѣ превратилась въ рѣшительную склонность къ поэзіи. Мѣстная природа, среди которой я жилъ, много тому содѣйствовала; воздухъ и видъ нашихъ большихъ лѣсовъ, страстно любимыхъ мною, оставляли во мнѣ глубокое впечатлѣніе, имѣвшее вліяніе на мой характеръ и жизнь и не изгладившееся до сей поры. Мое воспитаніе попрежнему продолжалось дома. Восьми или девяти лѣтъ я поѣхалъ съ моими родными въ Петербургъ, гдѣ я былъ представленъ цесаревичу, нынѣ (1874 г.) русскому императору, и допущенъ въ число дѣтей, составлявшихъ его воскресное общество. Съ того времени благосклонность его ко мнѣ никогда не оставляла меня. Въ слѣдующемъ году я отправился съ матерью и дядей въ Германію. Однажды, во время пребыванія нашего въ Веймарѣ, дядя свелъ меня къ Гѣте, къ которому я инстинктивно проникся величайшимъ почтеніемъ, благодаря тому, что я слышалъ, какъ говорили о немъ. Отъ этого посѣщенія у меня сохранились въ памяти величественныя черты Гѣте и еще то, что я у него сидѣлъ на колѣняхъ. Съ того времени и до 17-ти-лѣтняго возраста, когда я выдержалъ выпускной экзаменъ въ московскомъ университетѣ, я безпрестанно путешествовалъ съ моими родными, то по Россіи, то за границей, но часто возвращался въ деревню, гдѣ провелъ свои первые годы, и никогда я не могъ вновь видѣть тѣхъ мѣстъ безъ особеннаго волненія. По смерти моего дяди, сдѣлавшаго меня своимъ наследникомъ, я былъ, въ 1836 г., по желанію матери, причисленъ къ русской миссіи при германскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ; позже я поступилъ во II-е отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи, гдѣ редактируются законы. Въ 1855 г. я записался въ число охотниковъ, образовавшихъ стрѣлковый полкъ Императорской Фамиліи, съ тѣмъ, чтобы отправиться въ крымскую кампанію; но нашъ полкъ не имѣлъ случая быть въ дѣлѣ и достигъ только Одессы, гдѣ мы потеряли болѣе тысячи человекъ отъ тифа, заполу-

ченнаго также и мною. Императоръ Александръ II, во время коронаціи въ Москвѣ, изволилъ назначить меня своимъ флигель-адъютантомъ. Но такъ какъ я никогда не готовился быть военнымъ и имѣлъ намѣреніе оставить службу тотчасъ по окончаніи войны, то я и представилъ вскорѣ мои сомнѣнія его величеству, и государь императоръ принялъ мою просьбу съ обычной ему благосклонностью и назначилъ меня егермейстеромъ своего Двора, званіе, которое я сохраняю и до настоящаго времени. Вотъ исторія моей внѣшней жизни. Что же касается до исторіи моей души, то я постараюсь рассказать вамъ и ее, какъ сумѣю.

Съ шестилѣтняго возраста началъ я марасть бумагу и писать стихи—такъ поражено было мое воображеніе произведеніями нашихъ лучшихъ поэтовъ, найденными мною въ какомъ-то толстомъ сборникѣ, дурно напечатанномъ и плохо переплетенномъ въ грязную красную обертку. Внѣшность этой книги запечатлѣлась въ моей памяти и заставила бы биться сердце и нынѣ, если бы она мнѣ снова попадалась на глаза. Я таскалъ ее, бывало, съ собою всюду и прятался въ саду или въ лѣсу, чтобы, лежа подъ деревьями, изучать ее цѣлыми часами. Скоро я зналъ ее наизусть; я упивался музыкою разнообразныхъ ритмовъ и усваивалъ себѣ ихъ технику. Какъ ни были нелѣпы мои первые опыты, я долженъ сказать, что въ метрическомъ отношеніи они были безупречны. Я продолжалъ упражняться такимъ образомъ, совершенствуясь, насколько во мнѣ было силъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, и появился въ печати только въ 1842 (1841) г., когда я дебютировалъ не стихами, но нѣсколькими рассказами въ прозѣ. Въ 1855 (1854) г. я отдалъ для печати въ различные журналы въ первый разъ мои лирическія и эпическія стихотворенія, а позднѣе я помѣщалъ ихъ ежегодно въ «Вѣстникъ Европы» или въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Такъ какъ вы желали имѣть характеристику моей нравственной жизни, то я вамъ скажу, что, независимо отъ поэзіи, я всегда испытывалъ неодолимое влеченіе къ искусству вообще во всѣхъ его проявленіяхъ. Та или другая картина или статуя, или прекрасная музыка, производили на меня такое сильное впечатлѣніе, что у меня волосы буквально поднимались на головѣ. Мнѣ было тринадцать лѣтъ, когда я съ родными сдѣлалъ первое путешествіе въ Италію. Изобразить всю силу моихъ впечатлѣній и весь переворотъ, совершившійся во мнѣ, когда открылись душѣ моей

сокровища, о которыхъ я имѣлъ уже смутныя понятія, прежде нежели встрѣтилъ ихъ, было бы невозможно. Мы начали съ Венеціи, гдѣ мой дядя сдѣлалъ большія пріобрѣтенія въ старомъ дворцѣ Гримани. Между прочимъ имъ былъ купленъ бюстъ молодого фавна, приписываемый Микель-Анджело, — одна изъ великолѣпнѣйшихъ вещей, какія я только знаю; этотъ бюстъ находится теперь въ Петербургѣ и принадлежитъ графу Павлу (Сергѣевичу) Строганову. Когда статую перенесли въ нашъ отель, я не отходилъ отъ нея. Я вставалъ ночью посмотришь на нее, и мое воображеніе мучилось нелѣпнѣйшими страхами. Я задавалъ себѣ вопросъ, чтѣ мнѣ дѣлать, если вспыхнетъ пожаръ въ отелѣ, и дѣлалъ опыты, могу ли я, въ такомъ случаѣ, унести статую на своихъ рукахъ. Изъ Венеціи мы отправились въ Миланъ, Флоренцію, Римъ и Неаполь, и при каждомъ посѣщеніи мой восторгъ и любовь къ искусству возрастали; дѣло дошло до того, что, по возвращеніи въ Россію, я впалъ въ тоску по Италіи, въ настоящую «тоску по родинѣ», доходилъ до какого-то отчаянія, которое заставляло меня днемъ отказываться отъ пищи, а ночью рыдать, когда мои сны уносили меня въ мой потерянный рай. Подлѣ этой страсти къ Италіи вскорѣ началъ развиваться странный контрастъ, который съ перваго взгляда можетъ показаться противорѣчіемъ: это была страсть къ охотѣ. Съ двадцатаго года моей жизни она пріобрѣла надо мною силу, и я предавался ей съ такимъ жаромъ, что охотѣ посвящалось все мое свободное время. Въ ту пору я состоялъ при дворѣ императора Николая и велъ весьма свѣтскую жизнь, которая для меня была не безъ обаянія, но я часто ускользалъ отъ нея, чтобы пропадать цѣлыя недѣли въ лѣсахъ, иногда съ товарищемъ, но обыкновенно въ одиночку. Между записными охотниками я скоро пріобрѣлъ извѣстную репутацію за мою охоту на медвѣдей и лосей, и я, очертя голову, отдался стихіи, которая столь же мало согласовалась и съ моими артистическими инстинктами и съ моимъ официалнымъ положеніемъ; она даже не осталась безъ вліянія на колоритъ моей поэзіи. Мнѣ кажется, я обязанъ этой жизни охотника тѣмъ, что моя поэзія почти всегда писана въ мажорномъ тонѣ, между тѣмъ какъ мои соотечественники пѣли по бѣльшей части въ минорномъ. Я откладываю до дней моей старости описаніе многихъ трогательныхъ эпизодовъ этой жизни среди лѣсовъ, какую я велъ въ лучшіе годы моей жизни и отъ которой, благодаря моей настоящей болѣзни, быть-мо-

жетъ, я оторванъ навсегда. Теперь я ограничусь однимъ замѣчаніемъ: моя любовь къ нашей дикой природѣ отразилась на моей поэзи, быть-можетъ, почти столько же, сколько и чувство пластической красоты.

Что касается нравственнаго направленія моихъ произведеній, то я могу характеризовать его, съ одной стороны, отвращеніемъ къ произволу, съ другой—отвращеніемъ къ тому лже-либерализму, который желаетъ не низкое поднять до высокаго, а высокое опустить до низкаго. Я полагаю, впрочемъ, что это мое двойное отвращеніе собственно есть одно и то же чувство—ненависти къ произволу, въ какой бы формѣ онъ ни представлялся мнѣ. Я могу къ этому присоединить мое отвращеніе къ плоской доктринѣ объ утилитаризмѣ въ поэзи... Мое убѣжденіе таково, что миссія поэта состоитъ не въ томъ, чтобы принести людямъ барышъ или непосредственную выгоду,—поэзія должна возвышать ихъ нравственный уровень, внушая имъ любовь къ прекрасному, которая сумѣетъ сама найти себѣ примѣненіе, безъ того, чтобы ей нужна была та или другая поддержка.

Мое первое большое произведеніе—историческій романъ: *Князь Серебряный*. Оно имѣло три изданія; въ Россіи оно очень любимо, особенно средними классами. Его перевели на французскій, нѣмецкій, англійскій, польскій и итальянскій языки. Этотъ послѣдній переводъ, сдѣланный въ Веронѣ профессоромъ Патуцци, при помощи нашего соотечественника г. Задлера, появился три года тому назадъ въ миланскомъ журналѣ «Perseveranza». Онъ очень хорошъ и выполненъ весьма добросовѣстно. Затѣмъ я написалъ трилогію: *Борисъ Годуновъ*, въ трехъ отдѣльныхъ драмахъ; изъ нихъ первая, *Смерть Иоанна Грознаго*, давалась часто въ Петербургѣ и въ провинціи, гдѣ, впрочемъ, она теперь (1874) запрещена. Ее ставили на сцену въ Веймарѣ, и съ большимъ успѣхомъ, въ прекрасномъ переводѣ на нѣмецкій языкъ г-жи Павловой (Каролины Карловны). Есть также переводы этой драмы на французскій, англійскій и польскій. Вторая драма трилогіи, *Царь Федоръ* (переведенная на нѣмецкій и польскій), была запрещена для сцены еще со времени ея появленія въ печати. Изъ всего, что я написалъ въ стихахъ и въ прозѣ, это — самое лучшее, и на это обрушилось больше всего нападокъ въ печати. Здѣсь я только укажу на брошюру, которую я посвятилъ объясненію постановки на сцену этой драмы и гдѣ между прочимъ я опровергаю доводы, на основаніи которыхъ она

пошла въ театральный «Index». Третья часть трилогіи, *Царь Борисъ*, также не была допущена на сцену.

Есть еще одно собраніе моей лирической и эпической поэзіи, куда я присоединилъ драматическую поэму: *Донъ-Жуанъ*, переведенную на нѣмецкій языкъ г-жою Павловой. Со времени изданія этого сборника (1867) я напечаталъ много балладъ и лирическихъ стихотвореній, разбѣянныхъ главнымъ образомъ въ «Вѣстникъ Европы» и въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; я надѣюсь скоро составить изъ этого новый сборникъ...

Чтобы дать вамъ вкратцѣ понятіе о моемъ положеніи въ нашей литературѣ, я могу сказать, не безъ нѣкотораго удовольствія, что я преслѣдуемъ одними и любимъ другими. Еще курьезный фактъ:—между тѣмъ какъ одни считаютъ меня ретроградомъ, административныя власти видятъ во мнѣ чуть не революціонера.

Вотъ моя внутренняя и внѣшняя исторія. Я боюсь, что она вамъ покажется слишкомъ длинною, но зато я избавилъ васъ отъ рассказовъ о положеніи моего сердца, которое, если принять въ соображеніе степень моихъ страданій, играло немалую роль въ моей жизни и должно было отражаться и на моихъ сочиненіяхъ. Я полагаю, впрочемъ, что въ этомъ отношеніи я испыталъ участь общую всѣмъ поэтамъ. Я кончаю этимъ мое безконечное письмо... Да сохранить васъ всѣхъ Богъ! Вашъ отъ всего сердца

Алексѣй Толстой.

С. Д. В. Исударынь Императрицъ

Мари Александровнѣ.

Къ Твоимъ, Царица, я ногамъ
Несу и радость и печали,
Мечты, что сердце волновали,
Веселье съ грустью пополамъ.

Припомни день, когда Ты, долу
Склонясь задумчивой главой,
Внимала русскому глаголу
Своею русскою душой;

Я мыслилъ, тѣсни тѣ слагая,
Онъ невѣдомо замрутъ, —
Но Ты дала имъ, о, благая,
Свою защиту и пріютъ.

Встрѣчай же въ солнцѣ и въ лазури,
Царица, радостные дни
И насъ, тѣвцовъ, въ годину бури,
Въ Своихъ молитвахъ помяни!

1866 г.

ПОЭМЫ, ПОВѢСТИ, ДРАМЫ.

ЮАННЪ ДАМАСКИНЪ.

I.

Любимъ калифомъ Іоаннъ,—
Ему, что день, почетъ и ласка;
Къ дѣламъ правленія призванъ
Лишь онъ одинъ изъ христіанъ
Порабощеннаго Дамаска.
Его поставилъ властелинъ
И судъ рядить и править градомъ,
Онъ съ нимъ бесѣдуетъ одинъ,
Онъ съ нимъ сидитъ въ совѣтѣ рядомъ;
Окружены его дворцы
Благоуханными садами,
Лазурью блещутъ изразцы,
Убраны стѣны янтарями;
Въ полдневный зной приютъ и тѣнь
Даютъ навѣсы, шелкомъ ткани,
Въ узорныхъ баняхъ ночь и день
Шумятъ студеныя фонтаны.

Но отъ него бѣжить покой.
Онъ бродитъ сумраченъ; не той
Онъ прежде мнилъ идти дорогой;
Онъ счастливъ былъ бы и убогій,
Когда-бъ онъ могъ въ тиши лѣсной,
Въ глухой степи, въ уединенъи,
Двора волненіе забыть
И жизнь смиренно посвятить
Труду, молитвѣ, пѣснопѣнью.

И раздавался ужъ не разъ
Его краснорѣчивый гласъ
Противу ереси безумной,
Что на искусство поднялась

Грозой неистовой и шумной.
Упорно съ ней боролся онъ,
И отъ Дамаска до Царьграда
Былъ, какъ боецъ за честь иконъ
И какъ художества ограда,
Давно извѣстенъ и почтѣнъ.

Но шумъ и блескъ его тревожатъ,
Ужиться съ ними онъ не можетъ,
И, тяжкой думой обуянъ,
Тоска въ душѣ и скорбь на ликѣ,
Вошелъ правитель Іоаннъ
Въ чертогъ Дамасскаго владыки:
«О, государь, внемли: мой санъ,
«Величье, пышность, власть и сила—
«Все мнѣ несносно, все постыло!
«Инымъ призваніемъ влекомъ,
«Я не могу народомъ править:
«Простымъ рожденъ я быть пѣвцомъ,
«Глаголомъ вольнымъ Бога славить.
«Въ толпѣ вельможъ всегда одинъ,
«Мученья полонъ я и скуки;
«Среди пировъ, въ главѣ дружинъ,
«Иные слышатся мнѣ звуки.
«Неодолимый ихъ призывъ
«Къ себѣ влечетъ меня все болѣ—
«О, отпусти меня, калифъ,
«Дозволь дышать и пѣть на волѣ!»

И тотъ просящему въ отвѣтъ:
«Возвеселись, мой рабъ любимый!
«Печали вѣчной въ мѣрѣ нѣтъ,
«И нѣтъ тоски неизлѣчимой.
«Твоею мудростью одной
«Кругомъ Дамаскъ могучъ и славенъ;
«Кто нынѣ намъ величьемъ равенъ,
«И кто дерзнетъ на насъ войной?
«А я возвышу жребій твой—
«Недаромъ я окрестъ державенъ—
«Ты примешь чести торжество,
«Ты будешь мнѣ мой братъ единый:
«Возьми полцарства моего,
«Лишь правъ другою половиной!»

Къ нему пѣвецъ: «Твой щедрый даръ,
«О, государь, пѣвцу не нуженъ;
«Съ иною силою онъ друженъ;
«Въ его груди пылаетъ жаръ,
«Которымъ зиждется созданье;
«Служить Творцу — его призванье;
«Его души незримый мѣръ
«Престоловъ выше и порфирь—
«Онъ не измѣнить, не обманеть—
«Все, что другихъ влечетъ и манить:
«Богатство, сила, слава, честь,
«Все въ мѣръ томъ въ избыткѣ есть;
«А всѣ сокровища природы:
«Степей безбережный просторъ,
«Туманный очеркъ дальнихъ горъ,
«И моря пѣнистыя воды,
«Земля, и солнце, и луна,
«И всѣхъ созвѣздій хороводы,
«И синей тверди глубина,—
«То все одно лишь отраженье,
«Лишь тѣнь таинственныхъ красотъ,
«Которыхъ вѣчное видѣнье
«Въ душѣ избранника живетъ.
«О, вѣрь, ничѣмъ тотъ неподкупенъ,
«Кому сей чудный мѣръ доступенъ,
«Кому Господь дозволилъ взгляды
«Въ то сокровенное горнило,
«Гдѣ первообразы кипятъ,
«Трепещутъ творческія силы.
«То ихъ торжественный приливъ
«Звучитъ пѣвцу въ его глаголь—
«О, отпусти меня, калифъ,
«Дозволь дышать и пѣть на волѣ!»

И рекъ калифъ: «Въ твоей груди
«Не властенъ я сдержатъ желанье:
«Пѣвецъ, свободенъ ты, иди,
«Куда влечетъ тебя призванье!»

И вотъ правителя дворцы
Добычей сдѣлались забвенья,
Одѣлись пестрые зубцы
Травой и прахомъ заустѣнья;

Его несчетная казна
 Давно ужъ нищимъ раздана,
 Усердныхъ слугъ не видно болѣ,
 Рабы отпущены на волю,
 И не укажетъ ни одинъ,
 Куда ихъ скрылся господинъ.
 Въ хоромахъ стѣны и картины
 Давно затканы паутиной,
 И мхомъ фонтаны заросли;
 Плющи, ползущіе по хорамъ,
 Отъ самыхъ сводовъ до земли
 Зеленымъ падаютъ узоромъ,
 И макъ спокойно полевой
 Растетъ кругомъ на звонкихъ плитахъ,
 И вѣтеръ, шелестя травой,
 Въ чертогахъ ходитъ позабытыхъ.

II.

Благословляю васъ, лѣса,
 Долины, нивы, горы, воды,
 Благословляю я свободу
 И голубыя небеса!
 И посохъ мой благословляю,
 И эту бѣдную суму,
 И степь отъ краю и до краю,
 И солнца свѣтъ, и ночи тьму,
 И одинокую тропинку,
 По коей, нищій, я иду,
 И въ полѣ каждую былинку,
 И въ небѣ каждую звѣзду!
 О, если-бъ могъ всю жизнь смѣшать я,
 Всю душу вмѣстѣ съ вами слить;
 О, если-бъ могъ въ мои объятья
 Я васъ, враги, друзья и братья,
 И всю природу заключить!
 Какъ горней бури приближенье,
 Какъ натискъ пѣнящихся водъ,
 Теперь въ груди моей растетъ
 Святая сила вдохновенья.
 Ужъ на устахъ дрожитъ хвала
 Всему, что благо и достойно—
 Какія-жъ мнѣ воспѣтъ дѣла,

Какія битвы или войны?
 Гдѣ я для дара моего
 Найду высокую задачу,
 Чье передамъ я торжество,
 Иль чье паденіе оплачу?
 Блаженъ, кто рядомъ славныхъ дѣлъ
 Свой вѣкъ украсилъ быстротечный,
 Блаженъ, кто жизнью умѣлъ
 Хоть разъ коснуться правды вѣчной;
 Блаженъ, кто истину искалъ,
 И тотъ, кто, побѣжденный, палъ
 Въ толпѣ ничтожной и холодной,
 Какъ жертва мысли благородной!
 Но не для нихъ моя хвала,
 Не имъ восторга изліянья—
 Мечта для пѣсенъ избрала
 Не ихъ высокія дѣянья,
 И не въ вѣнцѣ сіяетъ Онъ,
 Къ кому душа моя стремится;
 Не блескомъ славы окружень,
 Не на звенящей колесницѣ
 Стоитъ Онъ, гордый сынъ побѣды,
 Не въ торжествѣ величья — нѣтъ—
 Я зрю Его передо мною
 Съ толпою бѣдныхъ рыбаковъ,
 Онъ тихо, мирною стезею,
 Идетъ межъ зрѣющихъ хлѣбовъ;
 Благихъ рѣчей своихъ отраду
 Въ сердца простыя Онъ ліетъ,
 Онъ правды алчущее стадо
 Къ ея источнику ведетъ.
 Зачѣмъ не въ то рожденъ я время,
 Когда межъ нами, во плоти,
 Неся мучительное бремя,
 Онъ шелъ на жизненномъ пути!
 Зачѣмъ я не могу нести,
 О, мой Господь, Твои оковы,
 Твоимъ страданіемъ страдать
 И крестъ на плечи Твой пріять
 И на главу вѣнецъ терновый!
 О если-бъ могъ я лобызать
 Лишь край святой Твоей одежды,
 Лишь пыльный слѣдъ Твоихъ шаговъ!

О, мой Господь, моя надежда,
Моя и сила и покровъ!
Тебѣ хочу я всѣ мышленья,
Тебѣ всѣхъ пѣсней благодать
И думы дня, и ночи бдѣнья,
И сердца каждое биење,
И душу всю мою отдать!
Не отверзайтесь для другого
Отнынѣ, вѣщія уста!
Греми лишь именемъ Христа,
Мое восторженное слово!

III.

Часы бѣгутъ. Ночная тѣнь
Не разъ смѣняла зной палящій,
Не разъ, всходя, лазурный день
Свиваль покровъ съ природы спящей:
И передъ странникомъ вдали
И волновались и росли
Разнообразныя картины:
Бѣлѣли снѣжныя вершины
Надъ лѣсомъ кедровымъ густымъ;
Иорданъ сверкалъ въ степномъ просторѣ,
И Мертвое чернѣло море,
Сливаясь съ небомъ голубымъ.
И вотъ, вѣясь въ степи широкой,
Чертой изогнутой легло
Предъ нимъ Кедронскаго потока
Давно безводное русло.

Смеркалось. Паръ струился синій;
Кругомъ царила тишина;
Мерцали звѣзды; надъ пустыней
Всходила медленно луна.
Бреговъ сожженные стремнины
На дно сбѣгаютъ крутизной,
Спирая узкую долину
Двойной отвѣсною стѣной.
Внизу кресты, символы вѣры,
Стоять въ обрывахъ здѣсь и тамъ;
И видны странника очамъ
Въ утесахъ рытыя пещеры.
Сюда, со всѣхъ концовъ земли,

Бѣжавъ мірскаго треволненья,
Отцы святыя притекли
Искать покоя и спасенья.
Съ краевъ до высохшаго дна,
Гдѣ спускъ крутой ведетъ въ долину,
Руками ихъ возведена
Изъ камней крѣпкая стѣна,
Отпоръ степному сарацину.
Въ стѣнѣ ворота; тѣсный входъ
Надъ ними башня стережетъ,
Тропинка вьется надъ оврагомъ;
И вотъ, спускаясь по скаламъ,
При свѣтѣ звѣздъ, усталымъ шагомъ
Подходитъ странникъ къ воротамъ.

«Тебя, безбурное жилище,
«Тебя, познанія купель,
«Житейскихъ помысловъ кладбище
«И новой жизни колыбель,
«Тебя привѣтствую, пустыня,
«Къ тебѣ стремился я всегда!
«Будь мнѣ убѣжищемъ отнынѣ,
«Пріютомъ пѣсенъ и труда.
«Всѣ попеченія мірскія
«Сложивъ съ себя у этихъ вратъ,
«Приноситъ вамъ, отцы святыя,
«Свой даръ и гусли новый братъ».

IV.

«Отшельники Кедронскаго потока,
«Игумень васъ сзываетъ на совѣтъ.
«Сбирайтесь всѣ: пришедшій издалѣка,
«Вамъ новый братъ приноситъ свой привѣтъ.
«Велики въ немъ и вѣра и призванье,
«Но долженъ онъ пройти чрезъ испытанье.
«Изъ васъ его вручаю одному:
«Онъ тотъ пѣвецъ, межъ всѣми знаменитый,
«Что разогналъ иконоборства тьму,
«Чѣмъ словомъ ложь попрана и разбита,
«То Іоаннъ, святыхъ иконъ защита—
«Кто хочетъ быть наставникомъ ему?»

И лишь назвалъ игумень это имя,
Заволновался весь монаховъ рядъ,

И на пѣвца дивятся и глядятъ,
И пробѣгаетъ шопоть между ними.
Главами всѣ поникнувши сѣдыми,
Съ смиреніемъ игумну говорятъ :

«Благословенъ сей славный Божій воинъ.
«Благословенъ межъ насъ его приходъ,
«Но кто же здѣсь учить того достоинъ,
«Кто правды свѣтъ вокругъ себя ліетъ?
«Чье слово намъ какъ колоколъ звучало—
«Того-ль пріять дерзнемъ мы подъ начало?»

Тутъ изъ толпы одинъ выходитъ братъ;
То черноризецъ былъ на видъ суровый,
И строгъ его пытающій былъ взглядъ,
И строгое пѣвцу онъ молвилъ слово:
«Держать посты уставы намъ велятъ,
«Служенья-жъ мы не вѣдаемъ иного.

«Коль подъ моимъ началомъ хочешь быть,
«Тебѣ согласенъ дать я наставленье,
«Но долженъ ты отнынѣ отложить
«Ненужныхъ думъ бесплодное броженье;
«Духъ праздности и прелесть пѣснопѣнья
«Постомъ, пѣвецъ, ты долженъ побѣдить.

«Коль ты пришелъ отшельникомъ въ пустыню,
«Умѣй мечты житейскія попраť
«И на уста, смиривъ свою гордыню,
«Ты наложи молчанія печать;
«Исполни духъ молитвой и печалью—
«Вотъ мой уставъ тебѣ въ новоначалѣ!»

* * *

Замолкъ монахъ. Нежданный приговоръ
Какъ громъ упалъ средь мирнаго синклита.
Смутились всѣ. Пѣвца померкнулъ взоръ,
Покрыла блѣдность впалыя ланиты.

И неподвижно долго онъ стоялъ,
Безмолвно опустивъ на землю очи,
Какъ будто бы отвѣта онъ искалъ.
Но отвѣчать не доставало мочи.

И началъ онъ: «Моихъ всю бодрость силъ,
«И мысли всѣ и всѣ мои стремленья

«Одной я только цѣли посвятилъ:
«Хвалить Творца и славить въ пѣснопѣнныи.

«Но ты велишь скорбѣть мнѣ и молчать—
«Твоей, отецъ, я повинуюсь волѣ;
«Весельемъ сердце не разыграетъ болѣ,
«Уста сомкнетъ молчанія печать.

«Такъ вотъ гдѣ ты таилось, отречение,
«Что я не разъ въ молитвахъ общалъ!
«Моей отрадой было пѣснопѣнье,
«И въ жертву Ты, Господь, его избралъ!

«Настаньте-жь, дни молчанія и мѹки!
«Прости, мой даръ! Ложись на гусли, прахъ!
«А вы, въ груди взлелѣянные звуки,
«Замрите всѣ на трепетныхъ устахъ!

«Спустися, ночь, на горестнаго брата
«И тьмой его отъ солнца отлучи!
«Померкните, затмитесь безъ возврата,
«Мои хъ псалмовъ звенящiе лучи!

«Погибни, жизнь! Погасни, огонь алтарный!
«Уймись во мнѣ, взволнованная кровь!
«Свѣти лишь ты, небесная любовь,
«Въ моей ночи звѣздою лучезарной!

«О, мой Господь, прости послѣднiй стонъ,
«Послѣднiй сердца страждущаго ропотъ!
«Единый мигъ — замретъ и этотъ шопотъ,
«И встану я, Тобою возрожденъ!

«Свершилось. Мрака набѣгають волны—
«Взоръ гаснетъ — стынетъ кровь — всему конецъ!
«Изъ міра звуковъ нынѣ въ міръ безмолвный
«Нисходитъ къ вамъ развѣнчаннiй пѣвецъ!»

V.

Въ глубокомъ ущельѣ,
Какъ гнѣзда стрижей,
По желтымъ обрывамъ темнѣють пустынные кельи,
Но рѣчи не слышно ничьей;
Все тихо, пока не сберется къ служенью
Отшельниковъ рой,
И вторитъ тогда ихъ обрядному пѣнью
Одинъ отголосокъ глухой.

А тамъ, надъ краями долины,
Безлюдной пустыни царить торжество,
И пальмы не видно нигдѣ ни единой,
Все пусто кругомъ и мертво.

Какъ жгучее бремя,
Такъ небо усталую землю гнететь,
И кажется, будто бы время
Свой медленный звучно свершаетъ надъ нею полеть.
Порой отдаленное слышно рычанье
Голоднаго льва;

И снова наступить молчанье,
И снова шумить лишь сухая трава,
Когда изъ-подъ камней змѣя, выползая,
Блеснетъ чешуей;

Крылами треща, саранча полевая
Взлетитъ иногда. Иль случится порой,
Пустыня проснется отъ дикаго клика,
Посыплются камни, и тамъ, въ вышинѣ,
Дрожа и колеблясь, мохнатая пика
Покажется въ небѣ; на легкомъ конѣ
Появится всадникъ; надъ самымъ оврагомъ
Сдержавъ скакуна запѣннаго летъ,
Проѣдетъ онъ мимо обители шагомъ
Да инокамъ сверху проклятье пошлетъ.
И снова все стихнетъ. Лишь въ полночь орлицы
На крыльяхъ недвижныхъ парять,
Да вечеромъ звѣзды горять,
И скучную тянутся длинные дни вереницей.

VI.

Порою въ твёрди голубой
Проходятъ тучи надъ долиной;
Онѣ картину за картиной,
Плывя, свиваютъ межъ собой.
Такъ, въ нескончаемомъ движеньи,
Клубится надо мной всегда
Воспоминаній череда,
Погибшей жизни отраженья;
И льнуть и вьются безъ конца,
И вѣчно волю осаждаютъ,
И онѣмѣвшаго пѣвца,
Ласкаясь, къ пѣснямъ призываютъ.
И казнью сталъ мнѣ праздный даръ.

Всегда готовый къ пробужденью;
 Такъ ждетъ лишь вѣтра дуновенья
 Подъ пепломъ тлѣющей пожаръ.
 Передъ моимъ тревожнымъ духомъ
 Тѣснятся образы толпой,
 И въ тишинѣ, надъ чуткимъ ухомъ,
 Дрожитъ созвучій мѣрный строй;
 И я, не смѣя святотатно
 Ихъ вызвать въ жизнь изъ царства тьмы,
 Въ хаоса ночь гоню обратно
 Мои непѣтые псалмы.
 Но тщетно я, въ бесплодной битвѣ,
 Твержу уставныя слова
 И заученныя молитвы—
 Душа беретъ свои права!
 Увы, подъ этой ризой черной,
 Какъ въ оны дни подъ багрецомъ,
 Живымъ палимое огнемъ,
 Мятется сердце непокорно.
 Юдоль, гдѣ я похоронилъ
 Броженье дѣятельныхъ силъ,
 Свободу творческаго слова—
 Юдоль молчанья рокового—
 О, передай душѣ моей
 Твоихъ стремнинъ покой угрюмый!
 Пустынный вѣтеръ, о, развѣй
 Мои недремлющія думы!

VII.

Тщетно онъ просить и ждетъ отъ безмолвной юдоли
 покоя,
 Вѣтеръ пустынный не можетъ недремлющей думы раз-
 вѣять;
 Годы проходятъ одинъ за другимъ, все бесплодные годы!
 Все тяжелѣе надъ нимъ тяготитъ роковое молчанье.
 Такъ онъ однажды сидѣлъ у входа пещеры, рукою
 Грустныя очи закрывъ и внутреннимъ звукамъ внимая.
 Къ скорбному тутъ къ нему подошелъ одинъ черноризецъ,
 Паль на колѣни предъ нимъ и сказалъ: «Помоги, Иоанне!
 «Братъ мой по плоти преставился; братомъ онъ былъ по
 душѣ мнѣ.
 «Тяжкая горестъ снѣдаетъ меня; я плакать хотѣлъ бы—

«Слезы не льются изъ глазъ, но скипаются въ горестномъ
сердцѣ.

«Ты же мнѣ можешь помочь: напиши лишь умильную
пѣсню,

«Пѣснь погребальную милому брату, ее чтобы слыша,
«Могъ я рыдать, и тоска бы моя получила ослабу!»

Кротко взглянулъ Іоаннъ и печально въ отвѣтъ ему
молвилъ:

«Или не вѣдаешь ты, какимъ я связанъ уставомъ?

«Строгое старецъ на пѣсни мои наложилъ запрещенье».

Тотъ же сталъ паки его умолять, говоря: «Не узнаешь

«Старецъ о томъ никогда; онъ отсель отлучился на три дня,

«Брата-жъ мы завтра хоронимъ; молю тебя всею душою,

«Дай утѣшеніе мнѣ въ безпредѣльно горькой печали!»

Паки-жъ отказъ получивъ: «Іоанне, сказалъ черноризецъ:

«Если бы былъ ты тѣлеснымъ врачомъ, а я-бъ отъ недуга

«Такъ умиралъ, какъ теперь умираю отъ горя и скорби,

«Ты ли бы въ помощи мнѣ отказалъ! И не дашь ли отвѣта

«Господу Богу о мнѣ, если нынѣ умру безутѣшенъ?»

Такъ говоря, колебалъ въ Дамаскинѣ онъ мягкое сердце.

Собственной полонъ печали, пѣвецъ далъ жалости мѣсто;

Черною тучей тогда на него низошло вдохновенье,

Образы мрачной явились толпой, и въ воздухъ звуки

Стали надгробное мѣрно гласить надъ усопшимъ рыданье.

Слушалъ пѣвецъ, наклонивши главу, то незримое пѣнье,

Долго слушалъ, и всталъ, и, съ молитвой вошедши въ

пещеру,

Тамъ послушной рукой начерталъ, что ему прозвучало—

Такъ былъ нарушенъ уставъ, такъ прервано было

молчанье.

* * *

Надъ вольной мыслью Богу неугодны

Насиліе и гнѣтъ:

Она, въ душѣ рожденная свободно,

Въ оковахъ не умереть!

Ужели вправду мнилъ ты, близорукій,

Сковать свои мечты?

Ужель попать въ себѣ живые звуки

Насильно думалъ ты?

Съ Ливанскихъ горъ, гдѣ, въ высотѣ лазурной,

Бѣлѣтъ дальній снѣгъ,

Въ просторъ степей стремяся, вѣтеръ бурный
Удержитъ ли свой бѣгъ?
И потекутъ ли вспять струи потока,
Что между скалъ гремать?
И солнце тамъ, поднявшись отъ востока,
Вернется ли назадъ?

VIII.

Колоколовъ унылый звонъ
Съ утра долину оглашаетъ;
Покойникъ въ церковь принесенъ;
Обрядъ печальный похоронъ
Соборъ отшельниковъ свершаетъ.
Свѣчами свѣтится алтарь,
Стоитъ пѣвецъ съ поникшимъ взоромъ,
Поетъ напутственный тропарь,
Ему монахи вторятъ хоромъ.

ТРОПАРЬ.

«Какая сладость въ жизни сей
«Земной печали непричастна?
«Чье ожиданье не напрасно,
«И гдѣ счастливый межъ людей?
«Все то превратно, все ничтожно,
«Что мы съ трудомъ приобрѣли—
«Какая слава на земли
«Стоитъ тверда и непреложна?
«Все пепель, приракъ, тѣнь и дымъ,
«Исчезнетъ все, какъ вихоръ пыльный,
«И передъ смертью мы стоимъ
«И безоружны и безильны.
«Рука могучаго слаба,
«Ничтожны царскія велѣнья—
«Прійми усопшаго раба,
«Господь, въ блаженные селенья!

«Какъ ярый витязь смерть нашла,
«Меня какъ хищникъ низложила,
«Свой зѣвъ разинула могила
«И все житейское взяла.
«Спасайтесь, сродники и чада,
«Изъ гроба къ вамъ взываю я,

«Спасайтесь, братья и друзья,
«Да не узрите пламень ада!
«Вся жизнь есть царство суеты,
«И, дуновенье смерти чуя,
«Мы увядаемъ какъ цвѣты—
«Почто же мы мятемся всеу?
«Престолы наши суть гроба,
«Чертоги наши разрушенье—
«Прійми усопшаго раба,
«Господь, въ блаженныя селенья!

«Средь груды тлѣющихъ костей
«Кто царь, кто рабъ, судья иль воинъ?
«Кто царства Божія достоинъ,
«И кто отверженный злодѣй?
«О, братья, гдѣ серебро и злато,
«Гдѣ сонмы многіе рабовъ?
«Среди невѣдомыхъ гробовъ
«Кто есть убогій, кто богатый?
«Все пепель, дымъ, и пыль и прахъ,
«Все призракъ, тѣнь и привидѣнье—
«Лишь у Тебя, на небесахъ,
«Господь, и пристань и спасенье!
Исчезнетъ все, что было плоть,
Величье наше будетъ тлѣнье—
Прійми усопшаго, Господь,
Въ Твои блаженныя селенья!

«И Ты, предстательница всѣмъ,
«И Ты, заступница скорбящимъ,
«Къ Тебѣ о братъ, здѣсь лежащемъ,
«Къ Тебѣ, Святая, вопіемъ!
«Моли божественнаго Сына,
«Его, Пречистая, моли,
«Дабы отжившій на земли
«Оставилъ здѣсь свои кручины!
«Все пепель, прахъ, и дымъ и тѣнь,
«О, други, призраку не вѣрьте!
«Когда дохнетъ въ нежданный день
«Дыханье тлительное смерти,
«Мы всѣ поляжемъ какъ хлѣба,
«Серпомъ подрѣзанные въ нивахъ—
«Прійми усопшаго раба,
«Господь, въ селеніяхъ счастливыхъ!

«Иду въ незнаемый я путь,
«Иду межъ страха и надежды;
«Мой взоръ угасъ, остыла грудь,
«Не внемлетъ слухъ, сомкнуты вѣжды;
«Лежу безгласенъ, недвижимъ,
«Не слышу братскаго рыданья,
«И отъ кадила синій дымъ
«Не мнѣ струитъ благоуханье;
«Но, вѣчнымъ сномъ пока я сплѣ,
«Моя любовь не умираетъ,
«И ею, братья, васъ молю,
«Да каждый къ Господу взываетъ:
«Господь! Въ тотъ день, когда труба
«Вострубитъ міра преставленье—
«Прійми усопшаго раба
«Въ Твои блаженныя селенья!»

IX.

Такъ онъ съ монахами поетъ.
Но вотъ межъ ними, гость нежданный,
Нахмуря брови, предстаетъ
Наставникъ старый Іоанна.
Суровы строгія черты,
Главу подъемля величаво:
«Пѣвецъ! — онъ молвить: — такъ ли ты
«Блудеешь и чтить мои уставы?
«Когда предъ нами братній прахъ,
«Не пѣть, но плакать намъ пристойно!
«Въ твоихъ ли звукахъ и стихахъ
«Теперь нуждается покойный?
«Изыди, инокъ недостойный, —
«Не въ нашихъ жить тебѣ стѣнахъ!»

И, гнѣвной рѣчью пораженный,
Виновный палъ къ его ногамъ:
«Прости, отецъ! Не знаю самъ,
«Какъ преступилъ твои законы!
«Во мнѣ звучалъ немолчный гласъ,
«Въ неодолимой сердца мукѣ
«Невольно вырвались звуки,
«Невольно пѣсня полилась!»
И ноги старца онъ объемлетъ:
«Прости вину мою, отецъ!»
Но тотъ раскаянью не внемлетъ,

Онъ говорить: «Бѣги, пѣвецъ!
«Досель житейская гордыня
«Еще жива въ твоей груди—
«Отъ нашихъ келій отойди,
«Не оскверняй собой пустыни!»

Х.

Прошла по лаврѣ роковая вѣсть.
Отшельниковъ смутилося собранье:
«Нашъ Иоаннъ, Христовой церкви честь,
«Наставника навлекъ негодованье!
«Ужель ему придется перенести,
«Ему, пѣвцу, позорное изгнанье?»
И жалостью исполнились сердца,
И всѣ соборомъ молятъ за пѣвца.

Но, словно столпъ, наставникъ непреклоненъ
И такъ въ отвѣтъ просящимъ молвить онъ:
«Уставъ, что мной однажды узаконенъ,
«Не будетъ даромъ нынѣ отмѣненъ.
«Кто къ гордости и къ ослушанью склоненъ,
«Того какъ тернъ мы вырываемъ вонъ.
«Но если въ немъ не ложны сожалѣнья,
«Епитимьей онъ выкупить прощенье.

«Пусть лавры онъ обходитъ черный дворъ,
«Съ лопатою обходитъ и съ метлою;
«Свой духъ смиривъ, пусть всюду грязь и соръ
«Онъ непокорной вымететъ рукою.
«Дотоль надъ нимъ мой крѣпокъ приговоръ,
«И нѣтъ ему прощенья предо мною!»
Замолкъ, и, внявъ безжалостный отказъ,
Вся братія въ печали разошлась.

* * *

Презрѣнье, други, на пѣвца,
Что даръ священный унижаетъ,
Что предъ кумирами склоняетъ
Красу лавроваго вѣнца!
Что гласу истины и чести
Внушенье выгодъ предпочель,
Что угожденію и лести
Безстыдно продалъ свой глаголь!
Изъ вѣка въ вѣкъ звучать готово,

Ему на казнь и на позоръ,
Его безсовѣстное слово,
Какъ всенародный приговоръ!
Но ты, иной взалкавшій пици,
Ты, что молитвою влекомъ,
Высокій сердцемъ, духомъ нищій,
Живущій мыслью со Христомъ,
Ты, что пророческаго взора
Предъ блескомъ міра не склоняль—
Испить ты можешь безъ укора
Весь униженія фіаль!

И старца рѣчь дошла до Дамаскина;
Епитимьи условія узнавъ,
Пѣвецъ спѣшитъ свои загладить вины;
Спѣшитъ почтить неслыханный уставъ;
Смѣнила радость горькую кручину.
Безъ ропота лопату въ руки взявъ,
Пѣвецъ Христа не мыслить о пощадѣ,
Но униженье терпитъ Бога ради.

* * *

Тотъ, Кто съ вѣчною любовію
Воздавалъ за зло добромъ—
Избиенъ, покрытый кровію,
Вѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ,
Всѣхъ, съ Собой страдаемъ сближенныхъ,
Въ жизни долею обиженныхъ,
Угнетенныхъ и униженныхъ,
Осѣнилъ Своимъ крестомъ.

Вы, чьи лучшія стремленія
Даромъ гибнуть подъ ярмомъ,
Вѣрьте, други, въ избавленіе,
Къ Божью свѣту мы грядемъ.
Вы, кручиною согбенные,
Вы, цѣпями удрученные,
Вы, Христу сопогребенные,
Совоскреснете съ Христомъ!

XI.

Темнѣеть. Паръ струится синій;
Въ ущельѣ мракъ и тишина;
Мерцаютъ звѣзды, и луна
Восходитъ тихо надъ пустыней.

Въ свою пещеру, одинокъ,
Ушелъ отшельникъ раздраженный;
Все спитъ; луной посеребрённый,
Изсякшій видится потокъ;
Надъ нимъ скалистыя вершины
Изъ мрака смотрятъ тамъ и тутъ;
Но сердце старца не влекутъ
Природы мирныя картины;
Оно для жизни умерло;
Согнувши строгое чело,
Онъ, чуждый міру, чуждый братьямъ,
Лежитъ, простертъ передъ распятемъ.
Въ пыли сѣдая голова,
И смерть къ себѣ онъ призываетъ,
И шепчетъ мрачныя слова,
И камнемъ въ перси ударяетъ.
И долго онъ поклоны клалъ
И долго смерть онъ призывалъ,
И наконецъ, въ изнеможеньи,
Безгласенъ наземъ онъ упалъ,
И старцу видится видѣнье:

Разверзся вдругъ утесовъ сводъ,
И разлилось благоуханье.
И отъ невидимыхъ высотъ
Въ пещеру падаетъ сіянье.
И въ трепетныхъ его лучахъ,
Одеждой звѣздною блистая,
Явилась Дѣва пресвятая
Съ Младенцемъ спящимъ на рукахъ.
Изъ свѣта чуднаго сліянный
Ея небесно-кротокъ видъ:
«Почто ты гонишь Іоанна?»
Она монаху говоритъ:
«Его молитвенные звуки,
«Какъ голосъ неба для земли,
«Въ сердца послушныя текли,
«Врачуя горести и муки.
«Почто-жъ ты, старецъ, заградилъ
«Нешадно тотъ источникъ сильный,
«Который міръ бы напоилъ
«Водой цѣлебной и обильной?
«На то ли жизни благодать.

«Господь послалъ своимъ созданьямъ,
«Чтобъ имъ бесплоднымъ истязаньемъ
«Себя казнить и убивать?
«Онъ далъ природѣ изобилъе
«И бѣгъ струящимся рѣкамъ,
«Онъ далъ движенъе облакамъ,
«Землѣ цвѣты и птицамъ крылья.
«Почто-жъ пѣвца живую рѣчь
«Сковалъ ты заповѣдью трудной?
«Оставь его глаголу течь
«Рѣкой пѣвучей неоскудно!
«Да оросятъ его мечты,
«Какъ дождь, житейскую долину—
«Оставь землѣ ея цвѣты,
«Оставь созвучья Дамаскину!»

Видѣнье скрылось въ облакахъ,
Заря выходитъ изъ тумана...
Встаетъ встревоженный монахъ,
Зоветь и ищетъ Іоанна—
И вотъ обнялъ его старикъ;
«О, сынъ смиренія Христова,
«Тебя душою я постигъ—
«Отнынѣ пѣть ты можешь снова!
«Отверзи вѣщія уста,
«Твои окончены гоненья;
«Во имя Господа Христа,
«Пѣвецъ, святяга вдохновенья
«Изъ сердца звучнаго излей—
«Меня-жъ, молю, прости, о, чадо,
«Что слову вольному преградой
«Я былъ, по грубости моей!»

XII.

· Воспой же, страдалецъ, воскресную пѣснь,
Возрадуйся жизнию новой!
Исчезла косненія долгая плѣснь,
Воскресло свободное слово!

Того, Кто оковы души сокрушилъ,
Да славить немолчно созданье!
Да хвалятъ торжественно Господа силъ
И солнце, и мѣсяцъ, и хоры свѣтилъ,
И всякое въ мѣрѣ дыханье!

Блаженъ, кому нынѣ, Господь, предъ Тобой
И мыслить и молвить возможно!
Съ безтрепетнымъ сердцемъ и съ теплой мольбой
Во имя Твое онъ выходитъ на бой
Со всѣмъ, что неправо и ложно!

Раздайся-жь, воскресшая пѣсня моя,
Какъ солнце взойди надъ землею!
Расторгни убійственный сонъ бытія
И, свѣтъ лучезарный повсюду ля,
Громи, что созиждено тьмою!

* * *

Не съ дикихъ падаетъ высотъ,
Средь темныхъ скалъ, потокъ нагорный;
Не буря грозная идетъ,
Не вѣтеръ прахъ вздымаетъ черный;
Не сотни гнущихся дубовъ
Шумятъ главами вѣковыми,
Не рядъ морскихъ бѣжитъ валовъ,
Качая гребнями сѣдыми—

То Иоанна льется рѣчь,
И, силъ исполненная новыхъ,
Она громить, какъ Божій мечъ,
Во прахъ противниковъ Христовыхъ.

Не солнце красное встаетъ,
Не утро свѣтлое настало,
Не стая лебедей взыграла
Весной на лонѣ ясныхъ водъ;
Не соловьи, въ странѣ привольной,
Зовутъ сосѣднихъ соловьевъ,
Не гуль несется колокольный
Отъ многохрамныхъ городовъ—

То слышенъ всюду плескъ народный,
То ликованье христіанъ—
То славить рѣчию свободной
И хвалить въ пѣсняхъ Иоаннъ,
Кого хвалить въ своемъ глаголѣ
Не перестанутъ никогда
Ни каждая былинка въ полѣ,
Ни въ небѣ каждая звѣзда!

ГРѢШНИЦА.

I.

Народъ кипить; веселье, хохоть,
Звонъ лютней и кимваловъ грохоть,
Кругомъ и зелень и цвѣты,
И межъ столбовъ, у входа дома,
Парчи тяжелой переломы
Тесьмой узорной подняты.
Чертоги убраны богато,
Вездѣ горитъ хрусталь и злато,
Возницъ и коней полонъ дворъ;
Тѣснясь за трапезой великой,
Гостей пируетъ шумный хоръ,
Идетъ, сливаясь съ музыкой,
Ихъ перекрестный разговоръ.

Ничѣмъ бесѣда не стѣсняема,
Они свободно говорятъ
О ненавистномъ игѣ Рима,
О томъ, какъ властвуетъ Пилать,
О ихъ старшинъ собраньи тайномъ,
Торговлѣ, мирѣ и войнѣ,
И мужѣ томъ необычайномъ,
Что появился въ ихъ странѣ:

II.

«Любовью къ ближнимъ пламенѣя,
«Народъ смиренью онъ училъ,
«Онъ всѣ законы Моисея
«Любви закону подчинилъ.

«Не терпитъ гнѣва онъ ни мщенья,
«Онъ проповѣдуетъ прощенье,
«Велитъ за зло платить добромъ.
«Есть неземная сила въ немъ:
«Слѣпымъ онъ возвращаетъ зрѣнье,
«Даритъ и крѣпость и движенье
«Тому, кто былъ и слабъ и хромъ.
«Ему признанія не надо,
«Сердцецъ мышленье отперто,
«Его пытающаго взгляда
«Еще не выдержалъ никто.
«Цѣля недугъ, врачуя мѹку,
«Вездѣ спасителемъ онъ былъ,
«И всѣмъ простеръ благоую руку
«И никого не осудилъ.
«То, видно, Богомъ мужъ избранный.
«Онъ тамъ, по днпюль Иордана,
«Ходилъ, какъ посланный небесъ,
«Онъ много тамъ свершилъ чудесъ.
«Теперь пришелъ онъ, благодушный,
«На эту сторону рѣки;
«Толпой прилежной и послушной
«За нимъ идутъ ученики».

III.

Такъ гости, вмѣстѣ разсуждая,
За длинной трапезой сидятъ,
Межъ ними, чашу осушая,
Сидитъ блудница молодая.
Ея причудливый нарядъ
Невольно привлекаетъ взоры:
Ея нескромные уборы
О грѣшной жизни говорятъ.
Но дѣва падшая прекрасна,—
Взирая на нее, наврядъ
Предъ силой прелести опасной
Мужи и старцы устоятъ:
Глаза насмѣшливы и смѣлы,
Какъ снѣгъ Ливана зубы бѣлы,
Какъ зной улыбка горяча;
Вкругъ стана падая широко,
Сквозныя ткани дразнятъ око,
Съ нагого спущены плеча.

Ея и серьги и запястья,
Звеня, къ восторгамъ сладострастья,
Къ утѣхамъ пламеннымъ зовутъ;
Алмазы блещутъ тамъ и тутъ,
И, тѣнь бросая на ланиты,
Во всемъ обилии красы,
Жемчужной нитью перевиты,
Падутъ роскошные волосы.
Въ ней совѣсть сердца не тревожить,
Стыдливо не вспыхаетъ кровь,
Купить за злато всякій можетъ
Ея продажную любовь.

И внемлетъ дѣва разговорамъ,
И ей они звучатъ укоромъ,
Гордыня пробудилась въ ней,
И говоритъ съ хвастливымъ взоромъ:
«Я власти не страшусь ничьей!
«Закладъ со мной держать хотите-ль?
«Пускай предстанетъ вашъ учитель,
«Онъ не смутитъ моихъ очей!»

IV.

Вино струится, шумъ и хохоть,
Звонъ лютней и кимваловъ грохоть,
Куренье, солнце и цвѣты—
И вотъ къ толпѣ, шумящей праздно,
Подходитъ мужъ благообразный.
Его чудесныя черты,
Осанка, поступь и движенья,
Во блескѣ юной красоты,
Полны огня и вдохновенья;
Его величественный видъ
Неотразимой дышитъ властью,
Къ земнымъ утѣхамъ нѣтъ участья,
И взоръ въ грядущее глядитъ.
То мужъ на смертныхъ непохожій,
Печать избранника на немъ,
Онъ свѣтель, какъ архангелъ Божій,
Когда пылающимъ мечомъ
Врага въ кромѣшныя оковы
Онъ гналъ по маію Іеговы.
Невольна грѣшная жена

Его величьемъ смущена
И смотритъ робко, взоръ понизивъ;
Но, вспомня свой недавній вызовъ,
Она съ сѣдалища встаетъ
И, станъ свой выпрямивши гибкой
И смѣло выступивъ впередъ,
Пришельцу съ дерзкою улыбкой
Фіаль шипящій подаетъ.
«Ты тотъ, что учить отреченью?
«Не вѣрю твоему ученю,
«Мое надежныи и вѣрныи.
«Меня смутить не мысли нынѣ,
«Одинъ скитавшійся въ пустынѣ,
«Въ постѣ проведеншій сорокъ дней!
«Лишь наслажденьемъ я влекома,
«Съ постомъ, съ молитвой незнакома,
«Я вѣрю только красотѣ,
«Служу вину и поцѣлюямъ,
«Мой духъ тобою не волнуемъ,
«Твоей смѣюсь я чистотѣ!»

И рѣчь ея еще звучала,
Еще смѣялася она,
И пѣна легкая вина
По кольцамъ рукъ ея бѣжала,
Какъ общій говоръ вокругъ возникъ,
И слышитъ грѣшница въ смущеньи:
«Она ошиблась! Въ заблужденъе
«Ее привелъ пришельца ликъ:
«То не учитель передъ нею,
«То Іоаннъ изъ Галилеи,
«Его любимый ученикъ».

V.

Небрежно немощнымъ обидамъ
Внималъ онъ дѣвы молодой,
И вслѣдъ за нимъ, съ спокойнымъ видомъ,
Подходить къ храминѣ другой.
Въ его смиренномъ выраженъи
Восторга нѣтъ, ни вдохновенья,
Но мысль глубокая легла
На очеркъ дивнаго чела.

То не пророка взглядъ орлиный,
 Не прелесть ангельской красоты—
 Дѣлятся на двѣ половины
 Его волнистые вѣсы;
 Поверхъ хитона упадая,
 Одѣла риза шерстяная
 Простою тканью стройный ростъ,
 Въ движеньяхъ скромень онъ и простъ;
 Ложась вокругъ устъ его прекрасныхъ,
 Слегка раздвоена брада—
 Такихъ очей благихъ и ясныхъ
 Никто не видѣлъ никогда.

И пронеслося надъ народомъ
 Какъ дуновенье тишины,
 И чудно благостнымъ приходомъ
 Сердца гостей потрясены.
 Замолкнулъ говоръ. Въ ожиданьи
 Сидитъ недвижимое собранье,
 Тревожно духъ переводя—
 И онъ, въ молчаньи глубокомъ,
 Обвелъ сидящихъ тихимъ окомъ
 И, въ домъ веселья не входя,
 На дерзкой дѣвѣ самохвальной
 Остановилъ свой взоръ печальный.

VI.

И былъ тотъ взоръ какъ лучъ денницы,
 И все открылося ему,
 И въ сердцѣ сумрачномъ блудницы
 Онъ разогналъ ночную тьму.
 И все, что было тамъ таймо,
 Въ грѣхѣ что было свершено,
 Въ ея глазахъ неумолимо
 До глубины озарено.
 Внезапно стала ей понятна
 Неправда жизни святотатной,
 Вся ложь ея порочныхъ дѣлъ—
 И ужасъ ею овладѣлъ.
 Уже на грани сокрушенья
 Она постигла въ изумленьи,
 Какъ много благъ, какъ много силъ
 Господь ей щедро подарилъ,

И какъ она восходъ свой ясный
Грѣхомъ мрачила ежечасно.
И, въ первый разъ гнушаясь зла,
Она въ томъ взорѣ благодатномъ
И кару днямъ своимъ развратнымъ
И милосердіе прочла;
И, чуя новое начало,
Еще страшась земныхъ препонъ,
Она, колебляся, стояла...
И вдругъ въ тиши раздался звонъ
Изъ рукъ упавшаго фіала,
Стѣсненной груди слышенъ стонъ,
Блѣднѣетъ грѣшница младая,
Дрожатъ открытыя уста—
И пала ницъ она, рыдая,
Передъ святынею Христа.

АЛХИМИКЪ.

НЕКОНЧЕННАЯ ПОЭМА *).

I.

Дымясь, качалися кадила,
Хвалебный раздавался хоръ,
Алтарь сіялъ, органа сила
Священнопѣнію вторила
И громомъ наполнила соборъ.
И подъ его старинной сѣнью
На волны набожной толпы
Отъ оконъ радужною тѣнью
Косые падали столпы;
А далѣ мракъ ходилъ по храму,
Лишь чрезъ открытыя врата,
Какъ сквозь узорчатую раму,
Синѣла неба красота,
Видѣлся берегъ отдаленный,
И зелень лавровъ и оливъ,
И бѣлой пѣной окаймленный,
Лѣниво плещущій заливъ.

*) Основаніемъ этому отрывку служить слѣдующая легенда:

Въ 1250 году Раймундъ Lullius, или Lulle, сенескалкъ Балеарскихъ острововъ, проѣзжая верхомъ черезъ площадь города Пальмы, увидѣлъ одну даму, входящую въ соборъ. Красота ея такъ поразила его, что онъ, забывъ всякое приличіе и не сходя съ лошади, послѣдовалъ за нею. Такой соблазнъ надѣлалъ много шума, но съ этой поры донъ Раймундъ не переставалъ преслѣдовать своею любовью донью Элеонору (или, какъ называютъ ее другіе, Амброзію De-Castello). Чтобы отъ него избавиться, она общала полюбить его, если онъ достанетъ ей жизненный эликсиръ. Донъ Раймундъ съ радостью принялъ условіе, сдѣлался алхимикомъ, отправился въ отдаленные края и обрекся пѣлому ряду самыхъ невѣроятныхъ приключеній.

И вотъ, когда замолкли хоры,
 И съ тихимъ трепетомъ въ сердцахъ,
 Склонивъ главы, потупя взоры,
 Благоговѣнно пали въ прахъ
 Ряды молящихся густые,
 И, прославляя Бога силъ,
 Среди великой литургіи
 Епископъ чашу возносилъ—
 Раздался шумъ. Невнятный ропотъ
 Пронесся отъ открытыхъ вратъ,
 Въ испугѣ вдругъ за рядомъ рядъ,
 Тѣснясь, отхлынулъ — конскій топотъ—
 Смятенье — давка — женскій крикъ—
 И на конѣ во храмъ проникъ
 Безумный всадникъ. Вся обитель,
 Волнуясь, въ кликъ слилась одинъ:
 «Кто онъ, святыни оскорбитель?
 «Какого края гражданинъ?
 «Египта-ль онъ, Марокка-ль житель,
 «Или Гранады гордый сынъ,
 «Передъ которою тряслися
 «Ужъ наши веси столько кратъ,
 «Иль не отъ хищнаго-ль Туниса
 «Къ брегамъ причалившій пиратъ?»

Но не языческаго края
 На немъ одежда боевая:
 Ни шлема съ пестрою чалмой,
 Ни брони съ притчами корана,
 Ни сабли нѣтъ на немъ кривой,
 Ни золотого ятагана.
 Изгибы бѣлаго пера
 Надъ шапкой зыблются шелковдой,
 Прямая шпага у бедра,
 На груди вышиты оковы,
 И, сброшена съ его плеча,
 Въ широкихъ складкахъ величаво
 Падеть на сбрую епанча
 Съ крестомъ зубчатымъ Калатравы.

Межъ тѣмъ какъ, пѣня удила,
 Сердитый конь по звонкимъ плитамъ
 Нетерпѣливымъ бьетъ копытомъ,
 Онъ самъ, не трогаясь съ сѣдла,

Толпѣ не внемля разъяренной
И какъ видѣнъ пораженъ,
Вперяетъ взоръ свой восхищенный
Въ толпу испуганную женъ.
Кто-жъ онъ? И чьей красою чудной
Поступокъ вызванъ безразсудный?
Кто изъ красавицъ этихъ всѣхъ
Его вовлекъ во смертный грѣхъ?
Ихъ собралось сюда немало,
И юныхъ женщинъ и дѣвицъ,
И не скрываютъ покрывала
Во храмѣ Божиѣмъ ихъ лицъ;
И послѣ перваго смущенья
Участья шопотъ и прощенья
Межъ нихъ, какъ искра, пробѣжалъ;
Пошли догадка за догадкой,
И смѣхъ послышался украдкой
Изъ-за нарядныхъ опахалъ.
Но, мыслью полная иною,
Одна, въ сознаньи красоты,
Спѣшила тканью кружевною
Покрывать виновныя черты.

II.

- Я сознаюсь въ любви мятежной,
Въ тревогѣ чувствъ, въ безумьѣ дѣлъ—
Тому безумью неизбежно,
Кто разъ, синьора, васъ узрѣлъ!
Пусть мой поступокъ безъ примѣра,
Пусть проклять буду я отъ всѣхъ—
Есть волѣ грань, есть силамъ мѣра;
Господь проститъ мой тяжкій грѣхъ,
Проститъ порывъ мой дерзновенный,
Когда я, страстию горя,
Твой ликъ узнавъ благословенный,
Забылъ святыню алтаря!
Но если нѣтъ ужъ мнѣ прощенья,
Я не раскаиваюсь — знай—
Я отрекаюсь отъ спасенья,
Моя любовь мнѣ будетъ рай!
Я все попру, я все разрушу,
За мигъ блаженства отдаю
Мою измученную душу

И мѣсто въ будущемъ раю!..
 Синьора, здѣсь я жду отвѣта,
 Рѣшите словомъ мой удѣлъ,
 На край меня пошлите свѣта,
 Задайте рядъ опасныхъ дѣлъ—
 Я жду лишь знака, жду лишь взора,
 Спѣшите участь мнѣ изречь—
 У вашихъ ногъ лежать, синьора,
 Мой умъ, и жизнь, и честь, и мечъ!

Замолкъ. Въ невольномъ видить страхъ
 Она лежащаго во прахъ;
 Ему отвѣтить силы нѣтъ—
 Какой безумцу дать отвѣтъ?
 Не такъ онъ, какъ другіе, любить,
 Прямой отказъ его погубить,
 И чтобъ снести его онъ могъ,
 Нужны пощада и предлогъ.
 И вотъ она, на вызовъ страстный
 Склонивъ привѣтливо свой взоръ,
 Съ улыбкой тихой и прекрасной:
 — Вставайте, говорить, синьоръ!
 Я вижу, вами овладѣла
 Любовь безъ мѣры и предѣла,
 Любить какъ вы никто-бъ не могъ,
 Но кратокъ жизни нашей срокъ;
 Я вашу страсть дѣлать готова,
 Но этотъ пылъ для міра новый
 Мы заключить бы не могли
 Въ условия бранныя земли;
 Чтобъ огонь вмѣстить неугасимый,
 Безсмертны сдѣлаться должны мы.
 Оно возможно; жизни нить
 Лишь стѣбитъ чарами продлить.
 Я какъ-то слышала случайно,
 Что достаютъ для этой тайны
 Какой-то корень, или злкъ,
 Не знаю гдѣ, не знаю какъ,
 Но вамъ по сердцу подвигъ трудный—
 Достаньте-жъ этотъ корень чудный,
 Ко мнѣ вернитесь — и тогда
 Я ваша буду навсегда!—
 И вспрянулъ онъ, блестя очами:

— Клянуся небомъ и землей
Исполнить заданное вами,
Какою-бъ ни было цѣной!
И вѣдать отдыха не буду
И всѣмъ страданьямъ обрекусь,
Но жизни тайну я добуду
И къ вамъ съ безсмертіемъ вернусь!

III.

Отъ береговъ благоуханныхъ,
Гдѣ спятъ лавровые лѣса,
Уходитъ въ даль зыбей туманныхъ
Корабль, надувши паруса.
На немъ изгнанникъ молчаливый
Вдали желанный ловить сонъ,
И взоръ его нетерпѣливый
Въ пространство синее вперѣнъ.
— Вы, моря шумнаго пучины,
Ты, неба вѣчнаго просторъ,
И ты, свѣтилъ блестящій хоръ,
И вы, родной земли вершины,
Поля и пестрые цвѣты,
И съ горъ струящіяся воды,
Отдѣльно взятыя черты
Всецѣльно дышащей природы!
Какая васъ связала нить
Одну другой свѣтлѣй и краше?
Какимъ закономъ объяснить
Родство таинственное наше?
Ты, всесторонность бытія,
Неисчерпаемость явленья,
Въ тебѣ повсюду вижу я
Того же свѣта преломленья.
Внутри души его собрать,
Его лучей блудящій пламень
Въ единый снопокъ всеильно сжать—
Вотъ Соломонова печать,
Вотъ Трисмегиста дивный камень!
Тотъ всеобъемлющій законъ,
Которымъ все живетъ отъ вѣка,
Онъ въ насъ самихъ — онъ заключенъ
Незримо въ сердцѣ челоуѣка!
Его любовь, и гнѣвъ и страхъ,

Его стремленья и желанья,
Все, что кипитъ въ его дѣлахъ,
Чѣмъ онъ живетъ и движетъ прахъ—
Есть та же сила мірозданья!
Не въ пыльной кельѣ мудреца
Я смыслъ ея найду глубокой—
Въ живыя погрузить сердца
Я долженъ мысленное око!
Среди борьбы, среди войны,
Средь тревоженія событій,
Отдѣльныхъ жизней сплетены
Всечасно рвущіяся нити,
И кто безсмертье хочетъ пить
Изъ мимолетнаго фіала,
Тотъ микрокосма изучить
Спѣши кипящія начала!

Есть край завѣтный и святой,
Гдѣ дважды жизненная сила
Себя двояко проявила
Недостижимой высотой:
Одинъ, въ поляхъ Кампаньи дикой,
Предназначеніемъ хранимъ,
Стоитъ торжественный, великой,
Несокрушимый, вѣчный Римъ.
Къ нему, къ подобію вселенной,
Теперь держать я долженъ путь,
Въ его движеніи почерпнуть
Законъ движенія неизмѣнный.
Лети-жь, корабль крылатый мой,
Лети въ безбережномъ просторѣ,
А ты, подъ вѣрною кормой,
Шуми, шуми и пѣнься, море!

.
.
.

ПОРТРЕТЪ.

ПОВѢСТЬ ВЪ СТИХАХЪ.

1.

Воспоминаній рой, какъ мошекъ туча,
Вокругъ меня снуеть съ недавнихъ поръ.
Изъ ихъ толпы, цвѣтистой и летучей,
Составить могъ бы цѣлый я обзоръ,
Но приведу пока одинъ лишь случай;
Разсудку онъ имѣлъ наперекоръ
На жизнь мою немалое вліянье—
Такъ пусть другимъ послужитъ въ назиданье...

2.

Извѣстно, нѣтъ событій безъ слѣда:
Прошедшее, прискорбно или мило,
Ни личностямъ доселѣ никогда
Ни націямъ съ рукъ даромъ не сходило.
Тому теперъ, — но вычислять года
Я не гораздъ — я думаю, мнѣ было
Одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ—
Съ тѣхъ поръ успѣмъ перемѣниться свѣтъ.

3.

Подумать можно: протекло лѣтъ сѣ-сто,
Такъ повернулось старое вверхъ дномъ;
А въ сущности все совершилось просто,
Такъ просто, что — но дѣло не о томъ!
У самага Аничковскаго моста
Большой тогда мы занимали домъ:

Онъ былъ — никто не усомнится въ этомъ —
Какъ прочіе, окрашенъ желтымъ цвѣтомъ.

4.

Замѣтилъ я, что желтый этотъ цвѣтъ
Особенно льститъ сердцу патріота;
Обмазать вохрой домъ, иль лазаретъ,
Неодолима русскаго охота;
Начальство также въ этомъ съ давнихъ лѣтъ
Благонамѣренное видитъ что-то,
И вохрятся въ губерніяхъ сплеча
Палаты, храмъ, острогъ и каланча.

5.

Ревенный цвѣтъ и линія прямая —
Вотъ идеаль изящества для насъ.
Наслѣдники Батыя и Мамая,
Командовать мы приучили глазъ
И, площади за степи принимая,
Хотимъ глядѣть изъ Тулы въ Арзамасъ.
Прекрасное искать мы любимъ въ пошломъ —
Не такъ о томъ судили въ вѣкъ прошломъ.

6.

Въ своемъ дому любилъ аристократъ
Капризные изгибы и уступы,
Убранный медальонами фасадъ,
Съ гирляндами колоннъ ненужныхъ купы,
На крышѣ вазъ или амуровъ рядъ,
На воротахъ причудливыя группы.
Перенимать съ недавнихъ стали поръ
У дѣдовъ мы весь этотъ милый вздоръ.

7.

Въ мой-жъ года хорошимъ было тономъ
Казарменному вкусу подражать,
И четырѣмъ или восьми колоннамъ
Вмѣнялось въ долгъ шеренгою торчать
Подъ неизбѣжнымъ греческимъ фронтономъ.
Во Франціи такую благодать
Завелъ, въ свой вѣкъ воинственныхъ плеевъ,
Наполеонъ, въ Россіи-жъ — Аракчеевъ.

8.

Таковъ и нашъ фасадъ былъ; но внутри
Характеръ свой прошедшаго столѣтя
Домъ сохранилъ. Покоя два иль три
Могли-бъ восторга вызвать междометье
У знатока.. Изъ бронзы фонари
Въ стѣняхъ висѣли, и любилъ смотрѣть я,
Хоть былъ тогда въ искусствѣ не толковъ,
На лѣпку стѣнъ и форму потолковъ.

9.

Родителей своихъ я видѣлъ мало;
Отецъ былъ занятъ; братьевъ и сестёръ
Я не знавалъ; мать много выѣзжала;
Ворчали вѣчно тётки; съ раннихъ поръ
Привыкъ одинъ бродить я въ залъ изъ зала
И населять мечтами ихъ просторъ.
Такъ подвиги, достойные романа,
Вобразать себѣ я началъ рано.

10.

Дѣйствительность, напротивъ, мнѣ была
Отъ малыхъ лѣтъ несносна и противна;
Жизнь, какъ она вокругъ меня текла,
Все въ той же прозѣ движась непрерывно,
Все, что зовутъ серьёзныя дѣла—
Я ненавидѣлъ съ дѣтства инстинктивно.
Не говорю, чтобъ въ этомъ былъ я правъ,
Но видно такъ ужъ мой сложился нравъ.

11.

Цвѣты у насъ стояли въ разныхъ залахъ:
Желтофіолей много золотыхъ
И много гяцинтовъ, синихъ, алыхъ,
И палевыхъ, и блѣдно-голубыхъ;
И я, міровъ искатель небывалыхъ,
Любилъ вникать въ благоуханье ихъ,
И въ каждомъ запахъ индивидуальный
Мнѣ музыкой какъ будто вѣялъ дальной.

12.

Въ иные-жъ дни, прервавъ мечтаній сонъ,
Случалось мнѣ очнуться, въ удивленьи,

Съ цвѣткомъ въ рукѣ. Какъ мной былъ сорванъ онъ—
Не помнилъ я; но въ чудныя видѣнья.
Былъ запахомъ его я погруженъ.
Такъ превращало мнѣ воображенье
Въ волшебный міръ нашъ скучный старый домъ—
А жизнь межъ тѣмъ шла прежнимъ чередомъ.

13.

Предметы тѣ-жь, зимою какъ и лѣтомъ,
Реальный міръ являлъ моимъ глазамъ:
Учителя ходили по билетамъ
Все тѣ-жь ко мнѣ; порхалъ по четвергамъ
Танцмейстеръ, весь пропитанный балетомъ,
Со скрипкою пискливой, и мнѣ самъ
Мой гувернёръ, въ назначенные сроки,
Преподавалъ латинскіе уроки.

14.

Онъ нѣмецъ былъ отъ головы до ногъ,
Ученъ, серьёзенъ, очень аккуратенъ,
Всегда къ себѣ неумолимо-строгъ,
И не терпѣлъ на мнѣ чернильныхъ пятенъ.
Но, признаюсь, его глубокий слогъ
Былъ для меня отчасти непонятенъ,
Особенно когда онъ объяснялъ,
Что разумѣть подъ словомъ «идеаль».

15.

Любезенъ былъ ему Страбонъ и Плиній,
Горація онъ зналъ до тошноты,
И, что у насъ такъ рѣдко видишь нынѣ,
Высоко чтить художества цвѣты,
При чемъ законъ волнообразныхъ линий
Мнѣ поставлялъ условьемъ красоты;
А чтобъ система не пропала праздно,
Онъ самъ и ѣлъ и пилъ волнообразно.

16.

Достоинствомъ проникнутый всегда,
Онъ формою былъ много озабоченъ.
«Das Formlose — о, это есть бѣда!»
Онъ повторялъ, и обижался очень,

Когда себѣ кто не давалъ труда,
Иль не умѣлъ въ формальностяхъ быть точенъ;
А красоты классической печать
Наглядно мнѣ давалъ онъ изучать.

17.

Онъ говорилъ: — Смотрите, для примѣра,
Я нѣсколько приму античныхъ позъ:
Вотъ такъ стоитъ Милосская Венера;
Такъ очертанье Вакха создалось;
Вотъ этакъ Зевсъ описанъ у Гомера;
Вотъ понять какъ Праксителемъ Эросъ.
А вотъ теперь я Аполлономъ стану, —
И походилъ тогда на обезьяну.

18.

Я думаю, поймешь, читатель, ты,
Что врядъ ли могъ я этимъ быть доволенъ;
Тѣмъ болѣе, что чувствомъ красоты
Я отъ природы не былъ обездоленъ;
Но у кого всѣ средства отняты,
Тотъ слышитъ звонъ, не видя колоколенъ;
А слова я хотя не понималъ,
Но чуялся иной мнѣ «идеаль».

19.

И я душой искалъ его пытливо, —
Но чтó найти вокругъ себя я могъ?
Старухи-тѣтки нѣ были красивы,
Величественъ мой нѣ былъ педагогъ —
И потому мнѣ кажется не диво,
Что типами ихъ лицъ я пренебрѣгъ,
И на одной изъ стѣнъ большого зала
Типъ красоты мечта моя сыскала:

20.

То молодой былъ женщины портретъ,
Въ граціозной позѣ. Нѣсколько поблѣкъ онъ,
Иль, можетъ-быть, показывалъ такъ свѣтъ
Сквозь кружевные занавѣсы оконъ.
Грудь украшалъ ей розовый букетъ,
Напудренный на плечи падалъ локонъ.

И, полный розъ, передникъ изъ тафты
За кончики несли ея персты.

21.

Иные скажутъ: живопись упадка!
Условная, пустая красота!
Быть-можетъ, такъ; но каждая въ ней складка
Мнѣ правилась, а тонкая черта
Мой юный умъ дразнила какъ загадка.
Казалось мнѣ: лукавыя уста,
На зло глазамъ, исполненнымъ печали,
Свои края чуть-чуть приподымали.

22.

И странно то, что было въ каждый часъ
Въ ея лицѣ иное выраженье;
Такихъ отбѣнковъ множество не разъ
Подсматриваль въ одинъ и тотъ же день я:
Мѣнялся цвѣтъ неуловимый глазъ,
Мѣнялось усть неясное значенье,
И выражалъ поочередно взоръ:
Кокетство, ласку, просьбу иль укоръ.

23.

Ея судьбы не знаю я понынѣ:
Была-ль маркиза юная она,
Погибшая, увы, на гильотинѣ?
Иль, въ Питерѣ блестящемъ рождена,
При матушкѣ цвѣла Екатеринѣ,
Играла въ ломбръ, привѣтна и умна,
И средь огней Потемкинскаго бала
Какъ солнце всѣхъ красою побѣждала?

24.

Объ этомъ я не спрашиваль тогда,
И важную на то имѣлъ причину:
Преодолѣть я тайнаго стыда
Никакъ не могъ — теперь его откину;
Могу, увы, признаться безъ труда,
Что под-уши влюбился я въ картину,
Такъ, что страдала нѣсколько латынь;
Ужъ кто влюбленъ, тотъ мудрость лучше кинь!

25.

Наставникъ мой былъ мною недоволенъ,
Его чело сталъ омрачать туманъ;
Онъ говорилъ, что я ничѣмъ не боленъ,
Что это лѣнь, и что — «Wer will, der kann!»
На этотъ счетъ онъ былъ многоглаголенъ
И повторялъ, что намъ разсудокъ данъ,
Дабы собой мы все владѣли болѣ
И управлять учились нашей волей.

26.

Былъ, кажется, поклонникъ Канта онъ,
Но этотъ разъ забылъ его ученье,
Что «Ding an sich», лишь только воплощенъ,
Лишается свободаго хотѣнья;
Я-жъ скоро былъ къ той вѣрѣ приведенъ,
Что наша воля плодъ предназначенья,
Зане я тщетно, сколько ни потѣлъ,
Хотѣлъ хотѣть иное, чѣмъ хотѣлъ.

27.

Въ грамматикѣ, намѣсто скучныхъ правилъ,
Мнѣ видѣлся все тотъ же милый ликъ;
Безъ счету мнѣ нули наставникъ ставилъ,—
Ихъ получать я наконецъ привыкъ,
Прилежностью себя я не прославилъ
И лишь позднѣй добился и постигъ,
Въ чемъ состоятъ спряженія красоты.
О, классицизмъ, даешься не легко ты!

28.

Все-жъ изъ меня не вышелъ реалистъ—
Да извинить мнѣ Стасюлевичъ это!
Недаромъ свой мнѣ посвящала свистъ
Ужъ не одна реальная газета.
Я-жъ не злобивъ: пусть виноградный листъ
Прикроетъ имъ небрежность туалета,
И пусть Зевесъ, чья сила велика,
Ихъ русскаго сподобитъ языка!

29.

Да, классикъ я — но до извѣстной мѣры:
Я-бъ не хотѣлъ, чтобъ почеркомъ пера

Присуждены всѣ были землемѣры,
Механики, купцы, кондуктора
Вергилія долбить или Гомера—
Избави Богъ! Не та теперь пора!
Для разныхъ нуждъ и выгодъ матеріальныхъ,
Желаю намъ поболѣ школъ реальныхъ.

30.

Но я скажу: не паровозовъ дымъ
И не реторты движутъ просвѣщенье:
Свою къ нему способность изощримъ
Лишь строгой мы гимнастикой мышленья;
И мнѣ сдается: правъ мой омонимъ,
Что классицизму даль онъ предпочтенье,
Котораго такъ прочно тяжкій плугъ
Взрываетъ новъ подъ сѣмена науки.

31.

Все дѣло въ мѣрѣ... Впрочемъ, отъ предмета
Отвлекаясь я—вернусь къ нему опять:
Тѣ колебанья въ линіяхъ портрета
Потребностью мнѣ стало изучать.
Ребачество, конечно, было это,
Но всякій вечеръ я, ложаясь спать,
Все думалъ: какъ по минованьи ночи
Мой встрѣтятъ взоръ измѣнчивыя очи!

32.

Меня влекла ихъ странная краса,
Какъ путника студѣный ключъ въ пустынѣ.
Вставалъ я въ семь, а ровно въ два часа,
Отдавъ сполна дань суккѣ и латыни,
Благословлялъ усердно небеса.
Обѣдали въ то время въ половинѣ
Четвертаго. Въ часъ этотъ, въ январѣ,
Ужъ сумерки бываютъ на дворѣ.

33.

И всякій день, собравъ мои тетради,
Умывши руки, пыль съ воротничка
Смахнувъ платкомъ, вихры свои пригладя
И совершивъ два или три прыжка,

Я шель къ портрету наблюдений ради;
Само собой я шель исподтишка,
Какъ будто вовсе не было мнѣ дѣла,
Какъ на меня красавица глядѣла.

34.

Тогда пустой, почти былъ тѣмень залъ,
Но бѣглый свѣтъ горящаго камина
На потолкѣ расписанномъ дрожаль
И на стѣнѣ, гдѣ видѣлась картина;
Ручной органъ на улицѣ играль;
Тѣ, кажется, Моцарта каватина
Всегда въ ту пору пѣла свой мотивъ,
И слушалъ я, взоръ въ живопись вперивъ.

35.

Мнѣ чудилось въ тѣхъ звукахъ толкованье
И тайный ключъ къ загадочнымъ чертамъ;
Росло души неясное желанье,
Со счастьемъ грусть мѣшалась пополамъ;
То юности платилъ, должно-быть, дань я,
Чего хотѣлъ, не понималъ я самъ,
Но что-то вслухъ уста мои шептали,
Пока меня къ столу не призывали.

36.

И, впечатлѣнья думъ моихъ храня,
Я нѣхотя глоталь тарелку супа;
Съ усмѣшкой всѣ глядѣли на меня,
Мое лицо, должно-быть, было глупо.
Застѣнчивѣй сталъ день я ото-дня,
Смотрѣлъ на всѣхъ разсѣяннo и тупо,
И на себя родителей упрекъ
Не разъ своей неловкостью навлекъ.

37.

Но было мнѣ страшнѣй всего на свѣтѣ,
Чтобъ изъ большихъ случайно кто-нибудь
Заговорить не вздумаль о портретѣ
Иль, хоть слегка, при мнѣ упомянуть.
Отъ мысли той (смѣшны бываютъ дѣти!)
Ужъ я краснѣлъ, моя сжималась грудь,

И казни-бъ я подвергся уголовной,
Чтобъ не открыть любви моей грѣховной.

38.

Мнѣ памятно еще до этихъ поръ,
Какія я выдумывалъ уловки,
Чтобъ измѣнить искусно разговоръ,
Когда предметы дѣлались неловки;
А прошлый вѣкъ, Екатерининъ дворъ,
Роброны, пудра, фижмы иль шнуровки,
И даже самъ Державинъ, авторъ одъ,
Ужъ издали меня бросали въ потъ.

39.

Читатель мой, скажи, ты былъ ли молодъ?
Не всякому извѣстенъ сей недугъ,
Пора, когда любви насъ мучить голодъ,
Для многихъ есть не болѣе какъ звукъ;
Намъ на Руси любить мѣшаетъ холодъ
И, сверхъ того, за службой недосугъ:
Не многіе у насъ родятся наги—
Большая часть въ мундирѣ и при шпагѣ.

40.

Но если, свѣтъ увидя между насъ,
Ты рѣдкое являешь исключенье,
И не совсѣмъ огонь въ тебѣ погасъ
Тѣхъ дней, когда намъ новы впечатлѣнья,
Быть-можетъ, ты поймешь, какъ въ первый разъ
Онъ озарилъ мое уединенье,
Какъ съ каждымъ днемъ онъ разгорался вновь,
И какъ свою лелѣялъ я любовь.

41.

Была пора то дерзостныхъ догадокъ,
Когда кипить вопросами нашъ умъ;
Когда для насъ мучителенъ и сладокъ
Бываетъ платья шелковаго шумъ;
Когда души смущенной безпорядокъ
Намъ не даетъ смирить прибоя думъ,
И, безъ руля волнами ихъ несомы,
Мы взоромъ ищемъ берегъ незнакомый.

42.

О, чудное мерцанье тѣхъ времёнъ.
Гдѣ мы себя еще не понимаемъ!
О, дни, когда, раскрывши лексиконъ,
Мы отъ иного слова замираемъ!
О, трепеть чувствъ, случайностью рождёнъ,
Душистый цвѣтъ, плодомъ незамѣняемъ,
Тревожной жизни первая вѣха:
Бредъ чистоты съ предвкусіемъ грѣха!

43.

Внималъ его я голосу послушно,
Какъ лепетанью вѣющаго сна...
Въ средѣ сухой, придирчивой и душевной
Мнѣ стало вдругъ казаться, что *она*
Къ моей любви не вовсе равнодушна
И безъ насмѣшки смотритъ съ полотна;
И вскорѣ я въ томъ новомъ выраженіи
Участіе прочелъ и ободренье.

44.

Мнѣ взоръ ея, казалось, говорилъ:
— Не унывай, крѣпись, настало время—
У насъ съ тобой теперь довольно силъ,
Чтобъ нашихъ путь обоимъ скинуть бремя;
Меня къ холсту художникъ пригвоздилъ,
Ты-жъ за ребенка почитаемъ всѣми,
Тебя гнетутъ — но ты уже большой,
Давно тебя постигла я душой;

45.

Тебѣ дано мнѣ оказать услугу,
Пойми меня — на помощь я зову!
Хочу тебѣ довѣриться какъ другу:
Я не портретъ, я мысль и живу!
Въ своихъ ты снахъ искалъ во мнѣ подругу—
Ее найти ты можешь наяву!
Меня добыть тебѣ не трудно съ бою—
Лишь доверши начатое тобою!

46.

Два цѣлыхъ дня ходилъ я какъ въ чаду
И спрашивалъ себя въ недоумѣнни:

— Какъ средство я спасти ее найду?
Откуда взять возможность и умѣнье?
Такъ иногда лежащаго въ бреду
Задачи темной мучить разрѣшенье.
Я повторялъ: — спасу ее — но какъ?
О, если-бъ дать она могла мнѣ знакъ!

47.

И въ сумерки, въ тотъ самый часъ завѣтный,
Когда шарманка пѣла подѣ окномъ,
Я въ залъ пустой прокрался непримѣтно,
Чтобы мечтать о подвигѣ моемъ.
Но голову ломалъ себѣ я тщетно
И былъ готовъ ударить въ стѣну лбомъ,
Какъ юнаго воображенья сила
Нежданно мнѣ задачу разрѣшила:

48.

При отблескѣ каминнаго огня,
Картина какъ-то задрожала въ рамѣ,
Сперва взглянула словно на меня
Молящими и влажными глазами,
Потомъ, рѣсницы медленно склоня,
Свой взоръ на шкапъ съ узорными часами
Направила. Взоръ говорилъ: Смотри!
Часы тогда показывали: три.

49.

Я понялъ все. Средь шума дня не смѣла
Одѣться въ плоть и кровь ея краса,
Но ночью — о, тогда другое дѣло!
Въ почной тѣни возможны чудеса!
И на часы затѣмъ она глядѣла,
Чтобъ этой ночью, ровно въ три часа,
Когда весь домъ покоится въ молчаньи,
Я къ ней пришелъ на тайное свиданье.

50.

— Да, это такъ, сомнѣній болѣ нѣтъ!
Моей любви могущество безъ грани!
Коль захочу, я вызову на свѣтъ,
Что такъ давно мнѣ видится въ туманѣ!

Но только ночью оживеть портретъ—
Какъ я о томъ не догадался ранѣ!?
И сладостно и жутко стало мнѣ,
И бѣгали мурашки по спинѣ.

51.

Остатокъ дня провелъ я благонаравно,
Приготовлялъ глаголы, не тужа,
Долбилъ предлоги и зубрилъ исправно,
Какого каждый просить падежа;
Когда ходилъ, ступалъ легко и плавно,
Расположеньемъ старшихъ дорожа,
И вообще старался въ этотъ день я
Не возбудить чѣмъ-либо подозрѣнья.

52.

Сидѣли гости вечеромъ у насъ,
Я долженъ былъ, по принятой системѣ,
Быть налицо. Прескучная велась
Межъ нихъ бесѣда, и меня какъ бремя
Она гнела. Насталъ насилу часъ
Идти мнѣ спать. Простившись со всѣми,
Я радостно отправился домой—
Мой педагогъ послѣдовалъ за мной.

53.

Я тотчасъ легъ и, будто утомлѣнный,
Закрывъ глаза, но долго онъ ходилъ
Предъ зеркаломъ, наморща лобъ учѣный,
И свой вакштафъ торжественно курилъ;
Но наконецъ снялъ фракъ и панталоны,
Въ постелю влѣзъ и свѣчку погасилъ.
Должно-быть, онъ заснулъ довольно сладко,
Меня-жь трясла и била лихорадка.

54.

Но время шло, и вотъ гостямъ пора
Настала разъѣзжаться. Понялъ это
Я изъ того, что стали кучера
Возиться у подъѣзда; струйки свѣта
На потолокъ забѣгали; съ двора
Послѣдняя отъѣхала карета,

И въ домѣ стихло все. Свиданья-жъ срокъ—
Читатель помнись — былъ еще далёкъ.

55.

Теперь я долженъ — но не знаю, право,
Какъ оправдать себя во мнѣннхъ дамъ?
На ихъ участіе потерялъ я право,
На милость ихъ судьбу свою отдамъ!
Да, добрая моя страдаетъ слава:
Какъ вышло то — не понимаю самъ—
Но, въ ожиданьи сладостнаго срока,
Я вдругъ заснулъ постыдно и глубоко...

56.

Что видѣлъ я въ томъ недостойномъ снѣ,
Моя лишь смутно память сохранила,
Но что-жъ могло иное сниться мнѣ,
Какъ не она, кѣмъ сердце полно было?
Уставшая скучать на полотнѣ,
Она меня забвеніемъ корила,
И стала совѣсть такъ моя тяжка,
Что я проснулся, словно отъ толчка.

57.

Въ раскаяннхъ, въ испугѣ и въ смятеннхъ,
Рукой невѣрной спичку я зажгѣгъ;
Предметовъ вдругъ зашевелились тѣни,
Но, къ счастью, спаль мой крѣпко педагогъ;
Я въ радостномъ увидѣлъ удивленнхъ,
Что не прошелъ назначенный мнѣ срокъ:
До трехъ часовъ — оно, конечно, мало —
Пяти минутъ еще не доставало.

58.

И поспѣшилъ скорѣй одѣться я,
Чтобъ искупить поступокъ непохвальный,
Держа свѣчу, дыханье притая,
Тихонько вышелъ я изъ нашей спальной;
Но голова кружилася моя,
И сердца стукъ мнѣ слышался буквально,
Пока я шелъ чрезъ длинный комнать рядъ,
На зеркала бояся бросить взглядъ.

59.

Зналь хорошо я всё покои дома,
Но въ непривычной тишинѣ ночной
Мнѣ все теперь казалось незнакомо;
Мой шагъ звучалъ какъ будто бы чужой,
И странно такъ отъ тѣни переломы,
По сторонамъ и прямо надо мной,
То стлались, то на-стѣну вползали—
Стараясь ихъ не видѣть, шель я далѣ.

60.

И вотъ уже та роковая дверь—
Единый шагъ — судьба моя рѣшится—
Но что-то вдругъ неожиданное теперь
Заставило меня остановиться.
Читатель-другъ, — ты вѣрь, или не вѣрь —
Мнѣ слышалось: Не лучше-ль воротиться?
Ты не такимъ изъ двери выйдешь той,
Какимъ войдешь съ невинной простотой!

61.

То ангела-ль хранителя былъ голосъ?
Иль тайный страхъ мнѣ на-ухо шепталъ?
Но съ опасеньемъ страсть моя боролась,
А ложный стыдъ желанье подстрекалъ.
— Нѣтъ! я рѣшилъ — и на затылкѣ волосъ
Мой поднялся: — придти я обѣщаль!
Какое тамъ ни встрѣчу испытанье,
Мнѣ честь велить исполнить обѣщанье!

62.

И повернулъ невѣрною рукой
Замковую я ручку. Отворилась
Безъ шума дверь: былъ сумраченъ покой,
Но блѣдное сіянье въ немъ струилось;
Хрустальной люстры отблескъ голубой
Мерцалъ въ тѣни, и тихо шевелилась
Подвѣсокъ цѣпь, напоминая мнѣ
Игру росы на листьяхъ при лунѣ.

63.

И былъ ли то обманъ воображенья,
Иль истина — по залу пронеслось

Какъ свѣжести какой-то дуновенье,
И запахъ мнѣ почувствовался розъ.
Чудеснаго я понялъ приближенье,
По тѣлу легкой пробѣжалъ морозъ,
Но превозмогъ я скоро слабость эту .
И подошелъ съ рѣшимостью къ портрету.

64.

Онъ весь сіялъ, какъ будто отъ луны,
Малѣйшія подробности одежды,
Черты лица всѣ были мнѣ видны,
И томно такъ приподымались вѣжды,
И такъ глаза казались полны
Любви и слезъ, и грусти и надежды,
Такимъ горѣли сдержаннымъ огнѣмъ,
Какъ я еще не видывалъ ихъ днѣмъ.

65.

Мой страхъ исчезъ. Мучительно-пріятно
Съ томящей нѣгой жгучая тоска
Во мнѣ въ одинъ отгѣнокъ непонятный
Смѣшались. Нѣтъ въ мірѣ языка
То ощущение передать; невнятно
Мнѣ слышался какъ зовъ издадека,
Мнѣ словно міръ провидѣлся надзвѣздный—
И чуялась какъ будто близость бездны.

66.

И думалъ я: нѣтъ, то была не ложь,
Когда любить меня ты обѣщала!
Ты для меня сегодня оживешь—
Я здѣсь — я жду — зачѣмъ же дѣло стало?
Я взоръ ея ловилъ — и снова дрожь,
Но дрожь любви, по жиламъ пробѣгала,
И ревности огонь, Богъ вѣсть къ кому,
Понятенъ сталъ безумью моему.

67.

Возможно-ль? какъ? Недвижна ты доселѣ?
Иль взоровъ я твоихъ не понималъ?
Иль, чтобы мнѣ довѣриться на дѣлѣ,
Тебѣ кажусь ничтоженъ я и малъ?

Иль я ребенокъ? Боже! Иль ужели
Твою любовь другой себѣ стяжалъ?
Кто онъ? когда? и по какому праву?
Пускай придетъ со мною на расправу!

68.

Такъ проходилъ, средь явственнаго сна,
Всѣ муки я сердечнаго пожара...
О, богъ любви! Ты молодъ, какъ весна,
Твои-жъ пути какъ мірозданье стары!
Но вотъ какъ будто дрогнула стѣна,
Раздался шипъ — и мѣрныхъ три удара,
Въ ночной тиши отчетисто звеня,
Взглянуть назадъ заставили меня.

69.

И ихъ еще не замерло дрожанье,
Какъ измѣнился вдругъ покоя видъ:
Исчезли ночь и лунное сіянье,
Зажглися люстры; блескомъ весь облить,
Казалось, вновь для бала или собранья
Старинный залъ сверкаетъ и горитъ,
И было въ немъ — я видѣть могъ свободно —
Все такъ свѣжо и вмѣстѣ старомодно.

70.

Воскресшія убранство и красу
Минувшихъ дней узналъ я предъ собою;
Мой пульсъ стучалъ, какъ будто бы несу
Я кузницу въ груди; въ ушахъ, съ прибою,
Шумѣла кровь; такъ въ молодомъ лѣсу
Пернатыхъ гамъ намъ слышится весною;
Такъ пчель рой, шмелямъ гудящимъ въ ладъ,
Въ іюльскій зной надъ гречкою жужжать.

71.

Что-жъ это? Сонъ? и я лежу въ постели?
Но нѣтъ, вотъ раму щупаетъ рука —
Я точно здѣсь — вотъ ясно проскрипѣли
На улицѣ полозья... Съ потолка
Посыпалася известь; вотъ въ панели
Какъ будто что-то треснуло слегка...

Вотъ словно шелкомъ вдругъ зашелестило...
Я поднялъ взоръ — и духъ мнѣ захватило.

72.

Все въ томъ же положеніи, она
Теперь почти отъ грунта отдѣлялась;
Ужъ грудь ея, свѣчьми озарена,
По временамъ замѣтно подымалась;
Но отрѣшиться себя отъ полотна
Она вотще какъ будто бы старалась,
И ясно мнѣ все говорило въ ней:
О, захоти, о, захоти сильнѣй!

73.

Все, что я могъ сосредоточить воли,
Все на нее теперь я устремилъ.
Мой страстный взоръ живилъ ее все болѣ,
И видимо ей прибавлялось силъ;
Уже одежда зыблилась, какъ въ полѣ
Подъ легкимъ вѣтромъ зыблется ковыль,
И все сильнѣй ея шуршали волны
И вздрагивалъ цвѣтовъ передникъ полный.

74.

— Еще, еще! хоти еще сильнѣй!
Такъ влажные глаза мнѣ говорили;
И я хотѣлъ всей страстію моею—
И отъ моихъ, казалось, усилій
Свободнѣе все дѣлалось ей—
И вдругъ персты передникъ упустили—
И ворохъ розъ, покоившійся въ немъ,
Къ моимъ ногамъ посыпался дождемъ.

75.

Движеніемъ плавнымъ платью расправляя,
Она сошла изъ рамы на паркетъ;
Съ террасы въ садъ, дышать цвѣтами мая,
Такъ дѣвушка въ шестнадцать сходить лѣтъ;
Но я стоялъ, еще не понимая,
Она ли то передо мной, иль нѣтъ,
Стоялъ, нѣмой отъ счастья и испуга—
И молча мы смотрѣли другъ на друга.

76.

Когда бы я гвардейскій былъ гусарь,
Или хотя полковникъ инженерный,
Искусно-бъ мой я выразилъ ей жаръ
И комплиментъ сказалъ бы ей примѣрный;
Но не данъ былъ развязности мнѣ даръ,
И стало такъ неловко мнѣ и скверно,
Что я не зналъ, стоять или шагнуть,
А долгъ велѣлъ мнѣ сдѣлать что-нибудь.

77.

И, мой урокъ припомня танцевальный,
Я для поклона сдѣлалъ два шага,
Потомъ взялъ вбокъ, легко и натурально
Примкнулась къ лѣвой правая нога,
Отвисли обѣ руки вертикально,
И я предъ ней согнулся какъ дуга,
Она-жь, какъ скоро выпрямилъ я тѣло,
Насмѣшливо мнѣ до-полу присѣла.

78.

Но между насъ, теперь я убѣжденъ,
Происходило недоразумѣнье,
И мой она классическій поклонъ,
Какъ видно, приняла за приглашенье
Съ ней танцовать. Я былъ тѣмъ удивленъ,
Но вывести ее изъ заблужденья
Мѣшала мнѣ застѣнчивость моя—
И руку ей, конфузясь, подалъ я.

79.

Тутъ тихо, тихо, словно издалѣка,
Послышался старинный менуэтъ:
Подъ говоръ струй такъ шелеститъ осока,
Или, когда вечерній меркнетъ свѣтъ,
Хрущи, кружась надъ липами высоко,
Поютъ веснѣ немолчный свой привѣтъ,
И чудятся намъ, въ шумѣ ихъ полета,
И вьолончеля звуки и фагота.

80.

И вотъ, держася за-руки едва,
Въ приличномъ другъ отъ друга разстояньи,

Подъ музыку мы двинулись, сперва
На цыпочкахъ, въ торжественномъ молчаньи.
Но, сдѣлавши со мною тура два,
Она вдругъ стала, словно въ ожиданьи,
И вырвался изъ свѣжихъ устъ ея
Веселый смѣхъ, какъ рокоть соловья.

81.

Поступкомъ симъ обиженный немало,
Я взоръ склонилъ, достоинство храня.
— О, не сердись, мой другъ, — она сказала:—
И не кори за вѣтренность меня:
Мнѣ такъ смѣшно! Повѣрь, я не встрѣчала
Такихъ, какъ ты, до нынѣшняго дня!
Ужель пылалъ ты страстью неземною
Лишь для того, чтобъ танцовать со мною?

82.

Что отвѣчать на это — я не зналъ,
Но стало мнѣ невыразимо больно:
Чего-жъ ей надо? Въ чемъ я оплошалъ?
И отчего она мной недовольна?
Не по ея-ль я волѣ танцовалъ?
Такъ что же тутъ смѣшного? И невольно
Заплакалъ я, ища напрасно словъ,
И ненавидѣть былъ ее готовъ.

83.

Вся кровь во мнѣ кипѣла, негодуя,
Но вотъ, неожиданно, въ этотъ самый мигъ,
Меня коснулось пламя поцѣлуя,
Къ моей щекѣ ея примкнулся ликъ;
Мнѣ слышалось: — Не плачь, тебя люблю я!
Невѣдомый восторгъ меня проникъ,
Я обмеръ весь — она же, съ лаской нѣжной,
Меня къ груди прижала бѣлоснѣжной.

84.

Мои смѣшались мысли. Но не вдругъ
Лишился я разсудка и сознанья:
Я ощущалъ объятья нѣжныхъ рукъ
И юныхъ плечъ живое прикасанье;

Мнѣ сладостенъ казался мой недугъ,
Пріятно было жизни замиранье,
И медленно, блаженствомъ опьяненъ,
Я погрузился въ обморокъ иль сонъ...

85.

Не помню, какъ я, въ этомъ самомъ залѣ,
Пришелъ въ себя — но было ужъ свѣтло;
Лежалъ я на диванѣ; хлопотали
Вокругъ меня родные; тяжело
Дышалось мнѣ; безсвязныя блуждали
Понятія врозь; меня то жаромъ жгло,
То вздрагивалъ я, словно отъ морозу —
Поблекшую рука сжимала розу...

86.

Свиданья былъ то несомнѣнный слѣдъ —
Я вспомнилъ ночь — забилося сердце шибко,
Украдкою взглянулъ я на портретъ:
Вкругъ устъ какъ будто зыблилась улыбка,
Казался смять слегка ея букетъ,
Но станъ уже не шевелился гибкой,
И, полный розъ, передникъ изъ тафты
Держали вновь недвижные персты.

87.

Межъ тѣмъ родные — слышу ихъ какъ нынѣ —
Вопросъ рѣшали: чѣмъ я занемогъ?
Мать думала — то корь. На scarlatinѣ
Настаивали тѣтки. Педагогъ
Съ врачомъ упорно спорилъ по-латыни,
И въ толкахъ ихъ, какъ я разслышать могъ,
Два выраженья часто повторялись:
Somnambul и *febris cerebri*.

ДРАКОНЪ.

ИТАЛЬЯНСКІЙ РАЗСКАЗЪ XII-ГО ВѢКА.

Посвящается Я. П. Полонскому.

(1875 г.).

1.

Въ тѣ дни, когда на насъ созвѣзды Пса
Глядитъ враждебно съ высоты зенита,
И сводъ небесъ какъ тяжесть оперся

2.

На грудь земли, и солнце, мглой обвито,
Жжетъ безъ лучей, и бѣгають стада
Съ мычаніемъ, ища отъ мухъ защиты,

3.

Въ тѣ дни любилъ съ друзьями я всегда
Собора тѣнь и вѣчную прохладу,
Гдѣ въ самый зной дышалось безъ труда,

4.

И гдѣ намъ былъ, средь отдыха, отрадой
Разнообразной живописи видъ
И полусвѣтъ, не утомлявшій взгляда.

5.

Одна купель близъ входа тамъ стоитъ
Старинная, изъ камня изсѣчена:
Крылатымъ столбъ чудовищемъ обвить.

6.

Разъ, отдыхомъ и тѣнью освѣжѣны,
Друзья купель разсматривали ту
И чудный столбъ съ изгибами дракона.

7.

Хвалили всѣ размѣровъ красоту
И мастера затѣйную работу;
Но я сказалъ: — Я вымысловъ не чту;

8.

Меня смѣшить ваятеля забота
Такую ложь передавать рѣзцомъ, —
И потрунить взяла меня охота.

9.

Тутъ нѣкій мужъ, отмѣченный рубцомъ,
Дотоль стоявшій молча возлѣ двери,
Ко мнѣ со строгимъ подошелъ лицомъ:

10.

— Смѣешься ты, художнику не вѣря, —
Такъ онъ сказалъ: — но если бы, какъ я,
Подобнаго ты въ жизни встрѣтилъ звѣря,

11.

Клянусь, прошла веселость бы твоя!
Я-жъ отвѣчалъ: — Тебѣ я не въ досаду
Сказалъ, что думалъ, мысли не тая;

12.

Но если впрямь такого въ жизни гада
Ты повстрѣчалъ, то (коль тебѣ не въ трудъ),
Пожалуй, намъ все Расскажи по ряду!

13.

И началъ онъ: — Въ Ломбардіи зовутъ
Меня Арнольфо. Я изъ Монцы родомъ.
И оружейникъ былъ до нашихъ смуть;

14.

Когда-жъ совѣтъ въ союзъ вошелъ съ народомъ,
Изъ первыхъ я на Гибеллиновъ всталъ
И не однимъ горжусь на нихъ походомъ.

15.

Гиберто Канъ стягъ вольности держаль;
То кондотьерь былъ въ битвахъ знаменитый,
Но близъ Лугано, раненый, онъ палъ.

16.

Враги, нашъ полкъ преслѣдуя разбитый,
Промчались мимо; и съ вождемъ лишь я
Для помощи остался и защиты.

17.

— Арнольфо,— мнѣ сказалъ онъ: — смерть моя
Сейчасъ придетъ,— тебя-жъ надеждой рая
Молю: спѣши въ Кьявенну; пусть друзья

18.

Ведутъ войска, минуты не теряя;
Они врасплохъ застанутъ вражью рать,—
И перстень свой въ залогъ онъ, умирая,

19.

Мнѣ передалъ. Я времени терять
Не много могъ, чтобы исполнить дѣло,
И, въ помощь взявъ Господню благодать,

20.

А мертвое плащомъ покрывши тѣло,
Провѣдать шелъ, гдѣ отдохнуть враги,
И много ли изъ нашихъ уцѣлѣло?

21.

Шумъ сѣчи смолкъ, и вѣроны круги
Надъ трупами уже чертили съ крикомъ—
Какъ за собой услышалъ я шаги.

22.

То Гвидо былъ. Ко мнѣ съ безпечнымъ ликомъ
За поводъ велъ онъ сильнаго коня,
Имъ взятаго въ смятеньи томъ великомъ.

23.

Ученикомъ жилъ прежде у меня
Онъ въ мастерской, и нынѣ, послѣ боя,
Меня нашель, любовь ко мнѣ храня.

24.

Когда-жъ узналъ, посланіе какое
Вождемъ убитымъ мнѣ поручено,
Идти къ друзьямъ онъ вызвался со мною.

25.

Я, преданность цѣня его давно,
Тому былъ радъ и думалъ: вмѣстѣ оба
Вѣрнѣе мы достигнемъ цѣли,— но,

26.

Когда бы зналъ, какъ близко насъ ко гробу
Онъ подведетъ отвагой молодой,
Его любви я предпочель бы злобу.

27.

Я былъ верхомъ; онъ слѣдовалъ пѣшой;
Не радостенъ былъ путь, и не веселье
Моей владѣло сумрачной душой.

28.

Въ странѣ Кьявеннской не бывалъ досель я,
Но Гвидо былъ. И, вѣдомыхъ путей
Съ нимъ избѣгая, въ тѣсное ущелье

29.

Свернули мы, гдѣ солнечныхъ лучей
Не пропускали тѣни вѣковыя,
Навстрѣчу-жъ намъ, шума, бѣжалъ ручей.

30.

Лишь тутъ снялъ шлемъ съ усталой головы я
И въ отдаленіи ясно услыхалъ,
Какъ колоколъ звонилъ къ Ave Maria.

31.

И тяжело средь этихъ мрачныхъ скалъ
И душно такъ, какъ бы въ свинцовомъ скринѣ,
Мнѣ сдѣлалось. — О, Гвидо, — я сказалъ: —

32.

Недоброе предчувствіе мнѣ нынѣ
Сжимаешь грудь: боюсь, что съ пути
Собьемся мы тутъ, въ каменной пустынѣ!

33.

— Маэстро, — мнѣ отвѣтилъ онъ: — прости:
Сюда свернувъ, ошибся я немного,
Инымъ ущельемъ было намъ идти!

34.

И прежнюю отыскивать дорогу
Пустились мы; но, видно, взять у насъ
Разсудокъ нашъ угодно было Богу:

35.

Куда ни направлялись, каждый разъ
Ущелье мы, казалось, видимъ то же,
Ихъ различать отказывался глазъ,

36.

Такъ межъ собой они всѣ были схожи:
Такая-жъ темь, такой же въ ней ручей
Навстрѣчу намъ шумѣлъ въ гранитномъ ложѣ;

37.

И чѣмъ мы путь искали горячѣй,
Тѣмъ болѣ мы теряли направленье;
Безъ отдыха и не сомкнувъ очей,

38.

Бродили мы всю ночь въ недоумѣнья;
Когда-жъ, для насъ незримая, заря
На высотахъ явила отраженье,

39.

— Довольно намъ, — сказалъ я: — рыскать зря!
Взойдемъ сперва на ближнюю вершину,
Чтобъ мѣстность обзрѣть. — Такъ говоря,

40.

Сошелъ съ коня я. Къ дикому ямину
Его за поводъ Гвидо привязалъ,
И, брони снявъ, мы темную долину

41.

Покинули. Держась за ребра скалъ,
Мы лѣзли вверхъ и лишь на полдорогѣ,
Среди уступа, едѣлали приваль.

42.

Отъ устали мои дрожали ноги;
Межь тѣмъ густой, поднявшись, туманъ
Долину скрылъ и горные отроги.

43.

И сталъ я думать, грустью обуянъ:
— Нѣтъ, не поспѣтъ мнѣ въ-время въ Къявенну
И не повесть друзей на вражій станъ.

44.

Въ туманѣ тутъ, мнѣ показалось, стѣну
Зубчатую увидѣлъ я. Она,
Согнутая во многія колѣна,

45.

Съ крутой скалы спускалася до дна
Ущелія, наполненнаго мглюю,
И имъ была отъ насъ отдѣлена.

46.

— Другъ, — я сказалъ: — ты съ этою странюю
Давно знакомъ; взглядишь и распознай:
Какой я замокъ вижу предо мною?

47.

А онъ въ отвѣтъ: — Мнѣ вѣдомъ этотъ край,
Но замка нѣтъ отсюда до Къявенны
Ни одного. Обмануты мы, чай,

48.

Игрой тумана. Часто перемѣны
Онъ странныя являетъ между горъ
И создаетъ то башни въ нихъ, то стѣны.

49.

Такъ онъ ко мнѣ. Но, устремивъ мой взоръ
Передъ собой, я напрягалъ вниманье,
Туманъ же все рѣдѣлъ съ недавнихъ поръ;

50.

И только онъ разсѣялся — не зданье
Намъ показалъ свободный солнца свѣтъ,
Но чудное въ утесѣ изваянье:

7

51.

Что я стѣной считалъ, то былъ хребетъ
Чудовища, какому и примѣра,
Я полагалъ, среди живущихъ нѣтъ.

52.

И я, глазамъ едва давая вѣру,
Ко Гвидо обратился: — Долженъ быть
Сей памятникъ, столь дивнаго размѣра,

53.

Тебѣ извѣстенъ; онъ, конечно, нить
Намъ въ руки дать, чтобъ выбраться отсюда,
Спѣши-жь по немъ нашъ путь сообразить!

54.

Но онъ въ отвѣтъ: — Клянусь, сего я чуда
Не зналъ досель и никогда о немъ
Не слыхивалъ отъ здѣшняго я люда.

55.

Не христіанскимъ, думаю, рѣзцомъ
Звѣрь вытесанъ. Мы древняго народа
Узнаемъ трудъ, коль ближе подойдемъ.

56.

— А не могла-ль, — замѣтилъ я: — природа
Подобіе чудовища создать,
Какъ создаётъ она иного рода

57.

Диковины? — Но только лишь сказать
Я то успѣлъ, самъ понялъ, сколь напрасна
Такая мысль. Не случая печать

58.

Являли члены гадины ужасной,
Но каждая отчетливо въ ней часть
Изваяна рукой, казалось, властной:

59.

Сомкнутая, поднявшись, щучья пасть
Ждала какъ будто жертвы терпѣливо,
Чтобъ на нее, отверзшись, напасть;

60.

Глаза глядѣли тускло и сонливо;
На вытянутой шеѣ поднята,
Костлявая въ зубцахъ торчала грива;

61.

Скременныя вдоль длиннаго хребта,
Лежали, въ складкахъ, кожаныя крылья;
Подъ брюхомъ лапъ виднѣлася чета.

62.

Спинныхъ чешуй казалось изобилъе
Нескладной кучей раковинъ морскихъ,
Иль старой черепицей, мхомъ и пылью

63.

Покрытою. А хвостъ, въ углахъ кривыхъ,
Терялся въ темной безднѣ. И когда бы
Я долженъ былъ рѣшить: къ числу какихъ

64.

Тотъ звѣрь породъ принадлежитъ, — то я бы
Его крылатой щукою назвалъ,
Иль помѣсю отъ ящера и жабы.

65.

И самъ себя еще я вопрошалъ:
Къ чему могъ быть тотъ памятникъ воздвигнуть?
Какъ вдругъ отъ страшной мысли задрожалъ:

66.

Внезапнымъ опасеніемъ постигнуть,
— А чтѣ, — сказалъ я: — если этотъ звѣрь
Не каменный, но адомъ былъ изрыгнуть,

67.

Чтобъ за грѣхи насъ наказать? Повѣрь,
Коль Гвельфовъ онъ, имперцамъ на потѣху,
Присланъ терзать — онъ съ насъ начнетъ теперь!

68.

Но, вѣтренно предавшись Гвидо смѣху,
— Не много же, — сказалъ: — получить адъ
Отъ своего созданія успѣху!

69.

Смотри, какъ смирно ласточки сидятъ
На головѣ недвижной, а на гривѣ
Чирикаетъ веселыхъ пташекъ рядъ,—

70.

Ужели ихъ мы будемъ боязливѣй?
Смотри еще: со цвѣтомъ этихъ скалъ
Цвѣтъ идола одинъ; не схожѣй въ нивѣ

71.

Двѣ полосы! — И громко продолжалъ
Смѣяться онъ, какъ вдругъ, внизу, тревожно
Нашъ конь, къ кусту привязанный, заржалъ;

72.

И видѣть намъ съ уступа было можно,
Какъ бился онъ на привязи своей,
Подковами взметая прахъ подножный.

73.

Я не сводилъ съ чудовища очей,
Но жизни въ немъ не замѣчалъ нисколько—
Когда внезапно, молніи быстрѣй,

74.

Изъ сжатыхъ устъ, крутясь, явилось жало,
Подобное мечу о двухъ концахъ,
На воздухъ мелькая, задрожало—

75.

И спряталось. Невыразимый страхъ
Мной овладѣлъ. — Бѣжимъ, — сказалъ я: — Гвидо,
Бѣжимъ, пока мы не въ его когтяхъ!

76.

Но, робости не показавъ и вида,
— Ты знаешь самъ, маэстро, — молвилъ онъ: —
Какая то для ратника обида

77.

Была бы, если-бъ, куклой утрашенъ,
Онъ убѣжалъ. Я-жъ объ закладъ побьюся,
Что наяву тебѣ приснился сонъ;

78.

Взгляни еще на идола, не трусая:
Изваянный то звѣрь, а не живой,
И доказать я то тебѣ беруся!

79.

Тутъ камень взявъ, онъ сильною рукой
Съ размаха имъ пустиль повыше уха
Въ чудовище. Раздался звукъ такой,

80.

Такъ рѣзко брякнулъ камень и такъ сухо,
Какъ если бы о кожаный ты щитъ
Хватилъ мечомъ. Тутъ втягиваться брюхо

81.

Его какъ будто стало. Новый видъ
Глаза пріяли, тусклые дотолѣ:
Казалось, огонь зеленый въ нихъ горить.

82.

Межъ тѣмъ, сжимаясь медленно все болѣ,
Сталь подбираться къ туловищу хвостъ,
Тащась изъ бездны словно поневолѣ.

83.

Крутой хребетъ, какъ черезъ рѣку мостъ,
Такъ выгнулся, и мерзостнаго гада
Еще страшнѣй явился страшный ростъ.

84.

И вотъ глаза зардѣли какъ лампы,—
Подъ тяжестью ожившею утѣсь
Затрепеталь, — и сдвинулась громада

85.

И поползла... Мохъ, травы, корни лозъ,
Все, чтѣ срослись съ корой успѣло змѣя,
Все выдержувъ, съ собою онъ понесъ.

86.

Сырой землей запахло; мы-жъ, не смѣя
Дохнуть, лежали ницъ, покуда онъ
Сползаль съ высотъ, чѣмъ далѣ, тѣмъ быстрѣ;

87.

И слышался подъ нимъ такой же стонъ,
Какъ если съ горъ, на тормозѣ желѣзномъ,
Съѣзжалъ бы возъ, каменьемъ нагруженъ.

88.

Отвѣтный гулъ по всѣмъ пронесся безднамъ,
И не могло намъ въ мысль уже придти
Искать спасенья въ бѣгствѣ бесполезномъ.

89.

Равно-жъ какъ тормозъ, на своемъ пути,
Все болѣе накаляется отъ тренья,
Такъ, гдѣ драконъ лишь начиналъ ползти,

90.

Мгновенно сохли травы и коренья,
И дымный тамъ за нимъ тащился слѣдъ,
И сыпался гранить отъ сотрясенья.

91.

— О, Гвидо, Гвидо, сколько новыхъ бѣдъ
Навлекъ на край невѣрьемъ ты упорнымъ!—
Такъ я къ нему; а Гвидо мнѣ въ отвѣтъ:

92.

— Винюся я въ моемъ поступкѣ вздорномъ,
Но вонъ, смотри: тамъ конь внизу бѣжитъ,
За нимъ же змѣй ущельемъ вьется горнымъ!

93.

Плачевный тутъ представился намъ видъ:
Сорвавшійся съ поводевъ, уstraшенннй,
Предсмертной пѣной бѣлою покрытъ,

94.

Нашъ конь скакалъ, спасаясь отъ дракона,
Скакалъ во всю отчаянную прыть,
И бились о бока его стремѣна.

95.

Но чудище, растянутае въ нить,
Разинутую пастью норовило,
Какъ бы ловчѣй бѣгущаго схватить;

96.

И вотъ оно, нагнавъ его, схватило
За самую за холку поперекъ
И со сѣдломъ и сбруей проглотило,

97.

Какъ жаба муху. Судороги ногъ
Лишь видѣли мы въ пасти на мгновенье—
И конь исчезъ. Едва дышать я могъ,

98.

Столь сильное на сердце впечатлѣнье
То зрѣлище мнѣ сдѣлало. А тамъ,
Въ ущельѣ, виться продолжали звеня

99.

Змѣинаго хребта, и долго намъ
Онъ виденъ былъ, съ своею гривой странной,
Влекущійся по камнямъ и кустамъ,

100.

Свое мѣняя мѣсто безпрестанно,
То исчезая въ темной глубинѣ,
То вновь являясь гдѣ-нибудь неожиданно.

101.

И Гвидо, обращая ко мнѣ,
Сказалъ: — Когда-бъ я, столько виноватый,
Но столь въ своей раскаянный винѣ,

102.

Смѣлъ дать совѣтъ: мы, времени безъ траты,
Должны уйти туда, на выси горъ,
Гдѣ дружелюбно будемъ мы пріаты

103.

Отъ камнетесовъ, что съ недавнихъ поръ
Выламываютъ мраморъ, изъ него же
Въ Къявениѣ новый строится соборъ;

104.

А змѣй, по мнѣ, не на вершинахъ ложе,
Но близъ долинъ скорѣе избереть,
Гдѣ можетъ жить, вседневно жертвы множа.

105.

Я юношѣ довѣрился, и вотъ
Карабкаться мы кверху стали снова,
И въ полдень лишь достигли до высоту.

106.

Нигдѣ кругомъ жилища никакого
Не видно было. Нѣсколько озёръ
Свѣтилося, одно возлѣ другого;

107.

Ближайшее на полускатѣ горъ
Раскинулось, предъ нами недалеко;
Когда же внизъ отвѣсно палъ нашъ взоръ,

108.

У нашихъ ногъ, какъ въ ендовѣ глубокой,
Узнали мы поляну, гдѣ вчера
Насъ жеребій войны постигъ жестокий;

109.

И поняли мы тутъ, что до утра
Всю ночь мы вокругъ побоища плутали,
Пока насъ тьмы морочила пора.

110.

Разбросаны, внизу еще лежали
Тѣла друзей и кони между нихъ
Убитые. Мѣстами отблескъ стали

111.

Отсвѣчивалъ межъ знаковъ полевыхъ,
И сытыя сидѣли птицы праздно
На кучахъ тѣлъ и броней боевыхъ.

112.

Вдругъ крикъ межъ нихъ поднялся несуразный,
И началось маханье черныхъ крылъ
И перелетъ тревожный. Безобразный

113.

То змѣй отъ горъ извивы къ нимъ влачили
И къ полю ползъ, кровь издали почуя.
Тутъ жалости мнѣ передать нѣтъ силъ,

114.

Объявшею насъ, и словъ не нахожу я
Сказать, какой намъ холодъ сердце сжалъ,
Когда пришлось, бессильно негодуя,

115.

Смотрѣть, какъ онъ немилосердно жраль
Товарищей и съ ними, безъ разбора,
Тѣла коней издохшихъ поглощаль,

116.

Иль, вскинувъ пасть, стремительно и скоро
Хваталь воронъ крикливыхъ на лету,
За трупы съ нимъ не прерывавшихъ спора.

117.

Картину я когда припомню ту,
Набросить на нее хотѣлъ бы тѣнь я,
Но въ прежнемъ все стоитъ она свѣту!

118.

Въ насъ съ ужасомъ мѣшалось омерзѣнье,
Когда надъ кровью скорчившійся, змѣй,
Жуя тѣла, кривился въ наслажденьи;

119.

И съ чавканьемъ зубастыхъ челюстей
Въ безвѣтрїи къ намъ ясно долетали
Доспѣховъ звякъ и хрупанье костей.

120.

Между людьми на свѣтѣ есть едва ли,
Кто въ такое горе ощутилъ,
Какъ въ этотъ часъ мы съ Гвидо ощущали.

121.

И долго-ль звѣрь безчестье наносилъ
Тѣламъ, иного ждавшимъ погребенья—
Не вѣдаю. Съ утра лишенный силъ,

122.

На землю я упалъ въ изнеможеньи,
И осѣнилъ меня глубокий сонъ,
И низошло мнѣ на душу забвенье.

123.

Когда, рукою Гвидо разбужёнъ,
Я поднялся, въ долинахъ ужъ стемнѣло,
На западѣ-жъ багровый небосклонъ

124.

Пылалъ пожаромъ. Озеро горѣло
Въ полугорѣ, какъ въ золотомъ огнѣ,
И обратился къ другу я несмѣло:

125.

— Въ какой, скажи, о, Гвидо, мы странѣ?
Какое съ нами горе, иль обида
Случилися? Скажи мнѣ все, зане

126.

Въ моей душѣ звучить какъ панихида,
Но въ памяти нѣтъ мысли ни одной!
И прежде чѣмъ успѣлъ отвѣтить Гвидо,

127.

Я вспомнилъ все: съ имперцами нашъ бой,
И смерть вождя, и бѣгство отъ дракона.
— Гдѣ онъ? — вскричалъ я: — гдѣ нашъ недругъ злой?

128.

Намъ отъ него возможна-ль оборона?
Иль намъ бѣжать въ ущелій тѣсноту
И спрятаться во глубь земного лона?

129.

Но Гвидо, палецъ приложу ко рту,
— Смотри, — шепнулъ мнѣ съ видомъ опасенья: —
Смотри сюда, на эту высоту!

130.

И, слѣдуя руки его движенью,
Страшилище я снова увидалъ,
Какъ, медленно свои вращая звеня,

131.

Оно вползало, межъ померкшихъ скалъ,
На верхъ одной, отъ прочихъ отдѣлённой,
Что солнца лучъ послѣдній освѣщаль.

132.

Свой гордо зѣвъ подъявъ окровавленнѣй,
На острый верхъ взобравшійся драконъ
Какъ нѣкій царь съ зубчатою короной

133.

Явился тамъ. Закатомъ озарёнъ,
Какъ выкованъ изъ яркой красной мѣди,
На небѣ такъ вырѣзывался онъ.

134.

Клянусь, ни львы, ни тигры, ни медвѣди
Столь не страшны! Никто-бъ не изобрѣлъ
Такую тварь, хотя-бъ въ горячкѣ бреда!

135.

Когда-жъ совсѣмъ исчезъ во мракѣ доль,
А ночь вверху лишь только наступала,
Свой онъ крылья по вѣтру развѣлъ,

136.

И кожа ихъ, треща, затрепетала,
Подобно какъ въ рукахъ у нашихъ жёнъ,
Раскрывшись, трепещуть онахала.

137.

Его хребетъ казался напряжёнъ,
И, на когтяхъ все подымаясь выше,
Пуститься въ лѣтъ. готовился драконъ.

138.

Межъ тѣмъ кругомъ все становилось тише
И все темнѣй. И вотъ онъ взвизгнулъ вдругъ,
Летучія какъ взвизгиваютъ мыши,

139.

И сорвался. Насъ охватилъ испугъ,
Когда, носясь у насъ надъ головами,
Онъ въ сумеркахъ чертилъ за кругомъ кругъ.

140.

И воздухъ билъ угластыми крылами,
Не какъ орелъ, въ поднебесьѣ паря,
Но вверхъ и внизъ метаяся зубцами,

141.

Неровный лётъ являлъ нетопыря,
И виденъ былъ отчетисто для ока
На полосѣ, гдѣ скрылася заря.

142.

Насъ поражалъ, то близко, то далёко,
То возлѣ насъ, то гдѣ-нибудь съ высотъ,
Зловѣщій визгъ, пронзительно-жестокій.

143.

Такъ не одинъ свершалъ онъ поворотъ,
Иль, крылья вдругъ поджавъ, какъ камень вѣскій
Бросался внизъ, и возмущенныхъ водъ

144.

Средь озера намъ слышались всплески.
И онъ опять взлеталъ и каждый разъ
Пускалъ опять свой визгъ зловѣще-рѣзкій.

145.

Проклятый звѣрь чутьемъ искалъ ли насъ,
Или леталъ по воздуху безъ цѣли—
Не знали мы; но, не смыкая глазъ,

146.

Насторожѣ всю ночь мы просидѣли,
Усталостью совсѣмъ изнурены
(Вторья сутки мы уже не ѣли!).

147.

Съ разсвѣтомъ дня спуститься съ вышины
Рѣшились мы, лишь голоду послушны;
А чудище исчезло-ль изъ страны,

148.

Иль нѣтъ — къ тому мы стали равнодушны,
Завидуя ужъ нищимъ и слѣпцамъ,
Что по міру собираютъ хлѣбъ насущный...

149.

И долго такъ влачилися мы тамъ,
Молясь: — Спаси, пречистая Марія!
Она же, внявъ, послала пищу намъ:

150.

Мы ягоды увидѣли лѣсныя,
Алѣвшія по берегу ручья,
Что воды мчаль въ долину снѣговья.

151.

И рѣчь того не выразить ничья,
Какъ укрѣпилъ насъ этотъ даръ неожиданный,
А съ нимъ воды холодная струя!

152.

Сбиваяся съ дороги безпрестанно,
По солнцу нашъ отыскивая путь,
Достигли поздно цѣли мы желанной;

153.

Но что за видъ стѣснилъ тогда намъ грудь!
Въ Къявеннскія воткнуты были стѣны
Знамёна Гибеллиновъ! Проклять будь

154.

Раздора духъ, рождающій измѣны!
Не въ приступѣ отчаянномъ взята
Врагомъ упорнымъ крѣпкая Къявенна—

155.

Безъ боя Гибеллинамъ ворота
Отверзли ихъ сторонники! Безъ боя
Италія германцу отперта!

156.

И, зрѣлище увидя мы такое,
Заплакали, и показалось намъ
Предъ нимъ ничтожно все страданье злое,

157.

Что мы доселѣ испытали. Срамъ
И жажда мести овладѣли нами.
Такъ въ городъ мы пробралися къ друзьямъ;

158.

Но ужъ друзья теперь во страхѣ сами
Спасались отъ мщенія враговъ
И вольности поднять не смѣли знамя.

159.

Они родной собирались бросить кровъ
И гдѣ-нибудь сокрыться въ подземельѣ,
Чтобы уйти отъ казни иль оковъ.

160.

Узнавъ отъ насъ, что горныя ущелья
Чудовищемъ ужаснымъ заняты,
Подумали они, что мы съ похмелья

161.

То говоримъ, и наши тѣсноты
И все, что мы недавно испытали,
За выдумки сочли иль за мечты.

162.

Въ неслыханной рѣшились мы печали
Направиться обратно на Миланъ,
Но не прямой мы путь къ нему держали:

163.

Захваченныхъ врагомъ минуя странъ,
На Кдoliko мы шли, на Ленъончино,
На Лекко и на Бергамо, гдѣ станъ

164.

Немногихъ отъ разсѣянной дружины
Оставшихся товарищей нашли
(Убито было болѣ половины;

165.

Другіе же, вблизи или вдали,
Невѣдомо скитались). Бергамаски,
Чьи консулы совѣтъ еще вели:

166.

Къ кому пристать? — не оказали ласки
Разбитымъ Гвельфамъ, ихъ же въ городъ свой
Не приняли; однако, безъ огласки,

167.

Отправили отъ думы городской
Имъ хлѣба и вина, изъ состраданья,
Не требуя съ нихъ платы никакой.

168.

И тяжело и радостно свиданье
Межь нами было; а когда слезамъ,
Разспросамъ и отвѣтамъ отдалъ дань я,

169.

— Товарищи, — сказала я: — стыдно намъ
Врозь дѣйствовать, иль ждать, сложивши руки,
Чтобъ врагъ прошелъ по нашимъ головамъ!

170.

Ломбарди невзгоды всѣ и муки
Лишь отъ раздоровъ нашихъ рождены
И отъ измѣны круговой порукѣ!

171.

Хоть мало насъ, поклясться мы должны,
Что гвельфскому мы не измѣнимъ стягу
И не примкнемъ къ тѣснителямъ страны!

172.

Такъ прежнюю въ нихъ возбудивъ отвагу,
Я ихъ въ Миланъ съ собой и съ Гвидо звалъ,
Они-жъ клялись не отставать ни шагу.

173.

Тутъ случай мнѣ ихъ испытать предсталъ:
Гдѣ черезъ Ольо вбродъ есть переправа,
На супротивномъ берегу стоялъ

174.

Маркезе Монферрато, намъ кровавый
Приемъ готовя: Бога въ помощь взявъ
И вынувъ мечъ, я бросился на славу

175.

Въ средину волнъ. За мной, кто вбродъ, кто ввлавъ,
Пустились всѣ, пересѣкая воду,
И берега достигли. Но стремглавъ

176.

На насъ враги, вплоть, подступя ко броду,
Ударили, и прежде, чѣмъ я могъ
На сушу стать, ихъ вождь, ве давъ мнѣ ходу,

177.

Лобъ топоромъ разсѣкъ мнѣ поперѣкъ,
И, навзничъ я ударомъ опрокинуть,
Безъ памяти обратно палъ въ потокъ.

178.

Пятнадцать лѣтъ весною ровно мѣнуть,
Что свѣтъ дневной я снова увидалъ.
Но, Боже мой! доселѣ жилы стынуть,

179.

Какъ вспомню, что, очнувшись, я узналъ
Отъ благодушныхъ иноковъ аббатства,
Меня которымъ Гвидо передалъ,

180.

Самъ раненый, когда онъ отъ злорадства
Имперцевъ жизнь мою чудесно спасъ
И самъ искалъ убѣжища у братства!

181.

Италиі насталь послѣдній часъ!
Миланъ былъ взятъ! Сдалась безъ обороны
Германцамъ Брешья; Крема имъ сдалась!

182.

Съ привѣтствіемъ къ нимъ консулы Кремоны
Пошли навстрѣчу, лишь къ ея стѣнамъ
Германскіе приблизились бароны!

183.

Павія ликовала. Горе намъ!
Не чуждыми — ломбардскими руками
Миланъ разрушенъ! Вѣчный стыдъ и срамъ!

184.

Мы поняли теперь, зачѣмъ предъ нами
Явился тотъ прозорливый драконъ,
Когда мы шли Кьявенскими горами!

185.

Ужасное былъ знаменіе онъ,
Рядъ страшныхъ бѣдъ съ нимъ предвѣщала встрѣча,
Начало долгихъ, горестныхъ времёнъ!

186.

Тотъ змѣй, что, все глотая иль увѣча,
Отъ нашей крови самъ жирѣлъ и росъ,
Быль Кесаря свирѣпаго предтеча!

187.

Миланъ палъ въ прахъ — надъ нимъ же вознеслось
Все низкое, что пресмыкалось въ прахѣ,
Все доброе низвержено. Пришлось,

188.

Въ комъ честь была, тому скрываться въ страхѣ,
Иль дни влачить въ изгнаніи, какъ я,
Иль погибать, какъ многие, на плахѣ.

189.

Проклятье-жъ вамъ, поддѣльные друзья,
Что языкомъ клялись служить свободѣ,
Внутри сердецъ измѣну ей тая!

190.

Изъ вѣка въ вѣкъ васъ да клянуть въ народѣ,
И да звучать позоромъ вѣковымъ
Названья ваши: Асти, Реджьо, Лоди!

191.

Вы, чрезъ кого во прахѣ мы лежимъ,
Пьяченца, Комо, Мантуа, Кремона!
Вы, чьи уста, изъ злобы ко своимъ,

192.

Призвали въ край германскаго дракона! —
Ломбардецъ такъ рассказъ окончилъ свой
И отошелъ. Имъ сильно потрясѣны,

193.

Молчали мы. Межъ тѣмъ палящій зной
Успѣлъ свалить, и, вышедъ изъ собора,
На площади смѣшались мы съ толпой,
Обычные тамъ ведшей разговоры.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

Посвящается памяти

Моцарта и Гофмана.

Aber das ist die entsetzliche Folge des Sündenfalls, dass der Feind die Macht behielt, dem Menschen aufzulauern und ihm selbst in dem Streben nach dem Höchsten, worin er seine göttliche Natur ausspricht, böse Fallstricke zu legen. Dieser Conflict der göttlichen und dämonischen Kräfte erzeugt den Begriff des Irdischen, so wie der erfochtene Sieg den Begriff des überirdischen Lebens.

Hoffmann.

ПРОЛОГЪ.

Красивая страна. Весенний вечеръ. Захождение солнца. Небесные духи спускаются на землю.

ДУХИ.

Изъ иной страны чудесной,
Людямъ въ горести помочь;
Насъ на землю Царь небесный
Посылаетъ въ эту ночь:
Принести живое слово,
Жатвы всѣ благословить,
Человѣка къ жизни новой
Ободрить и укрѣпить!

ОДИНЪ ДУХЪ.

Жаль мнѣ рода, что для хлѣба
Маятъ вѣкъ свой осужденъ;

Мысль его стремится въ небо,
Самъ надъ плутомъ онъ согбенъ:
Всѣмъ страданьямъ, безъ изъятя,
Долженъ данъ онъ заплатить,
И не лучше-ль было-бъ, братья,
Вовсе смертному не жить?

ДРУГОЙ ДУХЪ.

Всѣ явленія вселенной,
Всѣ движенія вещества—
Все лишь отблескъ Божества,
Отраженьемъ раздробленный!
Врозь лучи его скользя,
Раздѣлились безпредѣльно,
Миръ земной есть лучъ отдѣльный—
Не свѣтить ему нельзя!

ТРЕТИЙ ДУХЪ.

Богъ одинъ есть свѣтъ безъ тѣни,
Нераздѣльно въ немъ слита
Совокупность всѣхъ явленій,
Всѣхъ сіяній полнота;
Но струящаясь отъ Бога
Сила борется со тьмой;
Въ Немъ могущества покой—
Вкругъ Него время тревога!

ЧЕТВЕРТЫЙ ДУХЪ.

Мірозданіемъ раздвинуть,
Хаосъ мстительный не спитъ:
Искаженъ и опрокинуть,
Божій образъ въ немъ дрожить;
И всегда, обмановъ полный,
На Господню благодать
Мутно плещущія волны
Онъ старается поднять!

ПЯТЫЙ ДУХЪ.

И усилямъ духа злого
Вседержитель волю дасть,
И свершается все снова
Споръ враждующихъ началъ.
Въ битвѣ смерти и рожденія

Основало Божество
Нескончаемость творенья,
Мірозданья продолженъе,
Вѣчной жизни торжество!

ШЕСТОЙ ДУХЪ.

Вѣчно вокругъ текутъ созвѣзды,
Вѣчно свѣтомъ мракъ смѣненъ:
Нарушенъе и возмездье
Есть движенія законъ.
Черезъ всемірное явленъе
Богъ проводитъ мысль одну
И, какъ символъ возрожденъе,
За зимой ведетъ весну!

СЕДЬМОЙ ДУХЪ.

Вотъ она, весна молодая,
Свѣжимъ трепетомъ полна,
Благодатная, святая,
Животворная весна!
Въ неба синія объятя
Поднялась земли краса—
Тише! Слышите ли, братья,
Всѣ ликуютъ безъ изъятя,
Всѣ природы голоса!

ВСѢ.

На изложинахъ росистыхъ,
На поверхности озеръ,
Вдоль ручьевъ и рѣчекъ чистыхъ,
И куда ни кинешь взоръ,
Всюду звонкая тревога,
Всюду, въ зелень убрана,
Торжествуя, хвалить Бога
Жизни полная весна!

ПРОХОДЯТЪ ОБЛАКА.

Миновало холодное царство зямы,
И навстрѣчу движенью живому,
Въ юныхъ солнца лучахъ позлатилися мы
И по небу плывемъ голубому.
Миновало холодное царство снѣговъ,
Не гонимы погодою бурной,

Въ парчевой мы одѣтыя снова покровъ,
Хвалимъ Господа въ тверди лазурной!

РАСПЦВѢТАЮТЪ ЦВѢТЫ.

Снова небо съ высотъ улыбается намъ,
И, головки поднявъ понемногу,
Возсылаемъ изъ нашихъ мы чашъ ѳиміамъ,
Какъ моленіе Господу Богу!

ПРОЛЕТАЮТЪ ЖУРАВЛИ.

По небеснымъ пространствамъ слѣша голубымъ,
Гдѣ насъ видѣть едва можетъ око,
Къ знакомымъ мѣстамъ мы летимъ и кричимъ,
Длинной цѣпью вѣсь издалика.
Видимъ сверху мы праздникъ веселой земли,
Здѣсь кончается наша дорога,
И мы кружимся вокругъ, журавли, журавли,
Хвалимъ криками Господа Бога!

ОЗЕРА И РѢКИ.

Зашумѣли ручьи, и расторгнулся ледъ,
И сквозять темно-синія бездны,
И на глади зеркальной таинственныхъ водъ
Возрожденныхъ небесъ отражается сводъ
Въ красотѣ лучезарной и звѣздной.
И вверху и внизу, все міры безъ конца,
И двойко является вѣчность:
Высота съ глубиной хвалятъ вмѣстѣ Творца,
Славятъ вмѣстѣ его безконечность!

СОЛНЦЕ ЗАШЛО, ВЪ РОЩѢ ЗАПѢВАЕТЪ СОЛОВЕЙ.

Нисходитъ ночь на міръ прекрасный,
Кругомъ все дышитъ тишиной;
Любви и грусти полонъ страстной,
Пою одинъ про край иной!
Весеннихъ листьевъ трепетанье,
Во мракѣ вѣющіе сны,
Журчанье водъ, цвѣтовъ дыханье,
Все мнѣ звучитъ какъ обѣщанье
Другой, неведомой весны!

ДУХИ.

Блаженъ, кто простъ и чистъ душою,
Чей духъ молитвъ не закрыть,
Кто вмѣстѣ съ юною землею
Творца міровъ благодарить,
Но мыслью, вѣчно восходящей,
Не въ жизни ищетъ идеаль,
И кто души своей любящей
Упорно къ ней не приковаль!

СОЛОВЕЙ.

Весны томительная сладость,
Тоска по дальней сторонѣ,
Любовь и грусть, печаль и радость
Всегда межуются во мнѣ;
Но въ ихъ неровномъ колыханьи
Полны надеждъ мои мечты:
Журчанье водъ, цвѣтовъ дыханье,
Все мнѣ звучитъ какъ обѣщанье
Другой, далекой красоты!

ДУХИ.

Чѣмъ тѣни сумрачнѣй ночныя,
Тѣмъ звѣзды ярче и яснѣй;
Блаженъ въ бѣдѣ не гнувшій выи,
Блаженъ пѣвецъ грядущихъ дней,
Кто среди тьмы денницы новой
Провидитъ радостный восходъ
И утѣшительное слово
Средь общихъ слезъ произнесетъ!
И тьму пусть терпитъ Божья воля,
Явленій двойственность храня—
Блаженны мы, что наша доля
Быть представителями дня!
Пути Творца необъяснимы,
Его судьбъ таинственъ ходъ,
Блаженъ, кто всѣхъ сомнѣній мимо
Дорогой свѣтлою идетъ!

ГОЛОСЪ.

Прекрасно все. Я радуюсь сердечно,
Что на землѣ теперь весна.

Жаль только, что ея краса недолговѣчна,
И декорація ужъ слишкомъ непрочно!

духи.

Кѣмъ здѣсь нарушена святая тишина?
Чей голосъ разбудилъ уснувшія долины?

голосъ.

Я живописи тѣнь. Я темный фонъ картины,
Необходимости логическая дань.
Я нѣчто въ родѣ общей оболочки,
Я черная та ткань,
По коей шьете вы нарядные цвѣточки.

духи.

Зарницы блещутъ. Изъ болотъ
Сѣдой туманъ клубится и встаетъ,
Земля подъ нами задрожала—
О, братья, близко здѣсь недоброе начало!

голосъ.

Хотя не Слово я, зато я—всѣ слова!
Все двигаю собой, куда лишь самъ ни двинусь;
По математикѣ я—минусъ,
По философiи—изнанка божества;
Короче, я ничто, я жизни отрицанье;
А какъ Господь весь міръ изъ ничего создалъ,
То я тотъ самый матерьялъ,
Который послужилъ для мірозданья.
Клеветникамъ на зло, прогрессъ во всемъ любя,
Чтобъ было что-нибудь, я въ даръ принесъ себя,
Не пожалѣлъ отдать часть собственнаго тѣста,
Чтобъ выльпиться могъ вселенной сложный шаръ;
А такъ какъ быть нельзя, не занимая мѣста,
То въ остальное онъ вошелъ какъ въ свой футляръ.
Когда вы, полные восторженной хвалою,
Поднявши очи къ небесамъ,
Акаеисты свои поете фистулою,
Я къ звонкимъ вашимъ дискантамъ—
Фундаментальный басъ.

ДУХИ.

По дерзостнымъ рѣчамъ

Тебя узнать легко. Явись же лучше къ намъ
И не веди происхожденья
Хвастливо отъ предвѣчной тьмы;
Увы, ты былъ, до дня паденья,
Такимъ же свѣтлымъ, какъ и мы!

ГОЛОСЪ.

Мнѣ грамоту мою отстаивать—безплодно;
Во мнѣ такъ много есть сторонъ,
Что быть готовъ я, коль угодно,
Не что иное, какъ *бурбонъ*.
Но если съ этой точки зрѣнья
Мы будемъ на мое смотрѣть происхожденье,
Тогда осмѣлюся сказать,
Вамъ не во гнѣвъ и не въ обиду,
Что я, имѣвъ несчастье потерять
Архангельскій мой видъ, лишился вовсе виду.
Поэтому, коль я вамъ подлинно собратъ,
То одолжите мнѣ, любезные собратья,
Какой-нибудь нарядъ,
Приличный обликъ, или платье!

ДУХИ.

Бери любой; явися намъ
Какъ змій, какъ воронъ, иль иначе!

САТАНА — является въ видѣ черного
ангела.

Вотъ такъ извѣстенъ я пѣвцамъ,
А живописцамъ наипаче.

ПЕРВЫЙ ДУХЪ.

Замолкнулъ соловей, поблекнули цвѣты,
Подернулись звѣзды облаками...
Скажи, погибшій братъ, чего здѣсь хочешь ты,
И чтò есть общаго межъ нами?

ВТОРОЙ ДУХЪ.

Духъ отрицанія, безвѣрія и тьмы,
Духъ возмущенья и гордыни!

Тебя ли снова видимъ мы,
Врага и правды и святыни?

ТРЕТІЙ ДУХЪ.

Ты-ль, мной самимъ, какъ червь, низверженный во прахъ,
Теперь, съ насмѣшкой на устахъ,
Дерзашь въ сонмѣ семъ являться?

САТ А Н А.

Превосходительный! не стыдно-ль такъ ругаться?
Припомни: въ оный день, когда я вздумалъ самъ
Владыкой сдѣлаться вселенной
И на великій бой поднялся дерзновенно
Изъ бездны къ небесамъ,
А ты, чтобъ замысламъ противостать свободнымъ—
Съ негодованьемъ благороднымъ,
Какъ ревностный жандармъ, съ небесъ навстрѣчу мнѣ
Пустился и меня шарахнулъ по спинѣ,
Не я-ль въ той схваткѣ благотворной
Тебѣ былъ точкою опорной?
Ты сверху наиралъ, я снизу далъ отпоръ;
Потомъ вернулись мы, я внизъ, ты въ поднебесье.
И во движеніи силъ всемірныхъ съ этихъ поръ
Установилось равновѣсье.
Но если-бъ не пришлось тебѣ меня сшибить
И, прыгнувъ сгоряча, ты мимо далъ бы маху,
Куда, осмѣлюся спросить,
Ты самъ бы полетѣлъ сразмаху?
Неблагодарны вы, ей-ей,
Но это все дѣла давно минувшихъ дней,
Преданье старины глубокой—
Кто вспомнить старое, того да лопнетъ око!

ДУХИ.

Какое-жъ нынѣ замышленье
Тебя изъ бездны вызвало опять?

САТ А Н А.

Хотѣлось мнѣ, для развлеченья,
Весной немножко погулять.
Но, впрочемъ, у меня есть и другое дѣло.

Коль вамъ бесѣдовать со мной не надоѣло,
Охотно сообщу задуманный мной планъ.

Садитесь на обгорѣлый пенн.

Есть юноша въ Севильѣ, донъ-Жуанъ,
А по фамильи де-Маранья.
Ему пятнадцать лѣтъ. Счастливые года!
Чуть пухомъ поросла молодая борода,
Почти еще дитя. Но въ мысляхъ колебанье
И безпокойство видны иногда.
Какъ размышляетъ онъ глубоко
И какъ задумчивъ онъ порой!
Къ какой-то цѣли все неясной и высокой
Стремится онъ неопытной душой;
Но если рѣчь зайдетъ о воинской отвагѣ,
Или любви коснется разговоръ,
Его рука уже на шпагѣ,
Огнемъ горитъ орлиный взоръ.
Какъ онъ хорошъ въ толпѣ придворной,
Одѣтый въ бархатъ и атласъ,
Когда онъ клонитъ такъ притворно
Свой взоръ при встрѣчѣ женскихъ глазъ!
Зато какъ иногда онъ смѣло
На нихъ украдкою глядитъ!
Самъ бредитъ о любви, а кровь кипитъ, кипитъ...
О, молодость моя, куда ты улетѣла!
Вы правы, господа! На утрѣ бытія,
Мечтателемъ когда-то былъ и я,
Пока не преступилъ небеснаго предѣла!

ДУХИ.

О, Сатана, кого назвалъ ты намъ!
Сей донъ-Жуанъ любимецъ есть природы,
Онъ призванъ къ подвигамъ и благостнымъ дѣламъ,
Предъ нимъ преклонятся народы,
Онъ будетъ славенъ до конца,
Онъ стражей огражденъ небесной неприступно,
Къ нему ты не прострешь руки своей преступной—
Познай: сей донъ-Жуанъ избранникъ есть Творца!

САТАНА.

Мой также. Я давно его замѣтилъ.
Я знаю сколь удѣлъ его въ грядущемъ свѣтелъ.

И, юношу всѣмъ сердцемъ возлюбя,
Я сдѣлаю его похожимъ на себя.

ДУХИ.

Но гдѣ же власть твоя? Гдѣ сила?

САТАНА.

Оно и не легко. И дорого, да мило!
Послушайте. Во всемъ я къ точности привыкъ.
Вѣдь каждый данный пунктъ, характеръ или ликъ
Мы можемъ мысленно, по нашему капризу,
И кверху продолжить, и книзу.
Я часто самъ отъ скуки наблюдалъ,
Какъ иногда моя мѣняется натура:
Взберусь наверхъ—я мрачный идеаль;
Спустился внизъ—карикатура.
Теперь, какъ съ кафедры адъюнкты,
Я вашего прошу вниманья:
Любую женщину возьмемъ какъ данный пунктъ;
Коль кверху продолжимъ ея мы очертанье,
То наша линія, какъ я уже сказалъ,
Прямехонько въ ея упрется идеаль,
Въ тотъ чистый прототипъ, въ тотъ образъ совершенный,
Для каждой личности заранѣ припасенный.
Я этотъ прототипъ, незримый никому,
Изъ дружбы покажу любимцу моему.
Пусть въ каждомъ личикѣ, хоть нѣсколько годящемъ,
Какое бы себѣ онъ ни избралъ,
Онъ вмѣсто копіи все зреть оригиналь,
Последній выводъ нашъ въ порядкѣ восходящемъ.
Когда-жъ захочетъ онъ, моимъ огнемъ палимъ,
Въ объятіяхъ любви найти себѣ блаженство,
Исчезнетъ для него видѣнье совершенства,
И женщина, какъ есть, появится предъ нимъ.
И пусть онъ бѣсится. Пусть ловить съ вѣчной жадной
Все новый идеаль въ объятіяхъ дѣвы каждой!
Такъ съ волей пламенной, съ упорствомъ на челѣ,
Съ отчаяньемъ въ груди, со страстію во взорѣ,
Небесное Жуанъ пусть ищетъ на землѣ
И въ каждомъ торжествѣ себѣ готовить горе!

ДУХИ.

О, духъ неправды! Тотъ, кто ищетъ свѣтъ,
Кто жаждетъ лишь обнять, что вѣчно и прекрасно,
Надъ тѣмъ у ада власти нѣтъ.
И ты сгубить его надѣешься напрасно.
Познаетъ правду онъ, разсѣется твой мракъ,
Какъ вѣтромъ на луну навѣянная тучка!

САТАНА.

Вотъ въ этомъ-то и закорючка.
Уладить дѣло надо такъ,
Чтобы, во что бы то ни стало,
Все подъ носомъ ловилъ далекій онъ призракъ
И съ толку сбился бы искатель идеала.
Вѣдь чорту, говорятъ, достаточно схватить
Кого-нибудь хоть за единый волосъ,
Чтобъ душу всю его держать за эту нить,
И чтобы съ нимъ она ужъ не боролась;
А донъ-Жуанъ душой какъ ни высокъ,
И какъ ни велики въ немъ правила и твердость,
Я у него одинъ подмѣтилъ волосокъ,
Которому названье—гордость!

ДУХИ.

О, братья, окружимъ незримою толпой
Младое сердце донъ-Жуана,
Съ врагомъ въ упорный вступимъ бой,
Да не свершить надъ нимъ обмана!
Туманъ и мракъ разгонимъ съ юныхъ думъ,
Да явится имъ истины дорога!

САТАНА.

Къ чему весь этотъ трескъ и шумъ?
Помилуйте, побойтесь Бога!
Зачѣмъ кричать заранѣ: караулъ!
Могу сказать вамъ неспритворно,
Мое вліянье благотворно,
Безъ дѣла праведникъ пожалуй бы заснулъ.
Повѣрьте, для людей толчки полезны эти,
Какъ гальванизмъ полезенъ для больныхъ,
И если-бъ чорта не было на свѣтѣ,
То не было бы и святыхъ!

ДУХИ.

Довольно. Въ сумракѣ земля уже почила,
Безмолвенъ лѣсъ, тиха поверхность водъ,
Покой и миръ для смертныхъ настаеть...
Да сгинеть Сатаны завистливая сила!

САТАНА.

Покойной ночи всѣмъ! Увидимъ, чья возьметъ!
Исчезаетъ.

ДУХИ—ОДИН.

Въ тревожномъ жизни колебани
Всегда съ душой враждуетъ плоть;
Да озарить Твое сіянье
Стезю блудящаго, Господы!
Но если, пламенный и страстный,
Онъ слѣпо вступить въ мракъ и ночь,
Въ часъ испытанья, въ часъ опасный
Дозволь намъ слабому помочь!
Твои пути необъяснимы,
Твоихъ судебъ таинственъ ходъ,
Блаженъ, кто всѣхъ соблазновъ мимо
Дорогой свѣтлою идетъ!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ПОСЛѢ ПРОЛОГА.

СВЯЩЕННЫЙ ТРИБУНАЛЪ ВЪ СЕВИЛЬѢ.

Засѣданіе въ Casa Santa. Инквизиторъ, три члена, фискаль и секретарь. У дверей стража.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Предметъ, о коемъ разсуждать мы будемъ,
Уже извѣстенъ вамъ, святыя братья:
Надъ исполнителями Sant'Officio,
Тому три дня, открыто совершенно
Ужасное, неслыханное дѣло.
Прочтите обвиненіе, фискаль.

ФИСКАЛЬ—читаетъ.

«Три дня тому назадъ, святое братство
«Подъ стражею вело изъ Антекеры
«Въ тюрьму отпавшаго мориско. Вдругъ,
«Одѣтый въ плащъ, черты сокрыты шляпой,
«На нихъ напалъ какой-то кавалеръ.
«Съ угрозами и шпагою махая,
«Онъ многихъ ранилъ, прочихъ разогналъ,
«Преступника-жъ освободилъ и скрылся».

ИНКВИЗИТОРЪ.

Мориско былъ назначенъ на костеръ—
Святая церковь вопіеть о мести.

ОДИНЪ ЧЛЕНЪ.

И не нашли виновнаго?

Ф И С К А Л Ъ.

Слѣдъ найденъ.

При кавалерѣ былъ его слуга.
Агентъ, узнавъ его по описанью,
Подговорилъ идти съ собой въ трактиръ;
Тамъ схваченъ онъ и ждетъ теперь допроса.

ДРУГОЙ ЧЛЕНЪ.

Дозволить ли священный председатель
Намъ допросить агента и слугу?

ИНКВИЗИТОРЪ—къ офицеру стражи.

Сепьоръ Мигель, введите ихъ обонхъ.

Входить шпіонъ и Лепорелло. По-
слѣдній съ завязанными глазами.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Сними съ себя повязку, сынъ мой. Кто ты?

ЛЕПОРЕЛЛО—снимая повязку.

Ай, ай! Гдѣ я?

Увидѣвъ шпіона.

А, господинъ Діаго!
Такъ поступать нечестно. Вы меня
Своимъ недавно другомъ называли!

Ф И С К А Л Ъ.

Преступникъ, отвѣчай, кто ты?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Позвольте!..

Меня вчера на улицѣ онъ встрѣтилъ,
Подговорилъ съ нимъ вмѣстѣ отобѣдать
И угостилъ пуляркой. А теперь...

Ф И С К А Л Ъ.

Теперь, когда ты отвѣчать не станешь,
Ты будешь пыткой угощенъ. Кто ты?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Я, господинъ почтенный? Я не знаю.

ФИСКАЛЬ—къ инквизитору.

Позволите-ль желѣзныя ему
Надѣть ботинки?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что за вздоръ? Зачѣмъ?

Я сущю вамъ правду говорю;
Я, господа, подгинутой ребенокъ.
Коль по моимъ наклонностямъ судить,
Я гранда сынъ, а можетъ-быть, прелата!

ФИСКАЛЬ.

Сеньоръ Мигель! Желѣзныя ботинки!

ИНКВИЗИТОРЪ—къ фискалу.

Не будемъ торопиться.

Къ шпиону.

Что съ тобой

Онъ говорилъ, когда вы вмѣстѣ шли?

ШПИОНЪ.

Онъ хвастался, что съ господиномъ онъ
Преступника избавилъ отъ костра.
Слуга онъ донъ-Жуана де-Маранья
И соучастникъ въ дѣлѣ.

ЛЕПОРЕЛЛО—тихонько къ шпиону.

Фуѣ, Діаго!

Мы говорили вмѣстѣ какъ друзья;
Что я тебѣ за рюмкой сообщилъ,
Должно остаться было между нами!

ШПИОНЪ.

Его прозванье Лепорелло. Онъ
Уже лѣтъ десять служитъ донъ-Жуану.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нехорошо, Діаго; право, стыдно!
Я вижу, ты болтунъ. Но, господа,
Когда теперъ вы знаете, кто я,
Нельзя-ль скорѣй домой меня отправить?

ИНКВИЗИТОРЪ.

Итакъ, ты, Лепорелло, признаешься,
Что вмѣстѣ вы съ Мараньей, на дорогѣ,
Напали на святую инквизицію?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Кто? Я? Избави, Боже! Я былъ сзади!

ИНКВИЗИТОРЪ.

Теперь ты долженъ все намъ рассказать,
Что о своемъ ты знаешь господинѣ:
Какихъ онъ лѣтъ? И кто его друзья?
И часто-ль въ церковь ходитъ онъ? И кто
Въ интригѣ съ нимъ? И что онъ говоритъ?
И какъ онъ судить о священномъ братствѣ?
Все долженъ откровенно ты повѣдать,
Или мученя пытки испытать.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Помилуйте, священный предсѣдатель!
Вы столько задали вопросовъ вдругъ,
Что съ памятью сперва собраться надо,
Чтобъ по-ряду на все вамъ отвѣчать.
Какихъ онъ лѣтъ? Я думаю, ему
Лѣтъ двадцать пять, а можетъ-быть, и болѣ.
Какіе у него друзья? Ихъ много,
Но, кажется, онъ имъ не очень вѣритъ...
И хорошо онъ дѣлаетъ! Что дружба?
Вотъ этотъ господинъ меня сейчасъ
Пуляркой угостилъ; теперь же онъ
Показываетъ на меня. Діэго!
Признайся, братъ, что скверно!

ФИСКАЛЬ.

Къ дѣлу! къ дѣлу!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну, что-жь еще? Да! часто-ль ходитъ въ церковь?
Коль правду говорить—не слишкомъ часто;
Такъ, развѣ для забавы; да и то
Когда въ кого влюбленъ, то встрѣчи ради.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Въ интригѣ съ кѣмъ онъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Онъ-то? Правый Боже!

Да съ кѣмъ въ интригѣ не былъ донъ-Жуанъ?
Подумать страшно! Вѣрите-ль, сеньоръ,
Изъ силъ я выбился носить записки
И на часахъ стоять то тутъ, то тамъ.
Мы ѣздили съ нимъ вмѣстѣ по Европѣ;
Не пропустилъ нигдѣ онъ никого;
Что городъ, то интрига; а въ иныхъ
По десяти, по двадцати случалось.
Ужъ я ему, бывало, говорю:
Сеньоръ, остепенитесь! Такъ вотъ нѣтъ же!
Вотъ такъ и претъ его въ интриги, право;
И точно будто ищетъ онъ чего-то;
Попробуетъ одной, давай другую!
Какъ будто женщины не всѣ равны.
Вѣдь, согласитесь, отцы святые,
У курицы одинъ и тотъ же вкусъ,
Что съ чернымъ ли хохломъ она, что съ **бѣлымъ!**

ИНКВИЗИТОРЪ—къ фискалу.

Немного дерзокъ этотъ Лепорелло,
Но вмѣстѣ глупъ. Изъ болтовни его
Намъ кое-что, быть-можетъ, пригодится.

Къ Лепорелло.

Твой господинъ великій грѣховодникъ.
Теперь въ кого влюбленъ онъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Въ донну-Анну,

Въ дочь командора донъ-Альвара. Но
Не слишкомъ-то податлива она;
Ужъ съ мѣсяцъ мы волочимся напрасно.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Что говоритъ онъ про духовныхъ лицъ?
Объ инквизиціи святой какъ мыслить?
Въ его рѣчахъ, съ друзьями, за виномъ,

Или съ любезной въ тайныхъ разговорахъ
Замѣтна-ль ересь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Правду вамъ сказать,
Съ любезными своими донъ-Жуанъ
Немного говорить о богословьѣ.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Но быть не можетъ, чтобъ въ его рѣчахъ
Ты ереси преступной не подслушалъ.

ФИСКАЛЬ.

Подумай, вспомни. Дай намъ въ руки нить,
Чтобъ до его безвѣрїя добраться—
Не то готовься къ пыткѣ. Выбирай.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Помилуйте, вѣдь я его слуга:
Нечестно доносить на господина!

ФИСКАЛЬ.

Сеньоръ Мигель, желѣзные ботинки!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сейчасъ, сейчасъ! Я вспомнилъ! Погодите!
Дозвольте только мнѣ одинъ вопросъ:
Бѣды ему отъ этого не будетъ?
Вѣдь это только такъ? Изъ любопытства?

ФИСКАЛЬ.

Изъ любопытства.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А когда я вамъ
Все расскажу, меня вы отошлете?

ИНКВИЗИТОРЪ.

Когда ты все расскажешь намъ, мой сынъ,
И приведешь точь-въ-точь его слова,
Тебѣ даруетъ церковь награжденье,
И ты уйдешь свободно. Если-жъ ты
Хотя одно лишь слово утаишь,

Я долженъ буду, съ сокрушеннымъ сердцемъ,
На пытку согласиться.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Понимаю.

Итакъ, сеньоръ, я долженъ вамъ сказать,
Что донъ-Жуанъ говаривалъ не разъ:
«Святые братья глупы. Человѣкъ
«Молиться воленъ какъ ему угодно.
«Не влѣзешь силой въ совѣсть никому
«И никого не вгонишь въ рай дубиной».
Онъ говорилъ, что мавры и мориски
Пародъ полезный былъ и работающій;
Что ихъ не слѣдовало гнать ни жечь;
Что коль они исправно платятъ подать,
То этого довольно королю;
Что явный мусульманъ, иль еретикъ,
Не столько вреденъ, сколь сокрытый врагъ;
Что если бы сравняли всѣхъ правами,
То не было-бъ ни отъ кого вражды.
«Поэтому,—такъ говорилъ мой баринъ:—
«Святые братья глупы». Даже стыдно
Передавать мнѣ вамъ такія рѣчи,
Но часто слышалъ я, какъ донъ-Жуанъ
Говаривалъ: «святые братья глупы».

ФИСКАЛЬ.

Когда не замолчишь ты, попугай,
Тебя въ желѣзную посадятъ клѣтку!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Вотъ этого ужъ я не понимаю:
Молчу—ботинки! ротъ разину—клѣтка!

ИНКВИЗИТОРЪ—къ фискалу.

Оставьте, братъ фискаль. Слова глупца
Святыни нашей оскѣрбить не могутъ!

Къ Лепорелло.

Послушай. Съ господиномъ ты своимъ,
Вы совершили вмѣстѣ преступленье,
Которое заслуживаетъ смерть.
Но, ради простоты твоей, тебя
Помиловать верховный судъ согласенъ,

Съ тѣмъ, чтобы свято намъ ты обѣщалъ
Слѣдить и наблюдать за донъ-Жуаномъ.
О каждомъ шагѣ долженъ ты его,
О каждомъ словѣ доносить, не то—
Увы, мой сынъ, смерть и проклятье церкви!

ЛЕПОРЕЛЛО—въ сторону.

Вотъ этого еще недоставало!

Къ инквизитору.

Извольте, я готовъ за нимъ слѣдить
И доносить про все съ благоговѣньемъ.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Иди же съ миромъ.

Подавая ему кошелекъ.

А червонцы эти

Дарить тебѣ святая инквизиція.

ЛЕПОРЕЛЛО—кладя кошелекъ въ карманъ.

Беру—изъ уваженья. Господина-бъ
Не продалъ я ни за какія деньги.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Ступай, мой сынъ, но помни обѣщанье!

ФИСКАЛЬ.

Коль будешь ты болтать—костеръ и пытка!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Не безпокойтесь, отцы святые,
Все можно сдѣлать лаской изъ меня.
Мое почтеніе всему собранью!
А вы, сеньоръ Діаго, вы себѣ
Другихъ друзей ищите; на меня
Вы болѣ не надѣйтесь. Вашъ слуга!

Лепорелло и шпіонъ уходятъ въ сопровожденіи стражи.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Сомнѣнья нѣтъ. Преступникъ былъ Маранья,
Еретикъ онъ, святого братства врагъ
И на кострѣ заслуживаетъ смерть.

ФИСКАЛЬ.

Давно примѣръ остывшей вѣрѣ нуженъ.
Вездѣ сильнѣе ересь возрастаетъ,
И слабые колеблются умы.
Сожженъ донъ-Жуана де-Маранья
Спасетъ отъ казни тысячу другихъ.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Такъ. Но принять въ соображенъе надо,
Что онъ испанскій грандъ, богатъ связями,
Что явной на него улики нѣтъ,
И что отъ словъ онъ можетъ отказаться.
Когда его мы прямо обвинимъ,
Надѣлаетъ процессъ нашъ много шума,
А преступленъе такъ невѣроятно,
Что ропотъ всѣхъ подымется на насъ.
Пожалуй, самъ король за донъ-Жуана
Заступится, и этимъ пошатнется
Религiи святой авторитетъ.

ОДИНЪ ЧЛЕНЪ.

Процессъ начать неловко. Но нельзя-жъ
Еретика оставить на свободѣ.

ДРУГОЙ ЧЛЕНЪ.

Избавиться его есть много средствъ.

ТРЕТІЙ ЧЛЕНЪ.

Цѣль освящаетъ средства. Братство наше
Намъ дозволяетъ въ случаяхъ подобныхъ
Къ кинжалу или къ яду прибѣгать.

ФИСКАЛЬ.

Торжественную казнь въ глазахъ народа,
Великолѣпное auto-da-fe
Я предпочелъ бы этой темной казни;
Но если всѣ согласны, то я также
Даю мое согласье на кинжалъ.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Итакъ, мы въ настоящемъ засѣданiи
Торжественно, но тайно объявляемъ

Еретикомъ Жуана де-Марања,
Ему же нынѣ смертный приговоръ
Постановляемъ всѣ единогласно.
Да будетъ такъ. Пишите, секретарь.

КОМНАТА ВО ДВОРЦѢ ДОНЪ-ЖУАНА.

Донъ-Жуанъ сидитъ въ задумчивости и держитъ раскрытое письмо.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Опомнись, донъ-Жуанъ! Какое чувство
Въ твоей груди проснулося опять?
Какой, давно забытый, свѣтлый міръ
Въ тебѣ записка эта пробудила?
Чѣмъ донна-Анна лучше всѣхъ другихъ?
Такой же станъ, и гибкій и прекрасный,
Не разъ я обнималъ; къ устамъ такимъ же
Я прижималъ горячія уста;
Такой же голосъ и такой же взглядъ
Не разъ меня Мадонной заклинали...
И этотъ взглядъ, и голосъ, и моленья,
И мой восторгъ, и жизни полнота—
Все было ложь. Я обнималъ лишь призракъ.
Отъ женщины, которую любилъ я,
Которую такъ ставилъ высоко
И на землѣ небеснымъ исключеньемъ.
Считалъ—не оставалось ничего:
Она была такая-жъ, какъ другія!
А, кажется, я понималъ любви!
Я въ ней искалъ не узкое то чувство,
Которое, два сердца съединивъ,
Стѣною ихъ отъ міра отдѣляетъ.
Она меня роднила со вселенной,
Всѣхъ истинъ я источникъ видѣлъ въ ней,
Всѣхъ дѣлъ великихъ первую причину.
Черезъ нее я понималъ ужъ смутно
Чудесный строй законовъ бытія,
Явленій всѣхъ сокрытое начало.
Я понималъ, что всѣ ея лучи,
Раскинутые врозь по мірозданью,
Въ другомъ я сердцѣ вмѣстѣ-бъ съединилъ,
Сосредоточилъ бы ихъ блескъ блудящій

И сжатымъ свѣтомъ ярко-бѣ озарилъ
Моей души неясныя стремленья!
О, если бы то сердце я нашелъ!
Я съ нимъ одно бы цѣлое составилъ,
Одно звено той безконечной цѣпи,
Которая, въ связи со всей вселенной,
Восходитъ вѣчно выше къ Божеству
И оттого лишь слиться съ нимъ не можетъ,
Что путь къ нему, какъ вѣчность, безъ конца!
О, если бы изъ тѣхъ, кого любилъ я,
Хотя-бѣ одна сдержала обѣщанье!
Я имъ не измѣнялъ—нѣтъ, нѣтъ—онѣ,
Онѣ меня безстыдно обманули,
Мой идеалъ онѣ мнѣ подмѣнили,
Подставили чужую личность мнѣ,
И ихъ любить, намѣсто совершенства —
Вотъ гдѣ-бѣ измѣна низкая была!
Нѣтъ, самъ себѣ я оставался вѣренъ:
Я продолжалъ носить въ себѣ ту мысль,
Которая являлась въ нихъ сначала;
Но вскорѣ я подлогъ ихъ узнавалъ,
Одну покинувъ, я искалъ другую,
И, каждый разъ все сызнава обмануть,
Съ ожесточеннымъ сталъ я любопытствомъ
Въ нихъ струны сердца всѣ перебирать;
Когда-жъ онѣ рвались, равнодушно
Изломанный бросалъ я инструментъ
И далѣ шелъ, и всюду находилъ
Одни и тѣ же пошлыя явленья!
И въ ярости тогда я поклялся
Любви не вѣрить, ничему не вѣрить.
Искалъ я въ ней одно лишь обладанье,
Лишь чувственность одну въ ней находилъ.
Да, я искалъ ее, лишь для того,
Чтобы насмѣшкой мстить ей насмѣшкамъ...
А нынѣ? Что со мной? Что эти строки?
Зачѣмъ онѣ надежду оживили?
Ужъ въ третій разъ прочитываю ихъ,
И въ сердцѣ тотъ же непонятный трепеть.

Читаетъ.

«Я къ вамъ писать рѣшаюсь, донъ-Жуанъ,
«Рѣшаюсь я исполнить вашу просьбу,

«Но объясниться съ вами я должна.
«Успѣхи ваши, нравъ непостоянный,
«Отчаянье и слезы столькихъ жертвъ,
«Къ несчастью, мнѣ давно уже извѣстны.
«Для васъ легко любить и разлюбить...
«Ужель вы также и меня хотѣли-бъ
«Игрушкой сдѣлать прихоти своей?
«Нѣтъ, вопреки тяжелымъ обвиненьямъ,
«Которыхъ много такъ на васъ лежитъ,
«Мнѣ говорить какой-то тайный голосъ,
«Что уважать васъ можно, донъ-Жуанъ!
«Скажите-жь, какъ должна я оправдать
«Преслѣдованья ваши? Можетъ-быть,
«Вамъ самолюбье не даетъ покоя,
«И требуете вы, чтобы я вамъ
«Сама въ любви призналась? Если такъ—
«Я притворяться долѣ не умѣю—
«Я васъ люблю—да,—высказано слово—
«Но заклинаю васъ святой Мадонной
«И честию вашей заклинаю васъ,
«Меня увидѣть болѣ не ищите;
«Отнынѣ я почла бы оскорбленьемъ
«Старанье ваше сблизиться со мной.
«Я вамъ призналась—вы достигли цѣли—
«Теперь не трудно вамъ меня забыть».

Послѣ нѣкотораго молчанія.

Какъ эти мнѣ знакомы выраженья!
Такія-жь строки часто я читалъ.
Всѣ заклинають честью, долгомъ, вѣрой,
Потомъ свиданье робко назначаютъ,
Потомъ придетъ развязка, а потомъ...
Исчезнетъ сонъ, и правды часъ наступить!
Все это я ужъ знаю напередъ.
Но отчего-жь записка донны-Анны
Мнѣ душу такъ волнуетъ глубоко?
Встають оцять чудесныя видѣнья,
И манятъ снова призраки любви!
Такъ марево, въ пустынѣ аравійской,
Предъ путникомъ рисуеть вдалекѣ
Озеръ и рѣкъ желанныхъ очертанья;
Когда же онъ, собравъ остатокъ силъ,
Доташится до нихъ изнеможенный—

Исчезло все. Предъ нимъ одна лишь степь,
Песковъ сыпучихъ пламенное море!

Смотрить на письмо.

Слова все тѣ же, но какъ будто смыслъ
Другой, и будто между этихъ строкъ
Читаю я невидимыя строки.

А вотъ и слезъ слѣды. Какъ будто дождь
Кропиль руки невѣрной начертанья.

И это мнѣ знакомо. Часто я
Такія пятнышки видаль на письмахъ.

Нѣтъ, это не любовь. То кровь играетъ,
Желанья дразнить ненасытный бѣсъ!

Такъ что же? Гдѣ-жъ преграда? Или вкралось *she's in*

Мнѣ въ душу состраданье? Или совѣсть
Меня тревожить? Что такое совѣсть?

Пойми себя, Жуаны! Когда любовь
Есть ложь, то всѣ понятія и чувства,

Которыя она въ себѣ вмѣщаетъ: *conscience*

Честь, совѣсть, состраданье, дружба, вѣрность,
Религія, законовъ уваженье,

Привязанность къ отечеству—все ложь!

Религія! Не на любви-ль ея

Основано высокое начало?

Но если основанье есть ничто—

Тогда и самое ничтожно зданье!

Двойкая въ немъ ложь заключена:

По мысли ложь и ложь по примѣненью.

Вы, райскаго вербовщика спасенья,

Во имя ли любви вы громоздите

Для вашихъ жертвъ священные костры?

А вы, которыхъ жгутъ благочестиво,

Вы, проповѣдники свободной мысли,

Вы для кого себя даете жечь?

Коль нѣтъ любви, то нѣтъ и убѣжденій;

Коль нѣтъ любви, то знайте: нѣтъ и Бога!

Вы-жъ, за отечество въ кровавыхъ битвахъ

Безмысленно губящіе другъ друга,

Вы можете-ль сказать, кто приковалъ

Къ извѣстному пространству человѣка?

Кто ограничилъ вашъ свободный духъ

Стѣной, горами, моремъ иль заставой?

Когда-бъ любовь оправдывалась въ мирѣ,

Отечествомъ была бы вся земля,
И человекъ тогда душою вольной
Равно любилъ бы весь широкій міръ,
Отечествомъ бы звалъ не только землю,
Онъ звалъ бы имъ и звѣзды и планеты!

А совѣсть? Справедливость? Честь? Законы?

Все громкія и пошлыя слова,
Все той же лжи лишь разныя названья!
Что-жь остается въ жизни? Слава? Власть?

Но гдѣ вѣнецъ, гдѣ свѣтлая тиара,
Которые бы стоили труда
Къ нимъ руку протянуть? Какая власть
Того насытитъ, кто искалъ блаженства?

И если-бъ всѣ живущіе народы
И всѣхъ грядущихъ поколѣній тьмы,
Всѣ пали ницъ передо мной—ужели-бъ
Я хоть на мигъ ту жажду позабылъ,
Которой нѣтъ на свѣтѣ утоленья?

~~Все въ мірѣ ложь! Вся жизнь есть злая шутка,~~

И если всѣ явленья перебрать
И призраки пустыя всѣ откинуть,
Останется лишь чувственность одна,
Любви ничтожный, искаженный снимокъ,
Который иногда, зажмура очи,
Еще принять мы можемъ въ любовь.
Къ чему же намъ зазрѣнными стѣсняться?

Нѣтъ! Я мириться не могу съ судьбой
И рабски покоряться тѣни. Нѣтъ!
Не вѣря ничему, ничѣмъ не сдержанъ,
Моимъ страстямъ я отпущу бразды,
Не разбирая средствъ, я каждой цѣли
Достигну скоро, все попру ногами,
Унижу все и жизни отомщу!

Я не хочу искать, какое чувство
Меня теперь приводитъ къ доннѣ-Аннѣ!
Я къ ней влекомъ—она моею будетъ!
Не нужно мнѣ лукавить ни хитрить;
Я и досель въ любовныхъ приключеньяхъ
Не обольщалъ съ холодною безстрастной
И никогда рассчитывать не могъ.
Воображенью дать лишь стѣдить волю,
Оно меня на крыльяхъ унесетъ,
Минутной вѣрой мнѣ наполнить душу,

Искусственной любовью опьянить;
Краснорѣчиво жгучія слова
Изъ устъ польются; какъ актеръ на сценѣ,
Я непритворно въ роль мою войду
И до развязки самъ себя повѣрю.
Такъ. Рѣшено. Возстанъ же, донъ-Жуанъ!
Иди впередъ, какъ ангелъ истребленья!
Брось снова вызовъ призраку любви,
Условій пошлыхъ мелкія сплетенья *net*
Вокругъ себя какъ паутину рви—
Живи одинъ, для мщенья и для страсти!
На зло судьбѣ, иль той враждебной власти,
Чьей силой ты на бытіе призванъ,
Плати насмѣшкой вѣчнымъ ихъ обманамъ,
И какъ корабль надъ бурнымъ океаномъ,
Надъ жизнью такъ господствуй, донъ-Жуанъ! *>*

Лепорелло вбѣгаетъ, запыхавшись.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ай, ай, сеньоръ! О, о! Ай, ай! О, о!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Откуда ты? И чѣмъ ты такъ встревоженъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Откуда я? Сейчасъ все по порядку,
Сеньоръ любезный, все вамъ расскажу.
По вашему когда я приказанью
Отнесъ вчера записку къ доннѣ-Аннѣ,
Дорогой я немного на мосту
Остановился посмотрѣть, все такъ же-ль,
Попрежнему-ль бѣжить Гвадалквивиръ?
Облокотясь на перила, тамъ
Съ часъ мѣста я, не болѣ, оставался,
Какъ вдругъ ко мнѣ подходитъ господинъ
И въ разговоръ со мной вступаетъ; онъ
Наружности былъ самой благородной.
Поговоривъ со мной о томъ, о семъ,
Онъ предложилъ мнѣ вмѣстѣ отобѣдать
И угостилъ пуляркой...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что за вздоръ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

И угостилъ пуляркой. Вдругъ меня
Схватили, завязали мнѣ глаза
И повели—куда? Ей-ей, не знаю,
Но гдѣ-бъ, вы думали, я очутился?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ну, гдѣ же?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Въ Casa Santa, ей-же-ей!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ого! И что же тамъ тебѣ сказали?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Разспрашивали вѣжливо меня
О нашемъ нападеніи на стражу,
Когда мориско мы освободили.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

И, вѣроятно, ты во всемъ признался?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Во всемъ упорно заперся, сеньоръ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Наврядъ ли. Но потомъ? Что было послѣ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Потомъ, сеньоръ? Потомъ мы говорили
О важныхъ государственныхъ дѣлахъ;
Они со мной совѣтовались, какъ
Искоренить еретиковъ въ Испаньѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Скажи, болтунъ, безъ лжи и отступленій,
О чемъ тебя спрашивали тамъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сеньоръ любезный, будьте осторожны,
Повѣрьте мнѣ, святая инквизиція
Участье въ васъ большое принимаетъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я по твоимъ глазамъ, мошеникъ, вижу,
Что ты болталъ, но мнѣ то все равно.
Чѣмъ кончился допросъ твой?

ЛЕПОРЕЛЛО.

О, сеньоръ,
Они меня настойчиво просили
О каждомъ вашемъ словѣ, каждомъ шагѣ
Имъ доносить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты принялъ порученье?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что было дѣлать? Тамъ у нихъ лежатъ
Какія-то желѣзные ботинки.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Когда они хотятъ за мной слѣдить,
Дѣла мои еще не слишкомъ плохи,
Я къ свѣдѣнью участъе ихъ приму;
Ты-жъ, Лепорелло, будешь къ нимъ являться
И доносить имъ, слово въ слово, то,
Что каждый разъ тебѣ я продиктую.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Душевно радъ, сеньоръ. Но хорошо-бъ
На время вамъ Испанію оставить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Теперь оставить? Ни за что на свѣтѣ!
А донна-Анна?

ЛЕПОРЕЛЛО.

То-то донна-Анна!
Изъ-за нея бы не нажать бѣды!
Ей-ей, повѣрьте мнѣ, остепенитесь,
Въ опасную играемъ мы игру.

Уходитъ и тотчасъ возвращается.

Сеньоръ, что я сейчасъ вамъ сообщилъ,
Не правда ли, останется межъ нами?

Вѣдь это государственная тайна,
Я имъ честное слово далъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ступай.

Лепорелло уходить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ—одинъ.

Итакъ, я нахожусь подъ наблюденьемъ
Святыхъ отцовъ. Мнѣ по-сердцу борьба!
Я обществу, и церкви, и закону
Перчатку бросилъ. Кровная вражда
Ужъ началась открыто между нами.
Взойди-жь, моя зловѣщая звѣзда!
Развѣйся, моего возстанья знамя!

ДОМЪ КОМАНДОРА.

Командоръ и донъ-Октавіо.

КОМАНДОРЪ.

Сеньоръ, мнѣ тяжело, мнѣ очень больно
Нежданнѣмъ васъ отказомъ огорчить,
Но дочери я не могу неволить.
Ея ужъ выборъ сдѣланъ. Донъ-Жуанъ
Изъ устъ ея ужъ получилъ согласье.
Я ваши чувства знаю и цѣню;
Повѣрьте, я люблю васъ, донъ-Октавіо,
Я самъ, какъ вы, глубоко огорченъ.
Вѣдь этотъ бракъ моею былъ мечтою,
Я васъ давно хотѣлъ усыновить.
Но вы, не правда-ль, будете намъ другомъ
И братомъ доннѣ-Аннѣ? Видитъ Богъ,
Я вамъ хотѣлъ отдать ее. Что-жь дѣлать?
Судьба не такъ рѣшила. Дайте руку!

ДОНЪ-ОКТАВІО.

О, мой отецъ! Могу ли я еще
Назвать васъ этимъ именемъ священнымъ?
Прощайте, донъ-Альваръ. Скажите ей,
Что я иду—куда? И самъ не знаю!
Иду я далѣ, далѣ отъ нея.

Забуть ея я не могу, но смерти
Могу искать. Прощайте, донъ-Альваръ.

КОМАНДОРЪ.

Постой, Октавіо. Скажи, ты вправду,
Ты искренно, ты свято любишь Анну?

ДОНЪ-ОКТАВІО.

Что значать эти рѣчи, донъ-Альваръ?

КОМАНДОРЪ.

Октавіо, послушай! Если вправду
Ты любишь дочь мою—не уходи!
Я все скажу тебѣ. Недаромъ сердце
Предчувствуетъ бѣду. Ты знаешь Анну.
Ея душа пылка; воображенье,
Восторженность всегда ее влекли.
Напрасно я просилъ ее; напрасно
Молилъ отсрочить горькую помолвку—
Не помогли мольбы ни увѣщанья.
Она бы помѣшалась иль зачахла,
Когда-бъ я власть мою употребилъ.
Ея умою теперь Жуанъ владѣть,
Въ ея душѣ лишь онъ одинъ царить.
Быть-можетъ, я несправедливъ. Быть-можетъ,
Онъ искренно отрекся для нея
Отъ прежнихъ заблужденій. Онъ святыней
Клялся мнѣ отказаться навсегда
Отъ бурной жизни юношескихъ лѣтъ.
Дай Богъ! Но сердце чуетъ, донъ-Октавьо,
Что дочь не будетъ счастлива за нимъ.
Я старъ, уже давно гляжу въ могилу.
Случиться можетъ, я умру сегодня-жъ
И дочь мою оставлю сиротой.
Будь другомъ ей, Октавіо, будь братомъ;
А если онъ свою забудетъ клятву
И если оскорбитъ мое дитя—
Будь мстителемъ ея! Клянись мнѣ, сынъ мой,
Своей сестры въ бѣдѣ не покидать!

ДОНЪ-ОКТАВІО.

Тяжелый долгъ, отецъ; на сердце мнѣ
Ты просьбою своею возлагаешь:

Ихъ счастья быть свидѣтелемъ я долженъ!
О, лучше-бъ тысяча смертей! Но если
Она еще нуждается во мнѣ,
Я принимаю это униженье,
Я остаюсь. Во всемъ, о, донъ-Альваръ,
Клянусь тебѣ, и честь моя порукой.

КОМНАТА ДОННЫ-АННЫ.

Донна-Анна. У ногъ ея сидитъ донъ-Жуанъ.

ДОННА-АННА.

Такъ это правда? Это не обманъ?
Меня ты любишь искренно, сердечно?
Другихъ ты женщинъ для меня забылъ?
Меня одну всегда любить ты будешь
И не раскаешься?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, донна-Анна!

Тебя одну и вижу я и помню.
Всю жизнь мою до этого мгновенья,
Все, что я прожилъ, все, что ощущалъ,
Я все забылъ! И какъ впадаютъ въ море,
Въ бездонное, всѣ рѣки и ручьи,
Такъ, безъ слѣда, мои воспоминанья
Въ твоей любви теперь поглощены!

ДОННА-АННА.

Я часто такъ во снѣ тебя видала,
Какъ ты теперь у ногъ моихъ сидишь;
Во снѣ я такъ въ глаза тебѣ глядѣла,
И было въ нихъ темно и глубоко;
И мнѣ хотѣлось глубже въ нихъ взглянуть,
И я въ нихъ дна не находила; мнѣ
Казалось, что въ пропасть я гляжу;
И страшно было и такъ сладко вмѣстѣ!
Что если и теперь я вижу сонъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, жизнь моя! Все призракъ и мечта!
Все дымъ и сонъ—одна любовь есть правда!

ДОННА-АННА.

И любишь ты давно меня, Жуанъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Давно? Всегда! Твой образъ, донна-Анна,
Всегда носился смутно предо мной!
Когда одинъ, въ крушительной тревогѣ,
Я съ жизнью боролся, какъ пловецъ,
Тебя мой взоръ отыскивалъ вдали,
Тебя увидѣвъ, берегъ я увидѣлъ.

ДОННА-АННА.

О, мой Жуанъ! И я была одна,
И мнѣ тебя всегда недоставало!
Зачѣмъ отцу ты прежде не открылся?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Меня пугаль его суровый нравъ.
Боялся я отказа. И теперь
Я-бъ не рѣшился говорить, когда бы
Онъ не засталъ меня у ногъ твоихъ.

ДОННА-АННА.

То, видно, насъ соединило небо!
Но, милый другъ, теперь, когда нашли
Мы оба въ жизни твердую опору,
Скажи, куда направишь ты свой бѣгъ?
Какую цѣль своимъ поставишь силамъ?
Душѣ высокой, свѣтлomu уму
Какую ты задашь теперь задачу?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Весь міръ открытъ предъ нами, донна-Анна;
Моя душа свободна и ясна.
Къ чему бы мыслью я ни обратился,
Я до всего достигну. Но оставимъ
Мы этотъ разговоръ. Теперь любовь,
Одна любовь моею будетъ цѣлю!

ДОННА-АННА.

Ты самъ себя не знаешь, донъ-Жуанъ,
Но сердцемъ я давно тебя постигла.

Я буду помогать тебѣ. Когда
Любовь твои стремленья заградить,
Я, я, Жуанъ, тебѣ о нихъ напомню.
Я не хочу тебѣ преградой быть *obstacle*
И твоему орлиному полету.
Мѣшать я не должна. Но что съ тобой?
Какая мысль твой омрачила взоръ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я вспомнилъ... да, прости мнѣ...

ДОННА-АННА.

Что ты вспомнилъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что ты меня не перваго ужъ любишь.

ДОННА-АННА.

Какъ? Ты ревнуешь?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

ДОНЪ-ОКТАВЬО БЫЛЪ

Тобой любимъ.

ДОННА-АННА.

И ты ревнуешь? О,
Скажи мнѣ все, разспрашивай меня—
Я отвѣчать на все тебѣ готова!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Чистосердечью твоему я вѣрю.

ДОННА-АННА.

Но ты, не правда-ль, часто былъ обмануть,
И оттого ты сталъ ревнивъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Напротивъ,

Когда меня любить переставали,
Сопернику счастливому охотно
Я мѣсто уступалъ; когда-жъ соперникъ
Мнѣ докучалъ безъ повода и права,
Межъ нами споръ моя кончала шпага.

И не давала времени созрѣть
Ревнивости. Я чуждъ ей остался.

ДОННА-АННА.

Что-жъ значили сейчасъ твои слова?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вотъ видишь ли: любовь я въ мысли ставлю
Такъ высоко, такъ свято понимаю,
И для меня ея такъ нѣженъ цвѣтъ,
Что отъ малѣйшаго прикосновенья
Легко мрачится онъ и увядаетъ.
Когда любилъ я, и когда во мнѣ
Другой, неясный образъ зарождался,
Я, чтобъ любви священное начало
Борьбою двухъ явленій не нарушить,
Спѣшилъ разстаться съ той, кого любилъ...

ДОННА-АННА.

Разстаться, донъ-Жуанъ? Но отчего же
Въ тебѣ тотъ чуждый образъ зарождался?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не знаю самъ. Но я съ собой былъ честенъ
И двумъ идеямъ вмѣстѣ не служилъ.
Просторно сердце женщины, напротивъ;
Въ немъ рѣзкія противорѣчья могутъ
Ужиться рядомъ. Въ немъ бываетъ слышенъ,
Среди любви живой и настоящей,
Нерѣдко запоздалый отголосокъ
Другой, отжившей, конченной любви.
Вины тутъ нѣтъ: подобныя явленья—
Въ природѣ женской. Но дѣлиться я
И съ тѣнью даже не могу съ тѣмъ сердцемъ,
Которое мнѣ отдалось. Въ немъ
Я долженъ быть одинъ.

ДОННА-АННА.

Ты въ немъ одинъ.

То чувство, что тебя смущаетъ, было
Одно ребячество, и я тогда
Сама себя еще не понимала.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Но, можетъ-быть, ты и теперь вполнѣ
Себя не понимаешь?

ДОННА-АННА.

Донъ-Жуанъ,

Не оскорбляй меня такимъ сомнѣньемъ.
Когда-бъ я не увѣрена была
Въ себѣ самой, когда-бъ я колебалась,
Я бы твоей любви не приняла,
Мнѣ собственная гордость помѣшала-бъ
Собой расплагаться. Нѣтъ, я твоя!
Съ сознаниемъ твоя, и безъ раздѣла!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, ангель мой, клянись мнѣ въ томъ скорѣй,
Клянись всѣмъ, что для тебя священно!

ДОННА-АННА.

Клянусь тебѣ пречистою Мадонной,
Клянусь тебѣ Спасителя крестомъ,
Клянусь отца священной сѣдиною,
Клянуся прахомъ матери моей—
Вся жизнь моя и всѣ мои мышленья
Навѣкъ, Жуанъ, тебѣ принадлежать!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А если бы тебѣ я измѣнилъ?

ДОННА-АННА.

Въ тебя я вѣрю; мнѣ того довольно—
Не требую я клятвы у тебя!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Однако, если-бъ?

ДОННА-АННА.

Если бы въ тебя
Я вѣрить, перестала, о, тогда...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что-бъ сдѣлала тогда ты?

ДОННА-АННА.

Донъ-Жуанъ,

Не спрашивай меня, мнѣ страшно думать,
Я не хочу о невозможномъ думать!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

И не тревожишься ты тѣмъ, что я
Ужъ измѣнилъ столь многимъ?

ДОННА-АННА.

Сознаюсь,

Мнѣ эта мысль не разъ ужъ приходила.
Но для меня скрывается тутъ тайна;
Сейчасъ ты что-то намекнулъ объ этомъ,
Но я тебя, Жуанъ, не поняла.
Не можетъ быть, чтобы съ подобнымъ взглядомъ,
Съ улыбкой этой, съ голосомъ твоимъ
Была совмѣстна ложь. Не можетъ быть,
Чтобы когда-нибудь ты притворялся
И могъ смѣяться надъ любящимъ сердцемъ.
Нѣтъ, не такимъ является обманъ!
Въ его очахъ замѣтно безпокойство,
Изысканна его бываетъ рѣчь,
И самое стараніе казаться
Прямимъ, и откровеннымъ, и правдивымъ
Его всегда невольно выдаетъ.
Ты не таковъ. Не хочешь ты казаться,
Нѣтъ ничего поддѣльнаго въ тебѣ;
Ты не старался предо мною скрыть
Своихъ ошибокъ или недостатковъ.
Когда тебя еще я не видала,
А знала только по одной молвѣ,
Глубоко я была возмущена
И сильно на тебя негодовала;
Когда же я увидѣла тебя,
Невольное сомнѣніе во мнѣ
Насчетъ худой твоей возникло славы;
Я начала отыскивать тогда,
Придумывать старалась оправданья
Твоей преступной жизни. Ты въ то время
Сближаться съ нами понемногу сталъ,
И чѣмъ съ тобою чаще я встрѣчалась,

Тѣмъ каждый разъ мнѣ дѣлалось яснѣе
Противорѣчье межъ твоей душой
И жизнiю твоей. Я поняла,
Что есть въ тебѣ какая-то загадка.
Да, донъ-Жуанъ, загадка есть въ тебѣ.
Твоихъ бровей грозящая дуга
Являетъ самолюбіе и гордость,
Въ твоихъ очахъ видна бываетъ грусть—
Но непритворенъ ликъ твой благородный,
И въ этомъ сердцѣ мѣста нѣтъ для лжи!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, проницательность души любящей!
Такъ. Для обмана не былъ я рожденъ.
Когда-бъ изъ тѣхъ, кого я въ жизни встрѣтилъ,
Хотя-бъ одна съ тобой могла сравниться,
Я не былъ бы теперь у ногъ твоихъ!

ДОННА-АННА.

Мнѣ говорили также про тебя,
Что ты не уважаешь ни законовъ,
Ни церкви, ни святыни; но, я знаю,
Твои ошибочно толкуютъ мысли.
Не правда ли, со временемъ, когда
Увидишь ты, что я тебя достойна,
Ты все мнѣ скажешь?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Жизнь моя! Зачѣмъ,
Чего мнѣ ждать? Теперь, не отлагая,
Я все тебѣ скажу. Ты не похожа
На прочихъ женщинъ; все тебѣ доступно.
Суди меня—и если я виновенъ,
Я предъ твоимъ склонюся приговоромъ.
Тебя не обманули. Да, я врагъ
Всего, чтѣ люди чтутъ и уважаютъ.
Но ты пойми меня; взгляни вокругъ:
Достойны-ль ихъ кумиры поклоненья?
Какъ отвѣчаетъ ихъ поддѣльный міръ
Той жаждѣ правды, чувству красоты,
Которыя живутъ въ насъ отъ рожденья?
Вездѣ условья, ханжество, привычка,
Общественная ложь и раболѣпство!

Весь этотъ міръ нечистый я отвергъ.
Но я другой хотѣлъ соорудить,
Свѣтлѣй и краше видимаго міра,
Имъ внѣшность я хотѣлъ облагородить;
Мнѣ говорило внутреннее чувство,
Что въ женскомъ сердцѣ я его найду— 7
И я искалъ. Зачѣмъ тебя смущать
Разсказомъ долгихъ, горькихъ заблужденій?
Довольно. Жизнь мою ты поняла.

ДОННА-АННА.

О, не страшися своего довѣрья!
Да, все я понимаю. Но скажи мнѣ,
Чего ты ждалъ отъ тѣхъ, кого любилъ?
Чѣмъ былъ ты оскорбленъ, иль чѣмъ обманутъ?
Чего ты требовалъ? Скажи мнѣ все!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Чего я ждалъ отъ нихъ, чего искалъ,
Опредѣлить уже не въ силахъ я.
Теперь я все нашелъ, теперь я счастливъ!
Не полно было-бъ это чувство, еслибъ
Его словами выразить я могъ!

ДОННА-АННА.

А я, Жуанъ, когда-бъ мою любовь
Могла измѣрить, или обзрѣть,
Мнѣ было-бъ страшно; я боялась бы,
Что до тебя она не достигнетъ.
Но мѣры нѣтъ въ ней! Нѣтъ во мнѣ боязни!
Сомнѣній нѣтъ! Я въ будущее вѣрю,
Какъ вѣрю въ Бога и въ тебя Жуанъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Да! Вѣрь, о, ангель! Вѣрь! Намъ надо вѣрить!
Лишь въ вѣрѣ счастье! Мигъ единый вѣры
Есть вѣчность. Пусть онъ нашу жизнь поглотитъ!
Прочь думы! Прочь сомнѣнья хладный червь!
Забудемъ все! Весь міръ! Себя самихъ!
Въ одномъ восторгѣ и въ одномъ блаженствѣ
Смѣшаемъ жизнь и смерть!

Входитъ командоръ.

КОМАНДОРЪ.

Сеньоръ, простите.

Вамъ долго вмѣстѣ быть еще недѣля.
Никто еще не извѣщенъ въ Севильѣ
О вашемъ сватовствѣ. Но я сегодня
Пошлю къ роднымъ и близкимъ приглашенье,
Чтобъ съѣхались на сговоръ; до того-жъ
Вамъ видѣться лишь можно на гуляньѣ.
Обычай такъ велитъ. Коль вамъ угодно,
Вы встрѣтите насъ завтра у фонтана
Въ тотъ часъ, когда взойдетъ луна.

ДОНЪ-ЖУАНЪ—въ сторону.

Проклятье!

Холодною водой меня онъ обдалъ,
Онъ мнѣ напомнилъ, что любовь есть призракъ,
Что я сюда пришелъ лишь роль играть.
Перехитрилъ старикъ, поторопился
Накидывать арканъ свой на меня!

Къ командору.

Сеньоръ, тяжель вашъ строгій приговоръ,
Но я во всемъ вамъ покоряться долженъ;
До завтра я изгнанью обреченъ.

КОМАНДОРЪ.

Простите, донъ-Жуанъ. Мы у фонтана
Васъ встрѣтимъ завтра.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я не опоздаю!

Уходить.

КОМАНДОРЪ—про себя, слѣдя за нимъ глазами.

Какъ омрачилось вдругъ его лицо!
Не въ первый разъ уже я замѣчаю,
Что выраженье ясное внезапно
Въ немъ исчезаетъ, и вокругъ бровей
И возлѣ устъ играетъ и змѣится
Насмѣшливо-суровая черта.
Не нравятся мнѣ эти перемѣны!

ДОННА-АННА—ласкаясь къ отцу.

Ты все еще не примирился съ нимъ?
Не бросилъ ты своихъ предубѣждений?

КОМАНДОРЪ.

Его любить готовъ я горячо,
Когда твою любовь онъ оправдаетъ.

ДОННА-АННА.

Но ты ему не вѣришь. Для меня
Свое ты пересилилъ отвращенье,
Свой нравъ крутой съ трудомъ переломилъ ты,
Къ улыбка принужденной приневолилъ
При встрѣчѣ съ нимъ ты свой враждебный ликъ;
О, мой отецъ, не сожалѣй о томъ,
Что далъ ты намъ согласіе. Ты знаешь,
Тебѣ во всемъ покорна я была;
Но сердцу я приказывать не въ силахъ,
Любить я въ половину не могу.
Вотъ видишь ли, во мнѣ частица есть
Твоей рѣшимости. Когда бы ты
Насъ разлучилъ, о, чтѣ-бъ со мною было!
Тебя любить, отецъ, я перестала-бъ,
Съ тобой остаться я бы не могла!

КОМАНДОРЪ.

Ты никогда ни въ чемъ не знала мѣры.
Бывало, до его знакомства съ нами,
Когда о немъ лишь заводили рѣчь,
Ты словъ не находила порицать
Его двуличный и коварный нравъ;
Когда о немъ упоминали только,
Ты измѣнялась вся въ лицѣ; тебѣ
Чудовищемъ казался онъ; а нынѣ...
Но я не упрекать тебя пришелъ.
Онъ твой женихъ; любить его ты въ правѣ;
Но ты теперь въ другую впала крайность:
Всѣ совершенства ты находишь въ немъ,
На все ты смотришь лишь его очами,
Отъ собственныхъ сужденій отреклась.
Дитя, повѣрь мнѣ, крайности опасны,

Ихъ избѣгать должно благоразумье
И среднею дорогою идти.

ДОННА-АННА.

О, не брани меня! Я сознаюся,
Что не всегда такъ думала, какъ нынѣ;
Но я не вдругъ перемѣнила мысли,
Не вѣтрено ему я отдалась.
Нѣтъ, кровь твоя течетъ во мнѣ не даромъ,
Моей любви, отецъ, я знаю цѣну
И важность всю поступка моего.
О немъ, отецъ, я долго размышляла
И долго, передъ тѣмъ, чтобы рѣшиться,
Испытывала я сама себя.
Припомни, какъ ты нынѣшней весною
Со мной садился ночью у окна,
Дышать прохладой и внимать гитарамъ,
Которыя, вблизи, вдали, кругомъ,
До самаго разсвѣта раздавались.
Онъ часто мимо проходилъ тогда,
И останавливался у рѣшетки,
И зачиналъ съ тобою разговоръ.
Немного на меня вниманья онъ
Въ то время обращалъ; но я, напротивъ,
Уже тогда, молвѣ не довѣряя,
Его старалась втайнѣ изучить.
Для васъ обоихъ часто непримѣтно
И будто ненарочнымъ словомъ, я
Давала направленіе бесѣдѣ
И вызывала васъ на мирный споръ;
Сама-жъ надъ нимъ я молча наблюдала,
Не пропускала ничего, и послѣ,
Одна, въ моемъ покоѣ запершись,
Я проходила весь вашъ разговоръ,
И каждое имъ сказанное слово,
И ударенье каждое его,
И каждый взглядъ его припоминала,
И долго-долго взвѣшивала ихъ.
Такъ этотъ нравъ, непонятый никѣмъ,
Себѣ я понемногу объяснила.
Но вспомни, мой отецъ, ты самъ его
Не безусловно осуждалъ. Ты часто
Его благоразумію дивился

И говорилъ шутя ему не разъ:
«Вы, донъ-Жуанъ, боюся, повредите
«Себѣ во мнѣнны дамъ: въ тотъ часъ, когда
«Другіе имъ приносятъ серенады,
«Теряете вы золотое время
«Со мною, старикомъ!» Потомъ, когда
Ко сну я отходила, часто ты,
Со мной прощаясь, говорилъ: «Однако
«Мнѣ нравится довольно донъ-Жуанъ;
«Гораздо онъ скромнѣе, чѣмъ я думалъ,
«И старость онъ умѣетъ уважать.
«Его мнѣ слишкомъ чернымъ описали».
Не такъ ли было, мой отецъ?

КОМАНДОРЪ.

Все правда,

Обворожить умѣлъ онъ и меня;
Я былъ неостороженъ. По въ то время
Не думалъ я, что ты его полюбишь...
Иныя были у меня надежды.

ДОННА-АННА.

Да, мой отецъ, его я полюбила,
Когда узнала сердце я его.
Сперва во мнѣ проснулось любопытство,
Потомъ участие; а потомъ, лишь только
Я поняла значенье донъ-Жуана,
Участіе обратилось въ удивленье,
И волю я любви тогда дала—
Тогда лишь, но не прежде. И теперь,
Ты правъ, отецъ мой, я его люблю
Безъ памяти, безъ воли, безъ сознанья!

КОМАНДОРЪ.

Храни Господь тебя, мое дитя,
Отъ поздняго раскаянья!

ДОННА-АННА.

Я знаю,

Тебя страшить прошедшее его.
Но вѣрь, отецъ, минувшія тѣ бури
Порукой намъ грядущихъ ясныхъ дней!
Я не хочу оправдывать Жуана;

Онъ былъ преступень, но порочень не былъ.
Его дѣла нельзя равнять съ другими
И общей мѣрой мѣрить ихъ нельзя.
Кто надъ другими такъ стоитъ высоко,
Чья мысль проникнуть алчетъ въ нѣдра жизни,
Кто въ ней, какъ средь египетскаго храма,
Піероглифы видитъ и загадки,
И объяснить себѣ ихъ вѣчно хочетъ,
И вѣчно неудачей раздраженъ—
Тому невыносимъ условій гнетъ,
И тотъ не могъ законамъ подчиниться,
Дорогою избитою идти!
Иныхъ путей душа его искала,
Неясная звѣзда его вела,
Ему другой души не доставало,
Которая-бъ понять его могла!
Изъ женщинъ не одна его любила,
Но ихъ союзъ былъ слишкомъ боязливъ;
Пугала ихъ его стремленийъ сила,
Его ума несдержанный порывъ,
И робко всѣ остались у преддверья,
Когда онъ смѣло шель во храма тьму—
Жуана сердце требуетъ довѣрья,
И я, отецъ, повѣрила ему!
Я отдалась ему душою вольной,
И къ правдѣ путь мы вмѣстѣ совершимъ;
Ему помочь есть силъ во мнѣ довольно—
Моя любовь меня сравнила съ нимъ!

КОМАНДОРЪ.

Мой милый другъ, къ чему намъ спорить
И разсуждать о томъ, что рѣшено!

ДОННА-АННА—обнимаемая отца.

Будь добръ къ нему! Оставь свои сомнѣнья!

КОМАНДОРЪ.

Дитя мое, я васъ благословилъ,
И съ той поры онъ сдѣлался мнѣ дорогъ.

ДОННА-АННА.

О, мой отецъ, повѣрь ему, какъ я!
Тотъ донъ-Жуанъ, который бурной жизнью

Негодование наше возбуждалъ,
Не есть Жуанъ, счастливый, возрожденный,
Который нынѣ любить дочь твою!
Будь добръ къ нему! Когда мы завтра ночью
Съ нимъ на условленномъ сойдемся мѣстѣ,
Не оскорбляй холодностью его!

КОМАНДОРЪ.

Я оскорблять Жуана не намѣренъ.
Но... я сейчасъ съ Октавйо говорилъ.
Узнавъ изъ устъ моихъ, что для него
Надежды нѣтъ, хотѣлъ онъ удалиться,
Искать хотѣлъ онъ смерти гдѣ-нибудь.
Я удержалъ его—онъ былъ намъ другомъ—
Я уприсиль его остаться съ нами—
Онъ здѣсь. Судьбѣ тяжелой онъ покоренъ.
Но рана сердца глубока. Ты, Анна,
Была къ нему не безъ участя прежде.
Онъ въ горести, и много облегчило-бъ
Его твое привѣтливое слово...
Скажи, согласна-ль ты его принять?

ДОННА-АННА.

Къ чему, отецъ мой? Чтò ему сказать?
Оставь свиданье до другого раза.

КОМАНДОРЪ—про себя.

Любовь жестока и себялюбива;
Она собою только занята.
Ея какъ сонъ приятно ошьяненье—
Но горестно бываетъ пробужденье!

ДВОРЕЦЪ ДОНЪ-ЖУАНА.

Донъ-Жуанъ въ богатой одеждѣ. Лепорелло надѣваетъ на него
кружевной воротникъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Вотъ такъ. Лишь дайте эту цѣпь поправить,
И настоящій вы теперь женихъ!
Ну, слава Богу! Мы остепенились,
И жизни безалаберной конецъ!

А знаете-ль, сеньоръ, что вся Севилья
Завидуетъ вамъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Право? Но откуда
Ты взялъ, что я хочу жениться?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ?
Да развѣ не объявлена ужь свадьба?
Нѣтъ, вы теперь женихъ, и, слава Богу,
Вамъ на попятный дворъ уже нельзя!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Жениться не намѣренъ я.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Позвольте,
Позвольте, что это такое? Какъ?
Досель вы измѣняли, это правда,
Но не были ничѣмъ вы женихомъ
И слова никому вы не давали;
А слово—вещь святая. Быть не можетъ,
Чтобъ вы хотѣли. взять его назадъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Его возьметъ назадъ сама невѣста.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ? Донна-Анна васъ чтобъ разлюбила?
Коль на нее рассчитывали вы,
То я совсѣмъ на этотъ счетъ спокоенъ;
Она васъ любить, какъ досель никто.
Нѣтъ, вы теперь уже не отвертитесь,
Ужъ дѣло въ шляпѣ. И позвольте мнѣ
Вамъ принести покорнѣйшую просьбу:
Вы знаете, какъ честно я всегда
И безкорыстно вамъ служилъ; какъ ваши
Любовныя я часто порученья
Съ опасностью здоровья исполнялъ.
Теперь за всѣ услуги я прошу,
Чтобы, когда у васъ родятся дѣти,
Вы мнѣ ихъ воспитанье поручили,

И жалованье положили-бъ мнѣ
Приличное наставнику. Сенъоръ,
Я хвастать не хочу, я не ученый,
О, нѣтъ! Но что касается до чести,
Поспорить я могу съ великимъ Сидомъ,
Дурному я дѣтей не научу!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—смотреть въ окно.

Луна вошла. Дай плащъ мнѣ и гитару!

Въ сторону.

Рѣшительнымъ ударомъ кончить надо!
Старикъ откажетъ мнѣ и на шумитъ;
А передъ ней найду я оправданье
И безъ отца сойдуся съ ней опять!

ЛЕПОРЕЛЛО—подавая гитару и плащъ.

Задайте-жь ей скорѣ серенаду.
Онѣ вѣдь это любятъ. Въ женихѣ
Предупредительность всегда похвальна!

Донъ-Жуанъ уходитъ.

ЛЕПОРЕЛЛО—одинъ, потирая руки.

Ну, слава Богу! Скоро отдохнемъ!
Его понудить къ браку было надо,
Какъ робкаго купальщика, который
Воды холодной до тѣхъ поръ боится,
Пока его насильно не толкнутъ.

НОЧЬ. ГУЛЯНЬЕ У ФОНТАНА.

Два кавалера встрѣчаются.

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕРЪ.

Вы слышали ли новость? Донъ-Жуанъ
Посватанъ съ донной-Анной.

ВТОРОЙ КАВАЛЕРЪ.

Быть не можетъ!

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕРЪ.

Увидите; они сегодня вмѣстѣ
Здѣсь будутъ на гуляньи. Кто-бъ подумаль,
Что кончить такъ похвально донъ-Жуанъ?

— Двое другихъ въ разговорахъ.

ПЕРВЫЙ.

Я этому повѣрю лишь тогда,
Когда увижу самъ. Пусть кто другой—
Но донъ-Жуанъ—продать свою свободу!

ВТОРОЙ.

Сеньоръ, напрасно такъ вы говорите,
Дочь командора хороша какъ день,
Охотно былъ бы на его я мѣстѣ!

Пожилая дама съ супругомъ и дочерью.

ДАМА.

И что они нашли въ немъ? Какъ отецъ
На то могъ согласиться? Ни за что-бъ
Не отдала ему я Инесильи!

СУПРУГЪ.

Гмъ, гмъ!

ДОЧЬ.

За что его такъ все бранять?
Что въ немъ дурного, маменька?

ДАМА.

Молчи,

Тебѣ рассказывать про это рано.

Двѣ молодыя дамы.

ПЕРВАЯ.

Какъ могъ въ нее влюбиться онъ? Скажи,
Что въ ней хорошаго?

ВТОРАЯ.

Одно кокетство!

Она его кокетствомъ завлекла!

Нѣсколько кавалеровъ и дамъ.

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕРЪ.

Здѣсь подождемъ. Они сюда придутъ.

ПЕРВАЯ ДАМА.

Но доннѣ-Кларѣ, можетъ-быть, теперь
Не хочется увидѣть донѣ-Жуана?

ВТОРАЯ ДАМА.

Зачѣмъ же, если доннѣ-Консепсьонѣ
Приятно будетъ встрѣтить вмѣстѣ съ нимъ
Счастливую соперницу свою!

ПЕРВАЯ ДАМА.

Когда бы мнѣ онъ сдѣлалъ предложенье,
И молча дверь ему бы указала.

ВТОРАЯ ДАМА.

Какъ жаль, что онъ не сдѣлалъ вамъ его!

ВТОРОЙ КАВАЛЕРЪ.

Вотъ онъ идетъ! Смотрите! И гитара
Въ его рукѣ. Зачѣмъ теперь гитара?
То прежде кстати было бы, когда,
Вздыхая, онъ у дома командора
Проставалъ до самаго утра.

ТРЕТЬЯ ДАМА.

Какъ онъ глядитъ на эти окна. Кто
Живетъ надъ тѣмъ балкономъ?

ТРЕТІЙ КАВАЛЕРЪ.

Какъ, надъ тѣмъ?

Не смѣю вамъ сказать, сеньора, тамъ...
Живетъ одна... одна... не смѣю, право!

ТРЕТЬЯ ДАМА.

Смотрите, онъ остановился. Онъ
Гитару строить. Кто же тамъ живетъ?

ТРЕТІЙ КАВАЛЕРЪ.

Глазамъ своимъ не вѣрю! Тамъ живетъ
Потерянная женщина одна,

По имени Нисета. Цѣлый городъ
Нисету знаетъ, но никто-бъ не смѣлъ
На улицѣ ей поклониться. Право,
Я ничего не понимаю. Какъ?
Онъ сбросилъ плащъ, онъ шляпу загибаетъ,
Его лицо освѣщено луной,
Какъ будто хочетъ онъ, чтобъ вся Севилья
Его узнать могла. О, это слишкомъ!
Возможно-ль! Онъ поетъ!

ТРЕТЬЯ ДАМА.

Какая наглость!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—поетъ подь балкономъ.

Гаснуть дальней Альпухарры
Золотистые края,
На призывный звонъ гитары
Выйди, милая моя!
Всѣхъ, кто скажетъ, что другая
Здѣсь равняется съ тобой,
Всѣхъ, любовію сгорая,
Всѣхъ зову на смертный бой!
Отъ луннаго свѣта
Зардѣлъ небосклонъ,
О, выйди, Нисета,
Скорѣй на балконъ!

НИСЕТА—показываясь у окна.

О, донъ-Жуанъ, уйдите, ради Бога!
Вы губите меня. Скорѣй уйдите!
Когда о томъ узнаетъ командоръ,
Онъ заколотъ меня велитъ. Молю васъ...

ДОНЪ-ЖУАНЪ—продолжаетъ.

Отъ Севильи до Гранады,
Въ тихомъ сумракѣ ночей,
Раздаются серенады,
Раздается стукъ мечей;
Много крови, много пѣсней.
Для прелестныхъ льется дамъ,—
Я же той, кто всѣхъ прелестнѣй,
Пѣснь и кровь мою отдамъ!

Отъ луннаго свѣта
Горитъ небосклонъ,
О, выйди, Нисета,
Скорѣй на балконъ!

Въ продолженіе серенады подходитъ командоръ, подъ руку съ донной-Анной, и останавливается въ нѣкоторомъ разстояніи.

КОМАНДОРЪ.

Какъ? Чтѣ? Не можетъ быть! Не вѣрю! Нѣтъ!

Донъ-Жуанъ оборачивается къ нему, продолжая перебирать струны.

Такъ! Это онъ! Злодѣй! Бездѣльникъ! Извергъ!

Къ тѣмъ, которые хотять удержать его.

Прочь отъ меня!

Къ Донъ-Жуану, обнажая шпагу.

Бездѣльникъ! шпагу вонъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—насмѣшливо.

Сеньоръ, умѣрьте гнѣвъ вашъ. Это шутка.

КОМАНДОРЪ.

Вонъ шпагу, иль убью тебя!

ДОННА-АННА.

О, Боже!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сеньоръ, не горячитесь. Это шутка.
Я забавлялся.

КОМАНДОРЪ—нападая.

Такъ умри-жъ теперь!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—отскакиваетъ и вынимаетъ шпагу.

О, если такъ, извольте, я готовъ!

Дерутся. Командоръ роняетъ шпагу.
Донъ-Жуанъ скрывается.

КОМАНДОРЪ.

Я раненъ! Дочы! Ко мнѣ.. я умираю!

ДОННА-АННА.

Отецъ, отецъ! О, Боже! Помогите!
Врача! Скорѣй врача!

КОМАНДОРЪ -- падал.

Не надо, Анна.

Сюда, мое дитя... нагнись поближе...
Ко мнѣ поближе, Анна. Милый другъ,
Дитя мое, прости! Я умираю...
Одна теперь осталась ты на свѣтѣ...
Ты сирота... но другъ есть у тебя...
Октавіо... не отвергай его...
Быть-можетъ, послѣ... черезъ годъ... о, Анна,
Нѣтъ силъ... я умираю...

Умираетъ.

ДОННА-АННА -- бросаясь на трупъ отца.

Боже, Боже!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОКРЕСТНОСТИ КАДИКСА.

Донъ-Жуанъ и Лепорелло, въ разговорѣ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Охота, право, вамъ была, сеньоръ,
Связаться съ этимъ старикомъ. Извольте
Съ его семействомъ справиться теперь!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я знать не могъ, что онъ остервенится
И бросится со пшагой на меня.
Покойникъ бѣшенъ былъ не по лѣтамъ.
А я хотѣлъ его лишь подразнить
И отучить настаивать на свадьбѣ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Такъ только въ томъ была его вина,
Что сдѣлаться хотѣлъ онъ вашимъ тестемъ?
Ну, что-жь? И слава Богу! Въ добрый часъ!
Давно бы вамъ пора остепениться.
Что мы за жизнь ведемъ! Скажите сами,
А донна-Анна чѣмъ была не пара?
Вы были бы теперь отцомъ семейства
И жили-бъ смирно, тихо, хорошо,
Какъ Богъ велитъ, и прыгали-бъ вокругъ васъ
Безъ счета и числа, малъ-мала меньше,
Все маленькіе донъ-Жуаны. Да.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Пріятная картина, въ самомъ дѣлѣ,
Но забываешь ты, что года нѣтъ
Съ тѣхъ поръ, какъ я былъ женихомъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Такъ что же?

Вы въ полгода успѣли-бъ сдѣлать то,
На что другимъ бываетъ жизни мало;
Вы время не теряете.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Глунецъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

И, кажется, вѣдь вы ее любили,
По крайней мѣрѣ больше, чѣмъ другихъ.
Когда вы вашу выкинули штуку,
Вы были пасмурны дня три потомъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я и теперь люблю ее.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Быть-можетъ,
Да проку-то отъ этого намъ мало.
Теперь, небось, не сунетесь вы къ ней.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Она мою будетъ. Такъ хочу я.
Я до моей достигну цѣли.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ой ли?

Справдивши отца, за дочкой вы
Ужъ не хотите-ль снова волочиться?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я никому се не уступлю.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ха, ха! го, го! А донъ-Октавйо? А?
Я чай, уже теперь ихъ свадьба близко;
Пожалуй, донна-Анна ужъ за нимъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

За нимъ, иль нѣтъ, она мою будетъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Забавная была бы то исторья!
Ха, ха! Какъ, донна-Анна?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Полно врать.

Смотри. Ты видишь этого гидальго,
Въ плащѣ и маскѣ, что минутъ ужъ съ пять
Взадъ и впередъ все ходитъ передъ нами?
Спроси его, чего онъ хочетъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ?

Вонъ этого? Не лучше-ль намъ, сеньоръ,
Убраться отъ него подаль?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Трусъ!

Спроси его сейчасъ, чего онъ хочетъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Повѣрьте мнѣ, уйдемте лучше прочь,
Не нравятся мнѣ новыя знакомства.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Такъ оставайся. Я его спрошу.

Идетъ навстрѣчу незнакомцу.

Кого вамъ надобно, сеньоръ?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Сеньоръ,

Ищу я донъ-Жуана де-Маранья,
Къ нему есть у меня письмо.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Подайте,

Я донъ-Жуанъ.

Незнакомецъ, подавая письмо, хочетъ ударить донъ-Жуана кинжаломъ. Донъ-Жуанъ хватаетъ его за руки и сжимаетъ ему горло.

Въ другой разъ будь ловчѣе!
Мнѣ голосъ твой знакомъ. Эй, Лепорелло!

ЛЕПОРЕЛЛО—издали.

Я говорилъ, сеньоръ, уйдемъ! Ну, что же?
Вы-ль держите его, иль онъ васъ держитъ?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Простите, я ошибся.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вижу, другъ.

Эй, Лепорелло! Подойди сюда!

ЛЕПОРЕЛЛО—издали.

Сейчасъ, сеньоръ! Башмакъ мой развязался!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Трусъ! Я держу разбойника. Иди!

ЛЕПОРЕЛЛО—издали.

Держите же покрѣпче. Да кольните
Его сперва немножко подъ ребро.

Подходить съ осторожностью.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сними съ него скорѣе маску.

Лепорелло снимаетъ съ незнакомца маску.

Какъ?

То нашъ пріятель Боабдилъ? Мориско,
Котораго спасли мы отъ костра?

Скажи, за что хотѣлъ меня убить ты?

Что сдѣлалъ я тебѣ?

БОАБДИЛЬ.

Сеньоръ, простите,

Я силою былъ вынужденъ къ тому.

Освобожденный вами такъ чудесно,
Я пойманъ былъ опять. Святое братство
Мнѣ обѣщало полное прощенье,
Когда я васъ убью въ извѣстный срокъ,
Не то я долженъ быть сожженъ. Сегодня
Срокъ кончился.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Итакъ, любезный другъ,
Тебя сожгутъ. Но кто-жъ тебѣ мѣшалъ
Уйти и скрыться гдѣ-нибудь?

БОАБДИЛЬ.

Нельзя!
За мной слѣдятъ. Меня-бъ опять поймали.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты, видно, снова принялъ христіанство?

БОАБДИЛЬ.

Вторично, вамъ къ услугамъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Но зачѣмъ
Ты въ первый разъ отрекся отъ Христа?

БОАБДИЛЬ.

Торговлю я веду съ тунисскимъ беємъ,
Въ Берберію невольницъ поставляю.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Причина недурна. Ты вѣришь въ Бога?

БОАБДИЛЬ.

Смотря по обстоятельствамъ, сеньоръ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А въ совѣсть вѣришь?

БОАБДИЛЬ.

Въ совѣсть? Какъ придется.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я вижу, ты мошенникъ откровенный.
Философъ ты, не зная самъ того.
Безъ размышленій дальнихъ и глубокихъ,
Ты до того же вывода дошелъ,
Къ которому меня приводитъ опытъ
И логики неумолимой нить.
Куда-жь ты дѣнешься теперь?

БОАБДИЛЬ.

Теперь?

Когда бы были у меня цехины,
Я гдѣ-нибудь фелуку бы досталъ
И сдѣлался-бъ пиратомъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лепорелло!

Сейчасъ его въ дворецъ мой проводи.
Пусть спрячется онъ. Тамъ его не будетъ
Искать теперь святая инквизиция.
Да угости его какъ можно лучше,
Онъ мой пріятель. Въ Бога онъ не вѣритъ.
Я этакихъ людей люблю. Ступайте.

ЛЕПОРЕЛЛО—снимая шляпу и низко кланяясь Боабдилу.

Донъ-Боабдиль, слуга я вашъ покорный!
Рекомендуюсь вамъ. Я въ Бога вѣрю;
Но, можетъ-быть, я ошибаюсь. Если
Одинъ лишь чортъ вселенной господинъ,
На томъ свѣту прощу васъ мнѣ у чорта
Въ протекціи своей не отказать.

Уходить вмѣстѣ.

КОМНАТА ДОННЫ-АННЫ.

ДОННА-АННА—вся въ черной одеждѣ сидитъ у окна.

Какъ въ ясный день крушительная буря,
Такъ на меня обрушилась судьба.
О, мой отецъ! Услышь меня изъ гроба.
Передъ тобой его я обвиняю!
Да, онъ тебя не одного убилъ.

Онъ, онъ убилъ души моей святыню,
Надежды всѣ и чистыя мечты,
Завѣтныя убилъ онъ убѣжденья,
Онъ все убилъ! Въ отчаянье онъ ввергнулъ,
Въ безвѣріе низринулъ дочь твою!
То былъ духъ тьмы, видъ ангела принявшій,
Но въ немъ не я ошиблась—нѣтъ, не я!
Отецъ мой, не вини меня! Предвидѣть
Никто не могъ того, ни угадать.
Здѣсь выводы нарушены событій,
Насилованъ предвѣчный ходъ судьбы;
То истинъ всѣхъ законъ непогрѣшимый
Разбился о двуличіе его!
Нѣтъ, не меня ты обмануль, Жуанъ,—
Ты обмануль и Бога и природу!

Входитъ донъ-Октавіо. Она его не замѣчаетъ.

ДОНЪ-ОКТАВІО—послѣ долгаго молчанія.

Ужъ годъ къ концу приходитъ, донна-Анна,
Съ тѣхъ поръ, какъ страшный васъ постигъ ударъ.
Ужели нѣтъ вамъ въ горѣ облегченья?
Отчаянью ужели нѣтъ конца?
Все такъ же вы блѣдны и молчаливы,
Все такъ же смотрите вашъ недвижный взоръ;
О, если бы на мигъ я васъ увидѣлъ,
Какую я когда-то васъ знавалъ!

ДОННА-АННА.

Прошло то время, донъ-Октавіо. Нынѣ
Пора другая настаетъ. Я стала,
Вы видите, спокойнѣе теперь.
Я въ монастырь рѣшилась удалиться.

ДОНЪ-ОКТАВІО.

Что слышу я? Возможно-ль, донна-Анна?

ДОННА-АННА.

Я такъ рѣшилась, донъ-Октавіо.

ДОНЪ-ОКТАВІО.

Нѣтъ!

Я не могу молчать предъ вами долѣ!
Я далъ себѣ святое обѣщанье

Не говорить вамъ о любви, но нѣтъ,
Молчать нѣтъ силы долѣ. Донна-Анна!
Я васъ люблю, какъ никогда ниго
Доселѣ не любилъ еще на свѣтѣ!
Я васъ люблю не для себя. Богъ видитъ,
Нѣтъ жертвы, нѣтъ такого униженья,
Котораго-бъ не принялъ я для васъ.
Мученья ада были бы ничто
Въ сравненіи съ ревнивостью моею!
Но я ее насильно заглушилъ,
Обезоруженную подаль руку
Сопернику. Я зналъ, о, донна-Анна,
Что онъ васъ недостоинъ; но его
Любили вы—и онъ мнѣ сталъ священенъ!
И самое мнѣ ваше заблужденъе
Священно было; и чтобы для васъ
Спасти того, кто жизнь мою похитилъ,
Я, не колеблясь, кинулся бы въ пламя!
Забывъ, кто онъ, забывъ себя, весь міръ,
Я васъ лишь видѣлъ, васъ однѣхъ лишь помнилъ;
Когда меня отвергли вы, когда,
Злодѣйства ставъ неслыханнаго жертвой,
Вы на мое безмолвное участие
Холодностью одною отвѣчали,
Я васъ любилъ, любилъ васъ безнадежно!
Всѣ дѣйствія мои и всѣ мысленья
Къ одной я только цѣли направлялъ,
Въ себѣ самомъ давно ужъ не живу я,
Мою всю душу въ вашу перелилъ!
Я вами лишь дышу, я вами мыслю,
Я все отринулъ, все въ себѣ убилъ,—
Все, что не вы—мнѣ все невыносимо!

ДОННА-АННА—разсѣянно.

Мнѣ кажется, дня три ужъ, донъ-Октавйо,
Я не видала васъ.

ДОНЪ-ОКТАВІО.

Дня три? Безъ чувствъ
Лежалъ я съ мѣсяць. Я былъ раненъ.

ДОННА-АННА.

Право?

Кѣмъ ранены вы были?

ДОНЪ-ОКТАВІО.

Тѣмъ, кого

Назвать при васъ я не хочу.

ДОННА-АННА.

И что же?

Вы ранены... а онъ?.. убить?

ДОНЪ-ОКТАВІО.

Два раза

Мы съ нимъ сходились. Первый разъ онъ шпагу
Изъ рукъ мнѣ вышибъ и хотѣлъ мириться.
Второй, лишь только мы скрестили шпаги,
Онъ выпалъ и насквозь мнѣ прокололъ
Плечо. Насъ разлучили.

ДОННА-АННА—послѣ нѣкотораго молчанія.

Донъ-Октавйо,

Вы о любви сейчасъ мнѣ говорили;
Какъ думаете вы, могу ли я
Спокойно васъ и хладнокровно слушать?
Могу ли жить, смотрѣть на это небо,
На эту зелень, на природу всю,
Пока онъ живъ? Какъ? онъ, мой врагъ смертельный,
Убийца моего отца, губитель
Всего, что было свято для меня,
Онъ живъ, онъ также видитъ это небо,
Онъ воздухомъ однимъ со мною дышитъ,
Онъ на одной живетъ со мной землѣ,
Своимъ присутствіемъ онъ заражаетъ
Тотъ міръ, гдѣ жить я съ нимъ осуждена,
А вы, вы о любви мнѣ говорите!

Презрительно.

Вы съ нимъ дрались! Онъ вышибъ вашу шпагу!
Онъ ранилъ васъ! И думаете вы,
Что долгъ вы свой исполнили, что можно
Вамъ о любви теперь мнѣ говорить!
Да развѣ все вы совершили? Развѣ

Къ нему законы чести примѣнимы?
Дрались вы развѣ съ человѣкомъ? Какъ?
Когда-бъ съ цѣпей сорвался хищный звѣрь
И въ бѣшенствѣ весь край опустошалъ бы,
Ему бы также вызовъ вы послали?

ДОНЪ-ОКТАВІО.

О, донна-Анна, вѣрьте, вамъ не нужно
Мою вражду насмѣшкой разжигать!
Межъ имъ и мной не конченъ споръ кровавый,
Но тѣ слова, что вырвались у васъ,
Они не ваши были, донна-Анна,
Отчаяніе ихъ произнесло!

ДОННА-АННА.

Нѣтъ, онъ не такъ бы поступилъ, какъ вы!
Когда бы онъ любилъ меня, когда бы
Онъ былъ на вашемъ мѣстѣ—о, давно
Сумѣлъ бы онъ отъ васъ меня избавить!
Любить онъ могъ бы, если-бъ захотѣлъ!

ДОНЪ-ОКТАВІО.

Опомнитесь! Въ себя придите! Вамъ ли
Меня язвить такъ горько, донна-Анна?

ДОННА-АННА.

Какія только знаю я проклятыя,
Я всѣ зову на голову его!
Быть-можетъ, смертный грѣхъ я совершаю,
Но намъ обоимъ мѣста въ свѣтѣ нѣтъ!
Душою всей и каждымъ помышленьемъ,
Дыханьемъ каждымъ я его клянѹ,
Біеньемъ сердца каждымъ ненавижу,
Но ваше малодушье, донъ-Октавйо,
Я презираю. Слышите ли? Васъ
Я презираю.

Уходить.

ДОНЪ-ОКТАВІО.

Да простить ей Богъ!

ДВОРЕЦЪ ДОНЪ-ЖУАНА БЛИЗЪ КАДИКСА. 3

Донъ-Жуанъ съ пріятелями за столомъ.

ПЕРВЫЙ.

Ха, ха, ха, ха! Забавное, донъ-Цезарь,
Вы рассказали похождение намъ!

ВТОРОЙ.

И что-жь? Чѣмъ кончилось оно?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Инеса

Въ тотъ самый годъ отъ горя умерла.

ПЕРВЫЙ.

И совѣсть васъ не мучила?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Нисколько.

ВТОРОЙ.

Ее вы развѣ не любили?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Нѣтъ.

ПЕРВЫЙ.

А долго ли вы были женихомъ?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Пока моя къ ней прихоть продолжалась.

ВТОРОЙ.

Что скажетъ намъ на это донъ-Жуанъ,
Учитель нашъ и мастеръ въ волокитствѣ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ—къ донъ-Цезарю.

Святая церковь васъ осудить.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Нѣтъ,
Мой дядя—кардиналь, и мнѣ изъ Рима
Прислалъ онъ отпущеній про запасъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вы цѣните, какъ должно, отпущенья?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Я не язычникъ, и моей души
Я погубить нисколько не намѣренъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Васъ жизнь не тяготитъ? Вы ей довольны?
Въ явленіяхъ ея вы ничего
Не ищете душою безпокойной?

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Чего-жъ искать въ ней, если не веселья?
Я жизнь люблю за то, что веселюсь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Когда паспортомъ въ рай вы запаслися,
А жизнью довольны, то съ Инесой
Вы поступили какъ подлець.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ—вскакивая.

Какъ? Что?

Что вы сказали?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я сказалъ, что вы—
Подлець.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ—хватая бутылку.

Я проучу васъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—хладнокровно.

Берегитесь,

Я васъ убью.

ГОСТИ—бросаясь между нихъ.

Стыдитесь, господа!

Входить донъ-Карлосъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Я, донъ-Жуанъ, принесъ вамъ новый вызовъ
Отъ донъ-Октавю. Исцѣлясь отъ раны,
Онъ бой вамъ на-смерть предлагаетъ...

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Стойте!

Я первый долженъ биться съ донъ-Жуаномъ!

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Сеньоръ, за донъ-Октавю первенство—
Онъ первый оскорбленъ.

ДОНЪ-ЦЕЗАРЬ.

Я не согласенъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я весь къ услугамъ вашимъ, господа;
Рѣшите это дѣло между вами.

Расходятся.

ОКРЕСТНОСТИ КАДИКСА, ДВОРЬ ПЕРЕДЪ ДВОРЦОМЪ ДОНЪ-
ЖУАНА.

Донъ-Жуанъ, Лепорелло въ длинныхъ сапогахъ, съ плетью въ рукѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что новаго?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сеньоръ, я изъ Севильи
Скакалъ всю ночь. Я думаю, вашъ конь
Поѣздку эту долго не забудетъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Фискала видѣлъ ты? Донесъ ему
О новыхъ преступленьяхъ донъ-Жуана?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Исполнилъ, слово въ слово, все, что вы
Мнѣ приказать изволили намедни.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

И что же?

ЛЕПОРЕЛЛО.

О, сеньоръ, намъ очень плохо!
Случайно я провѣдалъ стороною,
Что къ нимъ изъ Рима будетъ новый членъ,
Какой-то донъ-Йеронимо. Онъ въ Кадиксъ
На корабль на-дняхъ прѣхать долженъ.
Святыхъ онъ братій хочетъ подтянуть;
Они его со страхомъ ожидаютъ;
Чтобъ избѣжать въ бездѣйствіи упрека,
Формальный вамъ готовится процессъ;
Арестовать должны васъ очень скоро.
Межъ тѣмъ разсланы во всѣ концы
Глашатаи, чтобъ ваше отлученье
Отъ церкви и закона объявить.
Пропали мы совсѣмъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Гдѣ Боабдилъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Насчетъ его позвольте мнѣ, сеньоръ,
Вамъ сообщить богатую идею.
Она пришла мнѣ въ голову, когда
Я къ вамъ скакалъ съ извѣстьемъ изъ Севилли.
Кто этотъ Боабдилъ? И какъ ему
Вы можете такъ безусловно вѣрить?
За то-ль, что онъ хотѣлъ васъ ткнуть кинжаломъ,
Ему отъ васъ всѣ милости идутъ,
И наравнѣ вы ставите его
Со мной, и даже выше, чѣмъ меня,
Который столько лѣтъ вамъ служить честно?
Вѣдь это васъ къ добру не поведетъ;
Увидите, еще бродяга этотъ,
Отступникъ, шельма, висѣльникъ и воръ,
На васъ бѣду накличетъ. Средство-жъ есть

Не только избѣжать бѣды, но пользу
Изъ шельмы этого извлечь, когда вы
Послушаетесь моего совѣта
И въ разсужденье вникнете мое.

Мой взглядъ на это дѣло очень простъ:
Вѣдь Боабдилъ, не правда-ль, осужденъ
Былъ инквизицѣй на сожженъ? Такъ ли?
Его мы свободили. Но потомъ
На нашу жизнь онъ покусился. Такъ ли?
Теперь спрошу васъ: если бы мы знали,
Что онъ покусится на нашу жизнь,
Спасли ли-бъ мы тогда его отъ смерти?
Нѣтъ, мы тогда его бы не спасли,
И былъ бы онъ теперь сожженъ. Не правда-ль?

Итакъ, коль мы сождемъ его теперь,
Мы этимъ не возьмемъ грѣха на совѣсть,
Понеже все останется, какъ было.
А мой совѣтъ: схватить его сейчасъ
И на дворѣ публично сжечь. Мы этимъ
Докажемъ всѣмъ, въ комъ есть на насъ сомнѣнье,
Что добрые мы христіане. Ну,
Что скажете, сеньоръ, на эту мысль?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что ты дуракъ и, сверхъ того, завистливъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Прикажете ли разложить костеръ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Поди и позови мнѣ Боабдила.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сейчасъ, сеньоръ. Я очень васъ прошу
Мое серьезно взвѣснить предложенъе.
У васъ на шеѣ новыхъ два убійства:
Октавйо и донъ-Цезарь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Первый мнѣ

Своими вызовами надоѣлъ,
Второго же не жаль: онъ былъ подлецъ.

Но ты наскучилъ мнѣ. Поди сейчасъ
И Боабдила позови.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Извольте.

Уходить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ—одинъ.

Мнѣ оставаться долѣ невозможно,
Испанію покинуть долженъ я.
Но мысль о доннѣ-Аннѣ не даетъ
Покоя мнѣ. Я не былъ никогда
Особенно къ чувствительности склоненъ;
Не помню даже, чтобы мнѣ ребенкомъ
Когда-нибудь случалось плакать. Нынѣ-жъ,
Въ мучительныхъ и сладкихъ сновидѣньяхъ,
Когда ее я вижу предъ собой,
Я дѣлаюся слабъ, и, пробуждаясь,
Я ощущаю слезы на лицѣ.
Я самъ себя не узнаю. Когда бы
Не горькій мой и многократный опытъ,
Я-бъ это чувство принялъ за любовь.
Но я не вѣрю ей. Одно желанье,
Одна лишь страсть во мнѣ; и, можетъ-быть,
Я трудностью побѣды подстрекаемъ!
Чего же ждать? Не буду малодушенъ,
Чувствительность разсудкомъ изгоню,
Безъ нѣжныхъ вздоховъ и безъ колебаній
Пойду я прямо къ цѣли, и сомнѣньямъ
Развязкой скорой положу конецъ!

Задумавшись.

Тогда и этотъ новый призракъ счастья
Исчезнетъ, какъ всѣ прежніе. Да, да,
Я излѣчусь; но это излѣченье
Тяжелъ будетъ самого недуга,
И я куплю спокойствіе мое
Еще одной потерей идеала!
Не лучше ли оставить этотъ цвѣтъ
Несорваннымъ, но издали дышать
Его томительнымъ благоуханьемъ,
И каждый день и каждое мгновенье
Воздушною идеей упиваться?
Безумный бредъ! То было бы возможно

Другому, но не мнѣ. Мечтатель я—
Но я хочу мечты осуществленья,
Неясныхъ положеній не терплю.
Я не могу туманнымъ обѣщаньемъ
Довольствоваться въ жизни. Отъ нея
Я исполненья требую. Я знаю,
Что и теперь она не сдержитъ слова,
Но чѣмъ скорѣе выйдетъ ложь наружу,
Тѣмъ лучше для меня. Я не хочу
Быть убаюканъ этимъ заблужденьемъ.
Въ Испаніи да будетъ донна-Анна
Моимъ послѣднимъ, горькимъ торжествомъ!
Съ чего-жъ начну? Еще не знаю самъ,
Но чувствую, что ужъ готовъ мой демонъ
Мнѣ снова помогать: въ моей груди
Ужъ раздуваетъ онъ губящій пламень,
Къ безумной страсти примѣшалъ вражду...
Въ моемъ желаньи тайный гнѣвъ я чую,
Мой замыселъ безжалостенъ и золь,
На власть ея теперь я негодую,
Какъ негодуешь раненый орелъ,
Когда полетъ влачить онъ долженъ низко,
И не рѣшу, что мнѣ волнуетъ кровь:
Любовь ли здѣсь такъ къ ненависти близко,
Иль ненависть похожа на любовь!

Приходитъ Боабдилъ.

Ты все ли сдѣлалъ, какъ я приказалъ?

БОАБДИЛЪ.

Надежныхъ удалцовъ до полусотни
На ваши деньги нанялъ я, сеньоръ.
Фелука также ужъ совсѣмъ готова:
Ходокъ отличный. Щегольски загнута,
Лихая мачта въ воздухѣ дрожить;
Прилаженъ къ ней косою латинскій парусъ;
Мадонна шелкомъ вышита на немъ,
На флагѣ гербъ Тенорью де-Маранья—
И провіанту вдоволь. По волнамъ,
Какъ ласточка, скользя на нихъ безъ звука,
Запрыгаетъ разбойничья фелука!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Гдѣ вы на якорѣ стоите?

БОАВДИЛЬ.

Близко

Отъ вашего дворца. Скалистый мысъ
Отъ крейсеровъ пока насъ закрываетъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

По первому готовы будьте знаку
Къ дворца ступенямъ подойти. На пиръ
Я моряковъ удалыхъ приглашаю.
Сегодня или завтра я намѣренъ
Испанію оставить навсегда.

Боавдиль уходитъ; входитъ Лепорелло.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну, что-жь, сеньоръ? Обдумали вы планъ мой?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сѣдлай сейчасъ мнѣ лучшаго коня,
Съ тобою вмѣстѣ я скачу въ Севилью.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Въ Севилью? Боже мой!

Въ сторону.

Мой господинъ,

Мнѣ кажется, немного помѣшался!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ Севилью скачемъ мы съ тобой сейчасъ,
И прежде, чѣмъ настанетъ новый день,
Въ моихъ объятыхъ будетъ донна-Анна.

СУМЕРКИ, КЛАДБИЩЕ.

Донъ-Жуанъ и Лепорелло слѣзаютъ съ лошадей.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Здѣсь жди меня.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Помилуйте, сеньоръ,
Нельзя ли выбрать вамъ другое мѣсто?
Вѣдь это есть то самое кладбище,

Гдѣ погребенъ убитый командоръ!
Смотрите—вонъ и памятникъ его!
Весь мраморный, на мраморномъ конѣ,
У, какъ на насъ онъ сверху смотреть строго!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ея отсюда вила недалеко,
Сюда же ночью не придетъ никто.
Здѣсь жди меня, я до зари вернуся.

Уходить.

ЛЕПОРЕЛЛО—одинъ.

Брр! Дрожь меня по жиламъ пробираетъ!
Вѣдь, право, ничему не вѣрить онъ,
Все для него лишь трынъ-трава да дудки,
А на меня могильный холодъ вѣетъ,
И чудится мнѣ, будто межъ гробницъ
Уже какой-то странный ходитъ шопоть.
Ухъ, страшно здѣсь! Уйду я за ограду!

Уходить.

САТАНА—является между могилъ.

Люблю межъ этихъ старыхъ плитъ
Прогуливаться въ часъ вечерній.
Довольно смѣшанно здѣсь общество лежитъ,
Между вельможъ есть много черни;
Но это не бѣда, а жаль, что посѣщать
Иныя мнѣ нельзя гробницы:
Здѣсь есть двѣ-три отроковицы,
Пять-шесть еретиковъ, младенцевъ дюжинъ съ пять,
Къ которымъ мнѣ нельзя и носу показать.

Подъ вѣдѣньемъ небесной силы
Ихъ состоятъ могилы;
Мнѣ портятъ ангелы житье.
Не нужно напрягать имъ слуха,
Сейчасъ провѣдаютъ по духу,
Такое тонкое чутье!
Ужъ я ихъ слышу приближенъе...
Ну, такъ и есть, явились сюда...
Мое нижайшее почтенье,
Слуга покорный, господа!

НЕБЕСНЫЕ ДУХИ.

Оставь усопшимъ ихъ забвенье,
Оставь гробы до страшнаго суда,
Не преступай священнаго предѣла!

САТАНА.

На этотъ разъ до мертвыхъ нѣтъ мнѣ дѣла.
Иной заботой занятъ я.
Вы помните, друзья,
Нашъ давній споръ про донъ-Жуана?
Я говорилъ, что поздно, или рано,
Онъ будетъ мой. И что-жь? Свѣтъ побѣдила мгла.
Не понялъ той любви святого онъ значенья,
Которая-бъ теперь спасти его могла,
И слѣпо онъ свершить надъ нею преступленье.

ДУХИ.

Въ безмолвіи ночи
Мы съ нимъ говорили,
Мы спящія очи
Его прояснили,
Изъ тверди небесной
Къ нему мы вѣщали
И міръ безтѣлесный
Ему показали.
Онъ зрѣлъ, обновленный,
Въ чемъ сердца задача,
И рвался къ намъ сонный,
Рыдая и плача;
Въ дневной же тревогѣ
Земное начало
Опять отъ дороги
Его отвращало;
Онъ помнить видѣнье,
Но требовалъ снова
Ему примѣненья
Средь міра земного,
Пока его очи
Опять не смежались,
И мы, среди ночи,
Ему не являлись;
И вновь онъ преступный

Гналь замысль обратно,
И мысли доступна
И сердцу понятна
Стремленья земного
Была неудача,
И нашъ онъ былъ снова,
Рыдая и плача!

САТ АНА.

Я вижу изъ сего, что путь его двойной,
И самъ онъ, кажется, двоится:
Во снѣ онъ вашъ, но наяву онъ мой---
На этомъ я согласенъ помириться!

ДУ Х И.

Высокой онъ душой на ложь ожесточенъ,
Невѣрие его есть только плодъ обмана,
Сгубить лишь на землѣ ты можешь донъ-Жуана,
Но въ небѣ будетъ онъ процентъ!

САТ АНА.

Тогда бы въ небѣ толку было мало!
Онъ сердится на ложь—сердиться воленъ всякъ.
Но съ правдой ложь срослась и къ правдѣ такъ пристала,
Что отскоблить ее нельзя никакъ!
А онъ скоблить сплеча, да ужъ едва ли
Насквозь не проскобилъ всѣ истины скрижали.
Не вѣрить на-слово онъ никому ни въ чемъ;
Вѣковъ работу предпринявъ сначала,
Онъ хочетъ все, что намъ преданье завѣщало,
Своимъ изслѣдовать умомъ.
Немножко щекотливо это!
Я самъ вѣдь врагъ авторитета,
Но пообтерся межъ людьми;
Бѣда все отрицать! Въ иное надо вѣрить,
Не то пришлось бы, чортъ возьми,
Мнѣ самого себя похерить!

ДУ Х И.

Лукаво ты его смущаль,
Ты истощилъ его терпѣнье,
И гнаться онъ усталъ за тою бѣглою тѣнью,
Что живо на землѣ ему ты показалъ.

САТАНА.

Прошу покорно извиненья!

Конечно, я его морочилъ много лѣтъ,

Но нынѣшній его предметъ

Есть между всѣми исключенье.

Могу вамъ доложить, безъ лести и похвалъ,

Она, точь-въ-точь, на свой походить идеаль,

И даже самому мнѣ странно,

Что въ форму вылилась такъ чисто донна-Анна.

Когда-бъ ее сумѣлъ онъ оцѣнить,

Свершилось бы неслыханное чудо,

Монхъ сътей разорвалась бы нить,

И со стыдомъ бы мнѣ пришлось бѣжать отсюда.

Но слѣпъ онъ, словно кротъ. Къ чему-жъ еще обманъ?

Ужъ нечего мнѣ болѣ добиваться;

Могу я руки положить въ карманъ

И зрителемъ въ комедіи остаться.

Безъ цѣли за него идти у насъ борьба,

Теперь бы отдохнуть могли мы;

Вліяній нашихъ нѣтъ—влечеть его судьба

И неизбежности законъ неумолимый!

inevitability

inevitable

ДУХИ.

Вкругъ дѣлъ людскихъ загадочной чертой

Свободы грань очерчена отъ вѣка;

Но безъ насилья можетъ въ грани той

Вращаться вольный выборъ челоуѣка.

Лишь если онъ предѣлы перейдетъ,

Въ чужую область вступить святотатно,

Впадаетъ онъ въ судьбы водоворотъ

И увлеченъ теченьемъ невозвратно.

Въ тревогѣ думъ, въ разгарѣ мощныхъ силъ,

Жуанъ блуждаетъ, дерзостень и страстень,

Но за черту еще онъ не ступилъ,

И къ правдѣ онъ еще вернуться властень.

Лукавый духъ, бѣжишь ты со стыдомъ!

Святой любви таящееся чувство

Сознаетъ онъ.

САТАНА.

Я сомнѣваюсь въ томъ.

Я отказался здѣсь отъ всякаго искусства,

На гвоздикъ я свою повѣсилъ сѣть; *189 quite possible*
Но къ милой онъ пошелъ, совсѣмъ ужь сбитый съ толку,
И вамъ, я думаю, пришлось бы покраснѣть,
Когда-бъ на нихъ теперъ вы поглядѣли въ щёлку! *plan*

духи.

Онъ къ истинѣ придетъ! Его туманный взоръ
Уже провидѣлъ лучъ божественнаго свѣта!

САТАНА.

А что есть истина? Вы знаете ли это?
Пилать на свой вопросъ остался безъ отвѣта,
А разрѣшить загадку сущій вздоръ: *Don't know the answer*
Представьте выпуклый узоръ *representing the*
На бляхъ жестяной. Со стороны обратной.

Онъ въ глубину изображень; *described in*
Двоякимъ способомъ выходить съ двухъ сторонъ
Одно и то же аккуратно.

Узоръ есть истина. Господь же Богъ и я—
Мы обѣ стороны ея;
Мы выражаемъ тайну бытія,
Онъ верхней частью, я исподней.
И вотъ вся разница, друзья,
Между моей сноровкой и Господней.

духи.

Когда, какъ хоръ одушевленный, *what*
Земля, и звѣзды, и луна
Гремятъ хвалою Творцу вселенной,
Себя со злобою надменной *what*
Ему равняетъ Сатана!
Но бѣса умствованья ложны, *what*
Тожественъ съ истиною Тотъ,
Кого законы непреложны, *what*
Предъ Чьимъ величіемъ ничтожны
Равно кто любить, иль клянетъ!
Какъ звѣздный блескъ въ небесномъ полѣ
Яснѣй выказываетъ мгла,
Такъ на твою досталось долю
Противорѣчить Божьей волѣ,
Чтобъ тѣмъ свѣтлѣй она была!

САТАНА.

Извѣстно, что отъ всякаго контроля
Должны выигрывать дѣла.

ДУХИ.

Два разнородныя начала,
Тому равно подвластны мы,
Кого премудрость указала—
Намъ быть глаголомъ идеала,
Тебѣ же быть глаголомъ тьмы!

САТАНА.

Согласенъ и на то. Безъ комплимента,
Мы, значить, въ родѣ парламента;
Мы, такъ сказать, правленія вѣсы.
Сознайтесь, что Господь здѣсь только для красоты,
Онъ символъ лишь замысловатый;
Дѣлами-жъ правимъ мы, двѣ равныя палаты;
Точнѣй: колъ на Него посмотришь съ двухъ сторонъ,
Выходить, вы да я, мы совокупно—Онъ,
Разрывъ нашъ—только умозрѣнье,
Но въ самомъ дѣлѣ мы одно;
А для пустого развлеченья
Дробиться цѣлому смѣшно.

Пора двухъ половинокъ устроить сочетанье:
Химически смѣшавъ со злобою любовь,
Въ итогъ безстрастія сольемся вновь
И погрузимся въ самосозерцанье!
А мѣръ совѣтую предать его судьбѣ,
Какъ заведенную разъ навсегда машину.
Когда же внѣшности съ себя мы смоемъ тину
И будемъ сами по себѣ—
Какое дѣло намъ, какимъ путемъ къ сознанью,
Съ какого именно конца,
Съ параднаго или съ чернаго крыльца,
Придетъ какой-нибудь маркезе де-Маранья?

ДУХИ.

Едино, цѣльно, недѣлимо,
Полно созданья своего,
Надъ нимъ и въ немъ, невозмутимо
Царить отъ вѣка Божество.

Осуществилось въ немъ ясно,
 Чего постичь не могъ никто:
 Несогласимое согласно,
 Съ грядущимъ прошлое слито,
 Совмѣстно творчество съ покоемъ,
 Съ невозмутимостью любовь,
 И возникаютъ вѣчнымъ строемъ
 Ея созданья вновь и вновь.
 Всемирнымъ полная движеньемъ,
 Она свѣтиламъ кажетъ путь,
 Она нисходитъ вдохновеньемъ
 Въ пѣвца восторженную грудь;
 Цвѣтами рдѣя полевыми,
 Звуча въ паденьи свѣтлыхъ водъ,
 Она законами живыми
 Во всемъ, что движется, живетъ.
 Всегда различна отъ вселенной,
 Но вѣчно съ ней соединена,
 Она для сердца несомнѣнна,
 Она для разума темна.
 Замолкни жалкій сынъ паденья,
 И словъ язвительныхъ не трать
 Тебѣ святого Провидѣнья
 Душой холодной не понять!

САТ АНА.

Я только пошутилъ. Хотѣлъ вамъ доказать я,
 Что всѣмъ системамъ безъ изъятья
 Есть въ безпредѣльности просторъ,
 И что, куда мы нашъ ни кинемъ взоръ,
 Мы, мѣтя въ кругъ неизмѣримый,
 Никакъ попасть не можемъ мимо.
 Въ той области, гдѣ центра нѣтъ,
 Гдѣ центромъ служить каждый пунктъ случайный,
 Гдѣ вмѣстѣ явно все и тайно,
 И гдѣ условны мракъ и свѣтъ—
 Тамъ всѣ возрѣнія возможны,
 Всѣ равно вѣрны, или равно ложны.
 Поэтому и вашъ я допускаю взглядъ,
 И если на явленій рядъ
 Съ извѣстной точки посмотрю я,
 Готовъ, какъ вы, кричать я: Аллилуй!

Ура! Осанна! Святъ, святъ, святъ!
Усердья моего ничье не перевыситъ;
Досадно то, что результатъ
Отъ точки зрѣнія зависить.

ДУХИ.

Царь тьмы, къ чему двусмысленная рѣчь?

САТАНА.

Къ тому, чтобъ васъ предостеречь
Отъ бесполезнаго старанья
Спасти Жуана де-Маранья.
Какую-бъ намъ систему ни принять:
Систему вѣры иль рационализма,
Деизма или пантеизма,
Хоть всѣ до одного отгѣнки перебрать,
Которыми привыкла щеголять
Философическая призма,—
Того, кто Промысла отвергнулъ благодать,
Но състь не хочетъ въ кресла фатализма,
А претъ себѣ впередъ, и въ сторону, и вспять,
Какъ по льду гладкому скользя—
Спасти нельзя!

ДУХИ.

Господь! Постигнуть дай Жуану,
Что смутно видѣлъ онъ вдали!
Души мучительную рану
Сознаньемъ правды исцѣли;
Но если, тщетно званный нами,
Онъ не пойметъ Твоей любви,
Тогда сверкающій громами
Свой гнѣвный ликъ ему яви,
Да потрясетъ Твой зовъ могучій
Его, какъ голосъ судныхъ трубъ!

САТАНА.

На эти чудеса Господь довольно скупъ
И скромно прячется за тучей,
Когда гремитъ. На всякій случай,
Позвольте мнѣ сюда ту силу пригласить,
Которая, безъ воли и сознанья,
Привыкла первому служить,

Кто только дастъ ей приказанье.
Кто-бъ ей ни овладѣль, порокъ или благодать,
Слѣпа, могуча, равнодушна,
Готова сила та крушить или созидать, *to destroy*
Добру и злу равно послушна.
Ты, что философы зовутъ душой земли,
Ты, что магнитный токъ сквозь мѣръ всегда струила,
Услышь теперь мой зовъ, словамъ моимъ внимли,
Явись, таинственная сила!
Ты, жизненный агентъ, алхимиковъ азотъ, *nitrogen*
Незримое астральное теченье, *ether*
Твой господинъ тебя зоветъ,
Явись принять его вѣлѣнья! *obey!*
Ты, что людской всегда питаешь потъ и трудъ, *labor!*
Ты, что такъ много душъ сгубила,
Усердьѣ, преданность, или какъ тебя зовутъ,
Явись, бессмысленная сила!

Является туманная фигура.

Смотрите, вотъ она, покрыта пеленой,
Еще не знаетъ, чѣмъ ей выйти изъ тумана.
Готовься-жъ петлю, спутанную мной,
Разсѣчь или затянуть, по выбору Жуана!
Отнынѣ будь ему во всемъ подчинена:
Чтѣ-бъ ни задумалъ онъ, отъ прихоти или скуки—
Все слѣпо исполняй. Теперь я сторона,
Я совершилъ свое и уываю руки!
Смотрите: ревности полна,
Уже дрожить и зыблется она,
Всѣ виды принимать и образы готова.
Терпѣнье, бабушка! Жди знака или слова,
Потомъ уже не знай ни страха ни любви, *then*
Свершай, что онъ велить, безъ мысли, безъ пощады,
И, воплотившись разъ, топчи, круши преграды—*then*
И самого его въ усердьѣ раздави!

духи.

Постой, внимли и намъ! Въ то страшное мгновенье,
Когда на бездны край ужъ ступить донъ-Жуанъ,
Послѣднее ему неси остереженье
И духа тьмы предъ нимъ разоблачи обманъ.
Тогда лишь, если онъ отъ правды отвратится—
Его судьба да совершится!

Фигура исчезаетъ.

МѢСТО ПЕРЕДЪ ВИЛЛОЙ ДОННЫ-АННЫ.

Офицеръ съ патрулюю.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТЪ.

Сейчасъ онъ промелькнулъ передо мною.

ОФИЦЕРЪ.

Увѣренъ ты, что это точно онъ?

ПЕРВЫЙ СОЛДАТЪ.

Я видѣлъ бѣлое перо на шляпѣ.

ОФИЦЕРЪ.

Довольно бѣлыхъ перьевъ безъ него.

ВТОРОЙ СОЛДАТЪ.

Мнѣ кажется, онъ въ этотъ дворъ вошелъ.

ОФИЦЕРЪ.

Не можетъ быть. То вила донны-Анны;
Сюда войти не смѣлъ бы донъ-Жуанъ.

ВТОРОЙ СОЛДАТЪ.

Я точно видѣлъ.

ТРЕТІЙ СОЛДАТЪ.

Мнѣ такъ показалось,
Что за уголь онъ повернулъ.

ОФИЦЕРЪ.

Пойдемъ

Сперва по этой улицѣ, когда же
Тамъ никого не встрѣтимъ, то вернемся.

Уходить.

ВИЛЛА ДОННЫ-АННЫ.

Сначала сумерки. Потомъ луна освѣщаетъ часть комнаты. Другая
остается въ тѣни.

ДОННА-АННА—одна.

Все та же неотвязчивая мысль
Вокругъ меня какъ черный воронъ вьется.

Такъ поступить! Зачѣмъ онъ не сказалъ мнѣ,
Что онъ во мнѣ ошибся? Что не та я,
Которую искалъ онъ? Не сказалъ мнѣ,
Что, полюбивъ, онъ разлюбилъ меня?
Я поняла-бъ его, я извинила-бъ,
Я оправдала бы его! Ужели
Моихъ упрековъ, слезъ или моленій
Боялся онъ? Я не давала права
Ему такъ низко думать обо мнѣ!
Все могъ онъ сдѣлать, все, но это—это—
О, Боже, Боже, пожалѣй меня!

Подходить къ окну.

Октавіо нейдетъ. Я знаю, гдѣ онъ.
Но мысль о немъ мнѣ не тревожитъ сердца—
Я не страшуся друга потерять—
Страшуся только, чтобъ его противникъ
Изъ боя вновь не вышелъ невредимъ.
Уже во мнѣ изсякли безъ возврата
И жалость и участіе. Меня
Онъ какъ потокъ схватилъ неумолимый
И отъ всего родного оторвалъ.
Съ боязнію теперь въ себя гляжу я:
Тамъ проплаго не видно и слѣда,
И чуждыя мнѣ чувства поселились
Въ опустошенномъ сердцѣ. Страшно, страшно!
Лишь смерть его, лишь только смерть одна
Покой душевный возвратитъ мнѣ можетъ!
Пока онъ живъ, ни здѣсь, ни на могилѣ
Отцовской, ни въ стѣнахъ монастыря
Не въ силахъ я ни плакать ни молиться.
Но, кажется, слышались шаги...
Звенять по мраморнымъ ступенямъ шпоры...
Идутъ сюда... Октавіо вернулся!

Донъ-Жуанъ показывается, въ плащѣ, съ
надвинутой на глаза шляпой. Донна-Анна
бросается къ нему навстрѣчу.

Октавіо... Ну, что же?

ДОНЪ-ЖУАНЪ—сбрасывая плащъ.

Это я.

Донна-Анна, въ ужасѣ, отступаетъ.

Я знаю, донна-Анна, что мой видъ

Вселяетъ въ васъ и ненависть и ужасъ.

Вы правы. Для меня прощенья нѣтъ,
Нѣтъ никакихъ предъ вами оправданій.
Я былъ для васъ орудіемъ судьбы
И не могу исправить, что случилось.
Но я пришелъ сказать вамъ, что навѣкъ
Я покидаю этотъ край, что вы
Отъ близости избавитесь несносной
И можете свободнѣе дышать.

ДОННА-АННА—въ сторону.

Что мнѣ мѣшаетъ въ грудь ему сейчасъ
Вонзить кинжалъ? Какое колебанье
Мою безсилить руку?

*She says
"I shall kill
the man"*

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Донна-Анна,
Когда до васъ извѣстіе дойдетъ
О смерти ненавистнаго Маранья,
Могу ли ожидать, что это имя
Не будете вы болѣ проклипатьъ

ДОННА-АННА.

Онъ говоритъ о смерти! Боже правый!
О смерти онъ дерзаетъ говорить,
Тотъ, кто всегда кровавой смертью дышитъ,
Кому она послушна какъ раба!
Гдѣ донъ-Октавѣ? Отвѣчайте, гдѣ онъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Октавіо убить.

Донна-Анна хочетъ говорить, онъ ее предупреждаетъ.

Я не искалъ
Его гибели. Онъ самъ хотѣлъ
Со мною биться. Я не могъ ему
Подставить горла, какъ овца; но я
Завидую теперь его судьбѣ.

ДОННА-АННА.

Обрызганъ кровью моего отца,
Онъ моего еще зарѣзалъ брата
И хвалится убійствомъ предо мной!
И не разступится подъ нимъ земля?

Does he not

И пламя не пожретъ его? Громъ Божій,
Ударь въ него! Испепели его! *Reduce to ashes*

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Увы, никто не слышитъ, донна-Анна,
Проклятій вашихъ. Ясенъ сводъ небесъ, *clear*
Мерцаютъ звѣзды, лавръ благоухаетъ, *laurel*
Торжественно на землю сходитъ ночь,
Но въ небесахъ все пусто, донна-Анна,
Въ нихъ Бога нѣтъ. Когда-бъ внезапно громъ
Теперь ударилъ, я-бъ повѣрилъ въ Бога,
Но громъ молчитъ—я вѣрить не могу!

ДОННА-АННА.

Онъ богохульствуетъ! Доколь, о, Боже,
Терпѣніе Твое не истощится? *when*

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, если бы я могъ въ Него повѣрить,
Съ какимъ бы я раскаянемъ палъ ницъ,
Какія-бъ лиль горячія я слезы,
Какія бы молитвы я нашелъ!
О, какъ тогда Его я умолялъ бы,
Чтобы еще Онъ жизнь мою продлилъ,
И могъ бы я, босой и въ власяницъ,
Простертый въ прахъ и съ пепломъ на главѣ,
Хоть долю искупить тѣхъ преступленій, *atone*
Которыя безвѣремъ рождены!
Какихъ бы я искалъ себѣ мученій,
Какимъ бы истязаньямъ предалъ плоть, *atone*
Какъ жадно-бъ я страданьемъ упивался,
Когда бы могъ повѣрить въ божество!
О, горе мнѣ, что не могу я вѣрить!

ДОННА-АННА.

Что слышу я? Тотъ самый, кто въ другихъ,
Съ разсчитаннымъ холоднымъ наслажденьемъ *atone*
Всегда святыню сердца убивалъ—
Тотъ сожалѣетъ о своемъ безвѣрѣ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я разрушалъ въ моемъ ожесточеннѣ
Обманъ и ложь вездѣ, гдѣ находилъ.

За жизнь мою и за мое рожденье
Слѣпой судьбѣ безъ отдыха я мстиль.
Себя, другихъ, весь міръ я ненавиждѣль,
Я все губилъ. Одинъ лишь только разъ,
Въ тотъ свѣтлый день, когда я васъ увидѣль,
Въ моей душѣ надежда родилась.
Но я ужъ былъ испорченъ. Я не могъ
Моей любви повѣрить. Слишкомъ часто
Я былъ обманутъ. Я боялся вновь
Попастся въ сѣть; я гордо захотѣль.

Убить въ себѣ мучительное чувство,
И святотатно я его попралъ.
Я самъ себѣ безумно посмѣялся,
И моего упорнаго безвѣрья,
Моей насмѣшки горькой надъ собой,
Вы сдѣлалися жертвой. Не глядите
Такъ гнѣвно на меня—увы, я знаю,
Что я преступникъ, но ужъ я наказанъ.
Не удалось мнѣ торжествовать.
Я побѣдить себя не могъ. Вашъ образъ
Не въ силахъ я изгладить ни забыть.
Да! Въ Бога я давно уже не вѣрю,
Но вѣрить въ васъ еще не пересталъ!
Когда-бъ я могъ, хоть изрѣдка, васъ видѣть—
Не здѣсь—о, нѣтъ, но въ церкви гдѣ-нибудь;
Незримый вами, въ темномъ углубленьи,
Межъ нищими, колонною сокрытъ,
Когда-бъ я могъ, хоть издали, украдкой,
Вашъ иногда услышать голосъ—о!
Тогда, быть-можетъ, былъ бы я спасенъ.
И вѣрить вновь тогда бы научился!

ДОННА-АННА.

Ужъ слишкомъ долго слушала я васъ—
Межъ нами разговоръ быть не можетъ.
Раскаялись когда вы непритворно,
Ищите утѣшенья въ лонѣ церкви,
Меня-жъ оставьте—вамъ не мѣсто здѣсь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я церковью отринуть. Въ этотъ мигъ,
Пока я съ вами говорю, убійцы
Вездѣ ужъ рыщутъ по моимъ слѣдамъ,

И голова оцѣнена моя.

Отъ церкви не могу я ждать пощады! *mercy*

ДОННА-АННА.

Идите въ Римъ. Къ ногамъ падите папы.

Петра намѣстникъ можетъ васъ простить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Когда не вѣрю въ самого я Бога,

Чего у папы мнѣ еще искать!

Не папа можетъ воскресить надежду,

Не папа съ жизнью можетъ помирить!

Простите, донна-Анна. Я безумецъ.

Увлекся я несбыточной мечтой. *calme... impossible*

Нѣтъ, для меня не можетъ быть спасенья!

Идти я долженъ до конца. Нельзя

Остановиться мнѣ на полдорогѣ.

Въ отчаянье я брошуся опять! *decevoir*

Пусть опьянятъ мой разумъ преступленья,

Въ страстей тревогѣ пусть забуду я *l'indignité*

Блеснувшій мнѣ отраднѣйшій лучъ надежды!

Какъ бѣшеный, неукротимый конь, *insupportable*

Я къ пропасти направлю бѣгъ безумный *à l'enfer*

И, какъ шумящій водопадъ, съ высотъ

Низринусь въ бездну. Мнѣ одна дорога:

Ничтожества спасающая ночь!

ДОННА-АННА.

Слова безумья или ослѣпленья!

Я ненавижу васъ... но долгъ велить

Вамъ указать убѣжище молитвы...

Барабанный бой.

ГОЛОСЪ ПОДЪ ОКНАМИ.

«Во имя короля и Sant'Officio!

Симъ объявляется всѣмъ христіанамъ,

Что донъ-Жуанъ, маркезе де-Маранья,

Отъ церкви отлучается Христовой

И внѣ законовъ нынѣ состоитъ.

Всѣ для него убѣжища закрыты,

Не исключая Божьихъ храмовъ. Всѣмъ,

Кому его извѣстно пребыванье,

Вмѣняется въ священный долгъ о немъ

Немедленно начальству донести.
Къ кому-жъ онъ обратится, тотъ его
Обязанъ выдать въ руки мѣстной власти,
Подъ опасеньемъ вѣчнаго проклятя—
Таковъ надъ нимъ церковный приговоръ».

Барабанный бой.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вы слышали? Могу ли я еще
Мириться съ церковью или съ закономъ?
Простите! Кончено! Моя судьба
Да совершится!

ДОННА-АННА—которая межъ тѣмъ подо-
шла къ двери и прислуши-
валась.

Стойте, донъ-Жуанъ!

Входить слуга; донна-Анна становится передъ
донъ-Жуаномъ, который остается въ тѣни.

СЛУГА.

Сеньора, офицеръ священной стражи
Желаеть васъ увидѣть.

ДОННА-АННА.

Пусть войдетъ.

ОФИЦЕРЪ.

Прошу меня простить, сеньора. Я
Съ патрулью наряженъ отъ Sant'Officio
Арестовать преступника.

ДОННА-АННА.

Кто онъ?

ОФИЦЕРЪ.

Намъ показалось, что онъ въ эту виллу
Вошелъ недавно.

ДОННА-АННА.

Какъ его зовутъ?

ОФИЦЕРЪ.

Къ несчастью, вамъ его извѣстно имя:
То донъ-Жуанъ, маркезе де-Маранья.

ДОННА-АННА.

Какъ можете вы полагать, чтобъ онъ
Осмѣлился сюда придти? Вы, вѣрно,
Замѣтили кого-нибудь другого,
Но я велю вездѣ васъ проводить
И позволяю осмотрѣть всю виллу.

ОФИЦЕРЪ—подымая плащъ донъ-Жуана,
съ замѣшательствомъ.

Сеньора... этотъ плащъ?..

ДОННА-АННА.

Какую связь
Имѣеть съ порученьемъ вашимъ чей-то
Оставленный здѣсь плащъ? Надѣюсь, вы
Не думаете, чтобы я скрывала
Убийцу моего отца?

ОФИЦЕРЪ.

Сеньора,
Я виноватъ, простите, мы ошиблись.

Уходить.

Донна-Анна слѣдитъ за нимъ глазами, потомъ смотритъ на донъ-Жуана, шатается и готова упасть.
Донъ-Жуанъ ее поддерживаетъ.

КЛАДБИЩЕ, ОСВѢЩЕННОЕ ЛУНОЮ.

ЛЕПОРЕЛЛО—вбѣгая въ ограду.

Нѣтъ, страшно мнѣ и тамъ! Кругомъ вездѣ
Все движется и шепчетъ! Рвутся кони
И фыркаютъ, покрыты бѣлой пѣной...
Гдѣ господинъ мой? Ужъ пора-бъ давно
Ему сюда вернуться!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—входя.

Свершено!
Полуобманъ и полукровенность,

Обратное движеніе бурной страсти,
Которому такъ сладко уступать,
Мнѣ предали въ объятія донну-Анну.
Я побѣдилъ! Не будетъ болѣ мучить
Меня любви обманчивая тѣнь!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Скорѣй, сеньоръ! Ускачемте отсюда!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Какъ вновь во мнѣ кипить и жизнь и сила!
Весь міръ теперь я вызвалъ бы на бой!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Прочь, прочь отсель! Ускачемъ, ради Бога!
Нечисто здѣсь, любезный мой сеньоръ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Все тотъ же ты! Всегда трусливъ какъ заяцъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Повѣрьте мнѣ, ускачемъ! Командоръ...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что командоръ?

ЛЕПОРЕЛЛО—показывая на статую.

Глядите, какъ онъ смотритъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Зови его ко мнѣ на ужинъ завтра!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ай, ради Бога, не шутите такъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я не шучу. Зови его на ужинъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Уйдемъ, уйдемъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, надо проучить
Твою мнѣ трусость. Подойди сейчасъ
И пригласи на ужинъ командора!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ой, не могу!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я заколю тебя!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сейчасъ, сейчасъ! Исполню вашу волю!

Подходить къ памятнику.

Великая статуя командора!
Мой господинъ—не я, ей-ей, не я—
Васъ приглашаетъ... нѣтъ, я не могу!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Кончай сейчасъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Васъ приглашаетъ завтра
Пожаловать къ нему на ужинъ... Ай!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ну, что?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Она... ей-ей, она кивнула!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Постой же, трусь, я научу тебя
Бызстыдно лгать. Сюда! Смотри наверхъ!

← Беретъ Лепорелло за воротъ и обращается къ статуѣ.

Статуя командора! Я даю
Прощальный ужинъ завтра и желалъ бы,
Чтобъ на него пожаловала ты.
Скажи, придешь на ужинъ?

Статуя киваетъ.

Что за чорты!

Я, кажется, не пьянъ, а вижу мутно.

Должно-быть, я усталъ. То къ головѣ
Кровь приливаетъ и туманить зрѣнье.
Эй, Лепорелло! лошадей!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Бѣгу!

ДВОРЕЦЪ ДОНЪ-ЖУАНА.

Зала окнами къ морю.

ДОНЪ-ЖУАНЪ—одинъ, пасмурный и не-
довольный.

Я побѣдилъ. Но удовлетворенья
Ожиданнаго я не нахожу.
Она мнѣ отдалася безъ сознанья;
Мнѣ помогли внезапность и распложъ;
Побѣду я укралъ какъ воръ. Не такъ
Мнѣ овладѣть хотѣлось этимъ сердцемъ!
Нѣтъ: шагъ за шагомъ, медленно впередъ
Все далѣе и далѣе подвигаться,
Вражду, и стыдъ, и совѣсти боренье!
Въ послѣднія убѣжища тѣснить,
И гордую противницу мою,
Самой ей къ изумленію, заставить
Мнѣ сдѣлаться послушною рабою—
Вотъ гдѣ была бы цѣнность обладанья,
Вотъ что побѣдой полной я-бъ назвалъ!
Нѣтъ, недоволенъ я собою. Много
Нетронутыхъ я въ ней оставилъ струны
И много темныхъ сердца тайниковъ
Я не извѣдалъ. Но теперь ужъ поздно!
Надъ головой моей сверкаетъ мечъ,
И долженъ я Испанію покинуть!
Утѣшусь тѣмъ, что я-бъ и въ этомъ сердцѣ
Открытыя сдѣлать новаго не могъ.
Жалѣть о неисчерпанной интригѣ
Не все-ль теперь равно, что сожалѣть
О кой-какихъ мѣстахъ моей отчизны,
Которыхъ я не посѣтилъ? Отчизна,
И женщины, и цѣлый родъ людской
Извѣстны мнѣ. Зачѣмъ же не могу я

Воспоминаніе о доннѣ-Аннѣ
На днѣ души моей похоронить,
Какъ и другія всѣ воспоминанья?

Входитъ Боабдиль въ вооруженіи пирата.

Но вотъ моей фелуки капитанъ.
Послушаемъ, что онъ принесъ.

БОАБДИЛЬ.

Сеньоръ,
Исправно все. Къ отплытью мы готовы!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—осматривая его нарядъ.

Вотъ такъ люблю тебя. Колпакъ и куртка,
И абордажный на цѣпи топоръ,
Узорныя морскія шаровары
И туфли на босую ногу. Bravo!
Ты молодець, разбойникъ хоть куда!

БОАБДИЛЬ.

И хоть куда готовъ я васъ доставить,
Лишь поскорѣй бы въ море намъ уйти!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—про себя.

Вотъ этого сомнѣнія не мучать,
И нѣтъ разлада въ немъ съ самимъ собой.
Мнѣ любопытно знать, какъ на моемъ
Онъ поступилъ бы мѣстѣ.

Постараюсь

Вопросъ мой примѣнить къ его понятьямъ.

Къ Боабдилу.

Скажи мнѣ, Боабдиль, тебѣ не жаль
Разстаться навсегда съ твоей отчизной?

БОАБДИЛЬ.

Сеньоръ, весь этотъ андалузскій край
Былъ нашъ когда-то. Намъ принадлежалъ
Весь кругозоръ, что обнимаетъ око
Съ зубчатыхъ башенъ царственной Альгамбры.
Въ ту пору я, быть-можетъ, пожалѣлъ бы
О родинѣ, какъ о своемъ добрѣ;
Но нынѣ проку мало въ ней, и я
Давно пустыне бросилъ предразсудки;

Я родиной считаю всякій край,
Гдѣ золото мнѣ сыплется въ карманы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты судишь здраво. Съ этой точки зрѣнья
Твой образъ мысли можно похвалить.
Но если бы внезапно ты нашелъ
Несмѣтный кладъ, такихъ сокровищъ груды,
Какія по преданію лежатъ *Legend*
Въ заваленныхъ подвалахъ подъ Альгамброй,
Что-бъ сдѣлалъ ты тогда?

БОАБДИЛЬ.

Сказать вамъ правду,

Нашедши кладъ, я разсудилъ бы тотчасъ,
Что бѣльшій кладъ еще найти возможно,
И бѣльшій бы отыскивать я началъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ—про себя.

Я къ этому мошеннику недаромъ
Сочувствіе имѣлъ. Мы схожи правомъ,
Но въ клады я не вѣрю ужъ давно;
А странно, что досель я не могу
О ней не думать! Въ память глубоко
Слова и голосъ врѣзались ея.
И этотъ взглядъ испуганный, когда
Опомнилась она въ моихъ объятыхъ.
Безумный донъ-Жуанъ! До коихъ поръ
Играть тобой воображенъе будетъ!
Стыдись хоть Боабдила. Этотъ ищетъ,
Что находить и добывать возможно—
А ты? Стыдись! тебя смущаетъ сонъ!

Къ Боабдилу.

Ты не забылъ различною одеждой
На всякій случай заготовиться? Намъ,
Я думаю, придется въ Барселонѣ
Дня два иль три инкогнито прожить.

БОАБДИЛЬ.

Отъ капуцина и до никадора
Припасены наряды всѣхъ сортовъ;
Лишь стѣитъ ихъ доставить на фелуку.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я ночью сняться съ якоря намѣрень,
Теперь же всѣхъ зову ко мнѣ на пиръ.

ЛЕПОРЕЛЛО—вбѣгая въ испугъ.

Сеньоръ! Сеньоръ! Дворецъ вашъ окружаютъ
Со всѣхъ сторонъ святыя familiares!
Весь дворъ ужъ полонъ стражи; всѣ ворота,
Всѣ двери ими заняты! Сейчасъ
Арестовать придетъ васъ ихъ начальникъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ого! Должно-быть, донъ-Йеронимо,
Тотъ новый членъ, котораго изъ Рима
Они въ Севилью ждуть, шутить не любятъ!
Мы ихъ принять готовы. Боабдиль,
Твои одежды намъ пришлось кстати:
Забавный мы затѣмъ маскарадъ.
Ты будешь капитанъ, который въ Кадиксъ
Йеронимо привезъ; ты-жъ, Лепорелло,
Ты—самъ Йеронимо. Смотрите-жъ, оба,
Я каждому его назначу роль.

ГАЛЛЕРЕЯ ВО ДВОРЦѢ.

Боабдиль и офицеръ стражи.

БОАБДИЛЬ.

Съ утра они въ молельнѣ заперлись.
Я подходилъ на цыпочкахъ ко двери:
Тамъ тихо все; порой лишь слышны вздохи,
А иногда невнятное рыданье
Да увѣщанья честнаго отца.
Должно-быть, донъ-Жуанъ великій грѣшникъ!
Во время рейса донъ-Йеронимо
Мнѣ говорилъ, что у него отъ папы
Инструкція особенная есть
На счетъ сего еретика, Жуана.

ОФИЦЕРЪ.

Я наряженъ его арестовать;
Изъ устъ донъ-Йеронимо я долженъ
О томъ услышать, какъ мнѣ поступить.

БОАБДИЛЪ.

Вы подождать должны, пока они,
Свою бесѣду кончивъ, изъ моельни
Къ намъ выйдутъ.

ОФИЦЕРЪ.

немедленно Извините, капитанъ,
Отвѣтственность и служба мнѣ велятъ
Немедленно войти въ моельню. Мнѣ
Не можно ждать!

БОАБДИЛЪ.

Я умываю руки.

Офицеръ входитъ въ боковую дверь.

КОМНАТА ВО ДВОРЦѢ.

Лепорелло, въ креслахъ, одѣтый доминиканцемъ. Передъ нимъ на ко-
лѣняхъ донъ-Жуанъ. Входитъ офицеръ стражи.

ОФИЦЕРЪ.

Отецъ, простите...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Это что такое?

Кто смѣетъ насъ въ молитвѣ прерывать?

ОФИЦЕРЪ.

Я наряженъ отъ Sant'Officio
Арестовать Жуана де-Маранья.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ? Что? Теперь? При мнѣ? Ты знаешь ли,
Мошенникъ... я хотѣлъ сказать: мой сынъ—
Что я съ инструкціей отъ папы присланъ
И самъ могу тебя арестовать?

ОФИЦЕРЪ.

Простите. Вотъ мандатъ мой! Я обязанъ
Вамъ предъявить комиссію мою.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Гдѣ твой мандатъ? Давай его сюда!

Офицеръ подаетъ бумагу. Лепорелло ее раздираетъ.

Вотъ твой мандатъ! И знай, что булла папы
Даетъ мнѣ власть Жуана де-Маранья,
Заблудшую, но кроткую овцу,
Благословить и отъ грѣховъ очистить;
Знай, что сей самый грѣшникъ, донъ-Жуанъ,
Котораго арестовать пришелъ ты,
Моихъ словесъ проникнулся елеемъ,
Отвергъ душой мірскую суету,
И поступаетъ кающимся братомъ,
Въ Севилию, въ картозскій монастырь!
Не такъ ли, сынъ мой?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Такъ, отецъ мой, такъ!

Мнѣ міръ постылъ, я быть хочу монахомъ;
Моей безпутной, неводержной жизни
Позналъ я сквернь, и алчеть безпредѣльно
Душа молитвъ, а тѣло власяницы!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ее ты примешь, сынъ мой, скоро примешь;
Тебѣ лишь испытанье предстоитъ,
И ты монахомъ будешь. Рах vobiscum!

Къ офицеру.

Ну что! Чего стоишь, разиня ротъ?
Ты этого не ожидалъ, безбожникъ?

ОФИЦЕРЪ.

Отецъ...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Отецъ, отецъ! Скажи мнѣ лучше,
Какъ исповѣдь ты нашу смѣлъ прервать?
Ты долженъ быть отъявленный еретикъ!
Распущены вы всѣ, я это вижу;
Но я васъ подтяну. Ты знаешь ли
Желѣзные ботинки? Пытку? Цѣпи?
Тюрьму? Костеръ? Проклятье церкви и...
И прочее, и прочее? А? Знаешь?

ОФИЦЕРЪ.

Я виновать, что васъ прервалъ, но служба...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, ты скажи мнѣ, какъ ты не размыслилъ,
Что прерывать меня есть преступленье?

ОФИЦЕРЪ.

Отецъ мой, какъ я смѣю размышлять?
Начальству долженъ я повиноваться.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Начальству? Да. Но кто твое начальство?

ОФИЦЕРЪ.

Священный трибуналъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Такъ было прежде.
Но съ той поры, какъ я ступилъ на берегъ,
Твое начальство я. Смотри мнѣ въ грудь,
И выражай лицомъ подобострастье,
Довѣрье, благодарность и любовь.
Что есть повиновенье? Отвѣчай!

офицеръ. ОФИЦЕРЪ.

Повиновенье, отецъ мой?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Да!

ОФИЦЕРЪ.

Повиновенье есть...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Неправда! Врешь!

Повиновенье есть то, что если
Я прикажу тебѣ плясать качучу,
То долженъ ты ее плясать, пока...
Пока я не скажу: довольно! Если-жъ
Не хватитъ силъ твоихъ и ты умрешь,
Ты долженъ умереть, а все плясать!
Вотъ что повиновенье. Понимаешь?

ОФИЦЕРЪ.

Отецъ мой...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ? Ты смѣешь отвѣчать?
Епитимью тебѣ! Епитимью!
Бей каждый день сто пятьдесятъ поклоновъ,
И на колѣняхъ тридцать патерностровъ
И пятьдесятъ читай Ave Maria!
Ну, что? Чего стоишь? Бѣги въ Севилью
И объяви, что видѣлъ!

ОФИЦЕРЪ.

Мой отецъ,
Мнѣ письменное нужно приказанье.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну, да, конечно. Я бы посмотрѣлъ,
Какъ ты посмѣлъ бы убѣжать отсюда
Безъ письменнаго приказанья!

Къ донъ-Жуану.

Сынъ мой,

Встань, напиши сейчасъ къ святымъ отцамъ
Цедулу. Я подь ней поставлю крестъ,
Его въ Севильѣ знаютъ, слава Богу!

Донъ-Жуанъ пишетъ и подаетъ бумагу
Лепорелло, который ставитъ крестъ и
передаетъ офицеру.

Вотъ приказанье... На, ступай, да помни:
Ста два поклоновъ! Сорокъ патерностровъ!
И семьдесятъ Ave Maria въ день!

Офицеръ кланяется и уходитъ.

донъ-жуанъ—смотря ему вслѣдъ.

Ушелъ глупецъ. Счастливаго пути!
И всѣ они такого же покроя!
Онъ такъ привыкъ все слушаться начальства,
Что размышлять совсѣмъ уже отвыкъ.
Играть такимъ отродіемъ не трудно,
Лишь стѣитъ подмѣнить начальство. Право,
Какъ вспомню я, что цѣлый родъ людской
Привычекъ служить, подь привычкой гнется,

То стыдъ береть, на эту сволочь глядя,
Что къ ней и я принадлежу!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Морозъ

Меня теперь по кожѣ подираеть,
Когда я вспомню, чѣмъ я рисковаль.
А славную мы выкинули штуку!
Ха, ха! Монахомъ будетъ донъ-Жуанъ!
Пожалуй, изъ монаховъ можно въ пашы!
Сеньоръ, когда вы сдѣлаетесь папой,
Прошу и мнѣ пожаловать мѣстечко.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты былъ бы иневизиторомъ въ Севильѣ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

И строгимъ инквизиторомъ, сеньоръ!
Иль думаете вы, я-бъ не сумѣлъ
Безнравственность преслѣдовать и ересь?
Пусть кто-нибудь осмѣлился-бъ при мнѣ
Жену чужую соблазнить! Пусть слово
Не въ пользу-бъ инквизиціи сказалъ!
Будь онъ хоть шепетунъ, будь онъ заика,
Мнѣ перваго довольно было-бъ слога,
Чтобъ остальные отгадать. Да чтѣ тутъ!
Я мысль его узналъ бы по глазамъ,
По шапкѣ, по походкѣ. Стой, братъ, шутишь—
И тотчасъ на костеръ! Мнѣ не учиться,
Уловки всѣ я знаю наизусть,
На все я въ вашей школѣ насмотрѣлся,
Меня-бъ не провели. А съ новымъ платьемъ
И правила-бъ я новыя надѣлъ,
Вы не узнали бы меня!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не первымъ

И не послѣднимъ былъ бы ты. Однако
Меня продѣлка эта развлекала,
А то съ утра еще мнѣ было какъ-то
Особенно и скучно и досадно.
Скорѣй, скорѣй прожить мнѣ эту жизнь
И весело пробиться до конца!

Эй, Лепорелло! Весь чтобы дворецъ
Быль освѣщенъ, чтобъ музыка гремѣла,
И чтобъ вино всю ночь лилось рѣкой!
Мы на разсвѣтъ подымаемъ яборъ!

НОЧЬ, ОТКРЫТАЯ ГАЛЛЕРЕЯ У МОРЯ. \

Въ глубинѣ видны мачты фелукп. Великолѣпное освѣщеніе и музыка.
За убранными столами сидятъ пираты. Гости сходятся со всѣхъ
сторонъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Всѣхъ звать ко мнѣ! Всѣ дорогіе гости!
Прошу моихъ сосѣдей веселиться
И быть какъ дома!

Къ музыкантамъ.

Эй, играть фанданго!

Музыка и танцы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ—къ Боабдилу.

Никто изъ крейсеровъ васъ не замѣтилъ?

БОАБДИЛЬ.

Никто, сеньоръ, Мы подошли къ дворцу,
Когда ужъ все стемнѣло. Эти псы
Подозрѣвать не могутъ ничего.
Имъ виденъ съ моря блескъ дворцовыхъ оконъ
И музыка веселая слышна;
А убѣжать готовится не такъ,
Чья голова обречена на плаху!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Чтобъ праздникъ нашъ и наше освѣщенье
Казались имъ еще великолѣпнѣй,
Передъ отплытьемъ я зажгу дворецъ—
Пусть это будетъ также утѣшеньемъ
Соотчикамъ моимъ, что не могли
Они Жуана сжечь. Но время терпѣть,
Я вдаль плыву, и требуетъ учтивость
Слѣтъ что-нибудь въ честь родины моей!

Беретъ гитару, строитъ ее и поетъ, глядя на море.

Мирно ночь благовонная
Опустилась окрестъ,
На излучины сонныя
Смотрять тысячи звѣздъ;

Волнѣ влюбленныхъ лобзанія
Раздаются кругомъ,
Тихо дремлетъ Испанія
Упоительнымъ сномъ.

Но нерѣдко, прелестницу
Покидая средь сна,
Я измѣною лѣстницу
Укрѣплялъ у окна.

Такъ и нашъ, о, Испанія,
Я кончаю союзъ
И съ тобой, безъ прощанія,
Навсегда расстаюсь!

ЛЕПОРЕЛЛО—ТИХО КЪ ДОНЪ-ЖУАМУ.

Сеньоръ, два слова! Слова два, не болѣ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—НЕ ОБРАЩАЯ НА НЕГО ВНИ-
манія, переходитъ въ дру-
гой тонъ и продолжаетъ.

То, что снилося мнѣ, того нѣтъ наяву!
Кто мнѣ скажетъ, зачѣмъ, для чего я живу?
Кто мнѣ смыслъ разгадаетъ загадки?
Смысла въ ней безпокойной душой не ищи,
Но какъ камень, сорвавшись съ свистящей пращи,
Такъ лети все впередъ, безъ оглядки!
Невозможенъ мнѣ отдыхъ! Несносенъ покой!
Ужъ я цѣли нигдѣ не ищу никакой,
Жизнь надеждой мою не украшу!
Не упился я ею, какъ крѣпкимъ виномъ,
Но зато я, смѣясь, опрокинулъ вверхъ дномъ
Безполезно шипящую чашу!

ЛЕПОРЕЛЛО—НА УХО ДОНЪ-ЖУАМУ.

Сеньоръ, здѣсь маскированная дама
Желаеть съ вами говорить!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Проси!

Люблю всегда я новыя знакомства.
Немного времени осталось мнѣ,
Но приключенье кстати на отгѣзды!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Пожалуйста, сеньоръ, поосторожнѣй!
Не забывайте, что у женъ мужья;
Хотя, признаться, было бы недурно,
Чтобъ женщины замужнія всѣ были,
А всѣ-бъ мужчины были холостые!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Иди, болтунъ, проси ее сюда!

Донна-Анна подходитъ, въ маскѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ—идеть къ ней навстрѣчу.

Сеньора, какъ я счастливъ...

ДОННА-АННА—снимая маску.

Донъ-Жуанъ...

ДОНЪ-ЖУАНЪ—отступаая.

Вы? Вы? Возможно-ль?

Въ сторону.

Какъ она блѣдна!

ДОННА-АННА.

Я навсегда пришла проститься съ вами...
Услышьте умирающей слова...
Въ моей душѣ нѣтъ болѣе упрековъ,
Я васъ пришла предостеречь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сеньора...

ДОННА-АННА.

Мой срокъ коротокъ... я должна спѣшить...
Послушайте внимательно меня;
Спасенья дверь для васъ еще открыта,

Но скоро будетъ поздно, донъ-Жуанъ...
Я, передъ смертью, вижу вашу участь!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сеньора, что за рѣчи! И зачѣмъ
Вамъ безъ нужды о смерти помышлять?

ДОННА-АННА.

Надѣюсь, вы не думали, что я
Жива останусь, донъ-Жуанъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сеньора,

Быть-можетъ, васъ тревожатъ опасенья...
Но будьте безъ боязни. Честь моя
Мнѣ обо всемъ велитъ хранить молчанье,
А если-бъ кто дерзнулъ подозрѣвать—
Его молчать заставить эта шпага!

ДОННА-АННА.

Оставьте, донъ Жуанъ! Такія рѣчи
Теперь ужъ неумѣстны. Боже мой,
Какъ все мнѣ стало ясно и понятно!
Съ моихъ очей какъ будто спалъ туманъ,
И безъ труда я различаю нить
Запутанныхъ событій и дорогу,
Которой вы къ гибели пришли.
То, что случилось, и что скоро будетъ,
Теперь я разомъ обнимаю. Время,
Мнѣ кажется, исчезло для меня,
И вѣчность началась. Я ошибалась,
Когда васъ обвиняла безпоощадно;
Преступной жизни вашей, донъ-Жуанъ,
Найдутся, я надѣюсь, объясненья,
Которыя смягчатъ Господень судъ,
Но вы спасетесь только покаяньемъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—про себя.

Она теперь вступила въ періодъ
Раскаянья и мыслей религиозныхъ!
Но какъ идти къ ней эти угрызенья!
Исчезла гордость съ блѣднаго чела,

И грусть на немъ явилась неземная...
Вся набожно отдавшись Мадоннѣ,
Она теперь не знаетъ и сама,
Какъ живописно съ гребня кружевнос
Ей падаетъ на плечи покрывало...
Нѣтъ, право, никогда еще досель
Я не видалъ ее такой прекрасной!

ДОННА-АННА.

Покайтесь, донъ-Жуанъ! Еще не поздно!
Я знаю, что въ васъ вѣру погубило:
Искали вы блаженства—есть оно!
Но на землѣ гнались вы напрасно
За тѣмъ, что только въ небѣ суждено.

ДОНЪ-ЖУАНЪ—про себя.

Несчастливая вдалася въ мистицизмъ!
Но взглядъ ея и голосъ музыкальный
Предательски меня обворожаютъ...
Не думалъ я вчера, какъ мы разстались,
Что продолжится чувствъ моихъ обманъ!

ДОННА-АННА.

О, если въ вашей жизни, донъ-Жуанъ,
Хоть что-нибудь вамъ было свято—если
Кого-нибудь хоть разъ любили вы—
О, донъ-Жуанъ, воспоминаньемъ этимъ
Я васъ молю!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—про себя.

Еще единый мигъ—
И я паду къ ея ногамъ. Разсудокъ
Ужъ начинаю я терять. Нѣтъ, нѣтъ!
Прочь, глупый бредъ! Опомнись, донъ-Жуанъ!

Къ доннѣ-Аннѣ.

Осмѣлюсь ли вамъ предложить, сеньора,
Участье въ нашемъ праздникѣ принять?

ДОННА-АННА.

Несчастный! Ослѣпленный! Боже, Боже!
Прости ему! Услышь молитву той,

Которая свою сгубила душу!
Я ухожу... пора... я умираю...

Уходить. Боабдиль подходит къ донъ-Жуану.

БОАБДИЛЬ.

Уже свѣтлѣетъ небо на востокѣ,
Намъ время плыть. Мы ждемъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—въ раздумѣ.

Она сказала:

«Я умираю...» Вздоръ! Не можетъ быть!
Однако, если... если въ самомъ дѣлѣ
Она рѣшилась на самоубійство?

Къ прислугѣ.

Бѣжать за ней! Догнать ее сейчасъ!
Слѣдить за ней! Не выпускать изъ вида!

Лепорелло убѣгаетъ.

БОАБДИЛЬ.

Пора, пора! Когда мы опоздаемъ,
Галеры всѣ погонятся за нами!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Зачѣмъ мое такъ больно сжалось сердце?
Ужели вправду я ее люблю?

БОАБДИЛЬ—топая ногой.

Скорѣй, сеньоръ! Мои матросы ропщутъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—опомнись.

Ступайте къ чорту. Подымайте якорь.
Я остаюсь. Дарю тебѣ фелуку.

БОАБДИЛЬ.

Въ умѣ ли вы, сеньоръ? А инквизицья?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что мнѣ до инквизиціи, до смерти,
Когда, быть-можетъ, вправду я люблю!

БОАВДИЛЪ—въ сторону.

Нѣтъ, онъ съ ума сошелъ. Съ нимъ погибать
Намъ не приходится.

Къ пиратамъ.

Эй, на фелуку!

Суматоха между пиратами. Гости расходятся, зала пустѣеть.

ДОНЪ-ЖУАНЪ—въ сильномъ волненіи.

О, если я не брежу! Если вправду
Люблю ее любовью настоящей!
Какъ будто отъ ея послѣднихъ словъ
Отдернулася предо мной завѣса,
И все иначе вижу я теперь...
Когда она такъ ясно повторила,
Что хочеть умереть, во мнѣ какъ будто
Оборвалось что-то; словно я
Ударъ кинжаломъ въ сердце получилъ—
Еще доселѣ длится это чувство...
Что-жь это, если не любовь? Какимъ
Моя душа исполнилась волненьемъ?
Сомнѣнія исчезли безъ слѣда...
Я снова вѣрю, какъ въ былые дни...
О, я съ ума сойду отъ счастья! Я...
О, Боже, Боже! Я люблю ее!
Люблю тебя! Я твой, о, донна-Анна!
Ко мнѣ! Я твой! Ко мнѣ! Люблю, люблю!

Бѣжить и вдругъ останавливается какъ вкопанный.
Лампы гаснутъ. Входитъ статуя командора.

СТАТУЯ.

Ты звалъ меня на ужинъ, донъ-Жуанъ,—
Я здѣсь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Во снѣ ли я, иль наяву?

СТАТУЯ.

Молись!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не можетъ быть! Неправда! Сонъ!
Не онъ стоитъ изъ камня предо мной—

Воображенъе мнѣ на умъ приводитъ
Убитаго отца! Прочь, призракъ! Прочь!

Статуя стоитъ неподвижно. Молчаніе.

М... ДОНЪ-ЖУАНЪ.
Спирается дыханье... бьются жилы...
Разсудокъ мой туманится...

СТАТУЯ.

Молись!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ ухахъ шумить... темнѣеть зрѣнье... Прочь!
Прочь! Пропусти меня! Гдѣ донна-Анна?

СТАТУЯ.

Молись!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Гдѣ донна-Анна?

СТАТУЯ.

Отравилась. *...*

ДОНЪ-ЖУАНЪ—хватаясь за сердце.

О, что со мною?

СТАТУЯ.

Ты любилъ ее

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Остыла кровь и сердце холодѣетъ!

СТАТУЯ.

Подумай о душѣ.

...
ДОНЪ-ЖУАНЪ—воспрянувъ отъ оцѣпенѣнія.

Смерть и проклятье!

Къ чему душа, когда любовь погибла!

Теперь мнѣ болѣ нечего терять—

И смерть и адъ на бой я вызываю!

Бросается со шпагою на статую. Шпага ломается. Молчаніе.

СТАТУЯ.

Твой часъ пробилъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ—въ отчаяніи.

Любилъ я! Горе, горе!

Въ нее повѣривъ, я повѣрилъ въ Бога—
Но поздно. Все погибло съ нею—все—
И злѣе прежнихъ эта злая шутка!

СТАТУЯ.

Въ послѣдній разъ, молися!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—въ бѣшенствѣ.

Не хочу!

Клянупо молитву, рай, блаженство, душу—
И какъ въ безвѣрѣ я не покорялся,
Такъ, вѣрящій, теперь не покорюсь!

СТАТУЯ—касающаяся рукою донъ-Жуана.

Погибни-жь, червь!

Донъ-Жуанъ падаетъ; статуя исчезаетъ.

ДУХИ—являются съ неба.

Назадъ, слѣпая сила!

Оставь того, кто вѣруетъ и любитъ!

САТАНА—вырастаетъ изъ земли.

Онъ мой! Отвергъ онъ покаянье!
Онъ богохульствуетъ! Онъ мой!

ДУХИ.

Его спасетъ любви сознанье.
Не конченъ путь его земной!

САТАНА.

Нѣтъ, это противъ договора!
Ужъ адъ надъ нимъ разинулъ пасть!
Хватай его, статуя командора,
Какъ исполнительная власть!

Статуя стоитъ неподвижно.

Межъ двухъ начальствъ колеблется усердье,
И преданность вдругъ чувствуетъ зазоръ?

Хватай его, на зло землѣ и тверди—
Иль провались, булыжный командоръ!

Статуя проваливается. Духи становятся между Сатаной и донъ-Жуаномъ, который падаетъ въ обморокъ. Сатана исчезаетъ.

ДУХИ.

Пути Творца необъяснимы, *profane*

Его судьбъ таинственъ ходъ,

Всю жизнь обманами водимый

Теперь къ сознанию придеть!

Любовь есть сердца покаянье, *Love is repentance*

Любовь есть вѣры ключъ живой, *of the key*

Его спасеть любви сознание,

Не конченъ путь его земной!

Исчезаютъ.

УТРО.

Донъ-Жуанъ лежитъ на кровати безъ чувствъ. Лепорелло старается привести его въ память.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сеньоръ, очнитесь! Добрыя извѣстья! -

Очнитесь, сеньоръ!

Въ сторону.

Съ чего вчера

Онъ въ обморокъ упалъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ—приходитъ въ себя.

Тяжелый сонъ!

Ужасныя во мнѣ воспоминанья

Остались отъ него.

Увидя Лепорелло.

Ты здѣсь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Да, да,

Я съ вами, здѣсь, и радостную новость

Я вамъ принесъ: во-первыхъ, та галера...

ДОНЪ-ЖУАНЪ—вскакивая съ кровати.

Гдѣ донна-Анна?

ЛЕПОРЕЛЛО—пожимая плечами.

Кончена история!

Близъ нашей виллы трупъ ея нашли—
Но слушайте извѣстія, сеньоръ:
Во-первыхъ, та галера, на которой
Плылъ донъ-Иеронимо, разбита бурей,
И самъ онъ потонулъ; а во-вторыхъ,
Всѣ члены Sant'Officio смѣнены.
На мѣсто ихъ назначены другіе,
И вашъ процессъ покамѣстъ прекращенъ.
Вы можете свое обдѣлать дѣло.
Да, да, сеньоръ, позвольте васъ поздравить!

ДОНЪ-ЖУАНЪ—въ изнеможеніи опускался
въ кресла.

Она погибла. Это былъ не сонъ.
Изо всего, что въ эту ночь случилось,
Мнѣ ясно лишь одно: она погибла!
Все остальное, можетъ-быть, мечта—
Но это правда!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Стѣитъ ли, сеньоръ,
Такъ долго размышлять объ этомъ? Право,
Какъ будто это первый случай съ нами?

ДОНЪ-ЖУАНЪ—въ раздумьѣ

Я мнилъ возстать какъ ангель-истребитель,
Войну хотѣлъ я жизни объявить—
И, вмѣстѣ съ ложью, то, что было чисто,
Свѣтло какъ день, какъ истина правдиво,
Въ безуміи ногами я попралъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что-жь дѣлать! Вы отыщете другую,
Отъ васъ зависить снова закутить!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Законъ вселенной—это равновѣсье.
Возмездьями лишь держится она.
Но чѣмъ вознаграждать, что я разрушилъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

На вашемъ мѣстѣ, я-бъ сейчасъ въ Севилью
Отправился и прерванныя связи-бъ
Связалъ опять, да золота побольше
Разсыпалъ бы направо и налѣво!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Какъ я былъ слѣпецъ! Какъ счастье было близко!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сеньоръ, развеселитесь! Ей же Богу,
Я васъ не узнаю.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Чѣмъ кончу я?

Искать любви мнѣ болѣ невозможно,
А жизни мстить я право потерялъ.

Убить себя? То было бы легко:

Несостоятельные должники

Выходятъ часто такъ изъ затрудненья;

Но этимъ долга выплатить нельзя—

Я долженъ жить. Я умереть не смѣю!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Храни насъ Богъ! Зачѣмъ намъ умирать!
Давайте жить, сеньоръ, и веселиться!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я долженъ жить. И жаль, что слишкомъ скоро
Меня избавить смерть отъ этой муки.
О, если-бъ могъ я вѣчно, вѣчно жить!

ЛЕПОРЕЛЛО.

По крайней мѣрѣ, сколько можно долѣ.
Теперь, сеньоръ, намъ нечего бояться!
Теперь все тринь-трава!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Оставь меня!

Лепорелло уходитъ; донъ-Жуанъ облакачивается
на столъ и закрываетъ лицо руками.

ЭПИЛОГЪ.

МОНАСТЫРЬ БЛИЗЪ СЕВИЛЫ.

Престарѣлый настоятель сидитъ въ креслахъ. Передъ нимъ стоитъ монахъ.

НАСТОЯТЕЛЬ.

Какъ чувствуетъ себя больной?

МОНАХЪ.

Отецъ мой,
Все въ томъ же положеніи братъ Жуанъ:
Болѣзни въ немъ совсѣмъ почти не видно
Но съ каждымъ часомъ пульсъ его слабѣй.

НАСТОЯТЕЛЬ.

Душевная болѣзнь его снѣдаетъ.
Раскаянья такого постоянство
Высокій есть для братіи примѣръ.
До сей поры онъ ходитъ въ власяницѣ,
Ни разу онъ не снялъ своихъ веригъ.
Я не видалъ подобнаго смиренья!

МОНАХЪ.

Вчера къ себѣ онъ призывалъ всю братью
У каждаго прощенья онъ просилъ
И каялся въ грѣхахъ передо всѣми.

НАСТОЯТЕЛЬ.

Намъ исповѣдь его давно извѣстна:
Владѣла имъ когда-то суета,
Шептала на ухо мірская прелесть
И напечатала много грѣшныхъ дѣлъ.

Но онъ ужъ ихъ загладилъ покаяньемъ,
А все еще покоя нѣтъ ему!
Доселѣ все не хочетъ онъ постричься—
Достойнымъ не находитъ онъ себя.

МОНАХЪ.

Своей онъ смерти чувствуетъ приближенье.
И насъ просилъ, въ послѣднюю послугу,
Похоронить его на томъ кладбищѣ,
Гдѣ тѣло командора донъ-Альвара,
Убитаго имъ нѣкогда, лежитъ,
И гдѣ потомъ была погребена
Дочь командора, донна-Анна.

НАСТОЯТЕЛЬ.

Это

Съ уставомъ нашимъ было-бъ несогласно.
У насъ для братій общее кладбище;
Особеннаго мѣста выбирать
Никто себѣ не воленъ. Впрочемъ, онъ
Не произнесъ послѣдняго обѣта
И въ этомъ смыслѣ есть еще мирянинъ.
Да сбудется его желанье.

ДРУГОЙ МОНАХЪ—входитъ.

Отче,

● Пожалуй въ келью, братъ Жуанъ отходить!

Слышно протяжное пѣніе. Входитъ, попарно,
братія съ зажженными свѣчами.

ХОРЪ МОНАХОВЪ.

Съ нашей жизнью вѣчно смежная,
Вѣчно ищущая насъ,
Смерть приходитъ, неизбѣжная,
Въ каждый день и въ каждый часъ.
Благо, благо недремавшему,
Мирно гостю ожидавшему,
Неусыпно посылавшему
Къ небесамъ молящій гласъ!

НАСТОЯТЕЛЬ—вставая.

Подайте мнѣ мой посохъ. И сказать,
Чтобы въ отходный колоколь звонили.

ХОРЪ МОНАХОВЪ.

Въ это страшное мгновение
Ты услышь его, Господь!
Дай ему успокоеніе,
Дай послѣднее мученіе
Упованьемъ побороть! *conquer*
Мысли прежнія, крамольныя, *sedition*
Обращенному прости,
Отыми земное, дольное,
Дай усненіе безбольное,
И невольное и вольное
Прегрѣшенъе отпусти!

Раздаются мѣрные удары отходнаго колокола.

Мы моленіе соборное
Нынѣ шлемъ къ Тебѣ, Господь:
Въ жизни—долѣ непокорная,
Скоро прахомъ будетъ плоть,
Въ дни бывые дерзновеннаго
Скоро кончится борьба;
Ты-жъ помилуй сокрушеннаго, *conquered*
Нынѣ вѣрою смиреннаго
Въ вѣчный міръ отъ міра брэннаго *stern*
Отходящаго раба!

Процессія уходитъ, попарно, вслѣдъ за настоятелемъ. Слышно постепенно удаляющееся пѣніе, сопровождаемое колокольнымъ звономъ.

БЫЛИНЫ, БАЛЛАДЫ, ПРИТЧИ.

ВОЛКИ.

Когда въ сѣлахъ пустѣеть,
Смолкнуть пѣсни селянъ,
И сѣдой забѣлѣть
Надъ болотомъ туманъ,
Изъ лѣсовъ тихомолкомъ
По полямъ волкъ за волкомъ
Отправляются всѣ на добычу.

Семь волковъ идутъ смѣло;
Впереди ихъ идетъ
Волкъ осьмой, шерсти бѣлой;
А таинственный ходъ
Заключаетъ девятый;
Съ окровавленной пятой
Онъ за ними идетъ и хромаеть.

Ихъ ничто не пугаетъ:
На село ли имъ путь,
Пѣсь на нихъ и не лаеъ,
А мужикъ и дохнуть,
Видя ихъ, не посмѣеть;
Онъ отъ страха блѣднѣетъ
И читаетъ тихонько молитву.

Волки церковь обходятъ
Осторожно кругомъ,
Въ дворъ поповскій заходятъ
И шевелятъ хвостомъ;
Близъ корчмы водятъ ухомъ
И внимаютъ всѣмъ слухомъ:
Не ведутся-ль тамъ грѣшныя рѣчи?

Ихъ глаза словно свѣчи,
Зубы шила острѣй;
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стрѣляй по нимъ смѣло!
Прежде рухнетъ волкъ бѣлый,
А за нимъ упадутъ и другіе.

На селѣ-жъ, когда спящихъ
Всѣхъ разбудить пѣтухъ,
Ты увидишь лежащихъ
Девять мертвыхъ старухъ:
Впереди ихъ сѣдая,
Позади ихъ хромая,
Всѣ въ крови — съ нами сила Господня!

* * *

Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы,
Гдѣ лѣтнее солнце печётъ,
Летаютъ и пляшутъ стрекозы,
Веселый ведутъ хороводъ:

«Дитя, подойди къ намъ поближе;
«Тебя мы научимъ летать!
«Дитя, подойди, подойди же,
«Пока не проснулася мать!

«Подъ нами трепещутъ былинки,
«Намъ такъ хорошо и тепло,
«У насъ бирюзовыя спинки,
«А крылышки точно стекло.

«Мы пѣсенокъ знаемъ такъ много,
«Мы такъ тебя любимъ давно..
«Смотри, какой берегъ отлогій,
«Какое песочное дно!»

КНЯЗЬ РОСТИСЛАВЪ.

Баллада.

Уношу Князю Ростиславу затвори
Днѣпръ темѣ березѣ.

Слово о полку Игоревѣ.

Князь Ростиславъ, въ землѣ чужой,
Лежить на днѣ рѣчномъ,
Лежить въ кольчугѣ боевой,
Съ изломаннымъ мечомъ.

Днѣпра подводныя красы
Лобзаться любятъ съ нимъ
И гребнемъ витязя власы
Расчесывать златымъ.

Его напрасно день и ночь
Княгиня дома ждетъ:
Ладья его умчала прочь—
Назадъ не принесеть.

Въ глухомъ лѣсу, въ землѣ чужой,
Въ рѣкѣ его приютъ.
Ему попы за упокой
Молитвы не поютъ;

Но съ нимъ подводныя красы,
Съ нимъ дѣвѣ веселыхъ рой,
И чешетъ витязя власы
Ихъ гребень золотой.

Когда же на-берегъ Посвистъ
Сѣдыя волны мчитъ,

Въ лѣсу кружится желтый листь,
Ярьсь, Перунъ гремитъ,

Тогда, отъ сна на днѣ рѣчномъ
Внезапно пробудясь,
Очами мутными кругомъ
Взираетъ бѣдный князь.

Жену младую онъ зоветъ—
Увы! Его жена,
Прождавъ напрасно цѣлый годъ,
Съ другимъ обручена.

Зоветъ къ себѣ и брата онъ,
Его обнять бы радъ,—
Но, сонмомъ гридней окруженъ,
Пируетъ дома братъ.

Зоветъ онъ кievскихъ поповъ,
Велитъ себя отпѣть,
Но до отчизны слабый зовъ
Не можетъ долетѣть;

И онъ, склонясь на ржавый щитъ,
Опять тяжелымъ сномъ
Въ кругу русалокъ юныхъ спитъ,
Одинъ на днѣ рѣчномъ.

КУРГАНЪ.

Въ степи, на равнинѣ открытой,
Курганъ одинокій стоитъ;
Подъ нимъ богатырь знаменитый
Въ минувшіе вѣки зарыть.

Въ честь витязя тризну свершали,
Дружина дралася три дня,
Жрецы ему разомъ заклали
Всѣхъ женъ и любимца-коня.

Когда же его схоронили
И шумъ на могилѣ затихъ,
Пѣвцы ему славу сулили,
На гусяхъ гремя золотыхъ:

«О, витязь, дѣлами твоими
«Гордится великій народъ!
«Твое громоносное имя
«Столѣтія всѣ перейдетъ!

«И если курганъ твой высокій
«Сравнялся бы съ полемъ пустымъ,
«То слава, разлившись далеко,
«Была бы курганомъ твоимъ!»

И вотъ миновалися годы,
Столѣтія вслѣдъ протекли,
Народы смѣнили народы,
Лицо измѣнилось земли;

Курганъ же съ высокой главою,
Гдѣ витязь могучій зарыть,
Еще не сравнялся съ землею,
Попрежнему гордо стоитъ;

А витязя славное имя
До нашихъ временъ не дошло.
Кто былъ онъ? Вѣнцами какими
Свое онъ украсилъ чело?

Чью кровь проливалъ онъ рѣкою?
Какіе онъ жѣгъ города?
И смертию погибъ онъ какою?
И въ землю опущенъ когда?

Безмолвенъ курганъ одинокій,
Наѣздникъ державный забыть,
И тризны въ пустынь широкой
Никто ужъ ему не свершить.

Лишь мимо кургана мелькаетъ
Сайгакъ, черезъ поле скача,
Иль вдругъ на него налетаетъ,
Крылами треща, саранча;

Порой журавлиная стая,
Окончивъ подоблачный путь,
Къ кургану шумить, подлетая,
Садится на немъ отдохнуть;

Тушканчикъ порою проскачетъ
По немъ, при мерцаніи дня,
Иль всадникъ высоко маячитъ
На немъ удалого коня;

А слезы прольютъ развѣ тучи,
Надъ степью плывя въ небесахъ,
Да вѣтеръ лишь свѣтъ летучій
Съ кургана забытаго прахъ.

БОГАТЫРЬ.

По русскому славному царству,
На клячѣ разбитой верхомъ,
Одинъ богатырь разѣзжаетъ
И взадъ, и впередъ, и кругомъ.

Покрыть онъ дырявой рогожей,
Мочалы вокругъ салоговъ,
На брови надвинута шапка,
За пазухой пѣннику штофъ.

«Ко мнѣ, горемычные люди,
«Ко мнѣ, молодцы, поскорѣй!
«Ко мнѣ, молодицы и дѣвки,—
«Отвѣдайте водки моей!»

Онъ потчуетъ всѣхъ безъ разбору,
Гроша ни съ кого не беретъ,
Встрѣчаетъ его съ хлѣбомъ-солью,
Честить его русскій народъ.

Красивъ ли онъ, старъ, или молодъ—
Никто не замѣтилъ того;
Но ссоры, болѣзни и голодъ
Плетутся за клячей его.

И кто его водки отвѣдалъ,
Отъ ней не отстанетъ никакъ,
И всадникъ его провожаетъ
Услужливо въ ближній кабакъ.

Стучать и расходятся чарки,
Трехпробное льется вино,
Въ кабакъ, до послѣдней рубахи,
Добро мужика снесено.

Стучать и расходятся чарки,
Питейное дѣло растеть,
Жида богатѣють, жирѣють,
Бѣднѣеть, худѣеть народъ.

Со службы домой воротился
Въ деревню усталый солдатъ;
Его угощаютъ родные,
Вкругъ штофа горѣлки сидять.

Приходу его они рады,
Но вотъ ужъ играетъ вино,
По жиламъ бѣжить и струится
И головы кружить оно.

«Да что, — говорятъ ему братья:—
«Ужъ нешто ты намъ и старшій?
«Вѣдь мы-то трудились, пахали,
«Не станемъ дѣлиться съ тобой!»

И ссора межъ нихъ закипѣла,
И подняли бабы содомъ,
Солдатъ ихъ ружейнымъ прикладомъ,
А братья его топоромъ!

Сидѣлъ надъ картиной художникъ,
Онъ Божию Матерь писалъ,
Любилъ какъ дитя онъ картину,
Онъ ею и жилъ и дышалъ;

Впередъ подвигался дѣло,
Порой на него съ полотна
Съ улыбкой Святая глядѣла,
Его ободряла она.

Струстнулося разъ живописцу,
Онъ съ горя горѣлки хватилъ—
Забылъ онъ свою мастерскую,
Свою Богоматерь забылъ.

Весь день онъ валяется, пьяный,
И въ руки кистей не беретъ—
Межь тѣмъ, подъ рогожею, всадникъ
На клячѣ плетется впередъ.

Работаютъ въ полѣ ребята
И градомъ съ нихъ катится потъ,
И имъ, въ умиленіи, всадникъ
Орлёный свой штофъ отдастъ.

Пошла между ними потѣха!
Трехпробное льется вино,
По жиламъ бѣжить и струится
И головы кружить оно.

Бросають они свои сохи,
Готовятъ себѣ кистени,
Идутъ на большую дорогу,
Купцовъ поджидаютъ они.

Былъ сынъ у родителей бѣдныхъ;
Любовью къ наукѣ влекомъ,
Семью онъ свою оставляетъ
И въ городъ приходитъ пѣшкомъ.

Онъ трудится денно и ночью,
Покою себѣ не даетъ,
Онъ терпитъ и голодъ и холодъ,
Но движется быстро впередъ.

Однажды, въ дождливую осень,
Въ одномъ переулкѣ глухомъ,
Ему попадается всадникъ,
На клячѣ разбитой верхомъ.

«Здорово, товарищъ, дай руку!
«Никакъ ты, бѣдняга, продрогъ?»
«Что-жъ, выпьемъ за Русь и науку!
«Я самъ имъ служу, видитъ Богъ!»

Отъ стужи, иль отъ голодухи,
Прельстился на водку и ты—
И вотъ потонули въ сивухѣ
Родныя, святыя мечты!

За пьянство изъ судной управы
Повытчика выгнали разъ;
Теперь онъ крестьянамъ, на сходкѣ,
Читаетъ подложный указъ:

Лукаво толкуеть свободу
И бочками водку сулить;
«Нѣтъ болѣ оброковъ, ни барщинъ;
«Того-де законъ не велить.

«Теперь, вишь, другіе порядки.
«Знай, пей, молодець, не тужи!
«А лучше чтобъ спорилось дѣло,
«На то топоры и ножи!»

А всадникъ на клячѣ не дремлетъ,
Онъ ѣдетъ и свищетъ въ кулакъ;
Гдѣ кляча ударить копытомъ,
Тамъ тотчасъ стоять и кабакъ.

За двѣсти мильоновъ Россія
Жидами на откупъ взята—
За тридцать серебряныхъ денегъ
Они же купили Христа.

И много Понтійскихъ Пилатовъ
И много лукавыхъ Іудъ
Отчизну свою распинають,
Христа своего продають.

Стучать и расходятся чарки,
Рѣкою бушуетъ вино,
Уносятъ деревни и села
И Русь затопляетъ оно.

Дерутся и рѣжуются братья,
И мать дочерей продаетъ,
Плачь, пѣсни, и вой и проклятья—
Питейное дѣло растеть!

И гордо на клячѣ гарцуеть
Теперь богатырь удалой;
Ужъ сбросилъ съ себя онъ рогожу,
Онъ шапку сымаетъ долой:

Гарцуетъ оглоданный остовъ,
Вѣнецъ на плѣшивомъ челѣ,
Вѣнецъ изъ разбитыхъ бутылокъ
Блестить и сверкаетъ во мглѣ,

И черепъ безглазый смѣется:
«Призванье мое свершено!
«Не даромъ же имъ достается
«Мое даровое вино!»

* * *

Въ колоколь, мирно дремавшій, съ нелёта тяжелая бомба
Грянула. Съ трескомъ кругомъ отъ нея разлетѣлись
осколки.

Онъ же вздрогнулъ — и къ народу могучіе мѣдныя звуки
Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой созывая.

НОЧЬ ПЕРЕДЪ ПРИСТУПОМЪ.

Поляки ночью темною,
Предъ самымъ Покровомъ,
Съ дружиною наёмною
Сидятъ передъ огнемъ.

Исполнены отвагою,
Поляки крутятъ усь,
Пришли они ватагою
Громить святую Русь.

И съ польскою державою
Пришли изъ разныхъ странъ,
Пришли войной неправою
Враги на россіянь.

Тутъ вдлохи усатые
И угры въ чекменяхъ,
Цыгане бородатые
Въ косматыхъ козухахъ...

Валя толпою пѣгою,
Пришла за ратью рать,
Съ Лисовскимъ и съ Салѣгою
Престоль нашъ воевать.

И вотъ, махая бурками
И шпорами звеня,
Веселыми мазурками
Вкругъ яркаго огня

Съ ухватками удалыми
Несутся ихъ ряды,
Гремя, звеня цимбалами,
Кричать, поють жиды,

Бренчать цыганки бубнами,
Наѣздники шумять,
Дѣлами душегубными
Грозить ихъ ярый взглядъ,

И всѣ стучать стаканами:
«Да здравствуетъ Литва!»
Такъ возгласами пьяными
Встрѣчаютъ Покрова.

А тамъ, едва замѣтная,
Межъ сосенъ и дубовъ,
Во мглѣ стоитъ завѣтная
Обитель чернецовъ.

Монахи съ вѣрой пламенной
Во тьму вперили взоръ,
Вокругъ твердыни каменной
Ведутъ ночной дозоръ.

Среди мечей зазубренныхъ,
Въ священныхъ стихаряхъ
И въ панцѣряхъ изрубленныхъ,
И въ шлемахъ, и въ тафѣяхъ,

Всю ночь они морозную,
До утренней поры
Рукою держать грозною
Кресты иль топоры.

Священное ихъ пѣніе
Вторить высокій храмъ,
Желѣзное терпѣніе
На диво ихъ врагамъ.

Не разъ они, предъ битвою,
Презрѣвъ ночной покой,
Смиренною молитвою
Встрѣчали день златой;

Не разъ, сверкая взорами,
Они въ глубокой ровъ
Сбивали шестопёрами
Литовскихъ удалцовъ.

Ни на-день въ ихъ обители
Гласъ Божій не затихъ;
Блаженные святители,
Въ окладахъ золотыхъ,

Глядятъ на нихъ съ любовію,
Святыхъ ликуеть хоръ:
Они свою кровію
Литвъ дадутъ отпоръ!

Но, чу! Тамъ пушка грянула,
Во тьмѣ огонь блеснулъ,
Рать вражая воспрянула,
Раздался трубный гулъ!..

Молитесь Богу, братія!
Начнется скоро бой!
Я слышу ихъ проклятія,
И гиканье, и вой;

Несчетными станицами
Идутъ они вдали—
Приляжемъ за бойницами,
Раздуемъ фитили!

КНЯЗЬ МИХАЙЛО РЕПНИНЪ.

Безъ отдыха пируетъ съ дружиной удалой
Иванъ Васильичъ Грозный подь матушкой-Москвой.

Ковшами золотыми столовъ блистаетъ рядъ,
Разгульные за ними опричники сидятъ.

Съ вечерни льются вина на царскіе ковры,
Поютъ ему съ полночи лихіе гуслиры;

Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ времёнъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

Но голосъ прежней славы царя не веселитъ,
Подать себѣ личину онъ кравчему велитъ.

«Да здравствуютъ тіуны, опричники мои!
«Вы-жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!

«Себѣ личину, други, пусть каждый изберетъ—
«Я первый открываю веселый хороводъ!

«За мной, мои тіуны, опричники мои!
«Вы-жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!»

И всѣ подъяли кубки. Не поднялъ лишь одинъ,
Одинъ не поднялъ кубка, Михайло князь Репнинъ.

«О, царь, забылъ ты Бога! Свой санъ ты, царь, забылъ!
«Опричниной на горе престолъ свой окружилъ!

«Разсыпъ державнымъ словомъ дѣтей бѣсовскихъ рать!
«Тебѣ ли, властелину, здѣсь въ машкерѣ плясать!»

Но царь, нахмурия брови: «Въ умѣ ты, знать, ослабъ,
«Или хмелѣнь не въ мѣру? Молчи, строптивый рабъ!»

«Не возражай ни слова и машкеру надѣнь—
«Или клянусь, что прожилъ ты свой послѣдній день!»

Тутъ всталъ и поднялъ кубокъ Репнинъ, правдивый князь:
«Опричина да сгинеть!» онъ рекъ, перекрестясь,

«Да здравствуетъ вовѣки нашъ православный царь!
«Да править человекъ, какъ правилъ ими встарь!»

«Да презреть, какъ измѣну, безстыдной лести гласъ!
«Личины-жъ не надѣну я въ мой послѣдній часъ!»

Онъ молвилъ и ногами личину растопталъ,
Изъ рукъ его на землю звенящій кубокъ палъ...

«Умри же, дерзновенный!» царь вскрикнулъ, разъярясь—
И палъ, жезломъ пронзенный, Репнинъ, правдивый князь.

И вновь подъяты кубки, ковши опять звучать,
За длинными столами опричники шумять,

И смѣхъ ихъ раздаётся, и пиръ опять кипить—
Но звонъ ковшей и кубковъ царя не веселить:

«Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
«Вкушать веселье нынѣ я болѣ не могу!»

Напрасно лютя вина на царскіе ковры,
Поютъ царю напрасно лихіе гусяры,

Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ времёнъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнь.

ВАСИЛІЙ ШИБАНОВЪ.

В А Л Л А Д А.

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
Съ нимъ Васька Шибановъ, стремянный.
Дородень былъ князь, конь измученный палъ—
Какъ быть среди ночи туманной?
Но, рабскую вѣрность Шибановъ храня,
Свою отдаетъ воеводѣ коня:
«Скачи, князь, до вражьяго стану,
«Авось я пѣшій не отстану!»

И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ
Опальный сидитъ воевода;
Стоять въ изумленьи литовцы кругомъ,
Безъ шапокъ толпятся у входа,
Всякъ русскому витязю честь воздаетъ,
Недаромъ дивится литовскій народъ,
И ходятъ ихъ головы кругомъ:
«Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ!»

Но князя не радуешь новая честь,
Исполненъ онъ желчи и злобы;
Готовится Курбскій царю перечестъ
Души оскорбленной зазнобы:
«Что долго въ себѣ я таю и ношу,
«То все я пространно къ царю напишу,
«Скажу напрямикъ, безъ изгиба,
«За всѣ его ласки спасибо!»

И пишетъ бояринъ всю ночь напролетъ,
Перо его местію дышитъ;
Прочтетъ, улыбнется, и снова прочтетъ,
И снова безъ отдыха пишетъ,
И злыми словами язвить онъ царя,

И вотъ ужъ, когда занялася заря,
Поспѣло, ему на отраду,
Посланіе, полное яду.

Но кто-жъ дерзновенныя князя слова
Отвезть Іоанну возьмется?
Кому не любя на плечахъ голова,
Чье сердце въ груди не сожмется?
Невольно сомнѣнья на князя нашли...
Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и въ пыли:
«Князь, служба моя не нужна ли?
«Вишь, наши меня не догнали!»

И въ радости князь посылаетъ раба,
Торопить его въ нетерпѣнны:
«Ты тѣломъ здоровъ, и душа не слаба,
«А вотъ и рубли въ награжденье!»
Шибановъ въ отвѣтъ господину: «Добро!
«Тебѣ здѣсь нужныѣе твое серебро,
«А я передамъ и за мѹки
«Письмо твое въ царскія руки!»

Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой,
Царь, въ смиренной одеждѣ, трезвонитъ.
Зоветь ли обратно онъ прежній покой,
Иль совѣсть навѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ въ колоколь бѣтъ,
И звону внимаютъ московскій народъ
И молится, полный боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни.

Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
Звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютой,
Звонитъ всей опрични кромѣшная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тутъ же, гордяся своею красой,
Съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
Любимецъ звонитъ Іоанновъ,
Отверженный Богомъ, Басмановъ.

Царь кончилъ; на жезлъ опираясь, идетъ
И съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье—
Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигаетъ народъ,
Надъ шалкою держитъ посланье.

И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой,
Къ царю Іоанну подходитъ пѣшодій
И молвить ему, не блѣднѣя:
«Отъ Курбскаго, князя Андрея!»

И очи царя загорѣлися вдругъ:
«Кто мнѣ? Отъ злодѣя лихого?
«Читайте же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ
«Посланье отъ слова до слова!»
— «Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ!»
И въ ногу Шибанова острый конецъ
Жезла своего онъ вопзаетъ,
Налегъ на костыль — и внимаеть:

«Царю, прославляему древле отъ всѣхъ;
«Но тонушу въ сквернахъ обильныхъ!
«Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
«Побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?»
«Отвѣтствуй, не импль среди тяжелой войны,
«Безъ счета твердыни враговъ сражены?
«Не ихъ ли ты мужествомъ славенъ?
«И кто имъ бысть вѣрностью равенъ?»

«Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ,
«Въ небытную ересь прельщенный?
«Внимай же! Придетъ возмездія часъ,
«Писаніемъ намъ предреченный,
«И азъ, иже кровь, въ непрестанныхъ бояхъ,
«За тя, аки воду, ляхъ и ляхъ,
«Съ тобою предъ Судьею предстану!»
Такъ Курбскій писалъ къ Іоанну.

Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
Кровь алымъ струилася токомъ,
И царь на спокойное око слуги
Взиралъ испытующимъ окомъ.
Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ,
Былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
Какъ будто исполненъ печали,
И всѣ, въ ожиданьи, молчали.

И молвилъ такъ царь: «Да, бояринъ твой правъ,
«И нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной!
«Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ;

«Я пёсь недостойный и смрадный!
«Гонецъ, ты не рабъ, но товарищъ и другъ,
«И много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
«Что выдалъ тебя за безцѣнокъ!
«Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ!»

Пытають и мучать гонца палачи,
Другъ къ другу приходятъ на смѣну.
«Товарищей Курбскаго ты уличи,
«Открой ихъ собачью измѣну!»
И царь вопрошаетъ: «Ну что же гонецъ?
«Назвалъ ли онъ вора друзей наконецъ?»
— «Царь, слово его все едино:
«Онъ славить своо господина!»

День меркнетъ, приходитъ ночная пора,
Скрипять у застѣнка ворота,
Заплечные входятъ опять мастера,
Опять началась работа.
«Ну что же? Назвалъ ли злодѣевъ гонецъ?»
— «Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ,
«Но слово его все едино:
«Онъ славить своо господина!»

«О, князь, ты, который предать меня могъ
«За сладостный мигъ укоризны,
«О, князь, я молю, да проститъ тебѣ Богъ
«Измѣну твою предъ отчизной!
«Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
«Языкъ мой нѣмѣеть и взоръ мой угасъ,
«Но въ сердцѣ любовь и прощенье—
«Помилуй мои прегрѣшенья!

«Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
«Прости моего господина!
«Языкъ мой нѣмѣеть и взоръ мой угасъ,
«Но слово мое все едино:
«За грознаго, Боже, царя я молюсь,
«За нашу святую, великую Русь—
«И твердо жду смерти желанной!»
Такъ умеръ Шибановъ, стремянный.

СТАРИЦКІЙ ВОЕВОДА.

Когда былъ обвиненъ старицкій воевода,
Что, гордый знатностію и древностію рода,
Присвоить онъ себѣ мечтаетъ царскій санъ,
Предстать ему велѣлъ предъ очи Іоаннъ.
И осужденному поднесъ вѣнецъ богатый,
И ризою облекъ изъ жемчуга и злата,
И бармы возложилъ, и самъ на свой престоль,
По шелковымъ коврамъ, виновнаго возвелъ.
И, взоръ предъ нимъ склонивъ, онъ палъ среди палаты
И въ землю кланяясь, съ покорностію, трикраты,
Сказалъ: «Доволенъ будь въ величїи своемъ,
«Се азъ, твой рабъ, тебѣ на царствѣ бью челомъ!»
И вспрянувъ тотъ же часъ со злобой беспощадной,
Онъ въ сердце ножъ ему вонзилъ рукою жадной
И, ликъ свой наклоня надъ сверженнымъ врагомъ,
Онъ наступилъ на трупъ узорнымъ сапогомъ
И въ очи мертвыя глядѣлъ — и въ дрожи зыбкой
Державныя уста змѣилися улыбкой.

Ходить Спѣсь, надуваючись,
Съ боку на-бокъ переваливаясь.
Ростомъ-то Спѣсь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на немъ во цѣлу, сажень,
Пузо-то его все въ жемчугѣ,
Сзади-то у него раззолочено.
А и зашелъ бы Спѣсь къ отцу, къ матери,
Да ворота не крашены!
А и помолился-бъ Спѣсь во церкви Божіей,
Да полъ не метѣнь!
Идетъ Спѣсь, видитъ: на небѣ радуга;
Повернулъ Спѣсь во другую сторону:
Не пригоже-де мнѣ нагибаться!

ЧУЖОЕ ГОРЕ.

Въ лѣстную чашу богатырь при лунѣ
Въѣзжаетъ, въ блестящемъ уборѣ;
Онъ въ остромъ шоломѣ, въ кольчатой бронѣ,
И свистнулъ безопасно, бочась на конѣ:
«Какое мнѣ дѣется горе!»

И ѣдетъ онъ рысью, гремя и звеня,
Стучать лишь о корни копыта—
Вдругъ съ дуба къ нему кто-то прыгъ на коня—
«Эй, кто за плечами тамъ сѣлъ у меня?
«Со мной, берегись, не шути ты!»

И щупаетъ онъ у себя за спиной,
И шарить съ досадой во взорѣ,
Но внемлетъ отвѣтъ: «Я тебѣ не чужой,
«Ты, чай, объ усобицѣ слышалъ княжой,
«Везешь Ярослава ты горе!»

«Ну, ври себѣ!» думаетъ витязь, смѣясь:
«Вотъ подлинно было бы диво!
«Какая твоя съ Ярославомъ-то связь?
«Въ Софійскомъ соборѣ спитъ кievскій князь,
«А горе, небось, его живо?»

Но далѣ онъ ѣдетъ, гремя и звеня,
Съ товарищемъ болѣ не споря—
Вдругъ снова къ нему кто-то прыгъ на коня—
И на-ухо шепчетъ: «Вези-жъ и меня,
«Я, витязь, татарское горе!»

«Ну, видно, не въ добрый я выѣхалъ часъ!
«Вишь, притча какая бываетъ!
«Что шишекъ еловыхъ здѣсь падаетъ васъ!»
Такъ думаетъ витязь, главою склонясь,
А конь уже шагомъ шагаетъ.

Но вотъ и ступать ужъ ему тяжело,
И сталъ спотыкаться онъ вскорѣ—
А тутъ кто-то сызнова прыгъ за сѣдло—
«Какого тамъ чорта еще принесло?»
— Ивана Васильича горе!

«Долой васъ! И мѣста ужъ нѣтъ за сѣдломъ!
«Плеча мнѣ совсѣмъ отдалило».
— Нѣтъ, витязь, ужъ сѣли, долой не сойдемъ!—
И ѣдутъ они на конѣ вчетверомъ,
И ломится конская сила.

«Эхъ, — думаетъ витязь: — мнѣ-бъ изъ-лѣсу вонъ
«Да въ полѣ скакать на просторѣ!
«И какъ я безъ боя попался въ полонъ!
«Чужое, вишь, горе тащить осужденъ,
«Чужое, прошедшее горе!»

У приказныхъ воротъ собирался народъ
Густо;
Говорить въ простотѣ, что въ его животѣ
Пусто.
— Дурачье! сказалъ дьякъ: изъ васъ долженъ быть всякъ
Въ тѣлѣ:
Еще въ думѣ вчера мы съ трудомъ осетра
Съѣли!

На базаръ мужикъ везъ черезъ рѣку обозъ
Пакли;
Мужичокъ-то, вишь, простъ; знай, везетъ черезъ мостъ—
Такъ ли?
— Вишь дуракъ! сказалъ дьякъ: тебѣ мостъ, чай, пустякъ,
Дудки?
Ты-бъ его поберегъ; вѣдьплыли-жъ поперекъ
Утки!

Какъ у Васьки Волчка воръ стянулъ гусака,
Вишь ты!
Въ полотенце свернулъ, да поймалъ караулъ,
Ништо!
Дьякъ сказалъ: Дурачье! Полотенце-то чье?
Васьки?
Стало, Васька и тать! Стало, Васькѣ и дать
Таску!

Пришелъ къ дьяку больной, говоритъ: Ой-ой-ой,
Дьяче!
Очень больно нутру, а ужъ вотъ поутру
Паче.

И не лечь и не сѣсть, и не можно мнѣ сѣсть
Столько!

— Вишь дуракъ! сказалъ дьякъ: ну, не ѣшь натошакъ—
Только!

Пришелъ къ дьяку истецъ, говорить: Ты отецъ
Бѣдныхъ!

Кабы ты мнѣ помогъ — видишь денегъ мѣшокъ
Мѣдныхъ —

Я-бъ те всыпаль, ей-ей, въ шапку десять рублей,
Шутка!

— Сыпь сейчасъ! сказалъ дьякъ, подставляя колпакъ:
Нутка!

ПРАВДА.

Ахъ ты гой еси, правда-матушка,
Велика ты, правда, широка стоишь!
Ты горами поднялась до поднёбесья,
Ты степями, государыня, раскинулась,
Ты морями разлилася синими,
Городами изукрасилась людными,
Разрослася лѣсами дремучими!
Не объѣхать кругомъ тебя во стѣ лѣтъ,
Посмотрѣть на тебя — шапка валится!

Выѣзжало семеро братіевъ.
Семеро выѣзжало добрыхъ молодецвъ,
Посмотрѣть выѣзжали мѣлодцы,
Какова она, правда, на свѣтѣ живетъ?
А и много про нее говдрено,
А и много про нее писано,
А и много про нее лыгано.

Поскакали добры мѣлодцы,
Всѣ семеро братьевъ удалыхъ,
И подѣхали къ правдѣ со семи концовъ,
И увидѣли правду со семи сторонъ.

Посмотрѣли добры мѣлодцы,
Покачали головами удалыми
И вернулись на свою родину.
А вернувшись на свою родину,
Всякъ рассказывалъ правду по-своему:
Кто горой называлъ ее высокою,
Другой — высокою, Digitized by Google

Кто городомъ люднымъ торговымъ,
Кто моремъ, кто лѣсомъ, кто степію.

И поспорили братья промежь собой,
И вымали мечи булатные,
И рубили другъ друга до смерти,
И рубяся, корились, ругалися,
И братъ брата звалъ обманщикомъ.
Наконецъ полегли до одинаго
Всѣ семеро братьевъ удалыхъ.
Умирая-жъ, каждый сыну наказывалъ,
Рубитися наказывалъ до смерти,
Полегли за правду за истину.
То-жъ и сынъ сыну наказывалъ,
И доселъ ихъ внуки рубятся,
Всѣ рубятся за правду за истину,
На великое себѣ разореніе.

А сказана притча не въ осужденіе,
Не въ укоръ сказана — въ поученіе,
Людымъ добрымъ въ уразумѣніе.

Ой, кабы Волга-матушка да вспять побѣжала!
Кабы можно, братцы, начать жить сначала!
Ой, кабы зимою цвѣты расцвѣтали!
Кабы мы любили да не разлюблиали!
Кабы дно морское достать да измѣрить!
Кабы можно, братцы, краснымъ дѣвкамъ вѣрять!
Ой, кабы всѣ бабы были-бъ молодицы!
Кабы въ полугарѣ поменьше водицы!
Кабы всегда чарка доходила до-рту!
Да кабы приказныхъ по-боку да къ черту!
Да кабы звенѣли завсегда карманы!
Да кабы намъ, братцы, да свои кафтаны!
Да кабы голодный всякій день обѣдалъ!
Да батюшка-бъ царь нашъ всю правду бы вѣдалъ!

* * *

1.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Что ты изволишь въ котлѣ варить?
— Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!

2.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А гдѣ ты изволилъ крупы достать?
— За-моремъ, матушка, за-моремъ,
За-моремъ, сударыня, за-моремъ!

3.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Нешто своей крупы не было?
— Сорная, матушка, сорная,
Сорная, сударыня, сорная!

4.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А чѣмъ ты изволишь мѣшать ее?
— Палкою, матушка, палкою,
Палкою, сударыня, палкою!

5.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,

А вѣдь каша-то выйдетъ крутенька?
— Крутенька, матушка, крутенька,
Крутенька, сударыня, крутенька!

6.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣвичъ,
А вѣдь каша-то выйдетъ сѣлона?
— Сѣлона, матушка, сѣлона,
Сѣлона, сударыня, сѣлона!

7.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣвичъ,
А кто-жь будетъ ее расхлѣбывать?
— Дѣтушки, матушка, дѣтушки,
Дѣтушки, сударыня, дѣтушки!

ПАНТЕЛЕЙ ЦѢЛИТЕЛЬ.

Пантелей-государь ходитъ пд-полю,
И цвѣтовъ и травы ему пд-поясъ;
И всѣ травы предъ нимъ разступаются,
И цвѣты всѣ ему поклоняются.
И онъ знаетъ ихъ силы сокрытыя,
Всѣ благія и всѣ ядовитыя;
И всѣмъ добрымъ онъ травамъ, невреднымъ,
Отвѣчаетъ поклономъ привѣтнымъ,
А которы растутъ виноватыя,
Тѣмъ онъ палкой грозитъ суковатою.

По листочку съ благихъ собираетъ онъ,
И мѣшокъ ими свой наполняетъ онъ,
И на хворую братію бѣдную
Изъ нихъ зеліе варитъ цѣлебное.

Государь Пантелей!
Ты и насъ пожалѣй!
Свой чудесный елей
Въ наши раны излей,

Въ наши многія раны сердечныя!
Есть межъ нами душою увѣчныя,
Есть и разумомъ тяжко болящія,
Есть глухіе, нѣмые, незрящіе,
Опоеенные злыми отравами,
Помоги имъ своими ты травами!

А еще, государь,—
Чего нѣ было встарь—

И такіе межъ насъ попадаются,
Чтò лѣченіемъ всякимъ гнушаются.
Они звона не терпятъ гусларнаго,
Подавай имъ товара базарнаго!
Все, чего имъ не взвѣсить, не смѣрять,
Все, кричатъ они, надо похерить!
Только тò, говорятъ, и дѣйствительно,
Чтò для нашего тѣла чувствительно;
И приемы у нихъ дубоватые,
И ученье-то ихъ грязноватое!

И на этихъ людей,
Государь Пантелей;
Палки ты не жалѣй
Суковатыя!

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ.

1.

Други, вы слышите-ль крикъ оглушительный:
«Сдайтесь, пѣвцы и художники! Кстати ли
«Вымыслы ваши въ нашъ вѣкъ положительный?
«Много ли васъ остается, мечтатели?
«Сдайтесь натиску новаго времени!
«Міръ отрезвился, прошли увлеченія—
«Гдѣ-жь устоять вамъ, отжившему племени,
«Противъ теченія?»

2.

Други, не вѣрьте! Все та же единая
Сила насъ манитъ къ себѣ неизвѣстная,
Та же плѣняетъ насъ пѣснь соловьиная,
Тѣ же насъ радуютъ звѣзды небесныя!
Правда все та же! Средь мрака ненастнаго
Вѣрьте чудесной звѣздѣ вдохновенія,
Дружно гребите, во имя прекраснаго,
Противъ теченія!

3.

Вспомните: въ дни Византіи разслабленной,
Въ приступахъ ярыхъ на Божьи обители,
Дерзко ругаясь святынь награбденной,
Такъ же кричали иконъ истребители:
«Кто воспротивится нашему множеству?
«Міръ обновили мы силой мышленія—
«Гдѣ-жь побѣжденному спорить художеству
«Противъ теченія?»

4.

Въ оныя-жъ дни, послѣ казни Спасителя,
Въ дни, какъ апостолы шли, вдохновенные,
Шли проповѣдывать слово Учителя,
Книжники такъ говорили, надменные:
«Распятъ мятежникъ! Нѣтъ проку въ осмѣянномъ,
«Всѣмъ ненавистномъ, безумномъ ученіи!
«Имъ ли, убогимъ, идти, галилеянамъ,
«Противъ теченія?»

5.

Други, гребите! Напрасно хулители
Мнѣ оскорбить насъ своею гордынею:
На-берегъ вскорѣ мы, волнъ побѣдители,
Выйдемъ торжественно съ нашей святынею!
Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное,
Вѣрою въ наше святое значеніе
Мы же возбудимъ теченіе встрѣчное
Противъ теченія!

ЗМѢЙ ТУГАРИНЪ.

БЫЛИНА.

1.

Надъ свѣтлымъ Днѣпромъ, средь могучихъ бояръ,
Близъ стольнаго Кіева-града,
Пируетъ Владиміръ, съ нимъ молодь и старь,
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

2.

И молвить Владиміръ: — Чтѣ-жъ нѣту пѣвцовъ?
Безъ нихъ мнѣ и пирь не отрада!
И вотъ незнакомый изъ дальнихъ рядовъ
Пѣвецъ выступаетъ на княжескій зовъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

3.

Глаза словно щели, растянутый ротъ,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами впередъ,
И ахнулъ отъ ужаса русскій народъ:
— Ай, рожа, ай, страшная рожа!

4.

И началъ онъ пѣть на невѣдомый ладъ:
— Владычество смѣлымъ награда
Ты, княже, могучь и казною богатъ,
И помнитъ лады твои дальній Царьградъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

5.

Но родъ твой не вѣчно судьбою хранимъ,
Настанетъ тяжелое время,
Обнимутъ твой Кіевъ и пламя и дымъ,
И внуки твои будутъ внукамъ моимъ
Держать золочёное стремя!

6.

И вспыхнулъ Владиміръ при словѣ такомъ,
Въ очахъ загорѣлась досада,
Но вдругъ засмѣялся, и хохотъ кругомъ
Въ рядахъ прокатился, какъ по-небу громъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

7.

Смѣется Владиміръ и съ нимъ сыновья,
Смѣется, потупясь, княгиня,
Смѣются бояре, смѣются князья,
Удалый Поповичъ, и старый Илья,
И смѣлый Никитичъ Добрыня.

8.

Пѣвецъ продолжаетъ: — Смѣшна моя вѣсть
И вашему уху обидна?
Кто могъ бы изъ васъ оскорбленіе снестъ!
Безцѣнное русскимъ сокровище честь,
Ихъ клятва: Да будетъ мнѣ стыдно!

9.

На вѣчѣ народномъ вершится ихъ судь,
Обиды смываетъ съ нихъ поле —
Но дни, погодите, иные придуть,
И честь, государи, замѣнитъ вамъ кнуть,
А вѣче — каганская воля!

10.

— Стой, — молвить Илья: — твой хоть голосъ и чистъ,
Да пѣсня твоя непригожа!
Былъ воръ Соловей, какъ и ты, голосистъ,
Да я пятерней приглушилъ его свистъ —
Съ тобой не случилось бы то же!

11.

Пѣвецъ продолжаетъ: — И время придетъ:
Уступить нашъ ханъ христіанамъ,
И снова подыметъ русскій народъ,
И землю единый изъ васъ собрать,
Но самъ же надъ ней станетъ ханомъ.

12.

И въ теремъ будетъ сидѣть онъ своимъ,
Подобенъ кумиру средь храма,
И будетъ онъ спины вамъ бить батожемъ,
А вы ему стукать да стукать челомъ —
Ой, срама, ой, горькаго срама!

13.

— Стой, — молвить Поповичъ: — хоть дюжій твой ростъ,
Но слушай, поганая рожа:
Зашла разъ корова къ отцу на погость,
Махнулъ я ее черезъ крышу за хвостъ —
Тебѣ не было бы того же!

14.

Но тотъ продолжаетъ, ослабивши пасть:
— Обычай вы нашъ переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вотъ, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!

15.

И съ честной посоритесь вы стариной,
И предкамъ великимъ на соромъ,
Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: станемъ къ Варягамъ спиной,
Лицомъ повернемся къ Обдорамъ!

16.

— Стой! — молвить, поднявшись, Добрыня: — не смѣй
Пророчить такого намъ горя!
Тебя я узналъ изъ негодныхъ рѣчей:
Ты старый Тугаринъ, поганый тотъ змѣй,
Приплывшій отъ Чернаго моря!

17.

На крыльяхъ бумажныхъ, ночью порой,
Ты часто вокругъ Кіева-града
Леталъ и шипѣлъ, но тебя не впервой
Попотчую я календю стрѣлой—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

18.

И началъ Добрыня натягивать лукъ,
И вотъ, на потѣху народу,
Струны богатырской послышавши звукъ,
Во змѣя пѣвецъ перекинулся вдругъ.
И съ шипомъ бросается въ воду.

19.

— Тьфу, гадина! — молвилъ Владиміръ и носъ
Зажалъ отъ несноснаго смрада: —
Чего ужъ онъ въ скаредной пѣснѣ не несъ,
Но благо удраль отъ Добрынюшки песъ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

20.

А змѣй, по Днѣпру разстилаясь, плыветь,
И, смѣхомъ преслѣдуя гада,
По немъ улюлюкаетъ русскій народъ:
— Чай, пѣсни теперь уже намъ не споеть—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

21.

Смѣется Владиміръ: — Вишь, выдумалъ намъ
Какимъ угрожать онъ позоромъ!
Чтобъ мы отъ Тугарина приняли срамъ!
Чтобъ спины подставили мы батогамъ!
Чтобъ мы повернулись къ Обдорамъ!

•22.

Нѣтъ, шутишь! Живеть наша русская Русь,
Татарской намъ Руси не надо!
Солгалъ онъ, солгалъ, перелетный онъ гусь,
За честь нашей родины я не боюсь—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

23.

А если-бъ надъ нею бѣда и стряслась,
Потомки бѣду перемогутъ!
Бываетъ,—примолвилъ свѣтъ-солнышко князь:—
Неволя заставитъ пройти черезъ грязь,
Купаться въ ней — свиньи лишь могутъ!

24.

Подайте-жъ мнѣ чару большую мою,
Ту чару, добытую въ сѣчѣ,
Добытую съ ханомъ хозарскимъ въ бою —
За русскій обычай до дна ее пью,
За древнее русское вѣче!

25.

За вольный, за честный славянскій народъ,
За колоколь пью Новаграда,
И если онъ даже и въ прахъ упадетъ,
Пусть звонъ его въ сердце потомковъ живетъ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

26.

Я пью за Варяговъ, за дѣдовъ лихихъ,
Кѣмъ русская сила подъята,
Кѣмъ славенъ нашъ Кіевъ, кѣмъ Грекъ приутихъ,
За синее море, которое ихъ,
Шумя, принесло отъ заката!

27.

И выпилъ Владиміръ, и разомъ кругомъ,
Какъ плескъ лебединаго стада,
Какъ лѣтомъ изъ тучи ударившій громъ,
Народъ отвѣчаетъ:— За князя мы пьемъ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

28.

Да править по-русски онъ русскій народъ,
А хана намъ даромъ не надо!
И если настанетъ година невзгодъ,
Мы вѣримъ, что Русь ихъ побѣдно пройдетъ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

29.

Пируетъ Владиміръ, со свѣтлымъ лицомъ,
Въ груди богатырской отрада;
Онъ вѣритъ: побѣдно мы горе пройдемъ,
И весело слышать ему надъ Днѣпромъ:
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

30.

Пируетъ съ Владиміромъ сила бояръ,
Пируютъ посадники града,
Пируетъ весь Кіевъ, и молодь и старь,
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

ПѢСНЯ

О ГАРАЛЬДѢ И ЯРОСЛАВНѢ.

1.

Гаральдъ въ боевое садится сѣдло,
Покинулъ онъ Кіевъ державный,
Вздыхаетъ дорѣгою онъ тяжело:
— Звѣзда ты моя, Ярославна!

2.

Надеждъ навсегда миновала пора,
Твой слышалъ, княжна, приговоръ я,
Узнають же вѣсь моего топора
Отъ края до края поморья!

3.

И Русь оставляетъ Гаральдъ за собой,
Плыветъ онъ размыкивать горе
Туда, гдѣ арабы съ норманнами бой
Ведутъ на землѣ и на морѣ.

4.

Въ Мессинѣ онъ имъ показалъ свой напоръ,
Онъ рубить ихъ въ битвѣ неравной
И громко взываетъ, подѣмля топоръ:
— Звѣзда ты моя, Ярославна!

5.

Даешь себя знать онъ и грекамъ въ бою,
И Генуи выходцамъ вольнымъ,
Онъ на морѣ бьется, ладья о ладью,
Но мысль его въ Кіевѣ стольномъ.

6.

Летаетъ онъ по морю сизымъ орломъ,
Онъ чайкою въ буряхъ пируетъ,
Трепчатъ корабли подъ его топоромъ —
По Кіеву сердце тоскуеть.

7.

Веселая то для дружины пора,
Гаральдовой славѣ нѣтъ равной —
Но въ мысли спокойныя воды Днѣпра,
Но въ сердцѣ княжна Ярославна.

8.

Нѣтъ, видно, ему не забыть ужъ о ней,
Не вымучить счастья инова —
И круто онъ бѣгъ повернулъ кораблей
И къ сѣверу гонить ихъ снова.

9.

Онъ на берегъ вышелъ, онъ сѣлъ на коня,
Онъ въ зелени ѣдетъ дубравной.
— Полюбишь ли, дѣвица, нынѣ меня,
Звѣзда ты моя, Ярославна?

10.

И въ Кіевъ онъ стольный вѣзжаетъ, крестясь;
Тамъ, гостя радушно встрѣчая,
Выходитъ изъ терема ласковый князь,
А съ нимъ и княжна молодая.

11.

— Здорово, Гаральдъ! Расскажи, изъ какой
На Русь воротился ты дали?
Замѣшкался долго въ землѣ ты чужой,
Давно мы тебя не видали!

12.

— Я, княже, уѣхалъ, любви не стяжавъ,
Уѣхалъ безвѣстный и бѣдный,
Но нынѣ къ тебѣ, государь Ярославъ,
Вернулся я въ славѣ побѣдной!

13.

Я городъ Мессину въ разоръ разорилъ,
Разграбилъ поморье Царьграда,
Ладьи жемчугомъ по края нагрузилъ,
А тканей — и мѣрить не надо!

14.

Ко древнимъ Деннамъ, какъ воронъ, молва
Неслась предъ ладьями моими,
На мраморной лапѣ пирейскаго льва
Мечомъ я насѣкъ мое имя!

15.

Прибрежья, гдѣ черный мой стягъ прошумѣлъ,
Сикилія, Понтъ и Эллада,
Во вѣкъ не забудутъ Гаральдовыхъ дѣлъ,
Набѣговъ Гаральда Гардрада!

16.

Какъ вихорь обмель я окраины морей —
Нигдѣ моей славѣ нѣтъ равной —
Согласна ли нынѣ назваться моей,
Звѣзда ты моя, Ярославна?

17.

Въ Норвегій праздникъ веселый идетъ:
Весною, при плескѣ народа,
Въ ту пору, какъ алый шиповникъ цвѣтетъ,
Вернулся Гаральдъ изъ похода.

18.

Цвѣтами его корабли обвиты,
Отъ сѣчь отдыхаютъ варяги,
Червлёные берегъ покрыли щиты
И съ черными вранами стяги.

19.

Въ ладьяхъ отовсюду къ шатрамъ парчевымъ
Причалили вѣщіе скалды
И славятъ на арфахъ, одинъ за другимъ,
Возвратъ удалого Гаральда.

20.

А самъ онъ у моря, съ веселымъ лицомъ,
Въ хламидѣ и въ свѣтлой коронѣ,
Норвежскимъ избранный отъ всѣхъ королемъ,
Сидитъ на возвышенномъ тронѣ.

21.

Отборныхъ и гридней и отроковъ рой
Властителю служить уставно;
Въ царьградскомъ нарядѣ, въ коронѣ златой
Съ нимъ рядомъ сидитъ Ярославна.

22.

И, къ ней обращаясь, Гаральдъ говоритъ,
Съ любовью въ сіяющемъ взорѣ:
— Все, что предъ тобою двѣтеть и блеститъ,
И берегъ, и синее море,

23.

Цвѣтами убранные тѣ корабли,
И грозныя замковъ твердыни,
И людныя веси норвежской земли,
И все, чѣмъ владѣю я нынѣ,

24.

И слава, добытая въ долгой борьбѣ,
И самый вѣнецъ мой державный,
И все, чѣмъ я бранной обязанъ судьбѣ —
Все то я добылъ лишь на вѣно тебѣ,
Звѣзда ты моя, Ярославна!

ТРИ ПОВОИЩА.

1.

Ярились подъ Кіевомъ волны Днѣпра,
За тучами тучи легѣли,
Гроза бушевала всю ночь до утра,
Княгиня вскочила съ постели.

2.

Вскочила княгиня въ испугѣ отъ сна,
Волосъ не заплетши, умылась,
Пришла къ Изяславу, отъ страха блѣдна:
— Мнѣ, княже, недоброе снилось!

3.

Мнѣ снилось: отъ берега норской земли,
Гдѣ плещутъ варяжскія волны,
На саксовъ готовятся плыть корабли,
Варяжскими гриднями полны;

4.

То свать нашъ Гаральдъ собирается плыть —
Храни его Богъ отъ напасти —
Мнѣ видѣлось: вороновъ черная нить
Усѣлася съ крикомъ на снасти.

5.

И бабища будто на камнѣ сидитъ,
Считаетъ суда и смѣется:
— Плывите, плывите, она говоритъ,
Домой ни одно не вернется!

6.

Гаральда-варяга въ Британіи ждётъ
Саксонецъ Гаральдъ, его тѣзка;
Червонаго меду онъ вамъ поднесетъ
И спать васъ уложить онъ жѣстко!

7.

И далѣ мнѣ снилось: у берега тамъ,
У норской у пристани главной,
Сидитъ, волоса раскидавъ по плечамъ,
Золовка сидитъ, Ярославна;

8.

Глядитъ, какъ уходятъ въ туманъ паруса
Съ Гаральдовой силою ратной,
И плачетъ, и рветъ на себѣ волоса,
И кличетъ Гаральда обратно...

9.

Проснулася я—и доселѣ вдали
Все карканье вороновъ внемлю;
Прошу тебя, княже, скорѣе пошли
Провѣдать въ ту норскую землю!

10.

И только княгиня домолвила рѣчь,
Невѣстка ихъ, Гида, вбѣжала;
Жемчужная бармица падаетъ съ плечъ,
Забыла надѣтъ покрывало.

11.

— Князь-батюшка, деверь, испугана я,
Когда бы бѣды не случилось!
Княгиня-невѣстущка, лебедь моя,
Мнѣ ночесъ недоброе снилось!

12.

Мнѣ снилось: отъ берега франкской земли,
Гдѣ плещутъ норманскія волны,
На саксовъ готовятся плыть корабли,
Нормандіи рыцарей полны.

13.

То князь ихъ Вильгельмъ собирается плыть,
Я будто слова его внемлю:
Онъ хочеть отца моего погубить,
Присвоить себѣ его землю!

14.

И бабища злая бодритъ его рать
И молвить:—Я вороновъ стаю
Привлекаю, саксовъ заутра клевать,
И вѣтру я вамъ намахаю!

15.

И пологомъ стала махать на суда,
На каждомъ вѣтрило надулось,
И двинулась всѣхъ кораблей череда—
И тутъ я въ испугѣ проснулась...

16.

И только лишь Гида домолвила рѣчь,
Бѣжить, запыхаяся, гридинъ:
— Бери, государь, поскорѣ свой мечъ,
Намъ ворогъ подъ Кіевомъ виденъ!

17.

На вышкѣ я тамъ, за рѣкою, стоялъ,
Стоялъ на слуху я, на стражѣ;
Я многія тысячи ихъ насчиталъ:
То половцы близятся, княже!

18.

На бой Изяславъ созываетъ сыновъ;
Онъ братьевъ скликаетъ на сѣчу,
Онъ трубить къ дружинѣ, ему не до словъ—
Онъ половцамъ ѣдетъ навстрѣчу...

19.

По синему морю клубится туманъ,
Всю даль облака застилаютъ,
Изъ разныхъ слетаются вороны страшъ,
Другъ друга, кружась, вопрошаютъ:

20.

— Откуда летишь ты? Повѣдай-ка намъ!
— Лечу я отъ города Йорка,
На битву обоихъ Гаральдовъ я тамъ
Смотрѣлъ изъ-поднебесья зорко.

21.

Быль цѣлою выше варягъ головой,
Чернѣла какъ туча кольчуга,
Свистѣлъ его въ саксахъ топоръ боевой,
Какъ въ листьяхъ осенняя вьюга;

22.

Копнами валилъ онъ тѣла на тѣла,
Кровь до-моря съ поля струилась,
Пока, провищая, не примчалась стрѣла,
И въ горло ему не вонзилась.

23.

Упалъ онъ, почувъ предсмертную тьму,
Упалъ онъ какъ пьяный на брашно;
Хотѣлъ я спуститься на темя ему,
Но очи глядѣли такъ страшно!

24.

И долго надъ мѣстомъ кружился я тѣмъ,
И поздней дождался я ночи,
И сѣлъ я варягу Гаральду на шлемъ,
И выклевалъ грозныя очи!

25.

По синему морю клубится туманъ
Слетается вороновъ болѣ:
— Откуда летишь ты? — Я, кровью пьянъ,
Лечу отъ Хастингскаго поля;

26.

Не стало у саксовъ вчера короля,
Лежитъ межъ своихъ онъ убитый,
Пируетъ норманъ, его землю дѣля,
И мы пиروвали тамъ сыто.

27.

Побѣдно отъ Йорка шла сакская рать,
Теперь они смирны и тихи,
И трупъ ихъ Гаральда не могутъ сыскать
Межъ труновъ бродящiе мнихи;

28.

Но смѣтилъ я мѣсто, гдѣ на-земь онъ палъ,
И, битва когда отшумѣла,
И мѣсяцъ какъ щитъ надъ побоищемъ всталъ,
Я сѣлъ на Гаральдово тѣло.

29.

Недвижныя были черты хороши,
Нахмурены гордыя брови,
Любуясь на нихъ, я до жадной души
Напился Гаральдовой крови!

30.

По синему морю клубится туманъ,
Всю даль облака застилаютъ,
Изъ разныхъ слетаются вороны странъ,
Другъ друга, кружась, вопрошаютъ:

31.

— Откуда летишь ты?—Изъ русской земли!
Я былъ на пиру въ Заднѣпровьѣ,
Тамъ всѣ Изяслава полки полегли,
Все поле упитано кровью.

32.

Съ разсвѣтомъ на половцовъ князь Изяславъ
Тамъ выѣхалъ, грозенъ и злобенъ,
Свой мечъ двоеручный высоко поднявъ,
Святому Георгью подобенъ.

33.

Но къ ночи, руками за гриву держась,
Конемъ увлекаемый съ бою,
Ужъ по-полю мчался израненный князь,
Съ закинутой навзничъ главою,

34.

И, каркая, долго летѣль я надъ нимъ
И ждалъ, чтобъ онъ на-земь свалился,
Но былъ онъ, должно-быть, судьбою хранимъ,
Иль Богу, скача, помолился;

35.

Упалъ лишь надъ самымъ Днѣпромъ онъ съ коня,
Въ ладью рыбаки его взяли,
А я полетѣль, неудачу кляня,
Туда, гдѣ другіе лежали!

36.

Поютъ во Софійскомъ соборѣ попы,
По князѣ идетъ панихида;
Рыдаетъ княгиня средь плача толпы,
Рыдаетъ Гаральдовна Гида,

37.

И съ ними другого Гаральда вдова
Рыдаетъ, стѣня, Ярославна,
Рыдаетъ:—О, горе! зачѣмъ я жива,
Коль стинулъ Гаральдъ мой державный!

38.

И Гида рыдаетъ:—О, горе, убить
Отецъ мой, норманомъ сражѣнный!
Въ плѣну его вѣси, и взяты на щить
Саксонскія дѣвы и жѣны!

39.

Княгиня рыдаетъ:—О, князь Изяславъ,
Въ неравномъ посѣченъ ты спорѣ!
Побѣды обычной въ бою не стяжавъ,
Погибъ ты, о, горе! о, горе!

40.

Печерскіе иноки, выстроясь въ рядъ,
Протяжно поютъ: аллилуй!
А братья княжіе другъ друга корятъ,
И жадные вѣроны съ кровель глядятъ,
Усобицу близкую чуя.

ПѢСНЯ

О ПОХОДѢ ВЛАДИМИРА НА КОРСУНЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1.

— Добро! — сказалъ князь, когда выслушалъ онъ
Улики царьградскаго мниха:—
Тобою, отецъ, я теперь убѣжденъ;
Виновень, что мужемъ былъ столькихъ я женъ,
Что жилъ и безпутно и лихо,

2.

Что богомъ мнѣ былъ то Перунъ, то Велесъ,
Что силою взялъ я Рогнѣду;
Досель надо мною, знать, тѣшился бѣсъ;
Но мракъ ты разсѣялъ — и я въ Херсонесъ
Креститься, въ раскаяньи, ѣду.

3.

Царьградскій философъ и мнихъ тому радъ,
Что хочетъ Владиміръ креститься:
— Смотри-жь, говоритъ, для небесныхъ наградъ,
Чтобъ въ райскій, по смерти, войти вертоградъ,
Ты долженъ душою смириться.

4.

— Смирюсь, — говоритъ ему князь: — я готовъ —
Но только смирюсь безъ урону!
Спустить въ Черторой десять сотенъ струговъ;
Коль выкупъ добуду съ корсуньскихъ купцовъ,
Я города пальцемъ не трону!

5.

Готовы струги, паруса подняты,
Плывутъ къ Херсонесу варяги;

Поморье, гдѣ южные рдѣютъ цвѣты,
Червлёные вскорѣ покрыли щиты
И съ русскими вранами стяги.

6.

И князь повѣщаетъ корсунцамъ:—Я здѣсь!
Сдавайтесь, прошу васъ смиренно,
Не то, не взыщите, собью вашу спесь
И городъ по камнямъ размыкаю весъ—
Креститься хочу непременно!

7.

Увидѣли греки въ заливѣ суда,
У стѣнъ ужъ дружина толпится,
Пошли толковать и туда и сюда:
— Настала, какъ есть, христіанамъ бѣда:
Приѣхалъ Владиміръ креститься!

8.

И преній-то съ нами не станеть держать,
Въ риторикѣ онъ ни бельмеса;
А просто обложить насъ русская рать.
И будетъ, пожалуй, три года стоять
Да грабить края Херсонеса!

9.

И въ мудрости тотчасъ рѣшаетъ сенатъ,
Чтобъ русскимъ отверзлись ворота;
Владиміръ приему радушному радъ,
Вступаетъ съ дружиной въ испуганный градъ
И молвить сенату:—Ну, то-то!

10.

И шлетъ въ Византію пословъ ко двору:
— «Цари Константинъ да Василій!
«Смиренно я сватаю вашу сестру,
«Не то васъ обоихъ дружиной припру.
«Такъ вступимъ въ родство безъ насилій!»

11.

И вотъ императоры держать совѣтъ,
Толкуютъ въ палатѣ престольной;
Имъ плохо пришлось, имъ выбора нѣтъ,

Владиміру шлють поскорѣ отвѣтъ:
— «Мы очень тобою довольны;

12.

«Крестися и къ намъ приѣзжай въ добрый часъ,
«Тебя повѣнчаемъ мы съ Анной!»
Но онъ къ императорамъ: — «Вотъ тебѣ разъ!
«Вы шутите, что ли? Такая отъ васъ
«Мнѣ отповѣдь кажется странна;

13.

«Къ вамъ ѣхать отсюда какая мнѣ статья?
«Чего не видалъ я въ Царьградѣ?
«Царевну намѣренъ я здѣсь ожидать,
«Не то приведу я вамъ цѣлую рать,
«Коль видѣть меня вы такъ рады!»

14.

Что дѣлать съ Владиміромъ? Вынь да положи!
Креститься хочу да жениться!
Не лѣзть же царямъ, въ самомъ дѣлѣ, на ножъ!
Пожали плечами и молвятъ: — Ну, что-жь!
Приходится ѣхать, сестрица!

15.

Корабль для нея снаряжаютъ скорѣй,
Узорныя ладять вѣтрила,
Со причтомъ на палубѣ ждетъ архирей,
Сверкаетъ на солнцѣ парча стихарей,
Звенятъ и дымятся кадила.

16.

Въ печали великой по сходнѣ крутой
Царевна взшла молодая,
Прислужницы дѣву накрыли фатой,
И волны запѣнили корабль золотой,
Босфора лазурь разсѣкая.

17.

Увидѣлъ Владиміръ вдали паруса
И хмуря брови раздвинулъ;
Почуялась сердцу невѣсты краса,
Онъ гребнемъ свои расчесалъ волосы.
И корзно княжое накиннулъ.

18.

На пристань онъ всходитъ царевну встрѣчать,
И ликъ его свѣтель и весель.
За нимъ вся корсунская слѣдуетъ знать,
И руку спѣшить онъ царевнѣ подать,
И въ поясъ поклонъ ей отвѣсилъ.

19.

И шествуютъ рядомъ другъ съ другомъ они,
Въ одеждахъ блестящихъ и длинныхъ;
Каменья оплечій горятъ какъ огни,
Идутъ подъ навѣсомъ шелковымъ, въ тѣни,
Къ собору, вдоль улицъ старинныхъ.

20.

И молвить тамъ, голову князь преклоня:
— Клянуса я въ вашемъ синклитѣ
Дружить Византіи отъ этого дня,
Крестите-жь, отцы-іереи, меня,
Да, чуръ, по уставу крестите!

21.

Свершился въ соборѣ крещенья обрядъ,
Свершился обрядъ обвѣнчанья,
Идетъ со княгиней Владиміръ назадъ,
Вдоль улицъ старинныхъ до свѣтлыхъ палатъ,
Кругомъ ихъ толпы ликованье.

22.

Сидятъ за честнымъ они рядомъ столомъ,
И вотъ, когда звонъ отзвонили,
Владиміръ взялъ чашу съ хіосскимъ виномъ:
— Хочу, чтобъ меня поминали добромъ
Шурья Константинъ да Василій!

23.

— То правда-ль, я слышалъ, замкнули Босфоръ
Дружины какого-то Θоки?
— Воистину правда! — отвѣтствуетъ дворъ.
— Но кто-жь этотъ Θока? — Мятежникъ и воръ!
— Отдѣлать его на всѣ боки!

24.

Отдѣлали русскіе Θоку какъ разъ;
Цари Константинъ и Василій

По цѣлой имперіи пишутъ приказъ:
«Владиміръ-де насъ отъ гибели спасъ,
«Его чтобъ всѣ люди честили!»

25.

И князь говорить: — Я построю вамъ храмъ
На память, что здѣсь я крестился,
А городъ Корсунъ возвращаю я вамъ
И выкупъ обратно всецѣло отдамъ,
Зане я душою смирился!

26.

Застольный гремитъ, заливаясь, хоръ,
Шипучія пѣнятся вина,
Веселиемъ блещетъ Владиміра взоръ,
И строить готовится новый соборъ
Крещеная съ княземъ дружина.

27.

Привозится яшма водою и гужомъ
И мраморъ привозится бѣлый,
И быстро Господень возносится домъ,
И ярко на полѣ горятъ золотомъ
Иконы муссійскаго дѣла.

28.

И взапуски князя синклитъ и сенать,
И сколько тамъ грековъ ни случилось,
Всю зиму пирами чествать да чествать,
Но молвить Владиміръ: — Пора мнѣ назадъ,
По Кіевѣ мнѣ встосковалось!

29.

Вы, отроки-друзи, спускайте ладьи,
Трубите дружинѣ къ отбою,
Кленовыя весла берите свои;
Ужъ въ Кіевѣ, чаю, поютъ соловьи,
И въ рощахъ запахло весною!

30.

Весна, мнѣ невѣдомыхъ полная силъ,
И въ сердцѣ моемъ зеленѣетъ;
Что нудю я и насильемъ добытъ,

Чѣмъ самъ овладѣть я оружіемъ мнилъ,
То мною всеильно владѣть!

31.

Спускайте-жъ ладьи, бо и ночью и днемъ
Я гласу немолчному внемлю:
Велитъ онъ въ краю намъ не мѣшкать чужомъ,
Да свѣтъ, озаряющій насъ, мы внесемъ
Торжественно въ русскую землю!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

По лону Днѣпровскихъ сіяющихъ водъ,
Гдѣ, празднуя жизни отраду,
Весной все гремитъ, и цвѣтетъ, и поетъ,
Владиміръ съ дружиной обратно плыветъ
Ко стольному Кіеву-граду.

2.

Все звонкое птаство летаетъ кругомъ,
Ликуючи въ тысячу глотокъ,
А князь многодумнымъ поникнулъ челомъ,
Свершился въ могучей душѣ переломъ,
И взоръ его миренъ и кротокъ.

3.

Забыла княгиня и слезы и страхъ;
Одеждой алмазной блистая,
Глядитъ она, съ юнымъ весельемъ въ очахъ,
Какъ много пестрѣетъ цвѣтовъ въ камышахъ,
Какъ плещется лебедей стая,

4.

Какъ рощи навстрѣчу несутся ладьямъ,
Какъ берегъ проносится мимо,
И, ликъ наклоня къ зеркальнымъ водамъ,
Глядитъ, какъ ея отражается тамъ
Изъ камней цвѣтныхъ діадима.

5.

Великое слово корсунцамъ храня,
Князь не взялъ съ нихъ денегъ повинныхъ,

Но городъ поднесъ ему, въ честь того дня,
Изъ бронзы коринеской четыре коня
И статуи немало старинныхъ.

6.

И кони и бѣлыя статуи тутъ,
Надъ поѣздомъ выся громаду,
Стоймя на ладьяхъ, неподвижны, плывутъ,
И волны Днѣпра ихъ, дивуясь, несутъ
Ко стольному Кіеву-граду.

7.

Плыветъ и священства и дьяконства хоръ
Съ ладьею Владиміра рядомъ;
Для Кіева синій покинувъ Босфоръ,
Они оглашаютъ Днѣпровскій просторъ
Уставнымъ демественнымъ ладомъ.

8.

Когда-жъ умолкаетъ священный канонъ,
Запѣвъ зачинаютъ дружины,
И съ разныхъ кругомъ раздаются сторонъ
Завѣтныя пѣсни минувшихъ временъ
И дней богатырскихъ былины.

9.

Такъ вверхъ по Днѣпру, по широкой рѣкѣ,
Плывутъ ихъ ладей вереницы,
И вотъ передъ ними, по лѣвой рукѣ,
Все выше и выше растётъ вдалькѣ
Градъ Кіевъ съ горой Щековицей.

10.

Владиміръ съ княжого сѣдалища всталъ,
Прервалось весельщиковъ пѣнье,
И мигъ тишины и молчанья насталъ,
И князю, въ сознаниі новыхъ началъ,
Открылося новое зрѣнье:

11.

Какъ сонъ вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда Господня;
И брызнули слезы впервые изъ глазъ.

И мнится Владиміру: въ первый онъ разъ
Свой городъ увидѣлъ сегодня.

12.

Народъ, издалёка ихъ поѣздъ узнавъ,
Столпился на берегъ, и много,
Скитавшихся робко безъ крова и правъ,
Пришло христіанъ изъ пещеръ и дубравъ,
И славятъ Спасителя Бога.

13.

И палъ на дружину Владиміра взоръ:
— Вамъ, други, доселѣ со мною
Стяжали побѣды лишь мечъ да топоръ,
Но время настало, — и мы съ этихъ поръ
Сильны еще силою иною!

14.

Что смутно въ душѣ мнѣ сказалось моей,
То ясно вы нынѣ познайте:
Дни правды дороже воинственныхъ дней!
Гребите же, други, гребите сильнѣй,
На весла дружиѣй налегайте!

15.

Вшипѣла подъ полозомъ, пѣнясь, вода,
Отхлынувъ, о берегъ забила,
Стянулася быстро ладей череда,
Передня въ пристань вбѣжали суда,
И съ шумомъ упали вѣтрила.

16.

И на берегъ вышелъ, душой возрожденъ,
Владиміръ для новой державы,
И въ Русь милосердія внесъ онъ законъ —
Дѣла стародавнихъ, далекихъ временъ,
Преданья невянущей славы!

РОМАНЪ ГАЛИЦКІЙ.

Къ Роману Мстиславичу въ Галичѣ посломъ
Прислалъ папа римскій легата,
И вотъ надъ Днѣпромъ, среди свѣтлыхъ хоромъ,
Въ вѣнцѣ изъ царьградскаго злата,
Князь слушаетъ сидя посольскую рѣчь,
Глаза опустивъ, опершися на мечъ.
И молвить легатъ: «Далеко ты,
О, княже, прославленъ за доблесть свою!
Ты въ русскомъ краю,
Какъ солнце, на всѣхъ изливаешь щедроты;
Врагамъ ты въ бою
Являешься Божіимъ громомъ.
Могучей рукой ты Царьградъ поддержалъ;
Въ землѣ Половецкой не разъ испивалъ
Отъ синяго Дона шеломомъ.
Ты храбръ аки туръ и сердитъ аки рысь;
Но ждешь тебя бѣдлшая слава,
Лишь римскому папѣ душой покорись,
Святое признай его право:
Онъ можетъ по волѣ рѣшить и вязать;
На домъ онъ на твой призоветъ благодать,
На недруговъ — Божье проклятье.
Прими-жь отъ него королевскую власть,
Къ стопамъ его пасть
Спѣши — и тебѣ онъ отверзетъ объятъя
И, сыномъ коль будешь его нарекомъ,
Тебя опояшетъ духовнымъ мечомъ!»
Замолкъ. И, лукавую выслушавъ рѣчь,
Романъ на свой мечъ
Взглянулъ — и его половину

Онъ выдвинулъ вонъ изъ нарядныхъ ноженъ:

«Скажи своему господину —

Когда такъ духовнымъ мечомъ онъ силенъ,

То онъ и хвалить его вѣленъ;

Но пусть онъ владѣеть попрежнему имъ,

А я вотъ и этимъ, желѣзнымъ своимъ,

Доволенъ.

А впрочемъ, за ласку къ Червонной Руси

Поклонъ ему нашъ отнеси!»

БОРИВОЙ.

ПОМОРСКОЕ СКАЗАНИЕ.

1.

Къ дѣлу церкви сердцемъ рьяный,
Папа шлетъ въ Роскильду слово
И походъ на Бодричаны
Проповѣдуетъ крестовый:

2.

— «Встаньте! Васъ тѣснять не въ мѣру,
«Тѣ язычники лихіе,
«Подымайте стягъ за вѣру,
«Отпускаю вамъ грѣхи я!

3.

«Генрикъ-Левъ на бой великій
«Ужъ поднялся, мною званный,
«Онъ идетъ отъ Брунзовика
«Грянуть съ тылу въ Бодричаны,

4.

«Всѣ, кто въ этомъ дѣлѣ сгинеть,
«Кто падеть подъ знакомъ крестнымъ,
«Прежде чѣмъ ихъ кровь остынетъ,
«Будутъ въ царствіи небесномъ!»

5.

И лишь зовъ проникнулъ въ Дони,
Первый всталъ епископъ Эрикъ,
Съ нимъ монахи, вздѣвши брони,
Собираются на берегъ.

6.

Далѣ Свенъ пришелъ, сынъ Нилса,
Въ шишакѣ своемъ крылатомъ,
Съ нимъ же вмѣстѣ ополчился
Викингъ Кнуть, сверкая златомъ;

7.

Оба царственного рѣда,
За престолъ тягались оба,
Но для славнаго похода
Прервана межъ ними злоба;

8.

И, какъ птицъ приморскихъ стая,
Много панцырнаго люду,
И грохоча и блистая,
Къ нимъ примкнулось отовсюду.

9.

Всѣ струги, построясь рядомъ,
Покидаютъ вмѣстѣ берегъ,
И, окинувъ силу взглядомъ,
Говоритъ епископъ Эрикъ:

10.

— Съ нами Богъ! Склонилъ къ намъ папа
Преподобнаго Егорья,
Разгромимъ теперь съ нахрапа
Все славянское поморье!

11.

Свенъ же молвить: — Въ бранномъ спорѣ
Не боюся никого я,
Лишь бы только въ синемъ морѣ
Намъ не встрѣтить Боривоя!

12.

Но, смѣясь, съ кормы высокой
Молвить Кнуть: — Намъ нѣтъ препоны,
Боривой теперь далѣко
Бьется съ Нѣмцемъ у Арконы!

13.

И въ веселіи всѣ трое,
Съ ними грозная дружина,

Всѣ плывутъ, въ могучемъ строѣ,
Къ башнямъ города Волына.

14.

Вдругъ, поднявшись, надъ кормою,
Говоритъ имъ Свенъ, сынъ Нилса:
— Мнѣ сдилось: надъ той скалою
Словно лѣсъ зашевелился!

15.

Кнутъ, взглянувъ, отвѣчаетъ:
— Нѣтъ, не лѣсъ то шевелится,
Щёголь множество киваетъ,
О косицу бьетъ косица!

16.

Всталъ епископъ торопливо,
Съ удивленіемъ во взорѣ:
— Что мнѣ чудится за диво?
Кони ржутъ на синемъ морѣ!

17.

Но епископу, въ смятеньи,
Отвѣчаетъ блѣдный инокъ:
— То не ржанье, то гудѣнье
Боривоевыхъ волынокъ!

18.

И внезапно, гдѣ играютъ
Всплѣски бѣлые прибоя,
Изъ-за мыса выбѣгаютъ
Волнорѣзы Боривоя.

19.

Расписными парусами
Море синее покрыто,
Развилось по вѣтру знамя
Изъ божницы Свѣтовита;

20.

Плещутъ весла, блещутъ брони,
Топоры звенятъ стальные,
И, какъ бѣшеные кони,
Ржутъ волюнки боевые.

21.

И начальнымъ правя дубомъ,
Самъ въ чешуйчатой рубахѣ,
Боривой киваетъ чубомъ:
— Добрый день, отцы-монахи!

22.

Я вернулся изъ Арконы,
Гдѣ поля отъ крови рдѣютъ,
Но нѣмецкія знамѣна
Подъ стѣнами ужъ не вѣютъ!

23.

Въ ключья ту порвавши лопать,
Заплатили долгъ мы Нѣмцамъ
И пришли теперь отхлопать
Васъ по бритымъ по гуменцамъ!

24.

И подъ всѣми парусами
Онъ ударилъ имъ навстрѣчу,
Сшиблись вдругъ ладьи съ ладьями,
И пошла межъ ними сѣча.

25.

То взлетая надъ волнами,
То спускаяся съ пучины,
Бокъ-о-бокъ сцѣпясь баграми,
Съ крикомъ рѣжутся дружины;

26.

Брызжутъ искры, кровь струится,
Трескъ и вопль въ бою сомкнутомъ,
До заката битва длится—
Не сдаются Свенъ со Кнутомъ.

27.

Но напрасны ихъ усилія:
Отъ ударовъ тяжелой стали
Позолоченныя крылья
Съ шлема Свена ужъ упали;

28.

Пронзена въ жестокомъ спорѣ
Кнута крѣпкая кольчуга,
И бросается онъ въ море
Съ опрокинутаго струга.

29.

А епископъ Эрикъ, въ схваткѣ
Надъ собой погибель чуя,
Перепрыгнулъ безъ оглядки
Изъ своей ладьи въ чужую.

30.

Голосить: — Не пожалѣю
На икону ничего я,
Лишь въ Роскильду поскорѣе
Мнѣ-бъ уйти отъ Боривоя!

31.

И гребцы во страхѣ тоже,
Силу рукъ своихъ удвоя,
Голосятъ: — Спаси насъ, Боже,
Защити отъ Боривоя!

32.

— Утекай, клобучье племя!
Боривой кричить въ догонку:—
Вамъ вздохнуть не давши время,
Скоро самъ я буду въ Дони!

33.

Къ вамъ, средь моря, иль средь суши,
Проложу себѣ дорогу,
И заранѣ ваши души
Обрекаю Чернобогу!

34.

Худо Донямъ вышло, худо,
Въ этой битвѣ знаменитой;
Въ этотъ день морскія чуда
Нажрались ихъ труповъ сыто,

35.

И ладей въ своемъ просторѣ
Опрокинутыхъ не мало
Почервонѣвшее море
Вверхъ полозьями качало.

36.

Генрикъ-Левъ, идущій смѣло
На Волынъ къ потѣхѣ ратной,
Услыхавъ про это дѣло,
Въ Брунзовикъ пошелъ обратно.

37.

И отъ Бодричей до Ретры,
Отъ Осны до Дубовика,
Всюду вѣсть разносятъ вѣтры
О побѣдѣ той великой;

38.

Шумомъ полнъ Волынъ веселымъ,
Вкругъ Перуновой божницы
Хороводнымъ ходятъ коломъ
Дѣвъ поморскихъ вереницы;

39.

А въ Роскильдовскомъ соборѣ
Собираются монахи,
Восклицають: — Горе, горе!
И молебны служатъ въ страхѣ;

40.

И епископъ съ клирной силою,
На колѣняхъ въ церкви стоя,
Молить: — Боже, насъ помилуй,
Защити отъ Боривоя!

РУГЕВИТЬ.

1.

Надъ древними подъемляся дубами,
Онъ островъ нашъ отъ недруговъ стерегъ;
Въ войну и миръ равно честимый нами,
Онъ зорко вокругъ глядѣлъ семью главами,
Нашъ Ругевить, непобѣдимый богъ.

2.

Курился дымъ ему отъ благовоній,
Его алтарь былъ зеленью обвить,
И много разъ на кучахъ вражьиxъ броней
У ногъ своихъ закланнхъ видѣлъ Доней
Нашъ грозный богъ, нашъ славный Ругевить.

3.

Въ годину бурь, крушенья избѣгая,
Шли корабли подъ сѣнь его меча;
Онъ для своихъ защита былъ святая,
И ласточекъ довѣрчивая стая
Въ его брадахъ гнѣздилась, щебеча.

4.

И мнили мы: жрецы твердятъ недаромъ,
Что если врагъ попретъ его порогъ,
Онъ оживетъ, и вспыхнетъ взоръ пожаромъ,
И семь мечей подыметъ въ гнѣвъ яромъ
Нашъ Ругевить, нашъ оскорбленный богъ.

5.

Такъ мнили мы, но роковая сила
Ужъ обрела насъ участи иной:
Мы помнимъ день; заря едва всходила,
Нежданная къ намъ близилась вѣтрила,
Могучій врагъ на Ругу шель войной.

6.

То русскаго шель правнукъ Мономаха,
Владиміръ шель въ главѣ своихъ дружинъ,
На Ругичанъ онъ первый шель безъ страха,
Король Владиміръ, правнукъ Мономаха,
Варяговъ князь и Доней властелинъ.

7.

Мы помнимъ бой, гдѣ мы не устояли,
Гдѣ Яроміръ Владиміромъ разбитъ;
Мы помнимъ день, гдѣ наши боги пали,
И затрещалъ подъ звономъ вражьей стали
И рухнулся на землю Ругевитъ.

8.

Четырнадцать воловъ, привычныхъ къ плугу,
Дубовый вѣсь стащить едва могли;
Рога склонивъ, дымяся отъ натугу,
Подъ свистъ бичей они его по лугу
При громкихъ крикахъ Доней волокли.

9.

И на него взошедъ, съ крестомъ въ десницѣ,
Держась за свой, вонзенный въ бога мечъ,
Епископъ Свенъ, какъ вождь на колесницѣ,
Такъ отъ воротъ разрушенной божницы
До волнъ морскихъ себя заставилъ влечь.

10.

И къ берегу, рыдая, всѣ бѣжали,
Мужи и старцы, женщины съ дѣтьми;
Быль вой кругомъ. Въ неслыханной печали:
«Встань, Ругевитъ!»—мы вслѣдъ ему кричали:—
«Воспрянь, нашъ богъ, и Доней разгроми!»

11.

Но онъ не всталъ. Гдѣ объ утесъ громадный,
Дробясь, кипить и пѣнится прибой,
Онъ съ крутизны низвергнуть безошадно;
Всплеснувъ, валы его схватили жадно
И унесли, крутя передъ собой.

12.

Такъ поплылъ прочь отъ нашего онъ края
И отомстить врагамъ своимъ не могъ.
Дивились мы, другъ друга вопрошая:
«Гдѣ-жь мощь его? Гдѣ власть его святая?
«Нашъ Ругевить ужели былъ не богъ?»

13.

И, пробудясь отъ перваго испугу,
Мы не нашли былой къ нему любви
И разошлись въ раздуміи по лугу,
Сказавъ: «Плыви, въ бѣдѣ не спасшій Ругу,
Дубовый богъ! Плыви себѣ, плыви!»

ГАКОНЪ СЛѢПОЙ.

1.

— Въ десницѣ жива еще прежняя мочь
И крѣпки попржнему плечи,
Но очи одѣла мнѣ вѣчная ночь —
Кто хочет мнѣ, други, рубиться помочь?
Вы слышите крики далече?
Схватите-жь скорѣй за поводья коня,
Помчите меня
Въ кипѣніе сѣчи!

2.

И отроки съ двухъ его взяли сторонъ,
И, полный безумнаго гнѣва,
Слѣпой между ними помчался Гаконъ
И врѣзался въ сѣчу, и ей опьяненъ,
Онъ рубить средь гула и рева,
И валить ряды какъ въ лѣсу буреломъ,
Крестить топоромъ
И вправо и влѣво.

3.

Но гуще и гуще все свалка кипить,
Враги не жалѣютъ урона,
Отрѣзанъ Гаконъ и отъ русскихъ отбитъ,
И, видя то, князь Ярославъ говоритъ:
— Нужна свояку оборона!
Вишь, вражья его какъ осыпала рать!
Пора выручать
Слѣпого Гакона!

4.

И съ новой напёръ на враговъ онъ толпой,
Просѣкъ черезъ свалку дорогу,
Но вотъ на него налетаетъ слѣпой,
Топоръ свой подъявши.— Да стой же ты, стой,
Никакъ ошалѣлъ онъ, ей-Богу!
Вѣдь былъ ты безъ насъ бы изсѣченъ и стертъ,
Что-жъ рубишь ты, чортъ,
Свою же подмогу?

5.

Но тотъ расходился, не внемлетъ словамъ,
Ударъ за ударомъ онъ садить,
Молотить по русскимъ щитамъ и бронямъ,
Дробить и сѣчетъ шишаки пополамъ;
Никто съ разъяреннымъ не сладить.
Насилу опомнился старый боецъ,
Утихъ наконецъ
И бороду гладить.

6.

Дружина вздохнула, враговъ разогнавъ;
Побито, посѣчено вволю,
Лежать перемѣшаны правъ и неправъ,
И смотреть съ печалію князь Ярославъ
На злую товарищей долю,
И ѣдетъ онъ шагомъ, снявъ острый шоломъ,
Съ Гакономъ вдвоемъ,
По бранному полю...

УШКУЙНИКЪ.

Одолѣла сила-удаль меня, молодца:
Не чужая, своя удаль богатырская!
А и въ сердцѣ тая удаль-то не вмѣстится,
А и сердце-то отъ удали разорвется!

Пойду къ батюшкѣ на удаль горько плакаться,
Пойду къ матушкѣ на силу въ ноги кланяться:
Отпустите свое дѣтище дрочѣное,
Новгородскимъ-то порядкамъ неучѣное!

Отпустите поиграти игры дѣтскія:
Тѣ-ль обозы битъ низовые купецкіе,
Багрить на-морѣ кораблики урманскіе,
Да на Волгѣ жечь остроги басурманскіе!..

ПѢСНЯ О ПОТОКѢ-БОГАТЫРѢ.

1.

Зачинается пѣсня отъ древнихъ затѣй,
Отъ веселыхъ пировъ и обѣдовъ,
И отъ русыхъ отъ косъ, и отъ черныхъ кудрей,
И отъ тѣхъ ли отъ ласковыхъ дѣдовъ,
Что съ потѣхой охотно мѣшали дѣла,
Отъ ихъ времени пѣсня теперь повела,
Отъ того-ль старорусскаго краю,
А чѣмъ кончится пѣсня — не знаю.

2.

У Владиміра-Солнышка праздникъ идетъ,
Пированье идетъ, ликованье,
Съ молодицами гридни ведутъ хороводъ,
Гуслей звонъ и кимваловъ бряцанье;
Молодицы что свѣтлыя звѣзды горять,
И подъ топотъ подошвъ, и подъ пѣсенный ладъ
Изгибаяся, ходятъ красиво,
Молодцы выступаютъ на-диво.

3.

Но Потокъ-богатырь всѣхъ другихъ превзошелъ:
Взглянетъ — искрами словно обмечетъ;
Повернется направо — что сизый орель,
Повернется налѣво — что кречеть;
Подвигается мѣрно и взадъ и впередъ:
То притопнетъ ногою, то шапкой махнетъ,
То вдругъ станетъ, тряхнувши кудрями,
Пожимаетъ на мѣстѣ плечами.

4.

И дивится Владиміръ на стройную статью,
И дивится на свѣтлое око:
— Никому, — говоритъ: — на Руси не плясать
Супротивъ молодого Потока!
Но ужъ поздно — встаетъ со княгинею князь.
На три стороны въ поясъ гостямъ поклоняясь,
Всѣмъ желаетъ довольнымъ остаться —
Это значить: пора разставаться.

5.

И съ поклонами гости уходятъ домой,
И Владиміръ княгиню уводитъ,
Лишь одинъ остается Потокъ молодой,
Подбочася, попрежнему ходить:
То притоннетъ ногою, то шалкой махнетъ.
Не замѣтилъ онъ, какъ отошелъ хороводъ,
Не слыхалъ онъ Владиміра ласку,
Продолжаетъ попрежнему пляску.

6.

Вотъ ужъ мѣсяцъ изъ-за лѣсу кажетъ рога,
И туманомъ подернулись балки,
Вотъ и въ ступѣ поѣхала баба-яга,
И въ Днѣпрѣ заплескались русалки;
Въ Заднѣпровьѣ послышался лѣшаго вой,
По конюшнямъ дозоромъ пошелъ домовой,
На трубѣ вѣдма пѣлогомъ машеть,
А Потокъ себѣ пляшетъ да пляшетъ.

7.

Сквозь царьградскія окна въ хоромную сѣнь
Смотрятъ свѣтлыя звѣзды, дивяся,
Какъ по бѣлымъ стѣнамъ богатырская тѣнь
Ходитъ взадъ и впередъ, подбочася.
Передъ самой зарей утомился Потокъ,
Подъ собой уже рѣзвыхъ не чувствуетъ ногъ,
На мостницы какъ снопъ упадаетъ,
На полтысячи лѣтъ засыпаетъ.

8.

Много сновъ ему снится въ полтысячи лѣтъ:
Видитъ славныя схватки и сѣчи,

Красныхъ дѣвицъ внимаеть радушный привѣтъ
И съ боярами судить на вѣчѣ;
Или видить Владимира вѣжливый дворъ,
За ковшами веселый ведетъ разговоръ,
Иль на ловлѣ со княземъ гуторить,
Иль въ совѣтѣ настойчиво спорить.

9.

Пробудился Потокъ на Москвѣ на рѣкѣ,
Предъ собой видить теремъ дубовый,
Подъ узорнымъ окномъ, въ закутномъ цвѣтникѣ,
Распускается розанъ махровый.
Полюбился Потокъ красивый цвѣтокъ,
И понюхать его норовится Потокъ,
Какъ въ окнѣ показалась царевна,
На Потока накинута гнѣвно:

10.

— Шерамыжникъ, болванъ, неученый холопъ!
Чтобъ тебя въ турій рогъ искривило!
Поросенокъ, теленокъ, свинья, эіопъ,
Чортовъ сынъ, неумытое рыло!
Кабы только не этотъ мой дѣвичій стыдъ,
Что много словца мнѣ сказать не велить,
Я тебя, прощельгу, нахала,
И не такъ бы еще обругала!

11.

Испугался Потокъ; не на шутку струхнулъ:
— Поскорѣй унести бы мнѣ ноги!
Вдругъ гремятъ тулумбасы, идетъ караулъ,
Гонить палками встрѣчныхъ съ дороги;
Ѣдетъ царь на конѣ, въ зипунѣ изъ парчи,
А кругомъ съ топорами идутъ палачи!
Его милость собираются тѣшить:
Тамъ кого-то рубить или вѣшать.

12.

И во гнѣвѣ за мечъ ухватился Потокъ:
— Что за ханъ на Руси своевольтъ?
Но вдругъ слышитъ слова: — Тѣ земной Ѣдетъ богъ!
Тѣ отецъ нашъ казнить насъ извольтъ!

И на улицѣ, сколько тамъ было толпы:
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи —
Всѣ предъ нимъ повалились на брюхи.

13.

Удивляется притчѣ Потокъ молодой:
— Если князь онъ, иль царь напоследокъ,
Что-жъ метутъ они землю предъ нимъ бородой?
Мы честили князей, но не этакъ!
Да и полно, ужъ вправду ли я на Руси?
Отъ земного насъ бога, Господь, упаси!
Намъ Писаніемъ велѣно строго
Признавать лишь небеснаго Бога!

14.

И пытается у встрѣчнаго онъ молодца:
— Гдѣ здѣсь, дядя, собирается вѣче?
Но на томъ отъ испугу не видно лица:
— Чуръ меня, говоритъ, человѣче!
И пустился бѣжать отъ Потока бѣгомъ,
У того-жъ голова заходила кругомъ,
Онъ на землю какъ снопъ упадаетъ,
Лѣтъ на триста еще засыпаетъ.

15.

Пробудился Потокъ на другой на рѣкѣ,
На какой — не припомнить преданье;
Погулявъ себѣ взадъ и впередъ въ холодкѣ,
Входитъ онъ во просторное зданье;
Видитъ: судьи сидятъ, и торжественно тутъ
Надъ преступникомъ гласный свершается судъ:
Несомнѣнны и тяжки улики,
Преступленья-жъ довольно велики:

16.

Онъ отца отравилъ, пару тетокъ убилъ,
Взялъ подлогомъ чужое имѣнье,
Да двухъ братьевъ и трехъ дочерей задушилъ —
Ожидаютъ присяжныхъ рѣшенья.
И присяжные входятъ съ довольнымъ лицомъ:
— Хотъ убилъ, говорятъ, не виновенъ ни въ чемъ!

Тутъ платками имъ слѣва и справа
Машутъ барыни съ криками: браво!

17.

И промолвилъ Потокъ: — Со присяжными судь
Быль обыченъ и нашему міру,
Но когда бы такой подвернулся намъ шутъ,
Въ триста кунъ заплатилъ бы онъ виру!
А сосѣди, косясь на него, говорятъ:
— Вишь какой затесался сюда ретроградъ!
Отсталдй онъ, то видно по платью,
Притѣснять хочеть мѣньшую братью!

18.

Но Потокъ изъ ихъ словъ ничего не пойметъ
И въ другое онъ зданіе входитъ;
Тамъ какой-то аптекарь, не то патріотъ,
Предъ толпою ученъе проводить:
Что, молъ, нѣту души, а одна только плоть,
И что если и впрямъ существуетъ Господъ,
То онъ только есть видъ кислорода,
Вся же суть въ безначальѣ народа.

19.

И, увидя Потока, къ нему свысока
Патріотъ обратился сурово:
— Говори, уважаешь ли ты мужика?
Но Потокъ вопрошаетъ: — Какого?
— Мужика вообще, чтѣ смиренъемъ великъ!
Но Потокъ говоритъ: — Есть мужикъ и мужикъ:
Если онъ не пропѣеть урожаю,
Я тогда мужика уважаю.

20.

— Феодаль! — закричалъ на него патріотъ: —
Знай, что только въ народѣ спасенье!
Но Потокъ говоритъ: — Я вѣдь тоже народъ,
Такъ за что-жъ для меня исключенье?
Но къ нему патріотъ: — Ты народъ, да не тотъ,
Править Русью призванъ только черный народъ;
То по старой системѣ всякъ равенъ,
А по нашей лишъ онъ полноправенъ!

21.

Тутъ всѣ подняли крикъ, словно дернулъ ихъ бѣсъ
Угрожаютъ Потоку бѣдою;
Слышно: *почва, гуманность, коммуна, прогрессъ,*
И что *кто-то заѣденъ средою,*
Межъ собой вперерывъ, на подобье галчатъ
Всѣ объ общемъ какомъ-то о дѣлѣ кричать,
И Потока съ язвительнымъ тономъ
Называютъ остзейскимъ барономъ.

22.

И подумалъ Потокъ: — Ужъ, Господь борони,
Не проснулся ли слишкомъ я рано?
Вѣдь вчера еще, лежа на брюхѣ, они
Обожали московскаго хана,
А сегодня велятъ мужика обожать.
Мнѣ сдается: такая потребность лежать
То предъ тѣмъ, то предъ этимъ на брюхѣ
На вчерашнемъ основана духѣ.

23.

Въ третій входитъ онъ домъ — и объялъ его, страхъ
Видитъ — въ длинной палатѣ вонючей,
Всѣ острижены вкругъ, въ сюртукахъ и въ очкахъ
Собралися красавицы кучей.
Про какія-то женскія споря права,
Совершаютъ онѣ, засуча рукава,
Пресловутое общее дѣло:
Потрошать чье-то мертвое тѣло.

24.

Ужаснулся Потокъ, отъ красавиць бѣжить,
А онѣ восклицаютъ ехидно:
— Ахъ, какой онъ *пошлякъ!* Ахъ, какъ онъ *не развитъ*
Современности вовсе не видно!
Но Потокъ говорить, очутясь на дворѣ:
— То-жъ бывало у насъ и на Лысой Горѣ,
Только вѣдьмы, хотъ голы и босы,
Но по крайности есть у нихъ косы!

25.

И что видѣть и слышать ему довелось:
И тотъ судъ, и о Богѣ ученье,

И въ сѣяньи мужикъ, и дѣвицы безъ косъ —
Все приводитъ его къ заключенью:
— Много разныхъ бываетъ на свѣтѣ чудесъ;
Я не знаю, что значить какой-то прогрессъ,
Но до здраваго русскаго вѣча
Вамъ еще, государи, далече!

26.

И такъ сдѣлалось гадко и тошно ему,
Что онъ на-земь какъ снопъ упадаетъ,
И подъ слово «прогрессъ», какъ въ чаду и дыму,
Лѣтъ на двѣсти еще засыпаетъ.
Пробужденья его мы теперь подождемъ,
Что, проснувшись, увидить, о томъ и споемъ,
А покудова онъ не проспится,
Наудачу намъ пѣть не годится.

27.

Но я слышу вопросъ: — Для чего-жъ онъ плясалъ?
Да еще среди темной палаты?
И къ чему вообще тутъ Владиміра балъ?
Признаемся — кругомъ виноваты!
Но вѣдь если-бъ Потокъ сперва не плясать,
То наврядъ ему такъ захотѣлось бы спать,
А морали когда еще надо,
То мораль: не плясать до упада.

28.

Впрочемъ, если внимательно все разберемъ,
Доля правды есть въ новомъ ученіи;
Напримѣръ, слово «почва» мнѣ нравится въ немъ,
Я отъ «почвы» совсѣмъ въ восхищеніи.
Нѣтъ сомнѣнья, что пореть аптекарскій рой
Вообще чепуху — но бываютъ порой
И въ навозѣ жемчужныя зерна:
«Почва»-жъ гадить намъ — это безспорно.

29.

Не довольно, во-первыхъ, она горяча;
Во-вторыхъ, не довольно кремниста;
Поискать бы другой, чтобъ ужъ горе съ плеча!..
— Стой! — я слышу: — нечисто, нечисто!
Изъ былиннаго тона ты выпалъ давно!

Ну, веретимся къ тону, для насъ все равно,
Понутру намъ полеть соколиный —
Ахъ, ты гой-еси, наша былина!

30.

Ахъ, ты гой-еси, Кіевъ, родимый нашъ градъ,
Что лежитъ на пути ко Царьграду!
Зачинали мы пѣсню на старый на ладъ,
Такъ ужъ кончимъ по старому ладу!
Ахъ, ты гой-еси, Кіевъ, родимый нашъ градъ!
Во тебѣ ли Потокъ пробудиться не радъ!
Али, почвы ужъ новыя ради,
Пробудиться ему во Царьградѣ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

1.

Подъ броней, съ простымъ наборомъ,
Хлѣба кусъ жуя,
Въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ
Дѣдушка Илья;

2.

Ѣдетъ боромъ, только слышно,
Какъ бряцаетъ бронь;
Топчетъ папоротникъ пышный
Богатырскій конь.

3.

И ворчитъ Илья сердито:
— Ну, Владиміръ, что-жь?
Посмотрю я, безъ Ильи-то
Какъ ты проживешь!

4.

Дворъ мнѣ, княже, твой не диво,
Не пировъ держусь;
Я мужикъ не прихотливый,
Быль бы хлѣба кусъ!

5.

Но обнесъ меня ты чарой
Въ очередь мою—
Такъ шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью.

6.

Безъ меня другихъ довольно,
Сядутъ — полонъ столъ;
Только лакомы ужъ больно,
Любятъ женскій полъ.

7.

Все твои богатыри-то,
Значить, молодежь —
Вотъ безъ стараго Ильи-то
Какъ ты проживешь!

8.

Тѣмъ-то я пхъ болѣ стѣю,
Что забылъ ужъ бабъ;
А какъ тресну булавою,
Такъ еще не слабъ!

9.

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора,
Погулять по свѣту снова
Безъ того пора.

10.

Не терплю богатыхъ сѣней,
Мраморныхъ тѣхъ плитъ;
Отъ царьградскихъ отъ куреній
Голова болитъ;

11.

Душно въ Кіевѣ чѣ въ скринѣ —
Только киснетъ кровь;
Государынѣ-пустынѣ
Поклонюся вновь!

12.

Вновь извѣдаю я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!

13.

И старикъ лицомъ суровымъ
Просвѣтлѣлъ опять,
Понутру ему здоровымъ
Воздухомъ дышать;

14.

Снова вѣтъ воли дикой
На него просторъ,
И смолой и земляникой
Пахнетъ темный боръ.

СВАТОВСТВО.

1.

По вешнему по складу
Мы пѣсню завели,
Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

2.

Повѣдай, пѣсня наша,
На весь на русскій край,
Что мѣсяцевъ всѣхъ краше
Веселый мѣсяць май!

3.

Въ лѣсахъ, въ поляхъ отрада,
Всѣ вербы расцвѣли,
Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

4.

Затѣмъ такъ бодръ и весель
Владимірь, старый князь,
На подлокотни кресель
Сидить облокотясь.

5.

И съ нимъ, блестя нарядомъ,
Въ красѣ сѣдыхъ кудрей,
Сидитъ княгиня рядомъ
За пражей за своей.

6.

Кружась, жужжить и пляшетъ
Ея веретено,
Черемухою нашетъ
Въ открытое окно.

7.

И тутъ же молодья,
Потупившія взглядъ,
Двѣ дочери княжія
За пяльцами сидятъ.

8.

Сидятъ онѣ такъ тихо,
И взоры въ ткань ушли,
Въ груди-жъ поется лихо:
Ой, ладо, лель-люли!

9.

И вовсе имъ не шьется,
Хоть иглы изломай!
Такъ сильно сердце бьется
Въ веселый мѣсяць май!

10.

Когда-жъ беретъ изъ мочки
Княгиня волокно,
Украдкой обѣ дочки
Косятся на окно.

11.

Но вотъ, забывъ о пряжѣ,
Княгиня молвить вдругъ:
— Смотри, два гостя, княже,
Подѣхали самъ-другъ;

12.

Съ копей прыгнули смѣло
У самаго крыльца —
Узнать я не успѣла
Ни платья ни лица.

13.

А князь смѣется: — Знаю!
Пусть входятъ молодцы;
Не дальняго, чай, краю
Залетные птенцы!

14.

И вотъ ихъ входитъ двос,
Въ лохмотьяхъ и тряпьяхъ,
Съ пеньковой бородою,
Въ пеньковыхъ волосахъ.

15.

Вошедши, на икону
Крестятся въ красный куть,
А послѣ по поклону
Хозяевамъ кладутъ.

16.

Князь проситъ ихъ садиться,
Онъ хитрость ихъ проникъ,
Заранѣ веселится
Обману ихъ старикъ.

17.

Но онъ обычай знаетъ
И рѣчь заводитъ самъ:
— Отколѣ, — вопрошаетъ: —
Пожаловали къ намъ?

18.

— Мы, княже-господинѣ,
Мы съ моря рыбаки;
Сейчасъ завязли въ тинѣ
Среди Днѣпра-рѣки;

19.

Двухъ рыбокъ златопѣрыхъ
Хотѣли мы поймать,
Да спрятались въ кокорахъ,
Пришлось подождать.

20.

Но князь на это: — Братья,
Неправда, ей-же-ей!
Не мокры ваши платья,
И съ вами нѣтъ свѣтей!

21,

Днѣпра-жь свѣтлы стремнины,
Чиста его вода,
Не видано въ немъ тины
Отъ вѣку никогда!

22.

На это гости: — Княже,
Коль мы не рыбаки,
Пожалуй, скажемъ глаже:
Мы брыньскіе стрѣлки!

23,

Стрѣляемъ звѣрь да птицы
По дебрямъ по лѣснымъ,
А нонѣ двѣ куницы
Пушистыя слѣдимъ;

24.

Трущобой шли да дромомъ,
Досель удачи нѣтъ,
Но насъ къ твоимъ хоромамъ
Двойной приводитъ слѣдъ!

25.

А князь на это: — Чтò вы!
Трущобой вы не шли,
Лохмотья ваши новы
И даже не въ пыли!

26,

Куницъ же быють зимою,
А нонѣ мѣсяцъ май,
За звѣрью за иною
Пришли ко мнѣ вы, чай!

27.

— Ну, княже,—молвятъ гости:—
Тебя не обмануть!
Такъ скажемъ ужъ по-прости,
Кто мы такіе суть;

28.

Мы бѣдные калики,
Мы старцы-гусляры,
Но пѣть не горемыки,
Гдѣ только есть пиры;

29.

Мы скрозь отъ Новаграда
Сюда съ припѣвомъ шли;
— Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

30.

И если бы двѣ свадьбы
Затѣялъ ты сыграть,
Мы стали распѣвать бы
Да струны разбирать!

31.

— Вотъ это,—князь отвѣтилъ:—
Другой выходитъ стихъ;
Но гуслей не замѣтилъ
При васъ я никакихъ!

32.

А что съ припѣвомъ шли вы
Сквозь цѣлый русскій край,
Оно теперь не диво,
Въ веселый мѣсяцъ май!

33.

Теперь въ вѣтвяхъ березы
Поютъ и соловьи,
Въ лугахъ поютъ стрекозы,
Въ поляхъ поютъ ручьи,

34.

И много, въ небѣ рѣя,
Поетъ пернатыхъ стай —
Всѣхъ мѣсяцевъ звончѣе
Веселый мѣсяць май!

35.

Но строй гусярный, други,
Наврядъ ли вамъ знакомъ:
Вы носите кольчуги,
Вы рубитесь мечомъ!

36.

Въ мѣшкѣ не спрятать шила!
Васъ выдалъ рѣчи звукъ:
Пленковичъ ты, Чурило,
А ты Степанычъ, Дюкь!

37.

Туть съ нихъ лохмотья спали,
И, свѣтлы какъ заря,
Два славные предстали
Предъ нимъ богатыря;

38.

Ихъ борода упали,
Смѣются ихъ уста —
Подобная едва ли
Встрѣчалась красота!

39.

Ихъ кровь, отъ силъ избытка,
Играетъ горячо,
Корсунская накидка
Надѣта на плечо,

40.

Коты изъ аксамита
Съ каменіемъ цвѣтнымъ,
А бѣрца вкрестъ обвиты
Оборомъ золотнымъ;

41.

Орлинымъ мечуть окомъ
Не взоры, но лучи!
На поясѣ широкомъ
Крыжатые мечи.

42.

Съ притворнымъ со смущеньемъ
Глядятъ на нихъ княжны,
Какъ будто превращеньемъ
И впрямь удивлены;

43.

И взоры тотчасъ тихо
Склонили до земли,
А сердце скачетъ лихо:
Ой, ладо, лель-люли!

44.

Княгиня жъ молвить: — Знала
Я это напередъ,
Недаромъ куковала
Кукушка у воротъ,

45.

И снилось мнѣ съ полночи,
Что, голову поднявъ
И въ лѣсъ уставя очи,
Нашъ лаеъ волкодавъ!

46.

Но, видъ принявъ суровый,
Пришельцамъ молвить князь:
— Отвѣтствуйте, по что вы
Вернулись, не спросясь?

47.

Указанъ былъ отселѣ
Вамъ путь на девять лѣтъ —
Какимъ же дѣломъ смѣли
Забуть вы мой запретъ?

48.

— Не будь, о, княже, гнѣвнѣ,
Твой дворъ чтобъ видѣть вновь,
Армянскихъ двухъ царевнѣ
Отвергли мы любовь;

49.

Занѣ твоихъ издавна
Мы любимъ дочерей —
Отдай же ихъ, державный,
За насъ, богатырей!

50.

Но, видѣ храня суровый,
А самъ въ душѣ смѣясь:
— Мнѣ эта вѣсть не нова, —
Отвѣтилъ старый князь: —

51.

Отъ русской я державы
Велѣлъ вамъ быть вдали,
А вы ко мнѣ лукаво
На промыселъ пришли!

52.

Но, рыбъ чтобъ вы не смѣли
Ловить въ моемъ Днѣпру,
Всѣ глуби я и мели
Оцѣпами запру!

53.

Чтобъ впредь вы не дерзали
Слѣдить моихъ куницъ,
Ограду я изъ стали
Поставлю кругъ границъ!

54.

Ни неведомъ вамъ болѣ
Ни сътью не ловить —
Но будетъ въ вашей волѣ
Добромъ ихъ приманить:

55.

Коль быть хотятъ за вами,
Никто имъ не мѣшай!
Пускай рѣшаются сами
Въ веселый мѣсяцъ май!

56.

Услыша слово это,
Съ Чурилой славный Дюкъ
Отъ дочекъ ждутъ отвѣта,
Сердечъ ихъ слышенъ стукъ...

57.

Что дочки имъ сказали,
Кто можетъ, отгадай —
Мы словъ ихъ не слышали
Въ веселый мѣсяцъ май!

58.

Мы словъ ихъ не слышали,
Намъ свистъ мѣшалъ дроздовъ,
Намъ иволги мѣшали
И рокоть соловьевъ;

59.

И звонко такъ въ болотѣ
Кричали журавли,
Что мы, при всей охотѣ,
Разслышать не могли!

60.

Такая намъ досада!
Разслышать не могли!
Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

БАЛЛАДА СЪ ТЕНДЕНЦІЕЙ.

1.

Порой веселой мая,
По лугу вертограда,
Среди цвѣтовъ гуляя,
Самъ-другъ идутъ два Лада.

2.

Онъ — въ мурмолкѣ червлёной,
Каменьемъ корзно шито,
Тесьмою золочёной
Вкрестъ гдлени обвиты.

3.

Она же — молодая,
Вся въ ткани серебристой,
Звепять на ней, сверкая,
Граненныя мониста,

4.

Блестить вѣнецъ наборный,
А хвостъ ея понявы,
Шурша фатой узорной,
Мететь за нею травы.

5.

Ей весело, невѣстѣ.
— О, милый! — молвить другу: —
Не лѣпо ли намъ вмѣстѣ
Въ цвѣтахъ идти по лугу?

6.

И взоръ ея онъ встрѣтилъ,
И стапъ ей обнялъ гибкой.
— О, милая! — отвѣтилъ
Со страстною улыбкой: —

7.

Здѣсь рай съ тобою сущій!
Воистину все лѣно!
Но этотъ садъ цвѣтущій
Засѣютъ скоро рѣпой!

8.

— Какъ быть такой невзгодѣ! —
Воскликнула невѣста: —
Ужели въ огородѣ
Для рѣпы нѣту мѣста?

9.

А онъ: — Моя ты Лада!
Есть мѣсто рѣпѣ, точно,
Но садъ испортить надо
Затѣмъ, что онъ цвѣточный!

10.

Она-жь къ нему: — Что-жь будетъ
Съ кустами медвѣжины,
Гдѣ каждымъ утромъ будить
Насъ рокоть соловьиный?

11.

— Кусты тѣ вырвать надо
Со всѣми ихъ корнями,
Индеекъ здѣсь, о, Лада,
Хотятъ кормить червями!

12.

Поднявъ свои рѣсницы,
Спросила туць невѣста:
— Ужель для этой птицы
Въ курятникѣ нѣтъ мѣста?

13.

— Какъ мѣсту-то не быти!
Но соловьевъ, о, Лада,
Скорѣе истребити
За безполезность надо!

14.

— А роща, гдѣ въ тѣни мы
Скрываемся отъ жара,
Ея, надѣюсь, мимо
Пройдетъ такая кара?

15.

— Ее порубячь, Лада,
На зданіе такое,
Гдѣ-бъ жирныя говяда
Кормились на жаркое;

16.

Иль даже выйдетъ проще,
О, жизнь моя, о, Лада,
И будетъ въ этой рощѣ
Свиной пастися стадо!

17.

— О, другъ ты мой единый, —
Спросила тутъ невѣста:—
Ужель для той скотины
Иного нѣту мѣста?

18.

— Есть много мѣста, Лада,
Но нашъ пріючь тѣнистый
Затѣмъ изгадить надо,
Что въ немъ свѣжо и чисто!

19.

— Но кто же люди эти, —
Воскликнула невѣста:—
Хотящіе, какъ дѣти,
Чужое гадить мѣсто?

20.

— Чужимъ они, о, Лада,
Не многое считаютъ,
Когда чего имъ надо,
То тащутъ и хватаютъ.

21.

— Иль то матерьялисты, —
Невѣста вновь спросила:—
У коихъ трубочисты
Суть выше Рафаила?

22.

— Имъ имена суть многи,
Мой ангель серебрястый,
Они-жъ и демагоги,
Они-жъ и анархисты.

23.

Толпы ихъ всѣ грызутся,
Лишь свой откроютъ форумъ,
И порознь всѣ клянутся
In verba вожакорумъ.

24.

Во одномъ согласны всѣ лишь:
Коль у другихъ имѣнье
Отымешь да раздѣлишь,
Начнется вождельнье.

25.

Весь миръ желаютъ сгладить
И тѣмъ ввести равенство,
Что все хотятъ загадить
Для общаго блаженства.

26.

— Повѣдай, шутокъ кромѣ, —
Спросила тутъ невѣста:—
Имъ въ сумасшедшемъ домѣ
Ужели нѣту мѣста?

27.

— О, свѣтъ ты мой желанный,
Душа моя ты, Лада!
Ужъ очень имъ пространный
Построить домъ бы надо!

28.

Вопросъ: какимъ манеромъ
Такой имъ домъ построить?
Дозволить инженерамъ—
Премного будетъ стоять;

29.

А земству предоставить
На ихъ же иждивеньи —
То значило-бъ оставить
Постройку безъ движенья.

30.

— О, другъ, что-жъ дѣлать надо,
Чтобъ не погибнуть краю?
— Такое средство, Лада,
Мнѣ кажется, я знаю:

31.

Чтобъ русская держава
Спаслась отъ ихъ затѣи,
Повѣсить Станислава
Всѣмъ вожакамъ на шею!

32.

Тогда пойдетъ все гладко
И станеть все на мѣсто.
— Но это средство гадко!—
Воскликнула невѣста.

33.

— Ничуть не гадко, Лада,
Напротивъ, превосходно:
Народу безъ наклада,
Казнѣ-жъ весьма доходно.

34. 7.

— Но это средство скверно!—
Сказала дѣва въ гнѣвѣ.
— Но это средство вѣрно!—
Женихъ отвѣтилъ дѣвѣ.

35.

— Какъ ты безнравственъ, право!—
Въ сердцахъ сказала дѣва:—
Ступай себѣ направо,
А я пойду налѣво!

36.

И оба, вздѣвши длани,
Разстались разсержены,
Она въ сребристой ткани,
Онъ въ мурмолкѣ червлёной.

37.

— Къ чему-жъ твоя баллада?—
Иная спросить дѣва.
— О, жизнь моя, о, Лада,
Ей-ей, не для припѣва!

38.

Нѣтъ, полнъ иного чувства,
Я вѣрю реалистамъ:
Искусство для искусства
Равняю съ птечьимъ свистомъ;

39.

Я, новому ученью
Отдавшись безъ раздѣла,
Хочу, чтобъ въ пѣснопѣньи
Всегда сквозило дѣло.

40.

Служите-жъ дѣлу, струны!
Уймите праздный ропоть!
Россійская коммуна,
Прими мой первый опыт!

АЛЕША ПОПОВИЧЪ.

1.

Кто весломъ такъ ловко править
Черезъ аиръ и купырь?
Это тотъ Поповичъ славный,
Тотъ Алёша-богатырь.

2.

За плечами видны гусли,
А въ ногахъ червлёный щить;
Супротивъ его царевна
Полонёная сидить.

3.

Подъ себя поджала ножки,
Лётникъ свой подобрала,
И считаетъ робко взмахи
Богатырскаго весла.

4.

— Ты почто меня, Алёша,
Въ лодку пѣсней заманилъ?
У меня женихъ есть дома,
Ты-жъ, похитчикъ, мнѣ не милъ!

5.

Но, смѣясь, Поповичъ молвить:
— Не похитчикъ я тебѣ,
Ты вошла своею волей,
Покорись своей судьбѣ!

6.

Ты не первая попалась
Въ лодку, дѣвица, мою;
Знаменитымъ птицеловомъ
Я слыву въ моемъ краю;

7.

Безъ силковъ и безъ приманокъ
Я не разъ межъ камышей
Голубыхъ очеретянокъ
Пѣсней лавливалъ моей;

8.

Но въ плѣну, кого поймаю,
Безъ нужды я не морю —
Покорися же, царевна,
Сдайся мнѣ, богатырю!

9.

Но она къ нему: — Алѣша,
Тѣсно въ лодкѣ намъ вдвоёмъ,
Тяжела ей будетъ ноша,
Вмѣстѣ къ-дну мы пойдёмъ!

10.

Онъ же къ ней: — Смотри, царевна,
Видишь, тамъ, гдѣ тотъ откосъ,
Какъ на солнцѣ быстро блещутъ
Стаи легкія стрекозы?

11.

На лозу когда бы сѣли,
Не погнули бы лозы,
Ты же въ лодкѣ не тяжелѣ
Легкокрылой стрекозы!

12.

И душистый гнетъ онъ аирь
И, скользя очеретомъ,
Стебли длинные купавокъ
Рветъ сверкающимъ весломъ.

13.

Много пѣвниковъ нарядныхъ
Въ лодку съ берега глядять,
Но Поповичу царевна,
Озираясь, говоритъ :

14.

— Птицеловъ ты безпощадный,
Иль тебѣ меня не жаль?
Отпусти меня на волю,
Лодку къ берегу причаль!

15.

Онъ же, въ берегъ упираясь
И осокою шурша,
Повторяетъ только: — Сдайся,
Сдайся, дѣвица-душа!

16.

Я люблю тебя, царевна,
Я хочу тебя добыть,
Вольной волей иль неволей,
Ты должна меня любить.

17.

Онъ весло свое бросаетъ,
Гусли звонкія беретъ—
Дивнымъ пѣніемъ дрожащій
Огласился очеретъ...

18.

Звуки льются, звуки тають:
То не вѣтеръ ли во ржи?
Не крылами-ль задѣваютъ
Мѣдный колоколь стрижи?

19.

Иль въ тѣни журчатъ дубравной
Однозвучные ключи?
Иль ковшей тѣ звонъ заздравный?
Иль мечи бьютъ о мечи?

20.

Пламя-ль блещеть? Дождь ли льется?
Буря-ль встала, пыль крутя?
Конь ли по полю несется?
Мать ли пѣствует дитя?

21.

Или тò воспоминанье,
Отголосокъ давнихъ лѣтъ?
Или счастья общанье?
Или смерти тò привѣтъ?

22.

Пѣсню кто уразумѣть?
Кто пойметъ ея слова?
Но отъ звуковъ сердце млѣеть
И кружится голова.

23.

Ихъ услыша, присмирѣли
Пташекъ рѣзвья четы,
На тростникъ стрекозы сѣли,
Преклонилися цвѣты:

24.

Погремокъ, пестрець и шильникъ,
И болотная заря
Къ лодкѣ съ берега нагнулись
Слушать пѣснь богатыря.

25.

Такъ съ царевной по теченью
Онъ уносится межъ травъ,
И она внимаетъ пѣнью,
Руку бѣлую поднявъ.

26.

Чтò внезапно въ ней свершилось?
Тоскованье-ль улеглось?
Сокровенное-ль открылось?
Невозможное-ль сбылось?

27.

Словно давнія печали
Разошлись какъ туманъ;
Словно всѣ преграды пали—
Или были лишь обманъ!

28.

Взоромъ любящимъ невольно
Въ ликъ его она впилась,
Ей и радостно и больно,
Слезы капаютъ изъ глазъ;

29.

Любить онъ, иль лицемѣрить—
Для нея то все равно;
Этимъ звукамъ сердце вѣрить
И дрожить, побѣждено.

30.

И со всѣхъ сторонъ ихъ лодку,
Обняла рѣчная тишь,
И куда ни обернешься—
Только небо да камышъ...

КАНУТЬ.

ЛЕГЕНДА.

1.

Двѣ вѣсти ко князю Кануту пришли:
Одну, при богатомъ поминѣ,
Шлетъ свать его Магнусъ. Изъ русской земли
Другая пришла отъ княгини.

2.

Съ пѣвцомъ своимъ Магнусъ словесную вѣсть
Безъ грамоты шлетъ харатейной;
Онъ проситъ Канута, въ услугу и въ честь,
Пріѣхать на съѣздъ на семейный.

3.

Княгиня-жъ ко грамотѣ тайной печать
Подъ многимъ привѣсила страхомъ;
И вслухъ ея строки Кануть прочитатъ
Велитъ двумъ досужимъ монахамъ.

4.

Читаютъ монахи: «Супругъ мой и князь!
«Привидѣлось мнѣ сновидѣнье:
«Поѣхалъ въ Роскильду, въ багрець нарядясь,
«На Магнуса ты приглашенье;

5.

«Багрець твой сталъ кровью въ его терему;
«Супругъ мой, молю тебя слезно,
«Не вѣрь его дружбѣ, не ѣзди къ нему,
«Любимый, желанный, болѣзненный!»

6.

Монахи съ испугу рѣчей не найдуть:
— Святые угодники съ нами!
Взглянулъ на ихъ блѣдныя лица Кануть;
Пожаль, усмѣхаясь, плечами.

7.

— Я Магнуса знаю, правдивъ онъ и прямъ,
Дружилъ съ нимъ по нынѣшній день я;
Ужель ему вѣры теперь я не дамъ
Княгинина ради видѣнья?

8.

И берегомъ въ путь выѣзжаетъ морскимъ
Кануть, безъ щита и безъ брони;
Три отрока ѣдутъ поодаль за нимъ,
Ихъ весело топаютъ кони.

9.

Пѣвецъ, что посланъ его пригласить,
Съ нимъ ѣдетъ по берегу рядомъ;
Тяжелую тайну клялся онъ хранить,
Съ опущеннымъ ѣдетъ онъ взглядомъ.

10.

Дыханіемъ теплымъ у моря весна
Чуть гривы коней ихъ шевелить,
На мокрый песокъ набѣгаетъ волна
И пѣну имъ подъ-ноги стелеть.

11.

Но вотъ догоняетъ ихъ отрокъ одинъ,
Съ Канутомъ, снявъ шлыкъ, поровнялся.
— Ужь намъ не вернуться ли, князь-господинъ,
Твой конь на ходу расковался!

12.

— Пускай расковался! — смѣется Кануть: —
Мягка намъ сегодня дорога,
Въ Роскильдѣ коня кузнецы поддеуютъ,
У свата, я чаю, ихъ много!

13.

Къ болоту тропа, загибаясь, ведетъ;
Надъ нимъ, куда око ни глянетъ,
Вечерній туманъ свои нити прядетъ
И сизыя полосы тянетъ.

14.

Отъ отроковъ вновь отдѣлился одинъ,
Ровняетъ коня съ гоподиномъ:
— За этимъ туманищемъ, князь-господинъ,
Не видно твоей головы намъ!

15.

— Пускай вамъ не видно моей головы —
Я, благо, живу безъ изъяна!
Опять меня цѣлымъ увидите вы,
Какъ выйдемъ мы изъ тумана!

16.

Въѣзжаютъ они во трепещущій боръ,
Весь полный весеняго крика,
Гремитъ соловьиный въ шиповникѣ хоръ,
Звѣздится въ травѣ земляника.

17.

Черемухи вѣтви душистыя гнутъ,
Всѣ дикія яблони въ цвѣтѣ.
Ихъ запахъ вдыхаючи, мыслить Кануть:
Жить любо на божіемъ свѣтѣ!

18.

Украдкой пѣвецъ на него посмотрѣлъ,
И жалость его охватила:
Такъ весель Кануть, такъ довѣрчивъ и смѣлъ!
Кипить въ немъ такъ молодо сила!

19.

Ужели сегодня во гробъ ему лечь;
Погибнуть въ подводѣ жестокомъ?
И хочется князя ему остеречь,
Спасти околичнымъ намѣкомъ.

20.

Былину старинную онъ затянулъ;
Въ зеленомъ, пустынномъ просторѣ
Съ припѣвомъ дубравный сливается гулъ:
«Ой, море, ой, синее море!

21.

«Къ царевичу славному теща и тестъ
«Коварной исполнены злости,
«Измѣной хотятъ они зятя извести,
«Зовутъ его ласково въ гости.

22.

«Но морю, что, мѣръ обтекаю, шумитъ,
«Извѣстно о ихъ заговорѣ;
«Не ѣди, царевичъ, — оно говорить —
«Ой, море, ой, синее море!

23.

«На вѣрную смерть ты пускаешься въ путь;
«Твой тестъ погубить тебя хочетъ,
«Тотъ мечъ, что онъ завтра вонзитъ тебѣ въ грудь,
«Сегодня ужъ онъ его точитъ!

24.

«Страшенію моря царевичъ не внялъ,
«Не внялъ на великое горе,
«Спускаетъ ладью онъ на пѣнистый валъ —
«Ой, море, ой, синее море!

25.

«Плыветъ онъ на вѣрную гибель свою,
«Бѣды надъ собою не чааетъ,
«И скорбно его расписную ладью
«И нехотя море качаетъ...»

26.

Пѣвецъ, въ ожиданіи, пѣсно прервалъ,
Украдкой глядитъ на Канута —
Безпечно тотъ ѣдетъ себѣ вперевалъ,
Рветъ вѣтки съ черемухи гнутой;

27.

Значеніе пѣсни ему невдомѣкъ;
Онъ весель, какъ былъ и съ почину,
И видя, какъ онъ отъ догадки далекъ,
Пѣвецъ продолжаетъ былинну:

28.

«Въ ладѣ не вернулся царевичъ домой;
«Наслѣдную вотчину вскорѣ
«Сватья раздѣлили его межъ собой —
«Ой, море, ой, синее море!»

29.

«У берега холмъ погребальный стоитъ;
«Никѣмъ не почтенъ, не стороженъ;
«Въ холмѣ томъ убитый царевичъ лежитъ,
«Въ ладью расписную положенъ;

30.

«Лежить съ погруженнымъ онъ въ сердце мечомъ;
«Не въ бармахъ, не въ царскомъ уборѣ,
«И тризну свершаетъ лишь море по немъ —
«Ой, море, ой, синее море!»

31.

Вновь очи пѣвецъ на Канута поднялъ:
Тотъ свѣжими клена листьями
Гремучую сбрую коня разубралъ,
Утыкаль очѣлокъ цвѣтами;

32.

Глядитъ онъ на мошекъ толкущійся рой
Въ лучахъ золотого захода
И мыслить, воздушной ихъ тѣшась игрой:
— Намъ ясная завтра погода!

33.

Былинны значенье ему невдогадъ;
Онъ ѣдетъ съ весельемъ во взорѣ
И самъ напѣваетъ товарищу въ ладѣ:
«Ой, море, ой, синее море!»

34.

Его не спасти! Ему смерть суждена,
Влечетъ его темная сила!
Дыханьемъ своимъ молодая весна,
Знать, разумъ его опьянила!

35.

Пѣвецъ замолчалъ. Что свершится, о томъ
Яснѣй намекнуть онъ не смѣетъ —
Поютъ соловьи, заливаясь, кругомъ,
Шиповникъ пахучій алѣетъ.

36.

Не чуетъ гибели близкой Кануть,
Онъ ѣдетъ къ бѣдѣ неминуемой —
Кругомъ соловьи, заливаясь, поютъ,
Шиповникъ алѣетъ пахучій...

САДКО.

1.

Сидить у царя водяного Садкѣ
И съ думою смотреть печальной,
Какъ моря пучина надъ нимъ высоко
Синѣть сквозь теремъ хрустальный;

2.

Тамъ ходять, какъ тѣни, надъ нимъ корабли,
Товарищи тамъ его ищуть,
Тамъ берегъ остался цвѣтущей земли,
Тамъ птицы порхаютъ и свищуть;

3.

А здѣсь на него любопытно глядитъ
Бѣлуга, глазами моргая,
Иль мелкими искрами мимо бѣжитъ
Снетковъ серебристая стая.

4.

Куда онъ ни взглянетъ — все синяя гладь,
Все воду лишь видитъ да воду,
И пѣсни усталъ онъ на гусяхъ играть
Царю водяному, въ угоду.

5.

А царь, улыбаясь, ему говоритъ:
— Садкѣ, мое милое чадо,
Повѣдай, зачѣмъ такъ печаленъ твой видъ?
Скажи мнѣ, чего тебѣ надо?

6.

Кутья ли съ шафраномъ моя не вкусна?
Блины съ инбиремъ не жирны ли?
Аль въ чемъ непривѣтна царица-жена?
Аль дочери чѣмъ досадили?

7.

Смотри, какъ алмазы здѣсь ярко горять!
Какъ много здѣсь яхонтовъ алыхъ!
Сокровищъ ты столько нашель бы наврядъ
Въ хвалёныхъ софійскихъ подвалахъ!

8.

— Ты, гой-еси, царь-государь водяной,
Морское пресвѣтлое чудо!
Я много доволенъ твоею женой
И мнѣ отъ царевенъ не худо;

9.

Вкусны и кутья и блины съ инбиремъ,
Одно, государь, мнѣ обидно:
Куда ни посмотришь, все мокро кругомъ,
Сухого мѣстечка не видно!

10.

Что пользы мнѣ въ томъ, что сокровищъ полны
Подводныя эти хоромы!
Увидѣть бы мнѣ хотя-бъ зелень сосны,
Прилечь хоть на ворохъ соломы!

11.

Богатствомъ своимъ ты меня не держи;
Всѣ роскоши эти и нѣги
Я-бъ отдалъ за крикъ перепелки во ржи,
За скрипъ новгородской телѣги!

12.

Давно такъ не видно мнѣ божьяго дня,
Мнѣ запаху здѣсь — только тина;
Хоть дегтемъ повѣяло-бъ разъ на меня,
Хоть дымомъ курного овина!

13.

Когда же я вспомню, что этой порой
Весна на землѣ расцвѣтаетъ,
И самъ ужъ не знаю, что станеть со мной:
За сердце вотъ такъ и хватаетъ!

14.

Теперь у насъ пляски въ лѣсу молодомъ,
Забыты и стужа и слякоть—
Когда я подумаю только о томъ,
Отъ грусти мнѣ хочется плакать!

15.

Теперь, чай, и птица и всякая звѣрь
У насъ на землѣ веселится;
Сквозь листь прошлогодней пробившись теперь,
Синѣетъ въ лѣсу медуница!

16.

Во свѣжемъ, въ зеленомъ лѣсу молодомъ
Березой душистою пахнетъ—
И сердце во мнѣ, лишь подумаю о томъ,
Съ тоски изнываетъ и чахнетъ!

17.

— Садко, мое чадо, городишь ты вздоръ,
Земля нестерпима отъ зною;
Я въ этомъ сошлюся на цѣлый мой дворъ,—
Всегда онъ согласенъ со мною.

18.

Мой теремъ есть моря великаго пупъ,
Твой жеребій, стало-быть, свѣтель;
А ты непонятливъ, несвѣдущъ и глупъ,
Я это давно ужъ замѣтилъ.

19.

Ты въ думѣ пригоденъ моей засѣдать,
Твою возвеличу я долю
И санъ водяного совѣтника дать
Тебѣ непременно изволю!

20.

— Ты, гой-еси, царь-государь водяной,
Премного тебѣ я обязанъ,
Но почести я недостойнъ морской,
Ужъ очень къ землѣ я привязанъ.

21.

Бывало, не все тамъ норѣвилось мнѣ,
Не пѣ-сердцу было иное;
Съ тѣхъ поръ же, какъ я очутился на днѣ,
Мнѣ все стало мило земное;

22.

Припомнился песь мнѣ, и грязень и хиль;
Въ репьяхъ и въ сору извалялся;
На пиръ я въ ту пору, на званый, спѣшилъ,
А онъ мнѣ подъ ноги попался;

23.

Брезгливо взглянувъ, я его отогналъ,
Ногой оттолкнулъ его гордо —
Вотъ этого пса я-бъ теперь цѣловалъ
И въ темя, и въ очи, и въ морду!

24.

— Садко, мое чадо, на кую ты стать
О псѣ вспоминаешь сегодня?
Зачѣмъ, тебѣ грязнаго пса цѣловать?
На то мои дочки пригоднѣй.

25.

Воистину, чѣмъ бы ты имъ не женихъ?
Я вижу, хотъ въ усъ и не дую,
Пошла за тебя бы любая изъ нихъ —
Бери-жъ себѣ въ жѣны любую!

26.

— Ты, гой-еси, царь-государь водяной,
Морское пресвѣтлое чудо!
Боюся, отъ брака съ такою женой
Не вышло-бъ душѣ моей худо!

27.

Не спору, онѣ у тебя хороши,
И цвѣтъ ихъ очей изумрудный,
Но только колючи онѣ какъ ерши,
Намъ было-бъ сожительство трудно.

28.

Я тѣмъ не порочу твоихъ дочерей,
Но я бы не то что люблю,
А всѣхъ ихъ сейчасъ промѣнялъ бы, ей-ей,
На первую дѣвку рябую!

29.

— Садкѣ, мое чадо, ужъ очень ты грубъ,
Не нравится рѣчь мнѣ такая;
Когда бы твою не цѣнилъ я игру-бъ,
Ногой тебѣ далъ бы пинка я.

30.

Но печени какъ-то сегодня свѣжо,
Веселье въ утробѣ я чую;
О свадьбѣ твоей потолкуемъ ужю,
Теперь же сыграй плясовую!

31.

Ударилъ Садкѣ по струнамъ трепака,
Самъ къ чорту шлетъ царскую ласку,
А царь, ухмыляясь, упѣрся въ бока,
Готовится, дрыгая, въ пляску:

32.

Сперва лишь на мѣстѣ поводитъ усѣмъ,
Щетинистой бровью киваетъ;
Но вотъ запыхтѣлъ и надулся какъ сомъ,
Все болѣ его разбираетъ.

33.

Похаживать началъ, плечми шевеля,
Подпрыгивать мимо царицы,
Да вдругъ какъ пойдетъ выводить вензеля,
Такъ всѣ затряслись половицы.

34.

— Ну, мыслить Садкò, я тебя заморю!
Съ досады быстрѣй онъ играетъ,
Но, какъ ни частить, водяному царю
Все болѣе силъ прибываетъ.

35.

Пустился навывертъ пятами мѣсить,
Закидывать ногу за ногу,
Откуда взялася, подумаешь, прыть?
Глядѣть индо страшно, ей-Богу!

36.

Бояре въ испугѣ ползуть окарачь,
Царица присѣла ажъ на полъ,
Пищать-инъ царевны, а царь себѣ вскачь
Знай чешетъ ногами оба-полъ.

37.

То, выпятя грудь, на придворныхъ онъ преть,
То, скорчившись, пятится бокомъ,
Ломаетъ колѣнца и взадъ и впередъ,
Виляетъ загрѣбомъ и скокомъ.

38.

И все веселѣй и привольнѣй ему,
Колѣнца выходятъ все круче —
Темнѣе становится все въ терему,
Надъ моремъ собираются тучи...

39.

Но шибче играетъ Садкò, осерча,
Сжавъ зубы и брови нахмуря,
Онъ злится, онъ дергаетъ струны сплеча —
Вверху подымается буря...

40.

Вотъ дальними грянулъ раскатами громъ,
Сверкнуло въ пучинномъ просторѣ,
И огненнымъ свѣтомъ зардѣла кругомъ
Глубокая прѣзельнъ моря.

41.

Вотъ крики слышались тамъ высоко,
То гибнуть пловцы съ кораблями...
Отчаяннѣй бьеть пятернями Садко,
Царь бѣшенѣй мѣситъ ногами!

42.

Въ присядку понесъ его чортъ ходуномъ,
Онъ фыркаетъ, пышетъ и дуетъ,
Гремитъ плясовая, колеблется домъ,
И море реветъ и бушуетъ...

43.

И вотъ пузыри отъ подстѣвня пошли,
Садко уже видитъ сквозь стѣны:
Разбитые къ-дну летятъ корабли,
Крутятся средь ила и пѣны;

44.

Онъ видитъ: морякъ не одинъ потонулъ,
Въ немъ сердце исполнилось жали,
Онъ сильною хваткой за струны рвануль —
И, лопнувъ, онѣ завизжали.

45.

Споткнувшись на мѣстѣ, сталъ царь водяной,
Ногою подъятой болтая:
— Никакъ подшутилъ ты, Садко, надо мной?
Противна мнѣ шутка такая!

46.

Не въ пору, невѣжа, ты струны порвалъ,
Какъ разъ когда я расплясался!
Такого колѣна никто не видалъ,
Какое я дать собирался!

47.

Зачѣмъ здоровѣе ты струнъ не припасъ?
Какъ буду теперь безъ музыки?
Аль ты, неумытый, плясать въ сухоплясъ
Велишь мнѣ, царю и владыкѣ?

48.

И плёсомъ чешуйнымъ въ потылицу царь
Хватилъ его, ярости полный,
И вотъ завертѣлся Садко какъ кубарь,
И вверхъ понесли его волны...

49.

Сидить въ Новѣградѣ Садко невредимъ,
Съ нимъ вящше всѣ уличане;
На скатерти браной шипить передъ нимъ
Вино въ венецейскомъ стаканѣ.

50.

Стененный посадникъ, и тысяцкій тутъ,
И старыхъ посадниковъ двое,
И съ ними кончанскіе старосты пьютъ
Здоровье Садку круговое.

51.

— Повѣдай, Садко, уходилъ ты куда?
На чудскую Емь, аль на Балты?
Гдѣ бросилъ свои расшивныя суда?
И безъ вѣсти гдѣ пропадалъ ты?

52.

Поеть и на гусяхъ играетъ Садко,
Поеть про царя водяного:
Какъ было тамъ жить у него нелегко
И какъ ужъ онъ пляшетъ здорово;

53.

Поеть про походъ, безъ утайки, про свой,
Какая чему была чередъ —
Качають въ сомнѣннн всѣ головой,
Не могутъ разказу повѣрить.

СЛѢПОЙ.

1.

Князь выѣхалъ рано, средь грядней своихъ,
Въ сырѣ-борѣ полеванья извѣдать;
Гонялъ онъ и венрей и туровъ гнѣдыхъ,
Но время dospѣло, звонъ рога утихъ,
Пора отдыхать и обѣдать.

2.

Въ логу они свѣжемъ, подъ дубомъ, сидятъ
И брашна примаются рушать;
И князь говоритъ:—Мнѣ отраднo звучать
Ковши и братины, но пѣсню бы радъ
Я въ зелени этой послушать.

3.

И отрокъ озвался:—За рѣчкою тамъ
Убогій мнѣ пѣсенникъ вѣдомъ;
Онъ слѣпъ, но гораздъ ударять по струнамъ.
И князь говоритъ:—Отыщи его намъ,
Пусть тѣшитъ онъ насъ за обѣдомъ.

4.

Ловцы отдохнули, братины допивъ,
Сидѣть имъ безъ дѣла не любо,
Поѣхали далѣ, про пѣсню забывъ,
Гусляръ между тѣмъ, на княжой на призывъ,
Бредеть ко знакомому дубу.

5.

Онъ щупаетъ посохомъ корни деревъ,
Плетётся одинъ чрезъ дубраву,
Но въ сердцѣ звучитъ вдохновенный нагѣвъ,
И думъ благодатныхъ ужъ зрѣтъ посѣвъ,
Слагается пѣсня на славу.

6.

Пришелъ онъ на мѣсто: лишь дятель стучить,
Лишь въ листьяхъ стрекочетъ сорока;
Но въ сторону ту, гдѣ, не видя, онъ мнитъ,
Что съ гриднями князь въ ожиданьи сидитъ,
Старикъ поклонился глубоко.

7.

— Хвала тебѣ, княже; за ласку твою,
Бояре и гридни, хвала вамъ!
Начать пѣснопѣнье готовъ я стою—
О чемъ же я, старый и бѣдный, спою,
Предъ сонмищемъ симъ величавымъ?

8.

Что въ вѣщемъ сказалося сердцѣ моемъ,
То выразить рѣчью возьмусь ли?
Пождалъ—и, не слыша ни слова кругомъ,
Садится на кочку, поросшую мхомъ,
Персты возлагаетъ на гусли.

9.

И струнъ переливы въ лѣсу потекли,
И пѣсня въ глуши зазвучала...
Всѣ міра явленья, вблизи и вдали:
И синее море, и роскошь земли,
И цвѣтныхъ каменій начала,

10.

Что въ нѣдрахъ подземія блескъ свой таятъ,
И чудища въ морѣ глубокомъ,
И въ темномъ бору заколдованный кладъ,
И витязей бой, и сверканіе латы—
Все видитъ духовнымъ онъ окомъ.

11.

И подвиги славить минувшихъ онъ дней,
И все, что достойно, вѣнчаетъ:
И доблесть народовъ, и правду князей,
И милость могучихъ онъ въ пѣснѣ своей
На малыхъ людей призываетъ.

12.

Привѣтъ полоненному шлетъ онъ рабу,
Укоръ градоимцамъ суровымъ,
Насилье-жъ надъ слабымъ, съ гордыней на лбу,
Къ позорному онъ пригвождаетъ столбу
Грозящимъ, пророческимъ словомъ.

13.

Обильно растеть его мысли зерно,
Какъ въ полѣ ячмень золотистый;
Проснулось, что въ сердцѣ дремало давно,
Что было отъ лѣтъ и отъ скорбей темно,
Воскресло, прекрасно и чисто.

14.

И ликъ озарёнъ его тѣмъ же огнемъ,
Какъ въ годы борьбы и надежды,
Явилася власть на челѣ поднятомъ,
И кажутся царской хламидой на немъ
Лохмотья раздранной одежды.

15.

Не пѣлось ему еще такъ никогда,
Въ такомъ расцвѣтаньи богатомъ
Еще не сплеталася думъ череда—
Но вотъ ужъ вечерняя въ небѣ звѣзда
Зажглася надъ алымъ закатомъ.

16.

Къ исходу торжественный клонится ладъ,
И къ небу незрящіе взоры
Возвелъ онъ и, духомъ могучимъ объять,
Онъ пѣснь завершилъ—подъ перстами звучать
Послѣдніе струнъ переборы.

17.

Но мертвою онъ тишиной окружень,
Безмолвье пустынного лога
Порой прерываетъ лишь горлицы стонъ,
Да слышны сквозь гуслей смолкающій звонъ
Призывы далекаго рога.

18.

На диво ему, что собранье молчить,
Поникъ головою онъ думной,
И вотъ закачались вѣтви ракитъ,
И тихо дубрава ему говоритъ:
— Ты, гой-еси, дѣдъ неразумный!

19.

Сидишь одинокъ ты, обманутый дѣдъ,
На мѣстѣ ты пѣль опустѣломъ,
Допиты братины, оконченъ обѣдъ,
Подъ дубомъ души человѣческой нѣтъ,
Разъѣхались гости за дѣломъ.

20.

Они средь моей, средь зеленой красы
Порскаютъ, свой ловъ продолжая;
Ты слышишь, какъ, въ слѣдъ утыкая носы,
По звѣрю вдали заливаются псы,
Какъ трубить охота княжая!

21.

Ко сбору ты, старый, придти опоздалъ,
Ждать некогда было боярамъ;
Ты пѣсней награды себѣ не стяжалъ,
Ничьихъ за нее не услышишь похвалъ,
Трудился, убогій, ты даромъ!

22.

— Ты, гой-еси, гой ты, дубравушка-мать,
Сдастся, ты правду сказала!
Я пѣль одинокъ, но тужить и роптать
Мнѣ, старому, было-бъ грѣшно и не стать,
Наградъ мое сердце не ждало.

23.

Воистину, если-бъ очей моихъ ночь
Безлюдья отъ нихъ и не скрыла,
Я пѣсни-бъ не могъ и тогда перемочь,
Не могъ отъ себя отогнать бы я прочь,
Что душу мою охватило!

24.

Пусть по-слѣду псы, заливаясь, бѣгутъ,
Пусть ловлю князь удоволенъ!
Убогому пѣть не тяжелый былъ трудъ,
А пѣсня ему не въ хвалу и не въ судъ,
Зане онъ надъ нею неволенъ.

25.

Она какъ рѣка въ половодье сильна,
Какъ росная ночь благотворна,
Тепла какъ душистая въ маѣ весна,
Какъ солнце привѣтна, какъ буря грозна,
Какъ лютая смерть необорна.

26.

Охваченный ею не можетъ молчать,
Онъ рабъ ему чуждаго духа,
Вожглась ему въ грудь вдохновенья печать,
Неволей, иль волей, онъ долженъ вѣщать,
Что слышитъ подвластное ухо.

27.

Не вѣдаетъ горный источникъ, когда
Потокомъ онъ въ степи стремится,
И бьетъ и кипитъ его, пѣнясь, вода,
Придутъ ли къ нему пастухи и стада
Струями его освѣжиться!

28.

Я мнилъ: эти гусли для князя звучать,
Но пѣсня, по мѣрѣ какъ пѣлась,
Невидимо свой расширяла охватъ,
И вольный лился безъ различія ладъ
Для всѣхъ, кому слушать хотѣлось.

29.

И кто меня слушалъ, привѣтъ мой тому!
Землѣ-государынѣ слава!
Ручью, что ко слову журчалъ моему,
Вамъ, звѣздамъ, мерцавшимъ сквозь синюю тьму,
Тебѣ, мать-сырая-дубрава!

30.

И тѣмъ, кто не слушалъ, мой также привѣтъ:
Дай Богъ полевать имъ недаромъ!
Дай князю безъ горя прожить много лѣтъ,
Простому народу безъ нужды и бѣдъ,
Безъ скорби великимъ боярамъ!

КОЛОДНИКИ.

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль,—
Колодниковъ звонкія цѣпи
Взметають дорожную пыль.

Идутъ они съ бритыми лбами,
Шагаютъ впередъ тяжело,
Угрюмыя сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идутъ съ ними длинныя тѣни,
Двѣ клячи телѣгу везутъ,
Лѣниво сгибаая колѣни,
Конвойные съ ними идутъ.

— Чтò, братцы, затынемте пѣсню,
Забудемъ лихую бѣду!
Ужъ, видно, такая невзгода
Написана намъ на роду!

И вотъ повели, затынули,
Поютъ, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даромъ минувшіе дни;

Поютъ про свободныя степи,
Про дикую волю поютъ,
День меркнетъ все болѣ,—а цѣпи
Дорогу метутъ да метутъ...

ПЪСНИ, ОЧЕРКИ.

И. С. АКСАКОВУ.

Судя меня довольно строго,
Въ моихъ стихахъ находишь ты,
Что въ нихъ торжественности много
И слишкомъ мало простоты.
Такъ. Въ непредѣльное влекома,
Душа незримый чувствуетъ мѣръ,
И я не разъ подъ голосъ грома,
Быть-можетъ, строилъ мой псалтырь.
Но я не чуждъ и здѣшной жизни;
Служа таинственной отчизнѣ,
Я и въ пылу душевныхъ силъ
О томъ, что близко, не забылъ.
Повѣрь, и мнѣ мила природа
И быть родного намъ народа;
Его стремленья я дѣлю
И все земное я люблю,
Всѣ ежедневныя картины,
Поля, и села, и равнины,
И шумъ колеблемыхъ лѣсовъ,
И звонъ косы въ лугу росистомъ,
И пляску съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ;
Въ степи чумацкіе ночлеги,
И рѣкъ безбережный разливъ,
И скрипъ кочующей телѣги,
И видъ волнующихся нивъ;
Люблю я тройку удалую,
И свистъ саней на всемъ бѣгу,
На славу кованную сбрую,

И золоченую дугу;
Люблю тотъ край, гдѣ зимы долги,
Но гдѣ весна такъ молода,
Гдѣ внизъ по матушкѣ по Волгѣ
Идутъ бурлацкія суда;
И всѣ мнѣ дороги явленья,
Тобой описанныя, другъ,
Твои гражданскія стремленья
И честной рѣчи трезвый звукъ.
Но все, что чисто и достойно,
Что на землѣ сложилось стройно,
Для человѣка то ужель,
Въ тревогѣ вѣчной мірозданья,
Есть грань высокаго призванья
И окончательная цѣль?
Нѣтъ, въ каждомъ шорохѣ растенья
И въ каждомъ трепетѣ листа
Иное слышится значенье,
Видна иная красота!
Я въ нихъ иному гласу внемлю
И, жизнью смертною дыша,
Гляжу съ любовію на землю,
Но выше просится душа;
И что ее, всегда чаруя,
Зоветь и манить вдалекѣ,
О томъ повѣдать не могу я
На ежедневномъ языкѣ.

Боръ сосновый въ странѣ одинокой стоитъ;
Въ немъ ручей межъ деревьевъ бѣжитъ и журчитъ.
Я люблю тотъ ручей, я люблю ту страну,
Я люблю въ томъ лѣсу вспоминать старину.
«Приходи вечеркомъ въ боръ дремучій тайкомъ,
«На зеленомъ садись берегу ты моемъ!
«Много лѣтъ я бѣгу, рассказать я могу,
«Что случилось когда на моемъ берегу;
«Изъ сокрытой страны я сюда прибѣжалъ,
«Я чудеснаго много дорогой узналъ!
«Когда солнце зайдетъ, когда мѣсяць взойдетъ,
«И звѣзда средь моихъ закачается водъ,
«Приходи ты тайкомъ, ты узнаешь о томъ,
«Что бываетъ порой здѣсь въ туманѣ ночномъ!»
Такъ шепталъ, и журчалъ, и бѣжалъ ручеекъ;
На ружьѣ опершись, я стоялъ одинокъ,
И лишь говоръ струи тишину прерывалъ,
И о прежнихъ я грустно годахъ воспоминалъ.

Колокольчики мои,
Цвѣтики степные!
Что смотрите на меня,
Темно-голубые?
И о чемъ звените вы
Въ день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несетъ меня стрѣлой
На полѣ открытомъ,
Онъ васъ топчетъ подъ собой,
Бьетъ своимъ копытомъ.
Колокольчики мои,
Цвѣтики степные,
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!

Я бы радъ васъ не топтать,
Радъ промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бѣгъ неукротимый!
Я лечу, лечу стрѣлой,
Только пыль взметаю,
Конь несетъ меня лихою,
А куда — не знаю!

Онъ ученымъ вѣздокомъ
Не воспитанъ въ холѣ,
Онъ съ буранами знакомъ,
Выросъ въ чистомъ полѣ;

И не блещетъ какъ огонь
Твой чепракъ узорный,
Конь мой, конь, славянскій конь,
Дикій, непокорный!

Есть намъ, конь, съ тобой просторы!
Міръ забывши тѣсный,
Мы летимъ во весь опоръ
Къ цѣли неизвѣстной!
Чѣмъ окончится нашъ бѣгъ?
Радостью-ль? Кручиной?
Знать не можетъ человекъ—
Знаетъ Богъ единый!

Упаду-ль на солончакъ
Умирать отъ зною?
Или злой киргизъ-кайсакъ,
Съ бритой головою,
Молча свой натянетъ лукъ,
Лежа подъ травою,
И меня догонитъ вдругъ
Мѣдною стрѣлою?

Иль влетимъ мы въ свѣтлый градъ
Со кремлемъ престольнымъ?
Чудно улицы гудятъ
Гуломъ колокольнымъ,
И на площади народъ,
Въ шумномъ ожиданьи,
Видитъ: съ запада идетъ
Свѣтлое посланье.

Къ кунтушахъ и въ чокменяхъ,
Съ чубами, съ усами,
Гости ѣдутъ на коняхъ,
Машутъ булавами,
Подбочась, за строемъ строй
Чинно выступаетъ,
Рукава ихъ за спиной
Вѣтеръ раздуваетъ.

И хозяинъ на крыльцо
Вышелъ величавый;

Его свѣтлое лицо
Блещеть новой славой;
Всѣхъ его исполнилъ видъ
И любви и страха,
На челѣ его горить
Шапка Мономаха.

«Хлѣбъ да соль! И въ добрый часъ!»
Говорить державный,
«Долго, дѣти, ждалъ я васъ
«Въ городъ православный!»
И они ему въ отвѣтъ:
«Наша кровь едина,
«И въ тебѣ мы съ давнихъ лѣтъ
«Чаемъ господина!»

Громче звонъ колоколовъ,
Гусли раздаются,
Гости сѣли вокругъ столовъ,
Медъ и брага льются,
Шумъ летитъ на дальній югъ
Къ туркѣ и къ венгерцу—
И ковшей славянскихъ звукъ
Нѣмцамъ не по сердцу!

Гой, вы, цвѣтики мои,
Цвѣтики степные,
Что смотрите на меня,
Темно-голубые?
И о чемъ грустите вы
Въ день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Ой, стоги, стоги,
На лугу широкомъ,
Васъ не перечестъ,
Че окинуть окомъ!

Ой, стоги, стоги,
Въ зеленѣмъ болотѣ,
Стоя на часахъ,
Что вы стережете?

— Добрый человѣкъ,
Были мы цвѣтами,
Покосили насъ
Острыми косами.

Раскидали насъ
Посрединѣ луга,
Раскидали врозь,
Далѣ другъ отъ друга.

Отъ лихихъ гостей
Нѣтъ намъ обороны,
На главахъ у насъ
Черныя вордны.

На главахъ у насъ,
Затмевая звѣзды,
Галокъ стая вьетъ
Поганья гнѣзда.

Ой, орель, орель,
Нашъ отецъ далекий,
Опустися къ намъ,
Грозный, свѣтлоокій!

Ой, орель, орель,
Внемли нашимъ стонамъ!
Долъ насъ срамить
Не давай воронамъ!

Накажи скорѣй
Ихъ высокомѣрье,
Съ неба въ нихъ ударь,
Чтобъ летѣли перья,

Чтобъ летѣли врозь,
Чтобъ въ степи широкой
Вѣтеръ ихъ разнесъ
Далекъ, далёко!

По греблѣ неровной и тряской,
Вдоль мокрыхъ рыбацкихъ сѣтей,
Дорожная ѣдетъ коляска,
Сажу я задумчиво въ ней;

Сажу и смотрю я дордогой
На сѣрый и пасмурный день,
На озера берегъ отлогій,
На дальній дымокъ деревень.

По греблѣ, со взглядомъ угрюмымъ,
Проходитъ оборванный жидъ;
Изъ озера съ пѣной и шумомъ
Вода черезъ греблю бѣжитъ;

Тамъ мальчикъ играетъ на дудкѣ,
Забравшись въ зеленый тростникъ;
Въ испугѣ взлетѣвшія утки
Надъ озеромъ подняли крикъ;

Близъ мельницы старой и шаткой
Сидятъ на травѣ мужики;
Телѣга съ разбитой лошадкой
Лѣнливо подвозитъ мѣшки...

Мнѣ кажется все такъ знакомо,
Хоть нѣ былъ я здѣсь никогда,
И крыша далекаго дома,
И мальчикъ, и лѣсъ, и вода,

И мельницы говоръ унылый,
И ветхое въ полѣ гумно,
Все это когда-то ужъ было,
Но мною забыто давно.

Такъ точно ступала лошадка,
Такіе-жъ тащила мѣшки;
Такіе-жъ у мельницы шаткой
Сидѣли въ травѣ мужики;

И такъ же шель жидъ бородатый,
И такъ же шумѣла вода—
Все это ужъ было когда-то,
Но только не помню когда...

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть, такъ сгоряча,
Коль рубнуть, такъ ужъ сплеча!

Коли спорить, такъ ужъ смѣло,
Коль карать, такъ ужъ за дѣло,
Коль простить, такъ всей душой,
Коли пиръ, такъ пиръ горой!

БЛАГОРАЗУМІЕ.

Поразмысливъ аккуратно,
Я избралъ себѣ дорожку
И иду по ней безъ шума,
Понемножку, понемножку!

Впрочемъ, я вѣдь не безстрастенъ,
Я не холоденъ душою,
И во мнѣ вѣдь закипастъ
Ретивое, ретивое!

Если кто меня обидить,
Не спущу я, какъ же можно!
Изъ себя какъ разъ я выйду,
Осторожно, осторожно!

Безъ ума могу любить я,
Но любить, конечно, съ толкомъ;
Я готовъ и правду рѣзать,
Тихомолкомъ, тихомолкомъ!

Если-бъ братъ мой захлебнулся,
Я-бъ не сталъ махать руками,
Тотчасъ кинулся бы въ воду,
Съ пузырями, съ пузырями!

Радъ за родину сразиться!
Пусть услышу лишь картечь я—
Грудью лягу въ чистомъ полѣ,
Безъ увѣчья, безъ увѣчья!

Послужу я и въ синклитѣ
Такъ, чтобъ вѣдали потомки,
Но ужъ если пасть придется—
Такъ соломки, такъ соломки!

Кто мнѣ другъ, тотъ другъ мнѣ вѣчно,
Всѣ родные сердцу близки,
Всѣмъ союзникамъ служу я,
По-австрійски, по-австрійски!

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышитъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонуть хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли висить ихъ плодъ тяжелый?

Шумя, тростникъ надъ озеромъ трепещеть,
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ,
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,
Вдоль берега стоятъ кудрявый лѣсъ,
И къ облакамъ, клубясь надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?

Туда, туда всѣмъ сердцемъ я стремлюся,
Туда, гдѣ сердцу было такъ легко,
Гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететь Маруся,
О старинѣ поетъ слѣпой Грицкѣ,
И парубки, кружась на пожнѣ гладкой,
Взрываютъ пыль веселою присядкой.

Ты знаешь край, гдѣ нивы золотыя
Испещрены лазурью васильковъ,
Среди степей курганъ временъ Батяя,
Вдали стада пасущихся воловъ,
Обозовъ скрипъ, ковры цвѣтущей гречи
И вы, чубы, остатки славной Сѣчи?

Ты знаешь край, гдѣ утромъ въ воскресенье,
Когда росой подсолнечникъ блеститъ,

Такъ звонко льется жаворонка пѣнье,
Стада блеять, а колоколь гудить,
И въ Божій храмъ, увѣнчаны цвѣтами,
Идутъ казачки пестрыми толпами?

Ты помнишь ночь надъ спящею Украиной,
Когда сѣдой вставалъ съ болота паръ,
Одѣтъ былъ мѣръ и сумракомъ и тайной,
Блисталъ надъ стенью искрами стожаръ,
И мнилось намъ: черезъ туманъ прозрачный
Несутся вновь Палѣй и Сагайдачный?

Ты знаешь край, гдѣ съ Русью бились ляхи,
Гдѣ столько тѣлъ лежало средь полей?
Ты знаешь край, гдѣ нѣкогда у плахи
Мазепу клялъ упрямый Кочубей?
И много гдѣ пролито крови славной
Въ честь древнихъ правъ и вѣры православной?

Ты знаешь край, гдѣ Сеймъ печально воды
Межъ береговъ осиротѣлыхъ льетъ?
Надъ нимъ дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросшій входъ?
Надъ дверью щитъ съ гетманской булавою?
Туда, туда стремлюся я душою!

Милый другъ, тебѣ не спится,
Душень комнатъ жарь,
Неотвязчивый кружится
Надъ тобой комарь...

Подойди сюда, къ окошку,
Все кругомъ молчить,
За оградою дорожку
Мѣсяцъ серебрить;

Не скрипятъ въ сѣняхъ ступени,
И въ саду темно,
Чуть замѣтно въ полутѣни
Дальнее гумно.

Встань, приютъ тебя со мною
Тамъ спокойный ждетъ;
Сторожъ тамъ, звеня доскою,
Мимо не пройдетъ.

Дождя отшумѣвшаго капли
Тихонько по листьямъ текли,
Тихонько шептались деревья,
Кукушка кричала вдали.

Луна на меня изъ-за тучи
Смотрѣла, какъ будто въ слезахъ,
Сидѣлъ я подъ клѣномъ и думалъ,
И думалъ о прежнихъ годахъ.

Не знаю, была ли въ тѣ годы
Душа непорочна моя,
Но многому-бъ я не повѣрилъ,
Не сдѣлалъ бы многого я;

Теперь же мнѣ стали понятны
Обманъ, и коварство, и зло,
И многія свѣтлыя мысли
Одну за другой унесло.

Такъ думалъ о дняхъ я минувшихъ,
О дняхъ, когда былъ я добрый,
А въ листьяхъ высокаго клѣна
Сидѣлъ надо мной соловей,

И пѣлъ онъ такъ нѣжно и страстно,
Какъ будто хотѣлъ онъ сказать:
«Утѣшься, не сѣтуй напрасно,
«То время вернется опять».

БЛАГОВѢСТЬ.

Среди дубравы
Блестить крестами
Храмъ пятиглавый
Съ колоколами.

Ихъ звонъ призывный
Черезъ могилы
Гудитъ такъ дивно
И такъ уныло!

Къ себѣ онъ тянетъ
Неодолимо,
Зоветъ и манитъ
Онъ въ край родимый;

Въ край благодатный,
Забытый мною,—
И, непонятной
Томимъ тоскою,

Молюсь и каюсь я,
И плачу снова,
И отрекаюсь я
Отъ дѣла злова;

Далеко странствуя
Мечтой чудесною,
Черезъ пространства я
Лечу небесныя,

И сердце радостно
Дрожить и таетъ,
Пока звонъ сладостный
Не замираетъ.

ПУСТОЙ ДОМЪ.

Стоить опустѣлый надъ соннымъ прудомъ,
Гдѣ ивы поникли главой,
На славу Растреллиемъ строенный домъ,
И гербъ на щитѣ вѣковой.
Окрестность молчитъ среди мертваго сна,
На окнахъ разбитыхъ играетъ луна.

Сокрытый кустами въ забытомъ саду,
Тотъ домъ одиноко стоитъ;
Печально глядится въ зацвѣтшемъ пруду
Съ короною дѣдовскій щитъ...
Никто поклониться ему не придетъ,—
Забыли потомки свой доблестный родъ!

Въ блестящей столицѣ иные изъ нихъ
Съ ничтожной смѣшались толпой;
Цовѣтрія моды умчали другихъ
Изъ родины въ міръ имъ чужой.
Тамъ русскій отъ русскаго края отвыкъ,
Забылъ свою вѣру, забылъ свой языкъ!

Крестьянъ его бѣдныхъ наемникъ гнететъ,
Онъ властвуетъ ими одинъ;
Его не пугаютъ роптанья сиротъ...
Услышите ли ихъ господинъ?
А если услышите—рукою махнетъ...
Забыли потомки свой доблестный родъ!

Лишь старый служитель, тоской удрученъ,
Младого владѣтеля ждетъ,

И ловить вдали колокольчика звонъ,
И ночью съ одра привстаетъ...
Напрасно! все тихо средь мертваго сна,
Сквозь окна разбитыя смотреть луна,

Сквозь окна разбитыя мирно глядитъ
На древнія стѣны палатъ;
Тамъ въ рамахъ узорчатыхъ чинно виситъ
Напудренныхъ прадѣдовъ рядъ.
Ихъ пыль покрываетъ и червь ихъ грызеть...
Забыли потомки свой доблестный родъ!

ЦЫГАНСКІЯ ПѢСНИ.

Изъ Индіи дальшой
На Русь прилетѣвъ,
Со степью печальной
Ихъ свыкъся напѣвъ;

Свободные звуки,
Журча, потекли
И дышать разлукой
Отъ лучшей земли.

Не знаю, отгудаль
Ихъ нѣга звучить,
Но русская удаль
Въ нихъ бѣтъ и кипить;

Въ нихъ голосъ природы,
Въ нихъ гнѣва языкъ,
Въ нихъ дѣтскіе годы,
Въ нихъ радости крикъ;

Желаній въ нихъ знойный
Я вихрь узнаю
И отдыхъ спокойный
Въ счастливомъ краю;

Бенгальскія розы,
Свѣтъ южныхъ лучей,
Степные обозы,
Полетъ журавлей,

И грозный шумъ сѣчи,
И шопоть струи,
И тихія рѣчи,
Маруся, твои!

Ужъ ты, мать-тоска, горе-гореваньце,
Ты скажи, скажи, ты повѣдай мнѣ:
На добычу-то какъ выходишь ты?
Какъ сживаешь людъ Божій съ свѣту?
Ты змѣей ли ползешь подколодною?
Ты ли бьешь съ неба бурымъ коршуномъ?
Сѣрымъ волкомъ ли рыщешь по полю?
Аль ты, горе, богатырь могучъ,
Выѣзжаешь со многой силою,
Выѣзжаешь со гридни и отроки?
Ужъ вскачу въ сѣдло, захвачу тугой лукъ,
Ужъ доѣду тебя, горе горячее,
Подстрѣлю тебя, тоску лютую!
— Полно, полно, добрый мѣлодецъ,
Браню на-вѣтеръ кидатися,
Неразумныя слова выговаривать.
Я не волкомъ бѣгу, не змѣей ползу,
Я не коршуномъ бью изъ поднёбесья,
Не съ дружиною выѣзжаю я,
Выступаю-то я красной дѣвицей,
Подхожу-то я молодежию,
Подношу чару, въ поясъ кланяюсь,
Потупляю очи, краснѣючи,
И ты самъ слѣзешь съ коня долой,
Красной дѣвицѣ отдашь поклонъ,
Выпьешь чару, отуманишься,
Отуманишься, сердцемъ всплачешься,
Ноги скорыя-то подкосятся,
И тугой лукъ изъ рукъ выпадеть.

Шумить на дворѣ непогода,
А въ домѣ давно уже спать;
Къ окошку, вздохнувъ, подхожу я:
Чуть виденъ чернѣющій садъ;

На небѣ такъ тѣмно, такъ тѣмно,
И звѣздочки нѣтъ ни одной,
А въ домѣ старинномъ такъ грустно
Среди непогоды ночной!

Дождь бьетъ, барабана, по крышѣ,
Хрустальные люстры дрожатъ,
За шкапомъ проворныя мыши
Въ бумажныхъ обояхъ шумять;

Онѣ себѣ чуютъ раздолье:
Какъ скоро хозяинъ умретъ,
Наслѣдникъ покинетъ помѣстье,
Гдѣ жилъ его доблестный родъ,

И домъ навсегда запустѣетъ,
Заглохнуть ступени травой...
И думать объ этомъ такъ грустно
Среди непогоды ночной!

Вотъ ужъ снѣгъ послѣдній въ полѣ таетъ,
Теплый паръ восходитъ отъ земли,
И кувшинчикъ синій расцвѣтаетъ,
И зовутъ другъ друга журавли.

Юный лѣсъ, въ зеленый дымъ одѣтый,
Теплыхъ грозъ нетерпѣливо ждетъ,
Все весны дыханіемъ согрѣто,
Все кругомъ и любить и поетъ;

Утромъ небо ясно и прозрачно,
Ночью звѣзды свѣтятъ такъ свѣтло—
Отчего-жъ въ душѣ твоей такъ мрачно,
И зачѣмъ на сердцѣ тяжело?

Грустно жить тебѣ, о, другъ, я знаю,
И понятна мнѣ твоя печаль:
Отлетѣла-бъ ты къ родному краю,
И земной весны тебѣ не жаль...

Ужъ ты, нива моя, нивушка,
Не скосить тебя съ маху одинаго,
Не связать тебя всю во единый снопъ!
Ужъ вы, думы мои, думушки,
Не стряхнуть васъ разомъ съ плечъ долой,
Одной рѣчью-то васъ не высказать!
По тебѣ-ль, нива, вѣтеръ разгуливалъ,
Гнулъ колосья твои до-земли,
Зрѣлы зерна всѣ размѣтывалъ!
Широко вы, думы, поразсыпались,
Куда пала какая думушка,
Тамъ всходила люта печаль-трава,
Вырастало горе горячее.

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ!
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
Волчій голосъ въ полѣ!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья!
Вѣтеръ, степь да тучи!

Средь шумнаго бала, случайно,
Въ тревогѣ мірской суеты,
Тебя я увидѣлъ, но тайна
Твои покрывала черты;

Лишь очи печально глядѣли,
А голосъ такъ дивно звучалъ,
Какъ звонъ отдаленной свирѣли,
Какъ моря играющій валъ.

Мнѣ станъ твой понравился тонкій
И весь твой задумчивый видъ,
А смѣхъ твой, и грустный и звонкій,
Съ тѣхъ поръ въ моемъ сердцѣ звучить.

Въ часы одинокіе ночи
Люблю я, усталый, прилечь;
Я вижу печальныя очи,
Я слышу веселую рѣчь,

И грустно я такъ засыпаю,
И въ грезахъ невѣдомыхъ сплю...
Люблю ли тебя, я не знаю—
Но кажется мнѣ, что люблю!

Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній своихъ ты
создатель!

Вѣчно носились они надъ землею, незримыя оку.
Нѣтъ, то не Фидій воздвигъ олимпійскаго славнаго Зевса!
Фидій ли выдумалъ это чело, эту львиную гриву,
Ласковый, царственный взоръ изъ-подъ мрака бровей
громоносныхъ?

Нѣтъ, то не Гёте великаго Фауста создалъ, который,
Въ древне-германской одеждѣ, но въ правдѣ глубокой,
вселенской,

Съ образомъ сходенъ предвѣчнымъ своимъ отъ слова
до слова!

Или Бетховенъ, когда находилъ онъ свой маршъ по-
хоронный,

Бралъ изъ себя этотъ рядъ раздирающихъ сердце
аккордовъ,

Плачь неутѣшной души надъ погибшей великою мыслью,
Рушенье свѣтлыхъ міровъ въ безнадежную бездну хаоса?
Нѣтъ, эти звуки рыдали всегда въ безпредѣльномъ про-
странствѣ,

Онъ же, глухой для земли, неземная подслушалъ рыданья.
Много въ пространствѣ невидимыхъ формъ и неслышимыхъ
звуковъ,

Много чудесныхъ въ немъ есть сочетаній и слова и свѣта.
Но передать ихъ лишь тотъ, кто умѣетъ и видѣть и
слышать,

Кто, уловивъ лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь
слово,

Цѣлое съ нимъ увлекаетъ созданье въ нашъ міръ уди-
вленный.

О, окружи себя мракомъ, поэтъ, окружися молчаньемъ,

Будь одинокъ и слѣпъ какъ Гомеръ, и глухъ какъ
Бетховень,
Слухъ же душевный сильнѣй напрягай и душевное
зрѣнье,
И, какъ надъ пламенемъ грамоты тайной безцвѣтныя
строки
Вдругъ выступаютъ, такъ выступать вдругъ предъ тобою
картины,
Выйдутъ изъ мрака все ярче цвѣта, осязательнѣй формы.
Стройныя словъ сочетанія въ ясномъ сплетутся значенія—
Ты-жъ въ этотъ мигъ и внимай и гляди, притаивши
дыханье,
И, созидая потомъ, мимолетное помни видѣнье!

Съ ружьемъ за плечами, одинъ, при лунѣ
Я пд полю ѣду на добромъ конѣ.
Я бросилъ поводья, я мыслю о ней,
Ступай же, мой конь, по травѣ веселѣй!
Я мыслю такъ тихо, такъ сладко, но вотъ
Невѣдомый спутникъ ко мнѣ пристаесть,
Одѣтъ онъ какъ я, на такомъ же конѣ,
Ружье за плечами блеститъ при лунѣ.
— Ты, спутникъ, скажи мнѣ, скажи мнѣ, кто ты?
Твои мнѣ какъ будто знакомы черты.
Скажи, что тебя въ этотъ часъ привело?
Чему ты смѣешься такъ горько и зло?
— Смѣюсь я, товарищъ, мечтаньямъ твоимъ,
Смѣюсь, что ты будущность губишь;
Ты мыслишь, что вправду ты ею любимъ?
Что вправду ты самъ ее любишь?
Смѣшно мнѣ, смѣшно, что, такъ пылко любя,
Ее ты не любишь, а любишь себя.
Опомнись! Порывы твои ужъ не тѣ,
Она для тебя ужъ не тайна,
Случайно сошлись вы въ мірской суетѣ,
Вы въ ней разоидетесь случайно.
Смѣюся я горько, смѣюся я зло
Тому, что вздыхаешь ты такъ тяжело.—
Все тихо, объято молчаньемъ и сномъ;
Исчезъ мой товарищъ въ туманѣ ночномъ;
Въ тяжеломъ раздумѣ, одинъ, при лунѣ,
Я пд полю ѣду на добромъ конѣ...

Колышется море; волна за волной
Бѣгутъ и шумятъ торопливо...
О, другъ ты мой бѣдный, боюсь, со мной
Не быть тебѣ долго счастливой!
Во мнѣ и надеждъ и отчаяній рой,
Кочующей мысли прибой и отбой,
Приливы любви и отливы.

Не вѣрь мнѣ, другъ, когда, въ избыткѣ горя,
Я говорю, что разлюбилъ тебя—
Въ отлива часъ не вѣрь измѣнѣ моря,
Оно къ землѣ воротится, любя.

Ужъ я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебѣ отдамъ—
И ужъ бѣгутъ съ обратнымъ шумомъ волны
Издалека къ любимымъ берегамъ.

Острою сѣкирой ранена береза,
По корѣ сребристой покатались слезы.
Ты не плачь, береза, бѣдная, не сѣтуй,
Рана не смертельна, вылѣчишься къ лѣту,
Будешь красоваться, листьями убрана—
Лишь больное сердце не залѣчитъ раны

О, не пытайся духъ унять тревожный!
Твою тоску я знаю съ давнихъ поръ,
Твоей душѣ покорность невозможна,
Она болитъ и рвется на просторъ.

Но всѣ ея невидимыя муки,
Нестройный гулъ сомнѣній и заботъ,
Всѣ межъ собой враждующіе звуки,
Послѣдній часъ въ созвучіе сольеть;

Въ одинъ порывъ смѣшаетъ въ сердцѣ гордомъ
Всѣ чувства, врозь которыя звучать,
И разрѣшить торжественнымъ аккордомъ
Ихъ голосовъ мучительный разладъ.

Когда кругомъ безмолвенъ лѣсъ дремучій
И вечеръ тихъ;
Когда невольно просится пѣвучій
Изъ сердца стихъ;
Когда упрекъ мнѣ шепчетъ шелестъ нивы
Иль шумъ деревъ;
Когда кипитъ во мнѣ нетерпѣливо
Правдивый гнѣвъ;
Когда вся жизнь моя покрыта тьмою
Тяжелыхъ тучъ;
Когда вдали мелькнетъ передо мною
Надежды лучъ;
Средь суеты мірскаго развлеченья,
Среди заботъ,
Моя душа въ надеждѣ и въ сомнѣннхъ
Тебя зоветъ,
И трудно мнѣ умомъ понять разлуку,
Ты такъ близка!
И хочеть сжать твою родную руку
Моя рука.

Сердце, сильнѣй разгораясь отъ года до году,
Брошено въ свѣтскую жизнь, какъ въ студеную воду.
Въ ней, какъ желѣзо въ раскалѣ, оно закипѣло:
Сдѣлала, жизнь, ты со мною недоброе дѣло!
Буду кипѣть, негодуя, тоской и печалью—
Все же не стану блестящей, холодною сталью.

Что ты голову склонила?
Ты полна ли тихой лѣнью,
Иль грустишь о томъ, что было,
Иль, подъ виноградной сѣнью,

Начертанія сквозныя
Разгадать хотѣла-бъ ты,
Что на землю вырѣзные
Сверху бросили листы?

Но дрожащаго узора
Намъ значенье непонятно—
Что придетъ, узнаешь скоро;
Что прошло, то невозвратно.

Часъ полуденный, палящій,
Полный жизни огневой,
Часъ веселый настоящій,
Этотъ часъ одинъ лишь твой.

Не клони-жь печально взора
На рисунокъ непонятный—
Что придетъ, узнаешь скоро,
Что прошло, то невозвратно.

Смеркалось, — жаркій день блѣднѣлъ неуловимо,
Надъ озеромъ туманъ тянулся полосой,
И кроткій образъ твой, знакомый и любимый,
Въ вечерній тихій часъ носился предо мной.

Улыбка та-жь была, которую люблю я,
И мягкая коса, какъ прежде, расплелась,
И очи грустныя, попрежнему тоскуя,
Глядѣли на меня въ вечерній тихій часъ..

Мнѣ въ душу, полную ничтожной суеты,
Какъ бурный вихрь, страсть ворвалась неожиданно,
Съ налёта смяла въ ней нарядные цвѣты
И разметала садъ, тщеславіемъ убранный.

Условій мелкій соръ, крутящимся столбомъ,
Изъ мысли унесла живительная сила
И токомъ теплыхъ слезъ, какъ благостнымъ дождемъ,
Опустошенную мнѣ душу оросила.

И надъ обломками, безмолвенъ, я стою
И, трепетомъ еще невѣдомымъ объятый,
Воскреснувшаго дня пью свѣжую струю
И грома дальняго внимаю перекаты...

Господь, меня готова къ бою,
Любовь и гнѣвъ вложилъ мнѣ въ грудь,
И мнѣ десницею святою
Онъ указалъ правдивый путь,
Одушевилъ могучимъ словомъ,
Вдохнулъ мнѣ въ сердце много силъ,
Но непреклоннымъ и суровымъ
Меня Господь не сотворилъ.
И гнѣвъ я свой истратилъ даромъ,
Любовь не выдержалъ свою.
Ударъ напрасно за ударомъ,
Я, отбивая, устаю.
Навстрѣчу ихъ враждебной вьюгѣ
Я вышелъ въ поле безъ кольчуги
И гибну, раненый въ бою!

Порой среди заботъ и жизненнаго шума
Внезапно набѣжить мучительная дума
И гонить образъ твой изъ горестной души;
Но только лишь одинъ останусь я въ тиши
И суетнаго дня минуетъ гулъ тревожный,
Смиряется во мнѣ волненье жизни ложной,
Душа, какъ озеро, прозрачна и сквозна,
И взоръ я погрузить въ нее могу до дна;
Спокойной мыслію, ничѣмъ невозмутимой,
Твой отражаю ликъ, желанный и любимый,
И ясно вижу глубь, гдѣ, какъ блестящій кладъ,
Любви моей къ тебѣ сокровища лежать.

Онъ водилъ по струнамъ; упали
Волоса на безумныя очи;
Звуки скрипки такъ дивно звучали,
Разливаясь въ безмолвіи ночи.
Въ нихъ разсказъ убѣдительно-лживый
Развиваль невозможную повѣсть,
И змѣинаго цвѣта отливы
Соблазняли и мучили совѣсть.
Обвиняющій слышался голосъ,
И рыдали въ отвѣтъ оправданья,
И безсильная воля боролась
Съ возрастающей бурей желанья;
И въ туманныхъ волнахъ рисовались
Берега позабытой отчизны,
Неземныя слова раздавались
И манили назадъ съ укоризной;
И такъ билося сердце тревожно,
Такъ ему становилось понятно
Все блаженство, что было возможно
И потеряно такъ невозвратно;
И къ себѣ беспощадная бездна
Свою жертву, казалось, тянула,
А стезею лазурной и звѣздной
Ужъ полнеба луна обогнула.
Звуки пѣли, дрожали такъ звонко,
Замирали и пѣли съ начала,
Бѣглымъ пламенемъ синяя жжѣнка
Музыканта лицо освѣщала...

Лишь только одинъ я останусь съ собою,
Меня голоса призываютъ толпою,
Которому-жъ голосу отвѣдь дамъ?
Въ сомнѣнїи рвется душа пополамъ.
Совѣтовъ, угрозъ, обѣщаній такъ много,
Но гдѣ же прямая, святая дорога?
Съ мучительной думой стою на пути—
Не знаю, направо-ль, налево-ль идти?
Махни ужъ рукой да иди, не робѣя,
На голосъ, который всѣхъ манитъ сильнѣе,
Который немолчно, вблизи, вдалекѣ,
Съ тобой говоритъ на родномъ языкѣ!

Что за грустная обитель,
И какой знакомый видъ!
За стѣной храпять смотритель,
Сонно маятникъ стучить!

Стукнетъ вправо, стукнетъ влѣво,
Будить мыслей длинный рядъ;
Въ немъ рассказы и напѣвы
Затверженные звучать.

А въ подсвѣчникѣ пылаетъ
Догорѣвшая свѣча,
Гдѣ-то пѣсь далеко лаетъ,
Ходить маятникъ, стуча;

Стукнетъ влѣво, стукнетъ вправо,
Все твердить о старинѣ;
Грустно такъ! Не знаю, право,
Наяву я, иль во снѣ?

Вотъ ужъ лошади готовы—
Сѣлъ въ кибитку и скачу—
Полно, такъ ли? Вижу снова
Ту же сальную свѣчу,

Ту же грустную обитель
И кругомъ знакомый видъ,
За стѣной храпять смотритель,
Сонно маятникъ стучить...

Не Божімъ громомъ горе ударило,
Не тяжелой скалой навалилося,
Собиралось оно малыми тучками,
Затянули тучки небо ясное,
Посѣяло горе мелкимъ дождичкомъ,
Мелкимъ дождичкомъ осеннімъ.
А и сѣть оно давнымъ-давно,
И сѣчь оно безъ умолку,
Безъ умолку, безъ устали,
Безъ конца сѣчь, безъ отдыха;
Проняло насъвозъ добра молодца,
Проняло дрожью холодною,
Лихорадкою, лихоманкою,
Сномъ-дремотою, зѣвотою.
Уже полно, горе, дубъ ломать по прутикамъ,
Щипати по листикамъ!
А и бывало же другимъ счастьеце:
Налетало горе вихремъ-бурею,
Ворочало горе дубы съ корнемъ вонъ.

Ой, честь ли то молодцу лень прости?
А и хвала ли боярину кичку носить?
Воеводѣ по-воду ходить?
Гусляру-пѣвуну въ приказѣ сидѣть,
Во приказѣ сидѣть, потолокъ коптить?

Ой, коня-бъ ему, гусли-бъ звонкія!
Ой, въ луга-бъ ему, во зеленый боръ,
Черезъ рѣченьку да въ темный садъ,
Гдѣ соловушка на черемушкѣ
Цѣлу ноченьку напролетъ поеть!

Ты, невѣдомое, незнамое,
Безъ виду, безъ образа,
Безъ имени-прозвища,
Полно гнуть меня ко сырой землѣ,
Донимать меня, добра молодца!
Какъ съ утра-то встану здоровѣшенекъ,
Здоровѣшенекъ, кажись, гору сдвинулъ бы;
А къ полудню уже руки опускаются,
Ноги словно ко землѣ приросли.
А подходит оно безъ оклика,
Межь хотѣнья и дѣла втирается,
Говорить: «Не спѣши, добрый молодець,
«Еще много впереди времени!»
И субботу называетъ пятницей,
Өомину недѣлю Свѣтлымъ праздникомъ.
Я пушуся ли въ путь-дороженьку,
Анъ оно повело проселками,
На полпути корчмой выросло.
Я за дѣло примусь, анъ оно мухою
Передъ носомъ снуеть, извивается,
А потомъ тебѣ же насмѣхается:
«Ой, удалъ-силенъ, добрый молодець,
«Еще много ли на боку полежано,
«Силы-удали понакоплено,
«Отговорокъ-то понахожено?
«А и много ли богатырскихъ дѣлъ,
«На печи сидючи, понадумано,
«Вахлаками другихъ поругано,
«Себѣ спину почесано?»»

Усни, печальный другъ, уже съ грядущей тьмой
Вечерній алый свѣтъ сливается все болѣ,
Блеющія стада вернулись домой,
И улеглася пыль на опустѣломъ полѣ.

Да снидетъ ангелъ сна, прекрасенъ и крылатъ,
И да перенесетъ тебя онъ въ жизнь иную!
Издавна былъ онъ мнѣ въ печали другъ и братъ,
Усни, мое дитя, къ нему я не ревную.

На раны сердца онъ забвеніе прольетъ,
Пытливую тоску отъ разума отыметъ
И съ горестной души на ней лежащій гнетъ
До новаго утра незримо приподыметъ.

Томимая весь день душевною борьбой,
Отъ взоровъ и рѣчей враждебныхъ ты устала—
Усни, мое дитя, — межъ ними и тобой
Онъ благодной рукой опуститъ покрывало.

Б. М. МАРКЕВИЧУ.

Ты правъ; мой своенравный геній.
Слеталъ лишь изрѣдка ко мнѣ;
Таясь въ душевной глубинѣ,
Дремала буря пѣснопѣній,
Меня ласкали сонъ и лѣнь.
Но, цѣпь житейскую почуя,
Воспрянулъ я — и, негодуя,
Стихи текутъ. Такъ въ бурный день,
Прорѣзавъ тучи, лучъ заката
Сугубить блескъ своихъ огней,
И такъ рѣка, скалами сжата,
Бѣжитъ сердитѣй и звучнѣй!

Осень! Обсыпается весь нашъ бѣдный садъ,
Листья пожелтѣлые по-вѣтру летать,
Лишь вдали красуются, тамъ, на днѣ долинъ,
Кисти ярко-красныя вянущихъ рябинъ.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грѣю я и жму,
Въ очи тебѣ глядячи, молча слезы лью,
Не умѣю высказать, какъ тебя люблю!

Источникъ за вишневымъ садомъ,
Слѣды голыхъ дѣвичьихъ ногъ,
И тутъ же оттиснулся рядомъ
Гвоздями подбитый сапогъ.

Все тихо на мѣстѣ ихъ встрѣчи,
Но чуется ревниво мой умъ
И шопотъ, и страстныя рѣчи,
И ведеръ расплесканныхъ шумъ...

Ужъ ласточки, кружась, надъ крышей щебетали,
Красуясь, идетъ нарядная весна...
Порою входитъ такъ въ домъ скорби и печали
Въ цвѣтахъ красавица, надменна и пышна.

Какъ праздничный мнѣ ликъ весны теперь несносенъ,
Какъ грустенъ безъ тебя деревъ зеленыхъ видъ!
И мысляю я: когда-жъ на нихъ повѣсть осень
И, сыпя желтый листъ, насъ вновь соединить!

Не вѣтеръ, вѣя съ высоты,
Листовъ коснулся ночью лунной—
Моей души коснулась ты:
Она тревожна какъ листы,
Она какъ гусли многострунна!
Житейскій вихрь ее терзалъ,
И сокрушительнымъ набѣгомъ,
Свистя и воя, струны рвалъ
И заносилъ холоднымъ снѣгомъ;
Твоя же рѣчь ласкаетъ слухъ,
Твое легко прикосновенье,
Какъ отъ цвѣтовъ летящій пухъ,
Какъ майской ночи дуновенье.

О, другъ! ты жизнь влачишь, безъ пользы увядая,
Пригнутая къ землѣ какъ тополь молодая;
Поблекла свѣжая вѣтвей твоихъ краса,
И листья кроетъ пыль и дольная роса.

О, долго-ль быть тебѣ печальной и согнутой!
Смотри, пришла весна, твои не крѣпки путы—
Воспрянь и подымись трепещущимъ столбомъ,
Вершиною шумя въ эфирѣ голубомъ!

Въ совѣсти искалъ я долго обвиненья,
Горестное сердце вопрошалъ довольно—
Чисты мои мысли, чисты побужденья,
А на свѣтѣ жить мнѣ тяжело и больно!

Каждый звукъ случайный я ловлю пыливо:
Пѣсня ли раздастся на селѣ далекомъ,
Вѣтеръ ли всколышетъ золотую ниву,
Каждый звукъ неяснымъ мнѣ звучить упрекомъ.

Залегло глубоко смутное сомнѣнье,
И душа собою вѣчно недовольна;
Нѣтъ ей приговора, нѣтъ ей примиренья,
И на свѣтѣ жить мнѣ тяжело и больно!

Согласить я силюсь, что несогласимо,
Но напрасно разумъ бьется и хлопочеть:
Горестная чаша не проходитъ мимо,
Ни къ устамъ зовущимъ низойти не хочетъ.

Меня, во мракѣ и въ пыли
Досель влачившаго оковы,
Любови крылья вознесли
Въ отчизну пламени и слова;
И просвѣтлѣлъ мой темный взоръ,
И сталъ мнѣ виденъ міръ незримый,
И слышитъ ухо съ этихъ поръ,
Что для другихъ неуловимо.

И съ горней выси я сошелъ,
Проникнуть весь ея лучами,
И на волнующійся долъ
Взираю новыми очами.
И слышу я, какъ разговоръ
Вездѣ немолчный раздается,
Какъ сердце каменное горъ
Съ любовью въ темныхъ нѣдрахъ бьется,
Съ любовью въ тверди голубой
Клубятся медленные тучи,
И подъ древесною корой,
Весною свѣжей и пахучей,
Съ любовью въ листья сокъ живой
Струей подѣмлетя пѣвучей.
И вѣщимъ сердцемъ понялъ я,
Что все, рожденное отъ Слова,
Лучи любви кругомъ лія,
Къ нему вернуться жаждетъ снова,
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытія
Неудержимо къ Божью лону,
И всюду звукъ, и всюду свѣтъ,
И всѣмъ мірамъ одно начало,
И ничего въ природѣ нѣтъ,
Что бы любовью не дышало...

Ты почто, злая кручинушка,
Не въ конецъ извела меня, бѣдную?
Разорвала лишь душу надвое?
Не сойтися утру съ вечеромъ,
Не ужиться двумъ добрымъ молодцамъ;
Изъ-за меня они ссорятся,
А и оба меня корятъ, бранятъ;
Ужъ какъ станетъ меня братъ корить:
— Ты почто пошла за боярина?
Напросилась въ родню неровную,
Отщепенница, переметчица,
Отъ своей родни отступница?
— Государь ты мой, милый братецъ мой,
Я въ родню къ нимъ не запрашивалась,
И ты самъ меня уговаривалъ,
Снаряжалъ меня, выдавалъ меня!
Ужъ какъ станетъ меня мужъ корить:
— Изъ какого ты роду-племени?
Еще много ли за тобой приданого?
Еще чѣмъ меня опоила ты,
Приговорница, приворотница?
Меня съ нашими разлучница?
— Государь ты мой, господинъ ты мой,
Я тебя не приворачивала,
И ты взялъ меня вольной волею,
А приданого за мной немного есть,
И всего-то сердце покорное,
Голова тебѣ, сударь, поклонная!
Перекинулся хмель черезъ рѣченьку,
Съ одного дуба на другой на дубъ,
И качается межъ обоими,
Надъ быстрой водой зеленѣючи,
Злой кручинушки не знаячи,
Оба дерева обнимаючи.

Звонче жаворонка пѣнье,
Ярче вешніе цвѣты,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.

Разорвавъ тоски оковы,
Цѣпи пошлыя разбивъ,
Набѣгаетъ жизни новой
Торжествующій приливъ,

И звучить свѣжо и юно
Новыхъ силъ могучій строй,
Какъ натянутыя струны
Между небомъ и землей.

Что ни день, какъ поломя со влагой,
Такъ унынье борется съ отвагой,
Жизнь бѣжить то круто, то отлого,
Вьется вдаль неровною дорогой,
Отъ безпечной удали къ заботамъ
Переходить пестрымъ переплетомъ,
Думы ткуть, то въ солнцѣ, то въ туманѣ,
Золотой узоръ на темной ткани.

Разсѣвается, разступается
Грусть подъ думами, подъ могучими,
Въ душу темную пробивается,
Словно солнышко между тучами.

Ой ли, молодець? не разступится,
Не разсѣется ночь осенняя,
Скоро свѣдаешь, чѣмъ искупится
Непоказанный мигъ веселія!

Прикачулася, привалилася
Къ сердцу сызнава грусть обычная,
И головушка вновь склонилася,
Безталанная, горемычная.

Минула страсть, и пылъ ея тревожный
Уже не мучить сердца моего,
Но разлюбить тебя мнѣ невозможно!
Все, что не ты — такъ суетно и ложно,
Все, что не ты — безцвѣтно и мертво.

Безъ повода и права негодуя,
Ужъ не кипить бунтующая кровь —
Но съ пошлой жизнью слиться не могу я,
Моя любовь, о, другъ, и не ревнуя,
Осталась та же, прежняя любовь.

Такъ отъ высотъ нахмуренной природы,
Съ нависшихъ скалъ сорвавшийся потокъ
Изъ царства тучъ, грозы и непогоды
Въ просторъ степей выносить тѣ же воды
И вдаль течетъ спокоенъ и глубокъ.

Когда природа вся трепещетъ и сіяетъ,
Когда ся цвѣта ярки и горячи,
Душа бездѣйственно въ пространствѣ утопаетъ,
И въ нѣгѣ врозь ея расходятся лучи.
Но въ скромный, тихій день, осеннею погодой,
Когда и воздухъ сѣръ и тѣсенъ кругозоръ,
Не развлекаюсь я смиренною природой,
И немощенъ ея на жизнь мою напоръ;
Мой трезвый умъ открыть для сильныхъ вдохновеній,
Сосредоточенъ, я живу въ себѣ самомъ,
И сжатая мечта зоветъ толпы видѣній,
Какъ зажигаемымъ рождая ихъ стекломъ.

Винтовку снявъ съ гвоздя, я оставляю домъ,
Иду межъ озимей, чернѣющей дорогой,
Смотрю на кучу скирдъ, на сломанный заборъ,
На прудъ и мельницу, на дикій косогоръ,
На берегъ ручейка, болотисто-отлогій,
И въ ближній лѣсъ вхожу. Тамъ покраснѣвшій клѣнъ,
Еще зеленый дубъ и желтыя берёзы
Печально на меня свои стряхаютъ слёзы;
Но далѣ я иду, въ мечтанья погружёнъ,
И виснутъ надо мной полунагіе сучья,
А мысли между тѣмъ слагаются въ созвучья,
Свободныя слова тѣснятся въ мѣрный строй,
И на душѣ легко, и сладостно, и странно,
И тихо все кругомъ, и подъ моей ногой
Такъ мягко мокрый листъ шумить, благоуханный...

Ты знаешь, я люблю тамъ, за лазурнымъ сводомъ,
Рядъ жизней мысленно отыскивать иныхъ
И, путь свершая мой, съ улыбкой мимоходомъ
Смотрю на прахъ заботъ и горестей земныхъ.

Зачѣмъ же сердце такъ сжимается невольно,
Когда твой встрѣчу взоръ, и такъ тебя мнѣ жаль,
И каждая твоя мгновенная печаль
Въ душѣ моей звучить такъ долго и такъ больно?

Замолкнулъ громъ, шумѣть гроза устала,
Свѣтлѣютъ небеса,
Межъ черныхъ тучъ привѣтно засіяла
Лазури полоса;

Еще дрожатъ цвѣты, полны водою
И пылью золотой—
О, не топчи ихъ съ новою враждок
Презрительной пятой!

Змѣя, что по скаламъ влечешь свои извивы
И между травъ скользишь, обманывая взоръ,
Помедли, дай списать чешуйный твой узоръ.
Хочу для дѣвы я холодной и красивой
Счеканить по тебѣ причудливый уборъ.
Пускай, когда она, скользя зарей вечерней,
Къ сопернику тайкомъ счастливому пойдетъ,
Пускай блеститъ, какъ ты, и въ золотѣ и въ черни,
И пестрый твой въ травѣ напоминаетъ ходъ.

Ты жертва жизненныхъ тревогъ,
И нѣтъ въ тебѣ сопротивленья,
Ты, какъ оторванный листокъ,
Плывешь, безъ воли, по теченью.

Ты какъ на жнивѣ сизый дымъ:
Откуда вѣтеръ ни повѣетъ,
Онъ только стелется предъ нимъ
И къ облакамъ бѣжать не смѣетъ.

Ты словно яблони цвѣты,
Когда ихъ снѣгъ покрылъ тяжелый;
Страхнуть тоску не можешь ты,
И жизнь тебя погнула долу.

Ты какъ лощинка въ вешній день:
Когда весь міръ благоухаетъ,
Сосѣднихъ горъ ложится тѣнь
И ей одной цвѣсти мѣшаетъ,

И какъ съ вершинъ бѣжить въ нее
Снѣговъ растаявшая гряда,
Такъ въ сердце бѣдное твое
Стекаетъ горе отовсюда.

Бываютъ дни, когда злой духъ меня тревожить
И шепчетъ на ухо неясныя слова,
И къ небу вознестись душа моя не можетъ,
И отягченная склоняется глава.
И онъ, не вѣдая ни радости ни вѣры,
Въ меня вдыхаетъ злость — къ кому? не знаю самъ,
И лживымъ зеркаломъ могучіе размѣры
Лукаво придаетъ ничтожнымъ мелочамъ.
Въ кругу моихъ друзей со мной сидитъ онъ рядомъ,
Веселость имъ у насъ надолго отнята,
И сердце онъ мое напITYваетъ ядомъ,
И рѣчи горькія влагаетъ мнѣ въ уста,
И все, чтѣ есть во мнѣ порочнаго и злого,
Клубится и растетъ, все гуще и мрачнѣй,
И застилаетъ тьмой сіянье дня роднаго,
И неба синеву и золото полей,
Въ пустыню грустную и въ ночь преобразуя
Все то, чтѣ я люблю, чѣмъ вѣрю и живу я.

Съ тѣхъ поръ какъ я одинъ, съ тѣхъ поръ какъ ты далѣко
Въ тревожномъ полуснѣ когда забудусь я,
Свѣтлѣйшей моей души недремлющее око
И близость явственнѣйшая духовная твоя.

Сестра моей души, съ улыбкою участія
Твой тихій, кроткій ликъ склоняется ко мнѣ,
И я, исполненный мучительнаго счастья,
Любящій чую взоръ въ тревожномъ полуснѣ.

О, если въ этотъ часъ ты также имъ объята,
Мы думою, скажи, проникнуты-ль одной,
И видится-ль тебѣ туманный образъ брата,
Съ улыбкой грустною склоненный надъ тобой?

Слеза дрожить въ твоёмъ ревнивомъ взорѣ—
О, не грусти, ты все мнѣ дорога!
Но я любить могу лишь на просторѣ—
Мою любовь, широкую какъ море,
Вмѣстить не могутъ жизни берега.

Когда Глагола творческая сила
Толпы міровъ возвала изъ ночи,
Любовь ихъ всѣ, какъ солнце, озарила,
И лишь на землю, къ намъ, ея свѣтила
Нисходятъ порознь рѣдкіе лучи.

И порознь ихъ отыскивая жадно,
Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты;
Намъ вѣстью лѣсъ о ней шумить отрадной,
О ней потокъ гремитъ струею холодной
И говорятъ, качаяся, цвѣты.

И любимъ мы любовью раздробленной
И тихій шопотъ вербы надъ ручьемъ,
И милой дѣвы взоръ на насъ склоненный,
И звѣздный блескъ, и всѣ красы вселенной,
И ничего мы вмѣстѣ не сольемъ.

Но не грусти, земное минетъ горе,
Пожди еще — неволя недолга—
Въ одну любовь мы всѣ сольемся вскорѣ,
Въ одну любовь, широкую какъ море,
Что не вмѣстятъ земные берега.

Я васъ узналъ, святяя убѣжденья,
Вы, спутники моихъ минувшихъ дней,
Когда, за бѣглою не гоняясь тѣнью,
И думалъ я и чувствовалъ вѣрнѣй,
И юною душою ясно видѣлъ
Все, что любилъ, и все, что ненавидѣлъ!

Средь міра лжи, средь міра мнѣ чужого,
Не навсегда моя остыла кровь;
Пришла пора — и вы воскресли снова,
Мой прежній гнѣвъ и прежняя любовь!
Разсѣялся туманъ, и, слава Богу,
Я выхожу на старую дорогу.

Попрежнему сіяетъ правды сила,
Ее сомнѣнья болѣ не затмятъ,
Неровный кругъ планета совершила
И къ солнцу снова катится назадъ.
Зима прошла, природа зеленѣетъ,
Луга цвѣтутъ, весной душистой вѣетъ...

О, не спѣши туда, гдѣ жизнь свѣтлѣй и чище
Среди міровъ иныхъ,
Помедли здѣсь со мной, на этомъ пепелищѣ
Твоихъ надеждъ земныхъ.

Отъ праха отрѣшась, не удержать полета
Въ невѣдомую даль—
Кто будетъ въ той странѣ, о, другъ, твоя забота
И кто твоя печаль?

Въ тревогѣ бытія, въ безбрежномъ колыханьи
Безъ цѣли и слѣда,
Кто въ жизни будетъ мнѣ и радость, и дыханье,
И яркая звѣзда?

Сліясь въ одну любовь, мы цѣпи безконечной
Единое звено,
И выше восходить, въ сіянье правды вѣчной,
Намъ врозь не суждено.

МАДОННА РАФАЭЛЯ.

Склоняся къ юному Христу,
Его Марія осѣнила,
Любовь небесная затмила
Ея земную красоту.

А Онъ, въ прозрѣніи глубокомъ,
Уже вступаая съ міромъ въ бой,
Глядитъ впередъ—и яснымъ окомъ
Голгоуе видитъ предъ собой.

Дробится, и плещеть, и брызжетъ волна
Мнѣ въ очи соленою влагой;
Недвижно на камнѣ сажу я — полна
Душа безотчетной отвагой.

Валы за валами, прибой и отбой,
И пѣна ихъ гребни покрыла—
О, море, кого же мнѣ вызвать на бой,
Извѣдать воскресшія силы?

Почуяло сердце, что жизнь хороша,
Вы, волны, размыкали горе,
Отъ грома и плеска проснулась душа—
Сродни ей шумящее море!

Не пѣнится море, не плещеть волна,
Деревья листьями не двинуть;
На глади прозрачной царить тишина,
Какъ въ зеркалѣ міръ опрокинуть.

Сажу я на камнѣ; висятъ облака,
Недвижныя, въ синемъ просторѣ;
Душа безмятежна, душа глубока—
Сродни ей спокойное море!

Не брани меня, мой другъ;
Гнѣвъ твой выразится худо;
Онъ мнѣ только нѣжить слухъ,
Я слова ловить лишь буду,
Какъ они польются вдругъ,
Такъ посыплются, что чудо,
Точно падаетъ жемчугъ
На серебряное блюдо!

Я задремаль, главу понуря,
И прежнихъ силъ не узнаю;
Дохни, Господь, живящей бурей
На душу сонную мою!

Какъ гласъ упрека, надо мною
Свой громъ призывный прокати,
И выжги ржавчину покоя
И прахъ бездѣйствія смети!

Да вспряну я, Тобой подъятый,
И, внявъ карающимъ словамъ,
Какъ камень отъ удара млата,
Огонь таившійся издамъ!

Западъ гаснетъ въ дали блѣдно-розовой,
Звѣзды небо усѣяли чистое,
Соловей свищетъ въ рошѣ березовой,
И травую запахло душистою.

Знаю, что къ тебѣ въ думушку вкралось,
Знаю сердца немолчныя жалобы,
Не хочу я, чтобъ ты притворялася
И къ улыбкѣ себя принуждала бы.

Твое сердце болить безотрадное,
Въ немъ не свѣтитъ звѣзда ни единая—
Плачь свободно, моя ненаглядная,
Пока пѣсня звучитъ соловьиная,

Соловьиная пѣсня унылая,
Что какъ жалоба катится слезная,
Плачь, душа моя, плачь, моя милая,
Тебя небо лишь слушаетъ звѣздное!

Горними тихо летѣла душа небесами,
Грустныя долу она опускала рѣзницы;
Слезы, въ пространство отъ нихъ упадая звѣздами,
Свѣтлой и длинной вилися за ней вереницей,

Встрѣчныя тихо ее вопрошали свѣтила:
Что ты грустна? и о чемъ эти слезы во взорѣ?
Имъ, отвѣчала она: Я земли не забыла,
Много оставила тамъ я страданья и горя.

Здѣсь я лишь кликамъ блаженства и радости внемлю,
Праведныхъ души не знаютъ ни скорби ни злобы—
О, отпусти меня снова, Создатель, на землю,
Было-бъ о комъ пожалѣть и утѣшить кого бы.

Ты клонишь ликъ, о немъ упоминая,
И до чела твоя восходить кровь;
Не вѣрь себѣ! Сама того не зная,
Ты любишь въ немъ лишь первую любовь.

Ты не его въ немъ видишь совершенства,
И не собой привлечь тебя онъ могъ—
Лишь тайныхъ думъ, мученій и блаженства
Онъ для тебя отысканный предлогъ.

То лишь обманъ неопытнаго взора,
То жизни лучъ изъ сердца ярко бьетъ
И золотить, лаская безъ разбора,
Все, что къ нему случайно подойдетъ.

Вырастает дума, словно дерево,
Вроетъ въ сердце корни глубокіе,
По поднебесью вѣтвями раскинется,
Задрожитъ, зашумитъ тучей листіевъ.
Сердце знаетъ ту думу крѣпкую,
Что оно взрастило, взлелѣяло,
Разумъ сможетъ ту думу окинуть,
Сможетъ слово ту думу высказать.
А какая то другая думушка,
Что ни высказать, ни вымѣрить,
Ни обнять умомъ, ни окинуть?
Промелькнетъ она безъ образа,
Вспыхнетъ дальнею зарницею,
Озаритъ на мигъ душу темную,
Много вспомнится забытаго,
Много смутнаго, непонятнаго,
Въ мигъ тотъ ясно сердцу скажется,
А рванешься за ней, погонишься—
Только очи ее и видѣли,
Только сердце ее и чуяло!
Не поймать на лету вѣтру буйнаго,
Тѣнь отъ облака летучаго
Не прибить гвоздемъ ко сырой землѣ!

Тебя такъ любятъ всѣ; одинъ твой тихій видъ
Всѣхъ дѣлаетъ добрѣй и съ жизнію миритъ.
Но ты грустна, въ тебѣ есть скрытое мученье,
Въ душѣ твоей звучитъ какой-то приговоръ;
Зачѣмъ твой ласковый всегда такъ робокъ взоръ,
И очи грустныя такъ молятъ о прощеньи,
Какъ будто солнца свѣтъ, и вешніе цвѣты,
И тѣнь въ полдневный зной, и шопотъ по дубравамъ,
И даже воздухъ тотъ, которымъ дышишь ты,
Все кажется тебѣ стяжаніемъ неправымъ?

Хорошо, братцы, тому на свѣтѣ жить,
У кого въ головѣ добра не много есть,
А сидитъ тамъ одно-одинѣшенько,
А и сидитъ оно крѣпко-на-крѣпко,
Словно гвоздь обухомъ вколоченный.
И глядитъ ужъ онъ на свое добро,
Все глядитъ на него, не спуская глазъ,
И не смотритъ по сторонushкамъ,
А знай прѣтъ впередъ, напроломъ идетъ,
Давитъ встрѣчнаго-поперечнаго.

А бѣда тому, братцы, на свѣтѣ жить,
Кому Богъ далъ очи зоркія,
Кому видѣть даль во всѣ стороны.
И тѣ очи у него разбѣгаются:
И кажись хорошо, а лучше есть!
А и худо кажись, не безъ добраго!
И дойдетъ онъ до распутица,
Не одну видитъ въ полѣ дороженьку;
И онъ станетъ, призадумается,
И пойдетъ впередъ, воротится,
Что направо-ль идти, налѣво ли?
Начинаетъ идти сызнава;
А дорогою-то засмотрится
На луга, на лѣса зеленые,
Залюбуется на божьи цвѣтики
И заслушается вольныхъ пташечекъ.
И всѣ люди его корятъ, бранятъ:
«Ишь, идетъ, молъ, озирается,
«Ишь, стоитъ, молъ, призадумался,
«Ему-бъ мѣрить все да взвѣшивать,
«На всѣ боки бы поворачивать.
«Не бывать ему воеводою,
«Не бывать ему посадникомъ,
«Думнымъ дякомъ не бывать ему,
«Ни торговымъ дѣломъ не правити!»

Кабы знала я, кабы вѣдала,
Не смотрѣла бы изъ окошечка
Я на мѣлодца разудалаго,
Какъ онъ вѣхалъ по нашей улицѣ,
Набекрень заломивши мурмолку,
Какъ лихого коня буланаго,
Звонконогаго, долгогриваго,
Супротивъ оконъ на дыбы вздымалъ.

Кабы знала я, кабы вѣдала,
Для него бы я не рядилася,
Съ золотой каймой ленту алую
Въ косу длинную не вплетала бы,
Равно до-свѣту не вставала бы,
За околицу не спѣшила бы,
Въ ростъ ноженъки не мочила бы,
На проселокъ тотъ не глядѣла бы,
Не проѣдетъ ли тѣмъ проселкомъ онъ,
На рукѣ держа пѣстра сокола?

Кабы знала я, кабы вѣдала,
Не сидѣла бы поздно вечеромъ,
Пригорюнившись, на завалинѣ,
На завалинѣ, близъ колодезя,
Поджидаючи да гадаючи,
Не придетъ ли онъ, ненаглядный мой,
Напоить коня студенной водой!

Насъ не преслѣдовала злоба,
Не отъ вражды иль клеветы—
Отъ нашихъ думъ ушли мы оба,
Бѣжали вмѣстѣ, я и ты.

Зачѣмъ же прежній гласъ упрека
Опять твердить тебѣ одно,
Опять пытующее око
Во глубь души устремлено?

Смотри: нашъ день восходитъ чисто,
Ночной разсѣялся туманъ,
Играя далью золотистой,
Насъ манить жизни океанъ.

Уже надутое вѣтрило
Нашъ челнъ уноситъ въ новый край—
Не сожалѣй о томъ, что было,
И взоръ обратно не кидай!

Нѣтъ, ужъ не вѣдать мнѣ, братцы, ни сна ни покою!
Съ жизнью бороться приходится, съ бабой-ягою!
Старая крѣпко меня за бока ухватила,
Сломится, такъ и гляжу, молодецкая сила!
Пусть бы хоть молча, а то вѣдь накинута съ бранью,
Слухъ утомляетъ мнѣ, сплетница, всякою дрянью.
Охъ, насолили мнѣ дрязги и мелочи эти!
Баба, постой, погоди, не одна ты на свѣтѣ!
Сила и воля нужны мнѣ для боя пного—
Послѣ, пожалуй, съ тобою мы схватимся снова!

Сижу да гляжу я все, братцы, вонъ въ эту сторонку,
Гдѣ катятся волны одна за другой вперегонку.
Волна погоняетъ волну среди бурнаго моря,
Что день, то за горемъ все новое валится горе,
Сижу я и думаю: что мнѣ тужить за охота,
Коль завтра прогонитъ заботу другая забота?
Вѣдь надобно-жъ мѣсто все новымъ да новымъ кручинамъ—
Такъ что же тужить, коли клинъ выбивается клиномъ?

Есть много звуковъ въ сердца глубинѣ,
Неясныхъ думъ, непѣтыхъ пѣсней много;
Но заглушаетъ вѣчно ихъ во мнѣ
Заботъ немолчныхъ скучная тревога.

Тяжелъ ея непрошенный напоръ,
Издавна сердце съ жизнію боролось—
Но жизнь шумить, какъ вихорь ломить боръ—
Какъ ропотъ струй, такъ шепчетъ сердца голосъ.

Къ страданіямъ чужимъ ты горести полна,
И скорбь ничья тебя не проходила мимо;
Къ себѣ лишь ты одной всегда неумолима,
Всегда безжалостна и вѣчно холодна.

Но если-бъ видѣть ты любящую душою
Могла со стороны хоть разъ свою печаль—
О, какъ самой себя тебѣ бы стало жаль,
И какъ бы плакала ты грустно надъ собою!

О, если-бъ ты могла, хоть на единый мигъ,
Забуть свою печаль, забыть свои невзгоды,
О, если бы хоть разъ я твой увидѣлъ ликъ,
Какимъ я зналъ его въ счастливейшіе годы!

Когда въ твоихъ глазахъ засвѣтится слеза,
О, если-бъ эта грусть могла пройти порывомъ,
Какъ въ теплую весну пролѣтная гроза,
Какъ тѣнь отъ облаковъ, бѣгущая по нивамъ!

Исполать тебѣ жизнь—баба старая,
Привередница крикливая,
Что ты, лаучись, накликнулась.
Растолкала въ бока добра молодца,
Растрепала его думы тяжкія!
Что ты сердца голосъ горестный
Заглушила бранью крупною!

Да не голосъ одинъ заглушила ты—
Заглушила ты тотъ гуслирный звонъ,
Заглушила пѣсни многія,
Что въ томъ голосѣ раздавались;
Затоптала всѣ божьи цвѣтики,
Что сквозь горести пробивались!

Пропадай же, жизнь—баба старая!
Дай разлиться мнѣ по поднёбесью,
Разлетѣться душой свободною,
Пѣсней вольною, безконечною!

Грядой клубится бѣлою
Надъ озеромъ туманъ;
Тоскою добрый молодецъ
И горемъ обуянъ.

Не до-вѣку бѣлѣется
Туманная гряда,
Разсѣется, развѣется,
А горе никогда!

Двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный,
За правду я бы радъ поднять мой добрый мечъ,
Но споръ съ обоими — досель мой жребій тайный,
И къ клятвѣ ни одинъ не могъ меня привлечь;
Союза полного не будетъ между нами —
Не купленный никѣмъ, подъ чье-бъ ни сталь я знамя,
Пристрастной ревности друзей не въ силахъ снести,
Я знамени врага отстаивалъ бы честь!

Дерево мое мнидальное
Все цвѣтами убирается,
Въ сердцѣ думушка печальная
Поневолѣ зарождается;

Дерево цвѣты обронятъ,
И созрѣетъ плодъ непрощенный,
И зеленое наклонится
До земли подъ горькой ношею!

Ты помнишь ли, Марія,
Одинъ старинный домъ,
И липы вѣковыя
Надъ дремлющимъ прудомъ?

Безмолвныя аллеи,
Заглохшій, старый садъ,
Въ высокой галлерей
Портретовъ длинный рядъ?

Ты помнишь ли, Марія,
Вечерній небосклонъ,
Равнины полевья,
Села далекій звонъ?

За садомъ берегъ чистый,
Спокойный бѣгъ рѣки,
На нивѣ золотистой
Степные васильки?

И рошу, гдѣ впервые
Бродили мы одни?
Ты помнишь ли, Марія,
Утраченные дни?

Ты не спрашивай, не распытывай,
Умомъ-разумомъ не раскидывай:
Какъ люблю тебя, почему люблю,
И за что люблю, и надолго ли?
Ты не спрашивай, не распытывай:
Что, сестра-ль ты мнѣ, молода-ль жена,
Или дѣтище ты мнѣ малое?

И не знаю я, и не вѣдаю,
Какъ назвать тебя, какъ прикликати.
Много цвѣтиковъ во чистомъ полѣ,
Много звѣздъ горитъ по поднебесью,
А назвать-то ихъ нѣтъ умѣнія,
Распознать-то ихъ нѣту силушки.
Полюбивъ тебя, я не спрашивалъ,
Не разгадывалъ, не распытывалъ;
Полюбивъ тебя, я махнулъ рукой,
Очертилъ свою буйну голову!

На нивы желтыя несходить тишина,
Въ остывшемъ воздухѣ отъ меркнувшихъ селеній,
Дрожа, несется звонъ... Душа моя полна
Разлукою съ тобой и горькихъ сожалѣній.

И каждый мой упрекъ я вспоминаю вновь,
И каждое твержу привѣтливое слово,
Что могъ бы я сказать тебѣ, моя любовь,
Но что внутри себя я схоронилъ сурово.

Какъ селянинъ, когда грозятъ
Войны тяжелые удары,
Въ дремучій лѣсъ несетъ свой кладъ
Отъ нападенья и пожара,

И тамъ, во мрачной тишинѣ,
Глубоко въ землю зарываетъ,
И на чешуйчатой соснѣ
Свой знакъ съ заклатьемъ зарубаетъ;

Такъ ты, прѣвецъ, въ лихіе дни,
Во дни гоненья рокового,
Подъ темной рѣчью хорони
Свое пророческое слово.

Во дни минувшіе, бывало,
Когда являлася весна,
Когда природа воскресала
Отъ продолжительнаго сна,
Когда ручьи текли обильно
И распускалися цвѣты,
Младое сердце билось сильно,
Кипѣли весело мечты,—
Съ какою радостію чистой
Я вновь встрѣчалъ въ бору сыромъ
Кувшинчикъ синій и пушистый
Съ его мохнатымъ стебелькомъ;
Какими чувствами родными
Меня манилъ, какъ старый другъ,
Звѣздами полный золотыми
Еще никѣмъ не смятый лугъ!
Потомъ пришла пора иная,
И съ каждой новою весной,
Былое счастье вспоминая
Грустнѣй я дѣлался; порой,
Когда темнѣли неба своды,
Едва шептались тростники,
Звучнѣй ручья катились воды,
Жужжали поздніе жуки,
Казалось мнѣ, что мнѣ не даромъ
Грустить весною суждено,
Что неожиданнымъ ударомъ
Блаженство кончиться должно.

.
.

Какъ часто ночью въ тишинѣ глубокой
Меня тревожитъ тотъ же дивный сонъ:
Въ туманной мглѣ стоитъ дворецъ высокій
И длинный рядъ дорическихъ колоннъ;
Средь дикихъ горъ отъ нихъ ложатся тѣни,
Къ рѣкѣ ведутъ широкія ступени;

И солнце тамъ привѣтливо не блещетъ,
Порой сквозь тучи выглянетъ луна,
О влажный берегъ порой лѣниво плещетъ,
Катясь мимо, сонная волна;
И истукановъ рой на плоской крышѣ
Стоитъ во тьмѣ одинъ другого выше.

Туда; туда невѣдомая сила
Вдоль по рѣкѣ влечетъ мою ладью,
Къ высокимъ окнамъ взоръ мой пригвоздила,
Желаньемъ грудь наполнила мою...

.....
.....

Я жду тебя. Я жду, чтобъ ты с клонила
На темный доль свой животворный взглядъ;
Тогда взойдетъ огнистое свѣтило,
Въ алмазныхъ искрахъ струи заблестятъ,
Проснется замокъ, позлатятся горы,
И загремятъ невидимые хоры.

Я жду; но тщетно грудь моя трепещетъ...
Лишь сквозь туманъ виднѣется луна;
О влажный берегъ лишь лѣниво плещетъ,
Катясь мимо, сонная волна,
И истукановъ рой на плоской крышѣ
Стоитъ во тьмѣ одинъ другого выше.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Стрѣлокъ, на той полянѣ
Кто поздно такъ бѣжитъ,
Что тамъ въ ночномъ туманѣ
Клубится и кипитъ?
Что значить это пѣнье,
И струнъ въ эфирѣ звонъ;
И хохоть, и смятенье,
И блескъ со всѣхъ сторонъ?

Друзья, то вереница
Волшебницъ и сильфидъ,
Предъ ними ихъ царица
Воздушная бѣжитъ,
Бѣжитъ глухой дорожкой,
Мелькаетъ вдоль рѣки,
Подъ маленькою ножкой
Не гнутся стебельки.

Ей нѣтъ красавицъ равныхъ,
Ея чудесенъ видъ,
И много бардовъ славныхъ
Любовью къ ней горитъ.
Но бойся, путникъ смѣлый,
Въ ея попасться сѣтъ
Иль кончикъ ножки бѣлой
Нечаянно узрѣтъ!

Когда луна золотая
Глядитъ въ зеркало водъ,
Въ лучахъ ея играя,
Какъ сонъ она плыветъ;
Наступитъ ли денница,
Она спѣшитъ ужъ прочь,
Пушокъ ей колесница,
Ея отчизна—ночь.

Лишь въ сумеркахъ застанеть
Въ лѣсу она стрѣлка,
Зоветь его и манить
Къ себѣ издалека;
Скользить надъ влагой зыбкой
Среди глухихъ болотъ
И странника съ улыбкой
Надъ пропастію ждетъ.

Сильфидъ она всѣхъ краше,
Волшебницъ всѣхъ милѣй,
Сѣдые барды наши
Горятъ любовью къ ней.
Но бойся, путникъ смѣлый,
Въ ея попасться сѣтъ
Иль кончикъ ножки бѣлой
Нечаянно узрѣтъ!

Вздымаются волны какъ горы
И къ тверди возносятся звѣздной,
И съ ужасомъ падаютъ взоры
Въ мгновенно разрытыя бездны.

Подобная страсти, не знаетъ
Средины тревожная сила,
То къ небу, то въ пропасть бросаетъ
Ладью безъ весла и кормила.

Не вѣрь же, ко звѣздамъ взлетая,
Высокой избранника долѣ,
Не вѣрь, въ глубину ниспадая,
Что звѣздъ не увидишь ты болѣ!

Стихи безбрежной, бездонной,
Уймется волненье, и вскорѣ
Въ свой уровень вступитъ законный
Души успокоенной море.

Пусть тотъ, чья честь не безъ укора,
Страшится мнѣнія людей;
Пусть ищетъ шаткой онъ опоры
Въ рукоплесканіяхъ друзей!
Но кто въ самомъ себѣ увѣренъ,
Того хулы не потреплютъ;
Его глаголь не лицемѣренъ,
Ему чужой не нуженъ судъ.

Ни предъ какой земною властью
Своей онъ мысли не таитъ,
Не льститъ неправому пристрастью,
Враждѣ неправой не кадитъ.
Ни предъ вѣнчанными царями,
Ни предъ судилищемъ молвы,
Онъ не торгуется словами,
Не клонитъ рабски головы.

Друзьямъ въ угодность, боязливо
Онъ никому не шлетъ укоръ;
Когда-жъ толпа несправедливо
Свой постановитъ приговоръ,
Одинъ, не слѣдуя за нею,
Предъ тѣмъ, что чисто и свѣтло,
Дерзаетъ онъ, благоговѣя,
Склонить свободное чело.

КРЫМСКІЕ ОЧЕРКИ.

I.

Всесильной волею Аллаха,
Дающаго намъ зной и снѣгъ,
Мы возвратились съ Чатырдаха
Благополучно на ночлеги.
Всѣ налицо, всѣ безъ увѣчья—
Что значить ловкость человѣчья!
А признаюсь, когда мы тамъ
Ползли, какъ мухи, по скаламъ,
То мнѣ немного было жутко:
Сорваться внизъ плохая шутка!
— Гуссейнъ! Послушай, помоги
Стащить мнѣ эти сапоги,
Они потрескались отъ жара;
Да что-жъ не видно самовара!
Сходи за нимъ. А ты, Али,
Костеръ скорѣе запали!
Постелемъ скатерти у моря,
Достанемъ ромъ, заваримъ чай
И всѣ возляжемъ на просторѣ
Смотрѣть, какъ пламя, съ ночью споря,
Померкнетъ, вспыхнетъ невзначай
И озаритъ до половины
Дубовъ зеленыя вершины,
Песчаный берегъ, водопадъ,
Крутыхъ утесовъ грозный рядъ,
Отъ пѣны бѣлый и ревущій,
Изъ мрака выбѣжавшій валъ
И перепутаннаго плѣща
Концы, висящіе со скаль.

II.

Вы все любуетесь на скалы,
Одна природа васъ манитъ,
И возмущаетъ васъ немало
Мой деревенскій аппетитъ.

Но взглядъ мой здѣсь иного рода;
Во мнѣ лицепріятія нѣтъ:
Ужели вишни не природа,
И тотъ, кто ѣсть ихъ, не поэтъ?

Нѣтъ, нѣтъ, названія вандала
Отъ васъ никакъ я не приму:
И Ифигенія ѣдала,
Когда она была въ Крыму!

III.

Гдѣ свѣтлый ключъ, спускаясь внизъ,
По сѣрымъ камнямъ точить слезы,
Ползуть на черный кипарисъ
Гроздами пурпурныя розы.
Сюда когда-то, въ жгучій зной,
Подъ темнолиственные лавры,
Бѣжали львы на водопой
И буро-пѣгіе кентавры;
Съ козломъ бодался здѣсь сатиръ,
Вакханки съ криками и смѣхомъ
Свершали виноградный пиръ,
И хоръ тимпановъ, флейтъ и лиръ
Сливался шумно съ дальнимъ эхомъ.

На той скалѣ Діаны храмъ
Хранила дѣвственная жрица,
А здѣсь, надъ моремъ, по ночамъ
Плыла богини колесница...
Но ужъ не та теперь пора:
Гдѣ былъ завѣтный лѣсъ Діаны,
Тамъ слышны звуки топора,
Грохочуть вражьи барабаны;
И все прошло, нигдѣ слѣда
Не видно Греціи счастливой:
Безъ тайны лѣсъ, безъ плясокъ нивы,
Безъ пѣсней пестрыя стада
Пасеть татаринъ молчаливый...

IV.

Какъ чудесно хороши вы,
Южной ночи красоты:
Моря синяго заливы,
Лавры, скалы и цвѣты!

Но мѣшаетъ мнѣ немножко
Жизнью жить средь этихъ странъ
Скорпионъ, сороконожка
И фигуры англичанъ.

V.

Клонить къ лѣни полдень жгучій,
Замеръ въ листьяхъ каждый звукъ,
Въ розѣ пышной и пахучей,
Нѣжась, спитъ блестящій жукъ;

А изъ камней вытекаю,
Однозвученъ и гремучъ,
Говоритъ, не умолкая,
И поетъ нагорный ключъ...

VI.

Надъ неприступной крутизною
Повисъ туманный небосклонъ;
Тамъ горъ зубчатую стѣною
Отъ юга сѣверъ отдѣленъ.
Тамъ ночь и снѣгъ; тамъ, врагъ веселья,
Сѣдой зимы сердитый богъ
Играетъ вьюгой и метелью,
Ярся, уста примкнулъ къ ущелью
И воетъ въ ихъ гранитный рогъ.
Но здѣсь благоухаютъ розы,
Безсильно вихремъ снѣговымъ
Сюда онъ шлетъ свои угрозы,—
Цвѣтущій берегъ невредимъ.

Надъ нимъ весна младая вѣтъ,
И лавръ, Діаню хранимъ,
Въ лучахъ полудня зеленѣтъ
Надъ моремъ вѣчно-голубымъ.

VII.

Обычной полная печали,
Ты входишь въ этотъ бѣдный домъ,
Который ядра осыпали
Недавно пламеннымъ дождемъ.

Но юный плющъ, вѣясь вокругъ зданья,
Покрыль слѣды вражды и зла—
Ужель еще твои страданья
Моя любовь не обвила?

VIII.

Приваль. Дымяся, огонѣкъ
Трещитъ подъ таганомъ дорожнымъ,
Пасутся кони, и далѣкъ
Весь мѣръ съ его волненьемъ ложнымъ.
Здѣсь долго-бъ я съ тобою могъ
Мечтать о счастіи возможномъ!
Но, очи грустно опустивъ
И наклонясь надъ крутизною,
Ты молча смотришь на заливъ,
Окружена зеленой мглою...
Скажи, о чемъ твоя печаль?
Не той ли думой ты томима,
Что счастье, какъ морская даль,
Бѣжить отъ насъ неувовимо?
Нѣтъ, не догнать его ужъ намъ!
Но въ жизни есть еще отрады;
Не для тебя ли по скаламъ
Бѣгутъ и брызжутъ водопады?
Не для тебя-ль въ ночной тѣни
Вчера цвѣты благоухали?
Изъ синихъ волнъ не для тебя ли
Восходятъ солнечные дни?
А это... ? О, взгляни,

Какое мирное сіянье!
Не слышно въ листьяхъ трепетанья,
Недвижно море; корабли,
Какъ точки бѣлыя вдали,
Едва скользятъ, въ пространствѣ тая;
Какая тишина святая
Царить кругомъ! Нисходитъ къ намъ
Какъ бы предчувствіе чего-то;
Въ ущельяхъ ночь; въ туманѣ тамъ
Дымится сизое болото,
И всѣ обрывы по краямъ
Горятъ вечерней позолотой...

IX.

Привѣтствую тебя, опустошенный домъ,
Завядшіе дубы, лежащіе кругомъ,
И море синее, и васъ, крутые скалы,
И пышный прежде садъ, глухой и одичалый.
Усталымъ путникамъ, въ палящій лѣтній день,
Еще даешь ты, домъ, свѣжительную тѣнь.
Еще стоятъ твои поруганныя стѣны,
Но сколько горестной я вижу переменъ!
Едва лишь я вступилъ подъ твой знакомый кровъ,
Бросаются въ глаза мнѣ надписи враговъ,
Рисунки грубые и шуточки площадныя,
Гдѣ съ наглымъ торжествомъ поносится Россія;
Все тѣ же громкія, хвастливыя слова
Нечестное враговъ оправдываютъ дѣло...

Вздохнувъ, иду впередъ; мохнатая сова
Безшумно съ зеркала разбитаго слетѣла,
Вотъ въ уголь бросилась испуганная мышь...
Вездѣ обломки, прахъ; куда ни поглядишь,
Вездѣ насиліе, насмѣшки и угрозы—
А изъ саду въ окно вползающія розы,
За мраморный карнизъ цѣпляясь тамъ и тутъ,
Безпечно въ красотѣ раскидистой цвѣтутъ,
Какъ будто на дѣла враждебнаго народа
Набросить свой покровъ старается природа;
Вотъ ящерица здѣсь, межъ зелени и плить,

Блестя какъ изумрудъ, извиристо скользить,
И любо ей играть въ молчаніи могильномъ,
Гдѣ на полъ солнца лучъ столбомъ ударилъ пыльнымъ.

Но вотъ ужъ сумерки; вотъ постепенно мгла
На берегъ, на заливъ, на скалы налегла;
Все больше въ небѣ звѣздъ, въ аллеяхъ все темнѣе,
Душистѣе цвѣты и запахъ травъ сильнѣе;
На сломанномъ крыльцѣ сажу я, полонъ думъ—
Какъ тихо все кругомъ, какъ слышенъ моря шумъ!..

X.

Солнце жжетъ; передъ грозою
Измѣнился моря видъ:
Засверкаль межъ бирюзюю
Изумрудъ и малахитъ.

Здѣсь на камнѣ буду ждать я,
Какъ, вздымая корабли,
Море бросится въ объятья
Изнывающей земли,

И, покрытый пѣной бѣлой,
Утомясь, влюбленный богъ
Снова ляжетъ онѣмѣлый
У твоихъ, Таврида, ногъ.

XI.

Смотри, все ближе, съ двухъ сторонъ
Насъ обнимаетъ лѣсъ дремучій.
Глубокимъ мракомъ полонъ онъ,
Какъ будто набѣжали тучи,
Иль межъ деревьевъ вѣковыхъ
Насъ ночь безвременно застигла;
Лишь солнце сыплеть черезъ нихъ
Мѣстами огненные иглы.
Зубчатый кленъ, и гладкій букъ,
И твердый грабъ, и дубъ корнистый
Грясть подковъ желѣзный звукъ

Средь гама птичьяго и свиста;
И ходить трепетная смѣсь
Полутѣней въ прохладѣ мгlistой,
И чуеть грудь, какъ воздухъ весь
Пропитанъ сыростью душистой.
Вонь тамъ украдкой слабый лучъ
Скользитъ по липѣ, мхомъ одѣтой,
И дятла стукъ, и близко гдѣ-то
Журчить въ травѣ незримый ключъ...

XII.

Туманъ встаетъ на днѣ стремнинъ,
Среди полуночной прохлады
Сильнѣе пахнетъ дикій тминъ,
Гремятъ слышнѣе водопады.
Какъ ослѣпительна луна,
Какъ горь очерчены вершины!
Въ сребристомъ сумракѣ видна
Внизу Байдарская долина.
Надъ нами свѣтять небеса,
Чернѣетъ бездна передъ нами,
Дрожить блестящая роса
На листьяхъ крупными слезами...

Душѣ легко; не слышу я
Оковъ земного бытія,
Нѣтъ мѣста страху ни надеждѣ—
Что будетъ впредь, что было прежде—
Мнѣ все равно — и что меня
Всегда какъ цѣпь къ землѣ тянуло,
Исчезло все съ тревогой дня,
Все въ лунномъ блескѣ потонуло.
Куда же мысль унесена,
Что ей такъ видится дремливо?
Не средь волшебнаго ли сна
Мы ѣдемъ вмѣстѣ вдоль обрыва?
Ты-ль это, робости полна,
Ко мнѣ склонилась молчаливо?
Ужель я вижу не во снѣ,
Какъ звѣзды блещутъ въ вышинѣ,
Какъ конь ступаетъ осторожно,

Какъ дышитъ грудь твоя тревожно?
Иль, при обманчивой лунѣ,
Меня лишь дразнить призракъ ложный—
И это сонъ? О, если-бъ мнѣ
Проснуться было невозможно!

XIII.

Ты помнишь ли вечеръ, какъ море шумѣло,
Въ шиповникѣ пѣлъ соловей,
Душистыя вѣтки акаціи бѣлой
Качались на шляпѣ твоей?

Межъ камней, обросшихъ густымъ виноградомъ,
Дорога была такъ узка;
Въ молчаньи надъ моремъ мы вѣхали рядомъ,
Съ рукою сходилась рука!

Ты такъ на сѣдлѣ нагибалась красиво,
Ты алый шиповникъ рвала;
Буланой лошадки косматую гриву
Съ любовью ты имъ убрала;

Одежды твоей непослушныя складки
Цѣплялись за вѣтви, а ты
Безпечно смѣялась — цвѣты на лошаdkѣ,
Въ рукахъ и на шляпѣ цвѣты.

Ты помнишь ли ревъ дождевого потока
И пѣну, и брызги кругомъ?
И какъ наше горе казалось далѣко,
И какъ мы забыли о немъ!

XIV.

Тяжелъ нашъ путь; твой бѣдный мулъ
Усталъ топтать терновникъ злобный;
Взгляни наверхъ: то не аулъ,
Гнѣзду орлиному подобный,
То цѣлый городъ; смолкнулъ гулъ
Народныхъ празднествъ и торговли,
И вѣтеръ тлѣнія подулъ

На Богомъ проклятыя кровли.
Во дни глубокой старины
(Гласятъ народныя скрижали),
Во дни неволи и печали,
Сюда Израиля сыны
Отъ ига чуждаго бѣжали,
И градъ возникъ на высяхъ горъ.
Забывъ отцовъ своихъ позоръ
И горькій плѣнъ Ерусалима,
Здѣсь мирно жили караимы,
Но ждалъ ихъ давній приговоръ—
И пала тяжесть Божья гнѣва
На вѣтвь караемаго древа.
И городъ вымеръ. Здѣсь и тамъ
Остатки башенъ по стѣнамъ,
Кривыя улицы, кладбища,
Пещеры, рытыя въ скалахъ,
Давно безлюдныя жилища,
Обломки, камни, пыль и прахъ,
Гдѣ взоръ отрады не находитъ;
Двѣ-три семьи какъ тѣни бродятъ
Средь голыхъ стѣнъ; но дороги
Для нихъ родные очаги.
И храмъ отцовъ, отъ моха черный,
Надъ коимъ плавные круги,
Паля, чертитъ орелъ нагорный.

Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо,
В полуденных лучах слѣды недавней стужи
Дымятся. Теплый вѣтръ повѣялъ намъ въ лицо
И морщитъ на поляхъ синѣющія лужи.

Еще трещитъ каминъ, отливами огня
Минувшій тѣсный мѣръ зимы напоминая,
Но жаворонокъ тамъ, надъ озимью звеня,
Сегодня возвѣстилъ, что жизнь пришла иная.

И въ воздухѣ звучать слова, не знаю чьи,
Про счастье, и любовь, и юность, и довѣрье,
И громко вторять имъ бѣгущіе ручьи,
Колебля тростника желтѣющія перья.

Пускай же, какъ они по глинѣ и песку
Растаявшихъ снѣговъ, журча, уносятъ воды,
Безслѣдно унесетъ души твоей тоску
Врачующая власть воскреснувшей природы!..

Въ монастырѣ пустынномъ, близъ Кордовы,
Картина есть. Старательной рукой
Изобразилъ художникъ въ ней суровый,
Какъ предъ кумиромъ мученикъ святой
Лежитъ въ цѣпяхъ, и палачи съ живого
Сдираютъ кожу... Видь картины той,
Исполненный жестокаго искусства,
Сжимаетъ грудь и возмущаетъ чувство.

Но въ дни тоски, мнѣ все являясь снова,
Упорно въ мысль вторгается она,
И мѣла та казнимаго святого
Сегодня мнѣ понятна и родна:
Съ моей души совлечены покровы,
Живая ткань ея обнажена,
И каждое къ ней жизни прикосанье
Есть злая боль и жгучее терзанье.

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парилъ зной,
И зелень рощъ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не гбѣла звонко,
И въ завиткахъ еще въ бору
Быль папоротникъ тонкій;

То было раннею весной,
Въ тѣни березъ то было,
Когда съ улыбкой предо мной
Ты очи опустила...

То на любовь мою въ отвѣтъ
Ты опустила вѣжды —
О, жизни! о, лѣсъ! о, солнца свѣтъ!
О, юность! о, надежды!

И плакалъ я передъ тобой,
На ликъ твой глядя милый,—
То было раннею весной,
Въ тѣни березъ то было!

То было въ утро нашихъ лѣтъ —
О, счастье! о, слезы!
О, лѣсъ! о, жизни! о, солнца свѣтъ!
О, свѣжій духъ березы!

НА ТЯГЪ

Сквозить на заревѣ темнѣющихъ небесъ
 И мелкимъ предо мной рисуется узоромъ
 Въ весенніе листы едва одѣтый лѣсъ,
 На лугъ болотистый спускаясь косогоромъ.
 И глушь и тишина. Лишь сонные дрозды
 Какъ нехотя свое доканчиваютъ пѣнье;
 Отъ луга всходитъ парь... Мерцающей звѣзды
 У ногъ моихъ въ водѣ явилось отраженье;
 Прохладой дунуло, и прошлогодній листъ
 Зашелестилъ въ дубахъ. Внезапно легкій свистъ
 Послышался; за нимъ, отчетисто и внятно,
 Стрѣлку знакомый хрипъ раздался троекратно,
 И вальдшнепъ протянулъ—виѣ выстрѣла. Другой
 Летитъ изъ-за лѣсу, но длинною дугой
 Опушку обогнулъ и скрылся. Слухъ и зрѣнье
 Мои напряжены, и вотъ черезъ мгновенье,
 Свистя, еще одинъ, въ послѣднемъ свѣтѣ дня,
 Чертой трепещущей несется на меня.
 Дыханье притаивъ, нагнувшись подъ осиною,
 Я выждалъ вѣрный мигъ—впередъ на полъ-аршина
 Я вскинулъ—огнь блеснулъ, по лѣсу грянулъ громъ —
 И вальдшнепъ падаетъ на землю колесомъ.
 Удара тяжкаго далекіе раскаты,
 Слабѣя, замерли. Спокойствіемъ объятый,
 Вновь дремлетъ юный лѣсъ, и облакомъ сѣдымъ
 Въ недвижномъ воздухѣ виситъ ружейный дымъ.
 Вотъ донеслась еще изъ дальняго болота
 Весеннихъ журавлей ликующая нота —
 И стихло все опять, и въ глубинѣ вѣтвей
 Жемчужной дробію защелкалъ соловей.
 Но отчего же вдругъ, мучительно и странно,
 Минувшимъ на меня повѣяло неожиданно,
 И въ этихъ сумеркахъ, и въ этой тишинѣ,
 Упрекомъ горестнымъ оно предстало мнѣ?
 Былыя радости! Забытыя печали!
 Зачѣмъ въ моей душѣ вы снова прозвучали,
 И снова предо мной, средь явственнаго сна,
 Мелькнула днесь моихъ погибшая весна?

Про подвигъ слышалъ я Кротонскаго бойца:
Какъ, юнаго взваливъ на плечи онъ тельца,
Чтобъ силу крѣпкихъ мышцъ умножить постепенно,
Вкругъ городской стѣны ходилъ, подъ нимъ согбенный,
И ежедневно трудъ свой повторялъ, пока
Телецъ тотъ не доросъ до тучнаго быка.

Въ дни юности моей, съ судьбой въ отважномъ спорѣ,
Я, какъ Милонъ, взвалилъ себѣ на плечи горе,
Не замѣчая самъ, что бремя тяжело;
Но съ каждымъ днемъ оно невидимо росло...
И голова моя подъ нимъ ужъ посѣдѣла,—
Оно же все растеть безъ мѣры и предѣла.

Темнота и туманъ застилаютъ мнѣ путь,
Ночь на землю все гуще ложится,
Но я вѣрю, я знаю, живетъ гдѣ-нибудь,
Гдѣ-нибудь да живетъ царь-дѣвица!

Какъ достичь до нея—не ищи, не гадай,
Тутъ расчетъ никакой не поможетъ,
Не догадка, не умъ, но безумье въ тотъ край,
Но удача принестъ тебя можетъ!

Я не ждалъ, не гадалъ, въ темнотѣ поскакалъ
Въ ту страну, куда нѣту дороги;
Я коня разнуздалъ, наудачу погналъ
И въ бока ему втиснулъ остроги...

Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье,
Какъ дымкой солнечный перенимая свѣтъ,
То блѣднымъ золотомъ, то мягкой синей тѣнью
Окрашиваетъ даль. Намъ тихій свой привѣтъ
Шлетъ осень мирная. Ни рѣзкихъ очертаній,
Ни яркихъ красокъ нѣтъ. Землей пережита
Пора роскошныхъ силъ и мощныхъ трепетаній;
Стремленья улеглись; иная красота
Смѣнила прежнюю; ликующаго лѣта
Лучами сильными ужъ болѣ не согрѣта,
Природа вся полна послѣдней теплоты;
Еще вдоль влажныхъ межъ красуются цвѣты,
А на пустыхъ поляхъ засохшія былинны
Опутываетъ свѣтъ дрожащей паутины;
Кружась медленно въ безвѣтріи лѣсномъ,
На землю желтый листъ спадаетъ за листомъ;
Неволью я слѣжу за ними взоромъ думнымъ,
И слышится мнѣ въ ихъ паденіи безшумномъ:
— Всему насталь покой, прими-жь его и ты,
Пѣвецъ, державшій стягъ во имя красоты;
Провѣрь, усердно ли ея святое сѣмя
Ты въ борозды бросаль, оставленныя всѣми,
По совѣсти-ль тобой задача свершена,
И жатва дней твоихъ обильна иль скудна?

Слушая повѣсть твою, полюбилъ я тебя, моя радость!
Жизнью твою я жилъ и слезами твоими я плакалъ;
Мысленно вмѣстѣ съ тобой пристрадалъ я минувшіе годы,
Все почувствовалъ вмѣстѣ съ тобой, и печаль и надежды,
Многое больно мнѣ было, во многомъ тебя упрекнулъ я;
Но позабыть не хочу ни ошибокъ твоихъ, ни страданій;
Дороги мнѣ твои слезы и дорого каждое слово!
Бѣдное вижу въ тебѣ я дитя, безъ отца, безъ опоры!
Рано познала ты горе, обманъ и людское злословье,
Рано подъ тяжестью бѣдъ твои преломилися силы!
Бѣдное ты деревцо, поникшее долу головкой!
Ты прислонися ко мнѣ, деревцо, къ зеленому вязу:
Ты прислонися ко мнѣ, я стою надежно и прочно!

Земля цвѣла. Въ лугу, весной одѣтомъ,
Ручей межъ травъ катился, молчаливъ;
Быль тихій часъ межъ сумракомъ и свѣтомъ,
Быль легкій сонъ лѣсовъ, полей и нивъ;
Не оглашалъ ихъ соловей привѣтомъ;
Природу всю широко осѣнивъ,
Парилъ покой; но подъ безмолвной тѣнью
Могучихъ силъ мнѣ чуялось движенье.

Не шелестя надъ головой моей,
Въ прозрачный мракъ деревья улетали;
Сквозной узоръ ихъ молодыхъ вѣтвей,
Какъ легкій дымъ, терялся въ горной дали;
Лѣсной чебѣрь и полевой шалфей,
Блестя росой, въ травѣ благоухали.
И думалъ я, въ померкшей глядя сводъ:
Куда меня такъ манить и влечеть?

Проникнуть весь блаженствомъ былъ я новымъ,
Исполненъ весь невѣдомыхъ мнѣ силъ:
Чего въ житейскомъ натискѣ суровомъ
Не смѣлъ я ждать, чего я не просилъ —
То свершено однимъ, казалось, словомъ,
И мнилось мнѣ, что я лечу безъ крылъ,
Перехожу, подъять природой всею,
Въ одинъ порывъ неудержимый съ нею!

Но трезвъ былъ умъ, и чуждъ ему восторгъ,
Надежды я не зналъ, ни опасенья...
Кто-жь мощно такъ отъ нихъ меня отторгъ?
Кто отрѣшилъ отъ тягости хотѣнья?

Со злобой дня души постыдный торгъ
Сталь для меня безъ смысла и значенья,
Для всѣхъ тревогъ безслѣдно умерь я
И ожилъ вновь въ сознаньи бытія...

Тутъ пронеслось какъ въ листьяхъ дуновенье,
И какъ отвѣтъ слышалось мнѣ:
«Задачи то старинной разрѣшенье
Въ таинственномъ ты видишь полуснѣ!
То творчества съ покоемъ соглашенье,
То мысли пылъ въ душевной тишинѣ...
Лови же мигъ, пока къ нему ты чутокъ —
Межъ сномъ и бдѣньемъ кратокъ промежуткъ!»

ПѢСНЯ СТРѢЛКОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ.

Слава на небѣ солнцу высокому,
Слава!
На землѣ Государю Великому
Слава!
Слава на небѣ свѣтлымъ звѣздамъ,
Слава!
На землѣ Государевымъ стрѣлкамъ
Слава!
Чтобъ рука ихъ была всегда тверда,
Слава!
Око быстрѣе, свѣтлѣй соколиного,
Слава!
Чтобы привелъ Богъ за Русь постоять,
Слава!
Нашихъ враговъ за рубежъ провожать,
Слава!
Чтобъ намъ дума была лишь о родинѣ,
Слава!
Ину-жь печаль мы закинемъ за синюю даль,
Слава!
А эту пѣсню мы святой Руси поемъ,
Слава!
Чтобы ее, православную, Богъ берегъ,
Слава!
Чтобъ стрѣлокъ послужилъ ей одинъ за трехъ,
Слава!
Чтобъ не было на свѣтѣ царства сильнѣй,
Слава!
Нашего ласкова Государя добрѣй,
Слава!
Чтобъ не было русскаго слова крѣпчей,
Слава!
Чтобы не было русской славы громчей,
Слава!
Чтобъ не было русской пѣсни звучнѣй,
Слава!
Да чтобъ не было царскихъ стрѣлковъ удалѣй,
Слава!

Чарочка моя
Серебряная,
На золотомъ блюдѣ
Ставленная.
Кому чару пити?
Кому выпивати?
Пить чару—пить
Батюшкѣ-царю,
Выпивать
Александру Николаевичу.
Чару выпивай,
Насъ не забывай!
То не лѣсъ, не трава
Преклоняются—
Наши буйныя головушки
Склоняются!

(Юношеское стихотвореніе).

Я вѣрю въ чистую любовь
И въ душъ соединенье;
И мысли всѣ, и жизнь, и кровь,
И каждой жилки бьенье
Отдамъ я съ радостію той,
Которой образъ милый
Меня любовію святой
Исполнить до могилы.

ПЕРЕВОДЫ, ПЕРЕЛОЖЕНІЯ.

СВЕДЕНБОРГЪ.

Въ странѣ лучей, незримой нашимъ взорамъ,
Вокругъ міровъ вращаются міры;
Тамъ сонмы душъ возносятся стройнымъ хоромъ
Своихъ молитвъ немолчные дары.

Блаженствомъ тамъ сіяющіе лики
Отвращены отъ міра суеты,
Не слышны имъ земной печали клики,
Не видны имъ земныя нищеты,

Все, что онѣ желали и любили,
Все, что къ землѣ привязывало ихъ,
Все на землѣ осталось горстью пыли,
А въ небѣ нѣтъ ни близкихъ ни родныхъ.

Но ты, о, другъ, лишь только звуки рая,
Какъ дальній зовъ, въ твою проникнуть грудь,
Ты обо мнѣ подумай, умирая,
И хоть на мигъ блаженство позабуди!

Прощальный взоръ бросая нашей жизни,
Душою, другъ, взгляди въ мои черты,
Чтобы узнать въ заоблачной отчизнѣ,
Кого звала, кого любила ты,

Чтобы не могъ моей молящей рѣчи
Небесный хоръ навѣки заглушить,
Чтобы тебѣ, до нашей новой встрѣчи
Въ странѣ лучей, и помнить и грустить!

ШЕЊЕ.

I.

Багровый гаснетъ день; толпится за оградой
Вернувшихся телиць недоенное стадо.
Имъ въ ясли сочная навалена трава,
И ждуть онѣ, жуя, пока ты, рукава
По локоть засучивъ и волосы откинувъ;
Готовишь звонкій рядъ расписанныхъ кувшиновъ;
Безпечно на тебя лѣнныя глядятъ,
Лишь красно-бурой той, замѣтъ, неласковъ взглядъ;
Въ глазахъ ея давно сокрытая есть злоба,
Недаромъ отъ другихъ она паслась особо;
Но если вмѣстѣ мы къ строптивой подойдемъ
И ноги сильныя опутаемъ ремнемъ,
Мы покоримъ ее, и подь твоей рукою
Полетѣя молоко журчащею струею.

II.

Вотъ онѣ, Низійскій богъ, смиритель дикихъ странъ,
Со взглядомъ дѣвственнымъ и гроздіемъ вѣнчанъ,
Влекомый желтымъ львомъ и барсомъ многоцвѣтнымъ;
Обратный держать путь къ садамъ своимъ завѣтнымъ!

III.

Ко мнѣ, молодой Хромидъ, смотри, какъ я прекрасна!
О, юноша, тебя я полюбила страстно.
Діанѣ равная, когда, въ закатѣ дня,
Я шла, потупя взоръ, съ восторгомъ на меня
Глядѣли пастухи, другъ друга вопрошая:
«То смертная-ль идетъ, иль дѣва неземная?
«Неэра, не ввѣрай себя морскимъ волнамъ,
«Не то богинею ты станешь, и пловцамъ
«Придется въ бурю звать, къ стернѣю теряя вѣру,
«Ѳетиду бѣлую и бѣлую Неэру!»

IV.

Крылатый богъ любви, склоняся надъ сохой,
Оратаемъ идетъ за взрѣзанной браздой;
Впряженные тельцы его послушны волѣ,
Прилежною рукой онъ засѣваетъ поле
И, дерзкій взглядъ поднявъ къ властителю небесъ,
Взываетъ: — Жатву ты блюди мою, Зевесъ!
Не то, къ Европѣ страсть опять въ тебѣ волнуетъ,
Въ ярмо твою главу мычащую нагну я!

V.

Супругъ блудливыхъ козъ, нечистый и кичливый,
Узрѣвъ, что къ нимъ сатиръ подкрался похотливый,
И чуя въ немъ себѣ опаснаго врага,
Вздыбся, изловчилъ ревнивые рога.
Сатиръ склоняетъ лобъ — и стукъ ихъ яркой встрѣчи
Зефиры по лѣсамъ, смѣясь, несутъ далече.

VI.

Я вмѣсто матери уже считаю стадо,
Съ отцомъ ходить въ поля теперь моя отрада,
Мы трудимся вдвоемъ. Я заставляю мѣдъ
Весной душистою на пчельникѣ звенѣть;
Съ царицею своей, услыша звукъ тяжелый,
Во страхъ улетѣть хотять младыя пчелы,
Но, новой ихъ семьѣ готова новый домъ,
Сильнѣе все въ тазы мы кованые бьемъ,
И вольные рои, испуганные нами,
Межъ зелени висятъ жужжащими гроздами.

БАЙРОНЪ.

I.

Ассирияне шли какъ на стадо волки,
Въ багрецѣ ихъ и въ златѣ сіяли полки,
И безъ счета ихъ копыя сверкали окрестъ,
Какъ въ волнахъ Галилейскихъ мерцаніе звѣздъ.

Словно листья дубравные въ лѣтніе дни,
Еще вечеромъ такъ красовались они;
Словно листья дубравные въ вихрѣ зимы,
Ихъ къ разсвѣту лежали развѣяны тмы.

Ангель смерти лишь на-вѣтеръ крылья простеръ
И дохнулъ имъ въ лицо, и померкнулъ ихъ взоръ,
И на мутныя очи палъ сонъ безъ конца,
И лишь разъ поднялись и остыли сердца.

Вотъ расширившій ноздри, повергнутый конь,
И не пышетъ изъ нихъ гордой силы огонь,
И какъ хладная влага на брегѣ морскомъ,
Такъ предсмертная пѣна бѣлѣветъ на немъ.

Вотъ и всадникъ лежитъ, распростертый во прахъ,
На бронѣ его ржа и роса на власахъ;
Безотвѣтны шатры, у знаменъ ни раба,
И не свищетъ копые, и не трубитъ труба.

И Ассиріи вдовъ слышенъ плачъ на весь міръ,
И во храмѣ Ваала низверженъ кумиръ,
И народъ, не сраженный мечомъ до конца,
Весь растаялъ, какъ снѣгъ, передъ блескомъ Творца!

II.

Неспящихъ солнце, грустная звѣзда,
Какъ слезно лучъ мерцаетъ твой всегда,
Какъ темнота при немъ еще темнѣй,
Какъ онъ похожъ на радость прежнихъ дней!

Такъ свѣтитъ прошлое намъ въ жизненной ночи,
Но ужъ не грѣютъ насъ безсильные лучи,
Звѣзда минувшаго такъ въ горѣ мнѣ видна,
Видна, но далека, — свѣтла, но холодна.

ГАРАЛЬДЪ СВЕНГОЛЬМЪ.

His voice it was dup like the voice of the see.

Его голосъ звучалъ какъ морская волна,
Мраченъ взоръ былъ грозящихъ очей,
И была его длань какъ погибель сильна,
Сердце зыблемой трости слабѣй.

Не въ кровавомъ бою онъ врагами убитъ,
Не грозою поверженъ онъ въ прахъ,—
Подъ могильнымъ холмомъ онъ безъ раны лежитъ,
Самъ себѣ разрушитель и врагъ.

Струны мощныя арфы пѣвецъ напрягалъ,
Струны жизни порвалися въ немъ,
И начатую пѣсню Гаральдъ не скончалъ
И лежитъ подъ могильнымъ холмомъ.

И сосна тамъ раскинула силу вѣтвей,
Словно обликъ его хороша,
И тоскуетъ на ней по ночамъ соловей,
Словно пѣсню кончаетъ душа.

ЭДВАРДЪ.

НАРОДНАЯ ШОТЛАНДСКАЯ БАЛЛАДА.

1.

— Чьей кровію мечъ ты свой такъ обагриль,
Эдвардъ, Эдвардъ?
Чьей кровію мечъ ты свой такъ обагриль?
Зачѣмъ ты глядишь такъ сурово?
— То сокола я, разсердяся, убиль,
Мать моя, мать,
То сокола я, разсердяся, убиль,
И негдѣ добыть мнѣ другого!

2.

— У сокола кровь такъ красна не бѣжить,
Эдвардъ, Эдвардъ,
У сокола кровь такъ красна не бѣжить,
Твой мечъ окровавленъ краснѣе!
— Мой конь красно-бурый былъ мною убитъ,
Мать моя, мать,
Мой конь красно-бурый былъ мною убитъ,
Тоскую по добромъ конѣ я!

3.

— Конь старъ у тебя, эта кровь не его,
Эдвардъ, Эдвардъ,
Конь старъ у тебя, эта кровь не его—
Не то въ твоёмъ сумрачномъ взорѣ!
— Отца я сейчасъ закололъ моего,
Мать моя, мать,
Отца я сейчасъ закололъ моего,
И лютое жжетъ меня горе!

4.

— А грѣхъ чѣмъ тяжелый искупишь ты свой,
Эдвардъ, Эдвардъ?
А грѣхъ чѣмъ тяжелый искупишь ты свой?
Чѣмъ сымешь ты съ совѣсти ношу?
— Я сяду въ ладью непогодой морской,
Мать моя, мать,
Я сяду въ ладью непогодой морской
И вѣтру всѣ парусы брошу!

5.

— А съ башней что будетъ и съ домомъ твоимъ,
Эдвардъ, Эдвардъ?
А съ башней что будетъ и съ домомъ твоимъ,
Ладья когда въ море отчалить?
— Пусть вѣтеръ и буря гуляютъ по нимъ,
Мать моя, мать,
Пусть вѣтеръ и буря гуляютъ по нимъ,
Доколѣ ихъ въ прахъ не повалять!

6.

— Что-жь будетъ съ твоими съ дѣтми и женой,
Эдвардъ, Эдвардъ?
Что-жь будетъ съ твоими съ дѣтми и женой,
Въ ихъ горькой, безпомощной долѣ?
— Пусть по-миру ходять за хлѣбомъ съ сумой,
Мать моя, мать,
Пусть по-миру ходять за хлѣбомъ съ сумой,
Я съ ними не свижуся болѣ!

7.

— А матери что ты оставишь своей,
Эдвардъ, Эдвардъ?
А матери что ты оставишь своей,
Тебя что у груди качала?
— Проклятье тебѣ до скончанія дней,
Мать моя, мать,
Проклятье тебѣ до скончанія дней,
Тебѣ, что мнѣ грѣхъ нашептада.

Г Ё Т Е.

I.

БОГЪ И БАЯДЕРА.

Магадевъ, земли владыка,
Къ намъ въ шестой нисходитъ разъ,
Чтобъ, отъ мала до велика,
Самому извѣдать насъ;
Хочетъ, въ странствованьи трудномъ,
Скорбь и радость испытать,
Чтобъ судьбою правосуднымъ
Насъ карать и награждать.

Онъ, путникомъ городъ обшедши усталымъ,
Могучихъ проникнувъ, прислушавшись къ малымъ,
Выходитъ въ предмѣстьи свой путь продолжать.

Вотъ стоитъ подь воротами,
Въ шелкъ и въ кольца убрана,
Съ насурмлѣнными бровями,
Дѣва падшая одна.

— Здравствуй, дѣва!—Гость, не въ мѣру
Честь въ привѣтъ мнѣ твоемъ!

— Кто же ты?—Я баядера,

И любви ты видишь домъ!

Гремучіе бубны привычной рукою,
Кружась, потрясаетъ она надъ собою
И, станъ изгибая, обходитъ кругомъ.

И, ласкаясь, увлекаетъ
Незнакомца на порогъ:
— Лишь войди, и засияетъ
Эта хата какъ чертогъ;
Ноги я твои омою,
Дамъ пріютъ отъ солнца стрѣль,
Освѣжу и успокою,
Ты усталъ и изомлѣлъ.

И мнимымъ страданьямъ она помогаетъ,
Безсмертный съ улыбкою все примѣчаетъ,
Онъ чистую душу въ упавшей прозрѣлъ.

Какъ съ рабынею сурово
Обращается онъ съ ней,
Но она, откинувъ ковы,
Все покорнѣй и нѣжнѣй,
И невольно, въ жаждѣ вящшей
Унизительныхъ услугъ,
Чуетъ страсти настоящей
Возрастающій недугъ.
Но вѣдатель глубей и высей вселенной,
Пытуя, проводить ее постепенно
Черезъ нѣгу, и страхъ, и терзанія мумъ.

Онъ касается устами
Расписныхъ ея ланить,
И неожиданнымъ слезами
Ликъ наемницы облить;
Пала ницъ въ сердечной боли,
И не надо ей даровъ,
И для пляски нѣгу воли,
И для рѣчи нѣгу словъ.
Но солнце заходить, и мракъ наступаетъ,
Убранное ложе чегу принимаетъ,
И ночь опустила надъ ними покровъ.

На зарѣ, въ волненьи странномъ
Пробудившись ото сна,
Гостя мертвымъ, бездыханнымъ
Видить съ ужасомъ она.
Плачь напрасный! Крикъ безплодный!
Совершился рока судъ,
И брамины трупъ холодный
Къ ямѣ огненной несутъ.
И слышитъ она погребальное пѣнье,
И свется, и дѣлится толпу въ изступленьи...
— Кто ты? Чего хочешь, безумная, тутъ?

Съ воплемъ ринулась на землю
Предъ возлюбленнымъ своимъ:
— Я супруга прахъ объемлю,
Я хочу погибнуть съ нимъ!
Красота ли неземная
Станетъ пепломъ и золой?
Онъ былъ мой въ лобзаньяхъ рая,
Онъ " въ смерти будетъ мой!

Но стихъ раздастся священнаго хора:
— Несемъ мы къ могилѣ, несемъ безъ разбора,
И старость, и юность съ ея красотой!

— Ты-жь ученю Брамы вѣруй:
Мужемъ нѣ былъ онъ твоимъ,
Ты зовешься баядерой
И не связана ты съ нимъ!
Только жѣнамъ овдовѣлымъ
Честъ сожженъя суждена,
Только тѣнѣ идетъ за тѣломъ,
А за мужемъ лишь жена!

Раздайтеся трубы, кимвалы гремите,
Вы въ пламени юношу, боги, примите,
Примите къ себѣ отъ послѣдняго сна!

Такъ, ея страданья множа,
Хоръ безжалостно поетъ,
И на лютой смерти ложе,
Въ ярый огонь, она падеть;
Но изъ пламеннаго зѣва
Богъ поднялся, невредимъ,
И въ его объятяхъ дѣва
Къ небесамъ взлетаетъ съ нимъ.

Раскаянне грѣшныхъ любимо богами,
Заблудшихъ дѣтей огневыми руками
Благіе возносятъ къ чертогамъ своимъ.

II.

КОРИНѢСКАЯ НЕВѢСТА.

Изъ Аѳинъ въ Коринѣ многоколонный
Юный гость приходитъ незнакомъ;
Тамъ когда-то житель благосклонный
Хлѣбъ и соль водилъ съ его отцомъ;
И дѣтей они,
Въ ихъ молодые дни,
Нарекли невѣстой съ женихомъ.

Но какой для добраго пріема
Отъ него потребуютъ цѣны?
Онъ — дитя языческаго дома,
А они — недавно крещены!
Гдѣ за вѣру споръ,
Тамъ, какъ вѣтромъ соръ,
И любовь и дружба сметены.

Вся семья давно ужъ отдыхаетъ,
Только мать одна еще не спитъ,
Благодушно гостя принимаетъ
И покой отвести ему спѣшитъ;
Лучшее вино
Ею внесено,
Хлѣбомъ столъ и яствами покрытъ.

И, простясь, ночникъ ему зажженный
Ставить мать, но ото всѣхъ тревогъ
Ужъ усталый онъ и полусонный,
Безъ ѣды, не раздѣваясь, легъ,
Какъ сквозь двери тьму
Двигается къ нему
Странный гость безшумно на порогъ.

Входитъ дѣва медленно и скромно,
Вся покрыта бѣлой пеленой:
Вкругъ косы ея, густой и темной,
Блещетъ вѣнчикъ черно-золотой.
Юношу узрѣвъ,
Стала, оробѣвъ,
Съ приподнятой блѣдною рукой.

— Видно, въ домѣ я уже чужая, —
Такъ она со вздохомъ говорить:—
Что вошла, о гостѣ семъ не зная,
И теперь меня объемятъ стыдъ;
 Спи-жь спокойнымъ сномъ
 На одрѣ своемъ,
Я уйду опять въ мой темный скитъ.

— Дѣва, стой, — восхлибнулъ онъ: — со мною
Подожди до утренней поры!
Вотъ, смотри, Церерой золотою,
Вакхомъ вотъ посланные дары;
 А съ тобой придетъ
 Молодой Эротъ.
Имъ же свѣтлы игры и пиры!

— Отступи, о, юноша! я болѣ
Непричастна радости земной;
Шагъ свершенъ родительскою волею:
На одрѣ болѣзни роковой
 Поклялася мать
 Небесамъ отдать
Жизнь мою, и юность, и покой!

И боговъ веселыхъ рой родимый
Новой вѣры сила изгнала,
И теперь царить одинъ Незримый,
Одному Распятому хвала!
 Агнцы болѣ тутъ
 Жертвой не падутъ,
Но людскія жертвы безъ числа!

И ея онъ взвѣшиваетъ рѣчи:
— Неужель теперь, въ тиши ночной,
Съ женихомъ не чаявшая встрѣчи,
Тѣ стоитъ невѣста предо мной?
 О, отдайся-жь мнѣ,
 Будь моею вполнѣ,
Насъ вѣнчали клятвою двойной!

— Мнѣ не быть твоею, отрокъ милый,
Ты мечты напрасной не лелѣй.
Скоро буду взята я могилой,
Ты-жь сестрѣ назначенъ ужъ мой;

Но въ блаженномъ снѣ
Думай обо мнѣ,
Обо мнѣ, когда ты будешь съ ней!

— Нѣтъ, да свѣтитъ пламя сей лампы
Намъ Гимена факеломъ святымъ,
И тебя для жизни, для отрады,
Уведу къ пенатамъ я моимъ!
Вѣрь мнѣ, другъ, о, вѣрь!
Мы вдвоемъ теперь
Брачный пиръ нежданно совершимъ!

И они мѣняются дарами:
Цѣпь она спѣшитъ златую снять, —
Чашу онъ съ узорными краями
Въ знакъ союза хочетъ ей отдать;
Но она къ нему:
— Чаши не приму,
Лишь волосъ твоихъ возьму я прядь!

Полночь бьетъ — и взоръ доселѣ хладный
Заблесталъ — лицо оживлено,
И уста безцвѣтныя пьютъ жадно
Съ темной кровью схожее вино;
Хлѣба-жъ со стола
Вовса не взяла,
Словно ей вкушать запрещено.

И фіаль она ему подносить,
Вмѣстѣ съ ней онъ токъ багровый пьетъ,
Но ея объятій какъ ни просить,
Все она противится — и вотъ,
Тяжко огорчень,
Паль на ложе онъ
И въ безсильной страсти слезы льетъ.

И она къ нему, ласкаясь, сѣла:
— Жалко мучить мнѣ тебя, но, ахъ,
Моего когда коснешься тѣла,
Неземной тебя охватитъ страхъ:
Я какъ снѣгъ блѣдна,
Я какъ ледъ хладна,
Не сохнись я въ твоихъ рукахъ!

Но, кипящій жизненною силой,
Онъ ее въ объятя заключилъ:
— Ты хотя бы вышла изъ могилы,
Я-бъ согрѣлъ тебя и оживилъ!

О, какимъ вдвоемъ
Мы горимъ огнемъ,
Какъ тебя мой проникаетъ пылъ!

Все тѣснѣй сближаетъ ихъ желанье,
Ужъ она, припавъ къ нему на грудь,
Пьетъ его горячее дыханье
И ужъ устъ не можетъ разомкнуть;
Юноши любовь
Ей согрѣла кровь,
Но не бьется сердце въ ней ничуть.

Между тѣмъ, дозоромъ позднимъ, мимо
За дверьми еще проходить мать,
Слышитъ шумъ внутри необъяснимый
И его старается понять:

То любви недугъ,
Поцѣлуевъ звукъ,
И еще, и снова, и опять!

И недвижно, притаивъ дыханье,
Ждетъ она—сомнѣннй болѣ нѣтъ—
Вздохи, слезы, страсти лепетанье
И восторга бѣшенанаго бредъ:

— Скоро день—но вновь
Насъ сведетъ любовь!
— Завтра вновь!—съ лобзаньемъ былъ отвѣтъ.

Долѣ мать сдержатъ не можетъ гнѣва,
Ключъ она свой тайный достаетъ:
— Развѣ есть такая въ домѣ дѣва,
Что себя пришельцамъ отдаетъ?

Такъ возмущена,
Входитъ въ дверь она—
И дитя родное узнаётъ.

И воспрянувъ юноша съ испугу,
Хочетъ скрыть завѣсою окна,
Покрываломъ хочетъ скрыть подругу;
Но, отбросивъ складки полотна,

Съ ложа, вся пряма,
Словно не сама,
Медленно подьмется она.

— Мать, о, мать! нарочно ты ужели
Отравить мою приходишь ночь?
Съ этой теплой ты меня постели
Въ мракъ и холодъ снова гонишь прочь!
И съ тебя ужель
Мало и досель,
Что свою ты схоронила дочь?

Но меня изъ тѣсноты могильной
Нѣкій рокъ къ живущимъ шлетъ назадъ,
Вашихъ клировъ пѣніе безсильно,
И попы напрасно мнѣ кадятъ:
Молодую страсть
Никакая власть,
Ни земля ни гробъ не охладятъ!

Этотъ отрокъ именемъ Венеры
Былъ обѣщанъ мнѣ отъ юныхъ лѣтъ,
Ты вотще во имя новой вѣры
Изрекла неслыханный обѣтъ!
Чтобъ его принять,
Въ небесахъ, о, мать,
Въ небесахъ такого бога нѣтъ!

Знай, что смерти роковая сила
Не могла сковать мою любовь,
Я нашла того, кого любила,
И его я высосала кровь!
И, покончивъ съ нимъ,
Я пойду къ другимъ,—
Я должна идти за жизнью вновь!

Милый гость, вдали родного края
Осужденъ ты чахнуть и завять;
Цѣпь мою тебѣ передала я,
Но волосъ твоихъ беру я прядь.
Ты ихъ видишь цвѣтъ?
Завтра будешь сѣдъ,
Русымъ тамъ лишь явишься опять.

Мать, услышь послѣднее моленье,
Прикажи костеръ воздвигнуть намъ,
Свободи меня изъ заточенья,
Миръ въ огнѣ дай любящимъ сердцамъ!
Такъ изъ дыма тьмы
Въ пламѣ, въ искрахъ мы
Къ нашимъ древнимъ полетимъ богамъ!

III.

(ОТРЫВОКЪ).

То древній лѣсъ. Могучій дубъ широко
Надъ сукомъ сукъ кривить въ кудряхъ вѣтвей,
Кленъ, чистъ и прямъ, подьмлясь, полный сока,
Играетъ въ небѣ ношею своей.

ГЕРВЕГЪ.

Хотѣлъ бы я угаснуть какъ заря,
Какъ алые отливы небосклона;
Какъ зарево вечернее горя,
Я бы хотѣлъ излиться въ Божье лоно.

Я бы хотѣлъ, какъ свѣтлая звѣзда,
Зайти, блестя въ негаснущемъ мерцаньи,
Я утонуть хотѣлъ бы безъ слѣда
Во глубинѣ лазурнаго сіянья.

Пускай бы смерть моя была легка
И жизнь моя такъ тихо уходила,
Какъ легкій запахъ вешняго цвѣтка,
Какъ синій дымъ, бѣгущій отъ кадила.

И какъ летитъ отъ арфы слабый звонъ,
Въ предѣлахъ дальнихъ тихо замирая,
Такъ, отъ земной темницы отрѣшенъ,
Я-бъ улетѣть хотѣлъ къ родному краю.

Нѣтъ, не зайдешь ты свѣтлою звѣздой,
Ты не угаснешь, заревомъ пылая,
Не какъ цвѣтокъ умрешь ты полевой,
Не улетишь, звеня, къ родному краю:—

Угаснешь ты, но грозная рука
Тебя сперва безжалостно коснется:
Природы смерть спокойна и легка,—
На части сердце, умирая, рвется!

ГЕЙНЕ.

I.

У моря сажу, на утесѣ крутомъ,
Мечтами и думами полный;
Лишь вѣтеръ, да тучи, да чайки кругомъ,
Кочуютъ и пѣняются волны.

Знавалъ и друзей я и ласковыхъ дѣвъ—
Ихъ нынѣ припомнить хочу я:
Куда вы сокрылись? Лишь вѣтеръ, да ревъ,
Да пѣняются волны, кочуя.

II.

Безоблачно небо, нѣтъ вѣтру съ утра,
Въ большомъ затрудненіи торчатъ флюгера:
Ужъ какъ ни гадаютъ, никакъ не добьются,
Въ которую сторону имъ повернуться?

III.

Изъ водъ подымая головку,
Лилея въ раздумьѣ глядитъ;
Съ высотъ улыбаяся, мѣсяцъ
Къ ней тихой любовью горитъ.

Лилея стыдливо склонила
Головку на зеркало водъ—
А онъ ужъ у ногъ ея, бѣдный,
Трепещетъ и блескъ свой лиѣтъ.

IV.

Nun ist es Zeit!

Довольно! Пора мнѣ забыть этотъ вздоръ!
Пора мнѣ вернуться къ разсудку!
Довольно съ тобой, какъ искусный актеръ,
Я драму разыгрывалъ въ шутку!

Расписаны были кулисы пестро,
Я такъ декламировалъ страстно,
И мантии блескъ, и на шляпѣ перо,
И чувства—все было прекрасно.

Но вотъ, хоть ужъ сбросилъ я это тряпье,
Хоть нѣтъ театральнаго хламу,
Доселѣ болить еще сердце мое,
Какъ будто играю я драму!

И что я поддѣльною болью считалъ,
То боль оказалась живая—
О, Боже! я, раненый на-смерть, игралъ,
Гладьатора смерть представляя!

V.

Ричардъ Львиное Сердце.

Въ пустынной дубравѣ несется ѣздокъ,
Въ роскошномъ лѣсистомъ ущельѣ,
Поетъ и смѣется, и трубитъ онъ въ рогъ.
Въ душѣ и во взорѣ веселье.

Онъ въ крѣпкую броню стальную одѣтъ,
Знакомъ его мечъ сарацинамъ—
То Ричардъ, Христовыхъ то воиновъ цвѣтъ,
И Сердцемъ зовутъ его Львинымъ.

— Здорово, король нашъ!—лепечуть листы
И плюща езленья стѣны:—
Здорово, король нашъ, мы рады, что ты
Ушелъ изъ австрійскаго плѣна!

Дышать на свободѣ привольно ему,
Онъ чувствуетъ свое возрожденье,
И душную онъ вспоминаетъ тюрьму—
И шпорить коня въ упоеньи.

VI.

Обнявшись дружно, сидѣли
Съ тобою мы въ легкомъ челнѣ;
Плыли мы къ невѣдомой цѣли
По морю при тусклой лунѣ.

И виденъ, какъ сквозь покрывало,
Былъ островъ таинственный намъ,
Свѣтилося все и звучало,
И весело двигалось тамъ.

И такъ насъ къ себѣ несдержимо
Звало и манило вдали,
А мы—безутѣшно мы мимо
По темному морю плыли.

САТИРЫ, ШУТКИ.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ ОТЪ ГОСТОМЫСЛА,
СЪ ІХ ПО XIX ВѢКЪ
(862—1868).

— «Вся земля паша велика и
обильна, а наряда въ ней нѣтъ».
Несторъ, лѣтопись, стр. 8.

1.

Послушайте, ребята,
Что вамъ расскажетъ дѣдъ.
Земля наша богата,
Порядка въ ней. лишь нѣтъ.

2.

А эту правду, дѣтки,
За тысячу ужь лѣтъ
Смекнули наши предки:
Порядку-де, вишь, нѣтъ.

3.

И стали все въ подѣ стягомъ,
И молвятъ: «какъ намъ быть?»
«Давай, пошлемъ къ варягамъ:
«Пускай придутъ княжить».

4.

«Вѣдь нѣмцы тароваты,
«Имъ вѣдомъ мракъ и свѣтъ,
«Земля-жь у насъ богата,
«Порядка въ ней лишь нѣтъ».

5.

Посланцы скорымъ шагомъ
Отправились туда
И говорятъ варягамъ:
«Придите, господа!

6.

«Мы вамъ отсыплемъ злата,
«Что кievскихъ конфетъ;
«Земля у насъ богата,
«Порядка въ ней лишь нѣтъ».

7.

Варягамъ стало жутко:
«Ну, думаютъ, что-жъ тутъ?
«Попытка вѣдь не шутка—
«Пойдемъ, когда зовутъ!»

8.

И вотъ пришли три брата,
Варяги среднихъ лѣтъ,
Глядятъ—земля богата,
Порядка—вовсе нѣтъ.

9.

«Ну, думаетъ команда,
«Здѣсь ногу сломить чортъ,
«Es ist ja eine Schande,
«Wir müssen wieder fort» *).

10.

Но братецъ старшій, Рюрикъ,
«Постой», сказалъ другимъ,
«Fortgehen ungebürlich,
«Vielleicht ist's nicht so schlimm **).

*) Вѣдь это срамъ—мы опять должны уйти!

**) Уйти недостойно, можетъ-быть, не такъ плохо!

11.

«Хоть вшивая команда,
«Почти одна лишь шваль;
«Wir bringen's schon zu Stande,
«Versuchen wir einmal» *).

12.

И сталъ княжить онъ сильно;
Княжилъ семнадцать лѣтъ;
Земля была обильна,
Порядка-жъ нѣтъ какъ нѣтъ!

13.

За нимъ княжилъ князь Игорь,
А правилъ имъ Олегъ,
Es war ein grosser Krieger **)
И умный человекъ.

14.

Потомъ княжила Ольга,
А послѣ Святославъ;
So ging die Reihenfolge ***)
Языческихъ державъ.

15.

Когда взошелъ Владиміръ
На свой отцовскій тронъ,
Da endigte für immer
Die alte Religion ****).

16.

Онъ вдругъ сказалъ народу:
«Вѣдь наши боги дрянъ,
«Пойдемъ креститься въ воду!»
И сдѣлалъ тамъ Иорданъ.

*) Мы еще справимся, попробуемъ немножко.

**) Онъ былъ великій воинъ.

***) Такова была очередь, или таковъ былъ порядокъ.

****) И былъ конецъ навсегда старой вѣры.

17.

«Перунъ ужъ очень гадокъ!
«Когда его спихнемъ,
«Увидите, порядокъ
«Какой мы заведемъ!»

18.

Послалъ онъ за попами
Въ Аѳины и Царьградъ,
Поны пришли толпами,
Крестятся и кадятъ,

19.

Поютъ собѣ умильно
И помнятъ свой кисеть;
Земля, какъ есть, обильна,
Порядка только нѣтъ.

20.

Умре Владиміръ съ горя,
Порядка не создавъ.
За нимъ княжить сталъ вскорѣ
Великій Ярославъ.

21.

Оно, пожалуй, съ этимъ
Порядокъ бы и былъ;
Но изъ любви онъ къ дѣтямъ
Всю землю раздѣлилъ.

22.

Плоха была услуга,
А дѣти, видя то,
Давай тузить другъ друга:
Кто какъ и чѣмъ во что!

23.

Узнавши то, татары:
«Ну, думаютъ, не трусы!»
Надѣли шаровары,
Пріѣхали на Русь.

24.

«Отъ вашего, молъ, спора
«Земля пошла вверхъ дномъ,
«Постойте-жь, мы вамъ вскорѣ
«Порядокъ заведемъ».

25.

Кричатъ: «давайте дани!»
(Хоть вонъ святыхъ неси).
Тутъ много всякой дряни
Настало на Руси.

26.

Что день, то братъ на брата
Въ орду несутъ извѣтъ;
Земля, кажись, богата—
Порядка-жь просто нѣтъ.

27.

Иванъ явился третій;
Онъ говорить: «шалишь!»
«Ужь мы теперь не дѣти!»
Послалъ татарамъ шипъ.

28.

И вотъ земля свободна
Отъ всякихъ золь и бѣдъ
И очень хлѣбородна,
А все-жь порядка нѣтъ.

29.

Насталъ Иванъ четвертый,
Онъ третьему былъ внукъ;
Калачъ на царство тертый
И многихъ женъ супругъ.

30.

Иванъ Васильичъ Грозный
Ему былъ имя рекъ,
За то, что былъ серьезный,
Солидный человекъ.

31.

Приемами не сладокъ,
Но разумомъ не хромъ;
Такой завелъ порядокъ,
Хоть покати шаромъ!

32.

Жить можно бы безопасно
При этакомъ царѣ;
Но—ахъ!—ничто не вѣчно—
И царь Иванъ помре.

33.

За нимъ царить сталъ Федоръ,
Отцу живой контрасть;
Былъ разумомъ не бодоръ,
Трезвонить былъ гораздъ.

34.

Борисъ же, царскій шурина,
Не въ шутку былъ уменъ,
Брюнетъ, лицомъ недуренъ,
И сѣлъ на царскій тронъ.

35.

При немъ пошло все гладко,
Не стало прежнихъ золь,
Чуть-чуть было порядка
Въ странѣ онъ не завелъ.

36.

Къ несчастью, самозванецъ,
Откуда ни возмись,
Такой задалъ намъ танецъ,
Что умеръ царь Борисъ.

37.

И, на Бориса мѣсто
Взобравшись, сей нахаль
Отъ радости съ невѣстой
Ногами заболталъ.

38

Хоть былъ онъ парень бравый
И даже не дуракъ,
Но подъ его державой
Сталъ бунтовать полякъ.

39.

И то намъ не по сердцу;
И вотъ однажды въ ночь
Мы задали имъ перцу
И всѣхъ прогнали прочь.

40.

Взошелъ на тронъ Василій,
Но вскорѣ всей землей
Его мы попросили,
Чтобъ онъ сошелъ долой.

41.

Вернулись поляки,
Казаковъ привели;
Пошелъ сумбуръ и драки:
Поляки и казаки,

42.

Казаки и поляки
Насъ паки бьютъ и паки;
Мы-жъ безъ царя какъ раки
Горюемъ на мели.

43.

Прямые были страсти —
Порядка-жъ ни на грошъ.
Извѣстно, что безъ власти
Далѣко не уйдешь.

44.

Чтобъ тронъ поправить царскій
И вновь царя избрать,
Тутъ Мининъ и Пожарскій
Скорѣй собрали рать.

45.

И выгнала ихъ сила
Поляковъ снова вонъ,
Земля же Михаила
Взвела на русскій тронъ.

46.

Свершилося то лѣтомъ;
Но былъ ли уговоръ—
Исторія объ этомъ
Молчить до этихъ поръ.

47.

Варшава намъ и Вильна
Прислали свой привѣтъ;
Земля была обильна—
Порядка-жъ нѣтъ какъ нѣтъ.

48.

Сѣлъ Алексѣй на царство;
Тогда роди Петра.
Пришла для государства
Тутъ новая пора.

49.

Царь Петръ любилъ порядокъ
Почти какъ царь Иванъ,
И такъ же былъ онъ сладокъ,
Порой бывалъ и пьянъ.

50.

Онъ молвилъ: «Мнѣ васъ жалко,
«Вы сгинете въ конецъ;
«Но у меня есть палка,
«И я вамъ всѣмъ отецъ!..»

51.

«Не далѣе какъ къ святкамъ
«Я вамъ порядокъ дамъ!»
И тотчасъ за порядкомъ
Уѣхалъ въ Амстердамъ.

52.

Вернувшись оттуда,
Онъ гладко насъ обрилъ,
А къ святкамъ, такъ что чудо,
Въ голландцевъ нарядилъ.

53.

Но это, впрочемъ, въ шутку,
Петра я не виню:
Больному дать желудку
Полезно ревеню.

54.

Хотя силёнъ ужъ очень
Быль, можетъ-быть, приёмъ;
А все-жъ довольно прочёнъ
Порядокъ былъ при нёмъ.

55.

Но сонъ объялъ могильный
Петра во цвѣтѣ лѣтъ,
Глядитъ, земля обильна,
Порядка-жъ снова нѣтъ.

56.

Тутъ крѣпко или строго
Царило много лицъ,
Царей не слишкомъ много,
А болѣе царицъ.

57.

Биронъ царилъ при Аннѣ;
Онъ сущій былъ жандармъ,
Сидѣли мы какъ въ ваннѣ
При нёмъ, dass Gott erbarm! *)

58.

Веселая царица
Была Елисаветъ:
Поетъ и веселится,
Порядка только нѣтъ.

*) Помняуй Боги!

59.

Какая-жъ тутъ причина
И гдѣ же корень зла,
Сама Екатерина
Постигнуть не могла.

60.

«Madame, при васъ на диво
«Порядокъ зацвѣтетъ»,
Писали ей учтиво
Вольтеръ и Дидеротъ.

61.

«Лишь надобно народу,
«Которому вы мать,
«Скорѣе дать свободу,
«Скорѣй свободу дать».

62.

«Messieurs,—имъ возразила
Она:—vous me comblez» *),
И тотчасъ прикрѣпила
Украинцевъ къ землѣ.

63.

За ней царить сталъ Павелъ,
Мальтійскій кавалеръ,
Но не совсѣмъ онъ правилъ
На рыцарскій манеръ.

64.

Царь Александръ первый
Насталъ ему взамѣнъ,
Въ немъ слабы были нервы,
По былъ онъ дженетльменъ.

65.

Когда на насъ въ азартѣ
Стотысячную рать
Надвинулъ Бонапарте,
Онъ началъ отступать.

*) Господа, я весьма тронута.

66.

Казалось, ну, ниже
Нельзя сидѣть въ дырѣ,
Анъ глядь: ужъ мы въ Парижѣ,
Съ Louis le Désiré *).

67.

Въ то время очень сильно
Расцвѣлъ въ Россіи цвѣтъ,
Земля была обильна,
Порядка-жъ нѣтъ какъ нѣтъ.

68.

Послѣднее сказанье
Я-бъ написалъ еще,
Но чаю наказанье,
Боюсь monsieur Veilliot.

69.

Ходить бываетъ склизко
По камешкамъ инымъ,
Итакъ о томъ, что близко,
Мы лучше умолчимъ.

70.

Оставимъ лучше троны,
Къ министрамъ перейдемъ.
Но что я слышу? стоны,
И крики, и содомъ!

71.

Что вижу я! Лишь въ сказкахъ
Мы зримъ такой нарядъ;
На маленькихъ салазкахъ
Министры всѣ катятъ.—

*) Т. е. съ Людовикомъ XIV, которому дали это прозвище его сторонники.

72.

Съ горы со крикомъ громкимъ
In согоре *), сполна,
Скользя, свои къ потомкамъ
Уносятъ имена.

73.

Се Норовъ, се Путятинъ,
Се Панинъ, се Мѣтлинъ,
Се Брокъ и се Замятинъ,
Се Корфъ, се Головнинъ.

74.

Ихъ много, очень много,
Припомнить всѣхъ нельзя,
И внизъ одной дорогой
Летятъ они, скользя.

75.

Я грѣшнѣ: лѣтописный
Я позабылъ свой слогъ;
Картинъ живописной
Противостать не могъ.

76.

Лиризмъ на все способный,
Знать, у меня въ крови;
О, Несторъ преподобный,
Меня ты вдохнови.

77.

Поуспокой мнѣ совѣсть,
Мое усердье зря,
И дай свою мнѣ повѣсть
Окончить не хитря.

78.

Итакъ, начавши снова,
Столбецъ кончаю свой
Отъ Рождества Христова
Въ годъ шестьдесятъ восьмой.

*) Въ полномъ составѣ.

79.

Увидя, что все хуже
Идутъ у насъ дѣла,
Зѣло изрядна мужа
Господь намъ ниспосла.

80.

На утѣшенъе наше
Намъ, аки свѣтъ зари,
Свой ликъ яви Тимашевъ,—
Порядокъ водвори.

81.

Что азъ же многогрѣшный
На бранныхъ сихъ листахъ
Не дописахъ поспѣшно,
Или переписахъ,

82.

То спереди, то сзади
Читая во всѣ дни,
Поправь ты, правды ради,
Писанье-жъ не кляни.

83.

Составилъ отъ былиннокъ
Разказъ немудрый сей
Худый смиренный инокъ,
Рабъ Божій Алексѣй.

СОНЪ ПОПОВА.

ПОЭМА.

1.

Приснился разъ, Богъ вѣсть съ какой причины,
Совѣтнику Попову странный сонъ:
Поздравить онъ министра въ именины
Въ пріемный залъ вошелъ безъ панталонъ;
Но, впрочемъ, не забыто ни единой
Регалии; отлично выбритъ онъ;
Темлякъ на шпагѣ; все по циркуляру—
Лишь панталонъ забылъ надѣть онъ пару.

2.

И надо же случиться на бѣду,
Что онъ тогда лишь свой замѣтилъ промахъ,
Какъ ужъ вошелъ. «Ну, думаетъ, уйду!»
Не тутъ-то было! Ужъ давно въ хоромахъ
Народу тьма; стоитъ онъ на виду,
Въ почетномъ мѣстѣ; множество знакомыхъ
Его увидѣть могутъ на пути—
«Нѣтъ, онъ рѣшилъ, нѣтъ, мнѣ нельзя уйти!

3.

А вотъ я лучше что-нибудь придвину
И скрою тѣмъ досадный мой изъянъ;
Пусть верхнюю лишь видятъ половину,
За нижнюю-жъ отвѣтитъ мнѣ Иванъ!»
И вотъ бочкомъ прокрался онъ къ камину
И спрятался по-поясъ за экранъ.
«Эхъ, думаетъ, недурно вѣдь, канальство!
Теперь пусть входитъ высшее начальство!»

4.

Межь тѣмъ тѣснѣй все становился кругъ
Особь чиновныхъ, чающихъ карьеры;
Невнятный въ залѣ раздавался звукъ,
И всѣ принять свои старались мѣры,
Чтобъ сразу быть замѣченными. Вдругъ
Въ себя втянули животы курьеры,
И экзекуторъ рысью черезъ залъ,
Придерживая шпагу, пробѣжалъ.

5.

Вошелъ министр. Онъ видный былъ мужчина,
Изящныхъ формъ, съ привѣтливымъ лицомъ,
Одѣтъ въ визитку:—своего, моль, чина
Не ставлю я предъ публикой ребромъ;
Внушается гражданствомъ дисциплина,
А не мундиромъ, шитымъ серебромъ.
Все зло у насъ отъ глухихъ формъ избытка,
Я-жь вѣка сынъ—такъ вотъ на мнѣ визитка!

6.

Не ускользнулъ сей либеральный взглядъ
И въ самомъ снѣ отъ зоркости Попова.
Хватается, кто тонетъ, говорятъ,
За паутину и за кустъ терновый.
«А что, подумалъ онъ, коль мой нарядъ
Понравится? Вѣдь есть же, право-слово,
Свободное, простое что-то въ немъ!
Кто знаетъ? Что-жь? Быть-можетъ? Подождемъ!»

7.

Министръ межъ тѣмъ станъ изгибалъ пріятно:
— «Всѣхъ господа, всѣхъ васъ благодарю!
Прошу и впредь служить такъ аккуратно
Отечеству, престолу, алтарю!
Вѣдь мысль моя, надѣюсь, вамъ понятна?
Я въ переносномъ смыслѣ говорю;
Мой идеалъ полнѣйшая свобода—
Мнѣ цѣль народъ—и я слуга народа!»

8.

Прошло у насъ то время, господа—
Могу сказать: печальное то время—
Когда наградой пота и труда
Быль произволь. Его мы свергли бремя.
Народъ воскресъ—но не вполнѣ—да, да!
Ему вступить должны помочь мы въ стремя,
Въ извѣстномъ смыслѣ сгладить всѣ слѣды
И, такъ сказать, вручить ему бразды.

9.

Искать себѣ не будемъ идеала
Ни основныхъ общественныхъ началъ
Въ Америкѣ. Америка отстала:
Въ ней собственность царить и капиталъ.
Британія строй жизни замятала
Законностью. А я ужъ доказалъ:
Законность есть народное стѣсненье,
Гнуснѣйшее межъ всѣми преступленья!

10.

Нѣтъ, господа! Россіи предстоитъ,
Соединивъ прошедшее съ грядущимъ,
Создать, коль смѣю выразиться, видъ,
Который называется присущимъ
Всѣмъ временамъ; и, ставъ на свой гранитъ,
Имущимъ, такъ сказать, и неимущимъ
Открыть родникъ взаимнаго труда.
Надѣюсь, вамъ понятно, господа?»

11.

Раздался въ залѣ шопотъ одобренья,
Министръ поклономъ легкимъ отвѣчалъ,
И тутъ же, съ видомъ полнымъ снисхожденья,
Онъ обходитъ обширный началъ залъ:
— Какъ вамъ? Что вы? Здорова ли Евгенья
Семеновна? Давно не заѣзжалъ
Я къ вамъ, любезный Сидоръ Тимоѣичъ!
Ахъ, здравствуйте, Ельпидифоръ Сергѣичъ!

12.

Стоялъ въ углу, плюгавъ и одинокъ,
Какой-то тамъ коллежскій регистраторъ.
Онъ и къ тому, и тѣмъ не пренебрегъ;
Взялъ подъ-руку его:—Ахъ, Антипаторъ
Васильевичъ! Чтò, какъ вашъ кобелекъ?
'Здоровъ ли онъ?.. Вы ѣздите въ театоръ?
Чтò вы сказали? Все болитъ животъ?
Ахъ, какъ мнѣ жаль! Но ничего, пройдетъ!

13.

Переходя налѣво и направо,
Свои министр такъ перлы расточалъ;
Иному онъ подмигивалъ лукаво,
На консоме другого приглашалъ,
И ласково смотрѣлъ и величаво.
Вдругъ на Попова взоръ его упалъ,
Который, скрытъ экраномъ лишь по-поясъ,
Исхода ждалъ, немного безпокоясь.

14.

— Ба! чтò я вижу! Титъ Евсеичъ здѣсь!
Такъ, такъ и естъ! Его мы точность знаемъ!
Но отчего-жъ онъ виденъ мнѣ не весь?
И заслоненъ какимъ-то попугаемъ!
Престранная выходитъ это смѣсь!
Я любопытствомъ очень подстрекаемъ
Увидѣть ваши ноги... Да, да, да!
Я васъ прошу, пожалуйста сюда!

15.

Колеблясь межъ надежды и сомнѣнья:
Какъ на его посмотрять туалетъ, —
Поповъ наружу вылъзъ. Въ изумленьи
Министръ приставилъ къ глазу свой лорнетъ.
— Чтò это? Правда, или навожденье?
Никакъ на васъ штановъ, любезный, нѣтъ?
И на чертахъ изящно-благородныхъ
Гнѣвъ выразилъ ревнитель правъ народныхъ.

16.

— Что это значит? Гдѣ вы рождены?
Въ Шотландіи? Какъ вамъ пришла охота
Тамъ, за экраномъ, снять съ себя штаны?
Вы начитались вѣрно Вальтеръ-Скотта?
Иль классицизмомъ вы заражены?
И римскаго хотите патриота
Изобразить? Иль, Боже упаси,
Собой бюджетъ представить на Руси?

17.

И былъ министръ еще во гнѣвѣ краше,
Чѣмъ въ милости. Чреватый отъ громовъ
Взоръ заблестѣлъ. Онъ продолжалъ:—Вы наше
Довѣрье обманули. Много словъ
Я тратить не люблю!..—«Ва-ва-ва-ваше
Превосходительство!—шепталъ Поповъ:—
Я не смыслю... Свидѣтели курьеры,
Я прямо такъ пріѣхалъ изъ кварталы!»

18.

— Вы, милостивый, смѣли, государь,
Пріѣхать такъ? Ко мнѣ? На поздравленье?
Въ день ангела? Безнравственная тварь!
Теперь твое я вижу направленье!
Вонъ съ глазъ моихъ! Иль нѣту—секретарь!
Пишите къ прокурору отношенье:
Совѣтникъ Титъ Евсеевъ сынъ Поповъ
Всѣмъ ниспровергнуть власти былъ готовъ.

19.

Но, строгому благодаря надзору
Такого-то министра—имя-рекъ—
Отечество спаслось отъ заговору
И нравственность не сгинула навѣкъ.
Подъ стражей нынѣ шлетъ къ прокурору
Для слѣдствія сей вредный человекъ,
Дерзнувшій снять публично панталоны;
Да поразятъ преступника законы!

20.

Иль нѣтъ, постойте! Коль отдать подь судь,
По дѣлу выйти можетъ послабленье,
Присяжные-безпуганники спасутъ
И оправдаютъ корень возмущенья!
Здѣсь слишкомъ громко правы вопіють—
Пишите прямо въ Третье Отдѣленье:
Совѣтникъ Титъ Евсеевъ сынъ Поповъ
Всѣ ниспровергнуть власти былъ готовъ.

21.

Онъ поступилъ законамъ такъ противно,
На общество такъ явно поднялъ мечъ,
Что пользу можно-бъ административно
Изъ неглиже изъ самага извлечь.
Я жертвую агентамъ по двѣ гривны,
Чтобы его—но скрашиваю рѣчь—
Чтобъ мысли тамъ внушить ему инныя.
Загѣмъ ура! Да здравствуетъ Россія!

22.

Министръ кивнулъ мизинцемъ. Сторожа
Внезапно взяли подь-руки Попова.
Стыдливостью его не дорожа,
Они его, отъ Невскаго, Садовой
Средь смѣха, крика, чуть не мятежа,
Къ Цѣнному мосту привели, гдѣ новый
Стоитъ, на видъ весьма красивый, домъ,
Своимъ извѣстный праведнымъ судомъ.

23.

Чиновникъ по особымъ порученьямъ,
Который ихъ до мѣста проводилъ,
Съ заботливымъ Попова попеченьемъ
Сдать на-руки дежурному. То былъ
Во фракѣ мужъ, съ лицомъ пылавшимъ рвеньемъ,
Со львиной физьноміей, носилъ
Мальгійскій крестъ и множество медалей,
И въ душу взоръ его влѣзалъ все далѣй.

24.

Въ какомъ полку онъ нѣкогда служилъ,
Къ какихъ бояхъ отличенъ былъ какъ воинъ,
За что свой крестъ мальтійскій получилъ.
И гдѣ своихъ медалей удостоенъ—
Невѣдомо. Ехидно попросилъ
Попова онъ, чтобы тотъ былъ спокоенъ,
Съ улыбкой указалъ ему на стулъ
И въ комнату сосѣдную скользнулъ.

25.

Одинъ оставшись въ небольшой гостиной,
Поповъ сталъ думать о своей судьбѣ:
«А казусъ вышелъ, кажется, причинный!
Кто-бъ это могъ вообразить себѣ?
Попался я въ огонь какъ снопъ овиный!
Вѣдь искони того еще не бѣ,
Чтобы меня кто въ этомъ видѣ встрѣтилъ,
И какъ швейцаръ проклятымъ не замѣтилъ!»

26.

Но дверь отверзлась, и явился въ ней
Съ лицомъ почтеннымъ, грустію покрытымъ,
Лазоревый полковникъ. Изъ очей
Катились слезы по его ланитамъ.
Обильно ихъ струящійся ручей
Онъ утиралъ платкомъ, узоромъ шитымъ,
И про себя шепталъ:—Такъ! Это онъ!
Такимъ онъ былъ едва лишь изъ пелёнъ!

27.

— О, юноша! онъ продолжалъ, вздыхая
(Попову было слишкомъ сорокъ лѣтъ):
Моя душа для вашей не чужая!
Я въ тѣ года, когда мы ѣдимъ въ свѣтъ,
Зналъ вашу мать. Она была святая!
Такихъ—увы!—теперь ужъ болѣ нѣтъ!
Когда-бъ она досель была къ вамъ близко,
Вы-бъ не упали нравственно такъ низко!

28.

Но, юный другъ, для набожныхъ сердець
Къ отверженнымъ не можетъ быть презрѣнья,
И я хочу вамъ быть второй отецъ,
Хочу вамъ дать для жизни наставленье.
Заблудшихъ такъ приводимъ мы овецъ
Со дна трущобъ на чистый путь спасенья.
Откройте мнѣ равно какъ на духу:
Что привело васъ къ этому грѣху?

29.

Конечно, вы пришли къ нему не сами,
Характеръ вашъ невиненъ, чистъ и прямъ!
Я помню, какъ, дитей, за мотыльками
Порхали вы средь кашки по лугамъ!
Нѣтъ, юный другъ, вы ложными друзьями
Завлечены! Откройте же ихъ намъ!
Кто вольнодумцы? Всѣхъ ихъ назовите,
И собственную участь облегчите!

30.

Что слышу я? Ни слова? Иль пустить
Уже успѣло корни въ васъ упорство?
Тогда должны мы будемъ приступить
Ко строгости—увы!—и непокорство,
Сколь намъ ни больно, въ васъ искоренить!
О, юноша! Какъ сердце ваше черство!
Въ послѣдній разъ: хотите ли всю рать
Завлекшихъ васъ сообщниковъ назвать?

31.

Къ нему Поповъ достойно и наивно:
— Я, господинъ полковникъ, я бы вамъ
Ихъ радъ назвать, но мнѣ, ей-Богу, дивно...
Возможно ли сообщничество тамъ,
Гдѣ преступленье чисто негативно?
Вѣдь панталонъ-то не надѣлъ я самъ!
И чѣмъ бы тамъ меня вы ни пугали—
Другіе мнѣ, клянусь, не помогали!

32.

— Не мудрствуйте, надменный санкиюлотъ!
Свою вину не умножайте ложью!
Сообщниковъ и гнусный вашъ комплотъ
Повергните къ отечества подножью!
Когда-бъ вы знали, что теперь васъ ждетъ,
Васъ проняло бы ужасомъ и дрожью!
Но, дружбу вы чтобъ вѣдали мою,
Одуматься я время вамъ даю!

33.

Здѣсь на столѣ, смотрите, вамъ готово
Достаточно бумаги и чернилъ:
Пишите же—не то даю вамъ слово:
Черезъ полчаса васъ изо всѣхъ мы силъ...
Тутъ ужасъ вдругъ такой объялъ Попова,
Что страшную онъ подлость совершилъ:
Пошелъ строчить (какъ люди въ страхѣ гадки!)
Имень невинныхъ многіе десятки!

34.

Явились тутъ на нѣсколькихъ листахъ:
Какой-то Шмидтъ, два брата Шулаковы,
Зерцаловъ, Палкинъ, Савичъ, Розенбахъ,
Потанчиковъ, Гудимъ-Бодай-Корова,
Делаверганжъ, Шульгинъ, Страженко, Драгъ,
Грай-Жеребецъ, Бабковъ, Ильинъ, Багровый,
Мадамъ Гриневицъ, Глазовъ, Рыбинъ, Штихъ,
Бурдюкъ-Лишай—и множество другихъ.

35.

Поповъ строчилъ сплеча и безъ оглядки,
Попались въ списокъ лучшіе друзья.
Я повторю—какъ люди въ страхѣ гадки:
Начнутъ какъ богъ, а кончатъ какъ свинья!
Строчилъ Поповъ, строчилъ во всѣ лопатки,
Такая вышла вскорѣ ектеня,
Что, прочитавъ, и самъ онъ ужаснулся,
Вскричалъ: фуй! фуй! задрывалъ—и проснулся.

36.

Небесный сводъ сіялъ такъ юнь и новъ,
Весенній день глядѣлъ въ окно такъ весель,
Висѣла пара форменныхъ штановъ
Съ мундирою купно черезъ спинку кресель;
И въ радости увѣрился Поповъ,
Что ихъ Иванъ тамъ съ вечера повѣсилъ—
Однимъ скачкомъ покинулъ онъ кровать
И началъ ихъ въ восторгѣ надѣвать.

37.

— То былъ лишь сонъ! О, счастье! о, радости!
Моя душа какъ этотъ день ясна!
Не сдѣлалъ я Бодай-Коровѣ гадости!
Не выдалъ я агентамъ Ильина!
Не наклепалъ на Савича! О, сладости!
Мадамъ Гриневицъ мной не предана!
Страженко цѣлъ, и братья Шулаковы
Постыдно мной не ввержены въ оковы!

38.

Но ты никакъ, читатель, возражаешь
На мой рассказъ? Твое я слышу мнѣнье:
Сей анекдотъ, пожалуй, и хорошъ,
Но въ немъ сквозитъ дурное направленье.
Все выдумки, нѣтъ правды ни на грошъ!
Слыхалъ ли кто такое обвиненье,
Что, молъ, такой-то—встрѣченъ безъ штановъ,
Такъ ужъ и власти свергнуть онъ готовъ?

39.

И гдѣ такіе виданы министры?
Кто такъ изъ нихъ толпѣ кадить бы могъ?
Я допущу: успѣхи наши быстры,
Но гдѣ-жъ у насъ министеръ-демагогъ?
Пусть проберутъ всѣ списки и регистры,
Я пять рублей бумажныхъ дамъ въ залогъ;
Быть-можетъ, ихъ во Франціи немало,
Но на Руси ихъ нѣтъ—и не бывало!

40.

И что это, помилуйте, за домъ,
Куда Поповъ отправленъ въ наказанье?
Что за допросъ? Какимъ его судомъ
Стращаютъ тамъ? Гдѣ есть такое зданье?
Что за полковникъ выскочилъ? Во всемъ,
Во всемъ замѣтно полное незнанье
Своей страны обычаевъ и лицъ,
Встрѣчаемое только у дѣвицъ.

41.

А наконецъ—и самое вступленье:
Ну, есть ли смыслъ, я спрашиваю, въ томъ,
Чтобъ въ день такой, когда на поздравленье
Къ министру всѣ съѣзжаются гуртомъ,
Съ Поповымъ вдругъ случилось помраченье,
И онъ такимъ одѣлся бы шутомъ?
Забиться можетъ галстукъ, орденъ, пряжка—
Но пара брюкъ—нѣтъ, это ужъ натяжка!

42.

И могъ ли онъ такъ ѣхать? Могъ ли въ залъ
Войти, одѣтъ какъ древніе герои?
И гдѣ резонъ, чтобъ за экранъ онъ сталъ,
Никѣмъ не зримъ? Возможно ли такое?..
— Ахъ, батюшка-читатель, что присталъ?
Я не Поповъ! Оставь меня въ покоѣ!
Резонъ ли въ этомъ, или не резонъ—
Я за чужой не отвѣчаю сонъ!

БУНТЬ ВЪ ВАТИКАНЪ.

Взбунтовалися кастраты...
Входятъ въ папины палаты:
«Отчего мы не женаты?
Чѣмъ мы виноваты?»

Говорить имъ папа строго:
— «Не боитесь ли вы Бога?
Это что за синагога?
Прочь! Долой съ порога!»

Тѣ къ нему:—«Тебѣ-то ладно,
Ты живешь себѣ прохладно,
А вотъ намъ такъ безотраднo,—
Очень ужъ досадно!

Ты живешь себѣ по волѣ,
Чай, . . . ты держишь въ холѣ,—
А скажи намъ: таково ли
Въ нашей горькой долѣ?»

Говорить имъ папа:—«Дѣти!
Было-бъ прежде вамъ глядѣти:
Потерявши вещи эти,
Надо ужъ терпѣти...

Эта вещь,—промолвилъ папа:—
Пропади хоть у Пріапа,—
Нѣтъ на это аскулапа...
Эта вещь . . . не шляпа.

Но мнѣ вашей жаль утраты,
И, пожалуй, въ видѣ платы,
Сотворю изъ лучшей ваты
Всюду вамъ заплаты...»

Тѣ къ нему:—«На что намъ вата?
Вата годна для халата;
Не мягка, а твердовата
Вещь нужна намъ та-то...»

Папа къ нимъ:—«Въ раю дамъ мѣсто,
Будеть каждому невѣста,
Въ мѣсяцъ по два пуда тѣста.
Посудите!—вѣсь-то?»

Тѣ къ нему:—«Да что намъ въ тѣстѣ,
Будь его пудовъ хоть двѣсти,
Имъ не вылѣпишь невѣстѣ
То, чѣмъ жить съ ней вмѣстѣ!»

— «Эхъ, нелегкая пристала!—
Молвить папа съ пьедестала:—
Что тамъ съ возу ужъ упало,
Такъ пиши, пропало!»

Да и что вы въ самомъ дѣлѣ?
Жили бы въ моей капеллѣ,
Подъ начальствомъ Антонелли,
Да кантаты-бъ пѣли!»

«Нѣтъ,—отвѣтствуютъ кастраты:—
Пій ты такай девятый,
Мы ужъ стали сиповаты,
Поючи кантаты!»

А не хочешь ли, для дива,
Самъ пропѣть намъ «Casta diva»?
Да не грубо, а пискливо,
Тонко,—особливо?»

Испугался папа...—«Дѣти,
Да зачѣмъ мнѣ тонко пѣти;
Да и какъ мнѣ разумѣти
Предложенья эти?»

Тѣ къ нему:—«Проста наука!
Въ этомъ мы тебѣ порука:
Разъ, два, три—и вся тутъ штука...
Запоешь ты... Ну-ка!»

Мыслить папа:—«Ну, оно-де
Не совсѣмъ-то и по модѣ
Щеголять мнѣ въ среднемъ родѣ...»
Шлетъ за Де-Мероде.

Де-Мероде той порою,
Съ королемъ готовясь къ бою,
Занимался подъ горою
Папской пѣхтурою.

Всѣ въ подрясникахъ шелковыхъ;
Ранцы всѣ изъ шкурокъ новыхъ,
Шипекъ полные еловыхъ;
Самъ въ чулкахъ янловыхъ.

Подбѣгаетъ Венерати:
«Намъ теперь ужъ не до рати!
Тамъ хотять, совсѣмъ не кстати,
Папу холощати!»

Искушенный въ ратномъ строѣ,
Какъ штыкомъ пронзенный въ боѣ,
Де-Меродъ, согнувшись втрое,
Молвить:—«Что такое?»

Повторяетъ Венерати:
— «Намъ теперь ужъ не до рати:
Тамъ хотять, совсѣмъ не кстати,
Папу холощати!»

Услыхавъ вновь эту фразу,
Де-Мероде понялъ сразу
Все, безъ дальняго разсказу:
«Слушайте приказу!»

Затрубили громко въ трубы;
Въ войскѣ вспыхнулъ жаръ сугубый,
Такъ и смотря въ всѣ, кому бы
Дать прикладомъ въ зубы!

Въ рясѣ только-что съ иголки,
Всѣхъ везетъ ихъ въ однокolkѣ
Къ папиной свѣтелкѣ.

Лишь вошли въ нее солдаты,
Повинилися кастраты,
Говорятъ:—«Мы виноваты,
Будемъ пѣть безъ платы!»

Добрый папа на свободѣ
Вновь печется о народѣ;
А къ кастратамъ Де-Мероде
Молвить въ этомъ родѣ:

«Погодите, вы, злодѣи,
Всѣхъ повѣшу за я!»
Папа-жъ рекъ, слегка краснѣя:
«Надо быть умнѣе!..»

И конецъ насталь всѣмъ спорамъ;
Прежній при дворѣ декорумъ,
И пищать кастраты хоромъ
Вплоть *ad finem saeculorum!*..

БАЛЛАДА О КАМЕРГЕРЪ ДЕЛАРЮ.

Вонзилъ кинжалъ убійца нечестивый
Въ грудь Деларю.
Тотъ, шляпу снявъ, сказалъ ему учтиво:
«Благодарю».
Тутъ въ лѣвый бокъ ему кинжалъ ужасный
Злодѣй вогналъ,
А Деларю сказалъ: «Какой прекрасный
У васъ кинжалъ!»
Тогда злодѣй; къ нему зашедши справа,
Его пронзилъ,
А Деларю съ улыбкою лукавой
Лишь погрозилъ.
Истыкалъ тутъ злодѣй ему, пронзая,
Всѣ тѣлеса,
А Деларю: «Прошу на чашку чая
Къ намъ въ три часа».
Злодѣй палъ ницъ и, слезъ проливши много,
Дрожалъ какъ листъ,
А Деларю: «Ахъ, встаньте ради Бога!
Здѣсь полъ нечистъ».
Но все у ногъ его въ сердечной мукѣ
Злодѣй рыдалъ,
А Деларю сказалъ, разставя руки:
«Не ожидай!
Возможно-ль? Какъ?! Рыдать съ такую силой?—
По пустякамъ?»
Я вамъ аренду выхлопочу, милый,
Аренду вамъ!
Черезъ плечо дадутъ вамъ Станислава
Другимъ въ примѣръ.

Я дать совѣтъ властямъ имѣю право:

Я—камергеръ.

Хотите дочь мою просватать, Дуню?

А я за то

Кредитными билетами отслюю

Вамъ тысячь сто;

А вотъ пока вамъ мой портретъ на память,

Пріязни въ знакъ.

Я не успѣлъ его еще обрамить,—

Примите такъ!»

Тутъ ѣдокъ сталь и даже горче перца

Злодѣя видъ.

Добра за зло испорченное сердце—

Ахъ!—не простить.

Высокій духъ посредственность тревожить,

Тѣмъ страшень свѣтъ.

Портретъ еще простить убійца можетъ,

Аренду-жъ—нѣтъ.

Зажглась въ злодѣѣ зависти отравя

Такъ горячо,

Что, лишь надѣлъ мерзавецъ Станислава

Черезъ плечо,—

Онъ окунулъ со злобою безбожной

Кинжалъ свой въ ядъ

И, къ Деларю подкравшись осторожно,—

Хватъ друга въ задъ!

Тотъ на полъ легъ, не въ силахъ въ страшныхъ боляхъ

На кресло сѣсть.

Межъ тѣмъ злодѣй, отнявъ на антресоляхъ

У Дуни честь,—

Бѣжалъ въ Тамбовъ, гдѣ былъ, какъ губернаторъ,

Весьма любимъ.

Потомъ въ Москвѣ, какъ ревностный сенаторъ,

Былъ всѣми чтимъ.

Потомъ онъ членомъ сдѣлался совѣта

Въ короткій срокъ...

Какой примѣръ для насъ являетъ это,

Какой урокъ!

БАЛЛАДА О МАНДАРИНѢ.

Сидитъ подь балдахиномъ
Китаецъ Дцу-Кинь-Дцинь
И молвитъ мандаринамъ:
— Я главный мандаринъ!

Велѣлъ владыка края
Мнѣ вашъ спросить совѣтъ,
Зачѣмъ у насъ въ Китаѣ
Досель порядка нѣтъ?

Китайцы всѣ присѣли,
Задами потрясли;
Гласятъ:—Затѣмъ доселѣ
Порядка нѣтъ въ земли,

Что мы вѣдь очень молоды,
Намъ тысячь пять лишь лѣтъ,—
Затѣмъ у насъ нѣтъ складу,
Затѣмъ порядку нѣтъ!

Клянемся разнымъ чаемъ,
И желтымъ и простымъ,
Мы много общаемъ
И много совершимъ!

— Мнѣ ваши рѣчи милы,—
Отвѣтилъ Дцу-Кинь-Дцинь:—
Я убѣждаюсь силой
Столь явственныхъ причинъ.

Подумаешь, пять тысячь,—
Пять тысячь только лѣтъ!
И приказалъ онъ высѣчь
Немедля весь совѣтъ.

ЕДИНСТВО.

1.

Друзья, ура! Въ единство
Сплотимъ святую Русь!
Различій, какъ безчинства,
Народныхъ я боюсь.

2.

Катковъ сказалъ, что, дескать,
Терпѣть ихъ—это грѣхъ!
Ихъ надо тискать, тискать
Въ московскій обликъ всѣхъ.

3.

Ядро у насъ—славяне,
Но есть и вотяки,
Башкирцы и армяне
И даже калмыки.

4.

Есть также и грузины
(Конвоя цвѣтъ и честь),
Есть латыши, и финны,
И шведы также есть.

5.

Недавно и ташкентцы
Живуть у насъ въ плѣну;
Признаться-ль? Есть и нѣмцы,
Но это entre nous!

6.

Страшась съ Катковымъ драки,
Я на-ухо шепну:
Что есть у насъ поляки,
Но также: entre nous.

7.

И многими иными
Обилень нашъ запасъ;
Какъ жаль, что между ними
Араповъ нѣтъ у насъ!

8.

Тогда бы князь Черкасской,
Усердіемъ великъ,
Имъ мазалъ бѣлой краской
Ихъ неуказный ликъ.

9.

Съ усердьемъ столь же смѣлымъ
И съ помощью воды
Самаринъ теръ бы мѣломъ
Ихъ черные зады.

10.

Катковъ, нашъ герцогъ Альба,
Имъ удлинял бы носъ,
Маркевичъ восклицалъ бы:
«Осанна! Аксіось!»

ПОСЛАНИЕ КЪ М. Н. ЛОНГИНОВУ О ДАРВИНИЗМЪ.

Я врагъ всѣхъ такъ-называемыхъ
вопросовъ.

*Одинъ изъ членовъ Государ-
ственного Совета.*

! Если у тебя есть фонтанъ —
заткни его.

Козьма Прутковъ.

Правда-ль это, что я слышу?
Молвятъ двама и семо:
Огорчаетъ очень Мишу
Будто Дарвина система.

Полно, Миша, ты не сѣтуй:
Безъ хвоста твоя вѣдь ,
Такъ тебѣ обиды нѣту
Въ томъ, что было до потопа.

Всходъ наукъ не въ нашей власти.
Мы ихъ зерна только сѣмъ.
И Коперникъ вѣдь отчасти
Разошелся съ Моисеемъ.

Ты-жъ, еврейское преданье
Съ видомъ нянюшки лелѣя,
Ты-бъ ужъ долженъ въ засѣданьи
Запретить и Галилея.

Если-жъ ты допустишь здраво,
Что вольны въ наукѣ мнѣнья,
Твой контроль съ какого права,
Быль ли ты при сотвореньи?

Почему-бъ не понемногу
Введены во бытіе мы?
Иль не хочешь ли ужъ Богу
Ты предписывать приемы?

Какъ и что творилъ Создатель,
Что считалъ Онъ болѣе кстати, —
Знать не можетъ предсѣдатель
Комитета о печати.

Ограничивать такъ смѣло
Всесторонность Божьей власти,
Вѣдь такое, Миша, дѣло
Пахнетъ ересью отчасти.

Вѣдь подобные примѣры
Подавать неосторожно,
И тебя за скудость вѣры
Въ Соловки сослать бы можно.

Да и въ прошломъ нѣтъ причины
Намъ искать большого ранга,
И по мнѣ шматина глины
Не знатнѣй орангъ-утанга.

Но по мнѣ, положимъ, даже
Дарвинъ глупость поретъ просто,—
Вѣдь твое гоненье гаже
Всякихъ глупостей разъ во сто.

Нигилистовъ, что ли, знамя
Видишь ты въ его системѣ?
Но, святая сила съ нами,
Что межъ Дарвиномъ и тѣми?

Отъ скотовъ насъ Дарвинъ хочетъ
До людской возвестъ середины,—
Нигилисты же хлопочуть,
Чтобъ мы сдѣлались скотины.

Въ нихъ не знамя, а прямое
Подтвержденье дарвинизма,
И сквозять въ ихъ дикомъ строѣ
Всѣ симптомы атавизма.

Грязны, неучи, безстыдны,
Самомнительны и ѣдки,
Эти люди, очевидно,
Норовятъ въ свои же предки.

А что въ Дарвина идеи
Оба пола разубраны,
Эти бармы архирея
Вздѣли тѣ же обезьяны.

Чѣмъ же Дарвинъ тутъ виновенъ?
Вѣрь мнѣ, гнѣвъ въ себѣ утиша,
Изъ-за взбалмошныхъ поповенъ
Не гони его ты, Миша.

И еще тебѣ одно я
Здѣсь прибавлю, многотимый,
Не китайскою стѣною
Отъ людей отдѣлены мы.

Съ Ломоносовымъ наука,
Положивъ у насъ зачатокъ,
Проникаетъ къ намъ безъ стука
Мимо всѣхъ твоихъ рогатокъ,

Льетъ на мѣръ потоки свѣта
И, слѣдя, какъ въ тѣмѣ лазурной
Ходятъ Божіи планеты
Безъ инструкціи цензурной,—

Кажеть намъ, какъ та же сила,
Все въ иную плоть одѣта,
Въ область разума вступила,
Не спросясь у комитета.

Брось же, Миша, устрашенья:
У науки нравъ не робкой,
Не заткнешь ея теченья
Ты своей дрянною пробкой.

ПОСЛАНИЯ КЪ Ѳ. М. ТОЛСТОМУ.

I.

Вкусивъ елей твоихъ страницъ
И убѣдившись въ ихъ силѣ,
Передъ тобой паду я ницъ,
О, Теофилъ! о, Теофиле!

Дорогой двойственной ты шель,
Но ты отъ Януса отличенъ:
Какъ государственный орелъ,
Ты былъ двуглавъ, но не двуличенъ.

Твоихъ столь радужныхъ цвѣтовъ
Меня обманывала призма;
Но ты возрекъ—и я готовъ
Признать тиранство дуализма.

Сомкнемъ же наши мы сердца,
Прости упрекъ мой близорукій,
И будь отъ буйнаго стрѣльца
Тобой отличенъ Долгорукій»

II.

Красный Рогъ, 14-го января 1869 г.

Въ твоёмъ письмѣ, о, Теофилъ
(Мнѣ даже стыдно передъ міромъ),
Меня, проказникъ, ты сравнилъ
Чуть-чуть не съ царственнымъ Шекспиромъ.

О, «Ростиславъ», такую роль,
Скажи, навязывать мнѣ кстати-ль?
Повѣрь, я понимаю соль
Твоей ироніи, предатель!

Меня насмѣшливость твоя
Равняетъ съ Лессингомъ. Ужели
Ты думалъ, что серьезно я
Повѣрю этой параллели?

Ты говоришь, о, Теофиль,
Что на нѣмецкомъ діалектѣ
Лаокоона онъ хвалилъ,
Какъ я Θεодора въ «Проектѣ»?

Увы, не Лессингъ я! Зачѣмъ,
Глумясь, равнять приговорю съ Этной.
Я уступаю мѣсто всѣмъ,
А паче критикѣ газетной.

Не мню, что я Лаокоонъ,
Во змѣй упершійся руками,
Но скромно зрю, что осажденъ
Лишь дождевыми червяками!

Потомъ—подумать страшно—ахъ!
Скажи, на что это похоже?
Ты разсуждаешь о властяхъ
Такъ, что морозъ дереть по кожѣ!

Подумай, вѣдь письмо твое
(Чего на свѣтѣ не бываетъ?!)
Могло попасть къ m-r Veillot,
Который многое читаетъ.

Нѣтъ, нѣтъ, все это дребедень:
За языкомъ смотрю я строго
И повторяю каждый день:
«Нѣсть власти, аще не отъ Бога!»

Не намъ понять высокихъ мѣръ,
Творцомъ внушаемыхъ вельможамъ;
Мы изъ исторіи примѣръ
На этотъ случай выбрать можемъ:

Передъ Шуваловымъ свой стягъ
Склонялъ великій Ломоносовъ,—
Я-жъ—другъ властей и вѣчный врагъ
Такъ-называемыхъ «вопросовъ».

ПИСЬМО КЪ МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ АРНОЛЬДИ.

Флоренція, 5/11 марта 1875.

Ропща на прихоти судебъ
И въ испытаньяхъ малодушный,
Я ждалъ насушенный твой хлѣбъ,
Какъ ожидаютъ хлѣбъ насущный.

Мой легкомысленный животъ
Съ неблагодарностью кухарокъ
Винилъ въ забвеньи васъ—и вотъ
Приносятъ съ почты вашъ подарокъ!

О, кто опишетъ, господа,
Его эффектъ животворящій!
Краснѣй, краснѣй же отъ стыда,
Мой всяку дрянъ животъ варящій!

Склони, въ смущеніи, свой взоръ,
Животъ, на этотъ коробъ хлѣбный
И пой вседневно съ этихъ поръ
Его творцу канонъ хвалебный!

«Да не коснется злая боль
Ни рѣзь его пищеваренья!
Да обрѣтеть онъ въ жизни соль
И смыслъ въ житейскомъ тревоженьи!»

Да посрамятся передъ нимъ
Его враги ошибкой грубой!
Какъ этотъ хлѣбъ несокрушимъ,
Да сокрушаетъ ихъ онъ зубы!

Его главы да минетъ рокъ
И да живетъ онъ долговѣченъ,
Какъ этотъ хлѣбъ, что внукамъ въ прокъ
Предусмотрительно испеченъ!»

Изъ Козьмы Пруткова.

I.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ ПОСЛѢ ЖЕНИТЬБЫ.

Я женился; небо вняло
Нашимъ пламеннымъ мольбамъ:
Сердце сердцу вѣсть подало,
Страсть ввела насъ въ свѣтлый храмъ.

О, друзья! вашъ страхъ напрасень;
У меня-ль не твердый нравъ?
Въ гнѣвѣ я суровъ, ужасень,
Стражъ лихой супружнихъ правъ.

Есть для мести чернымъ ковамъ
У женатаго пѣвца
Надъ кроватью, подъ альковымъ,
Ножъ, ружье и фунтъ свинца!

Ножъ вострѣй швейцарской бритвы;
Пули мѣткія въ мѣшкѣ;
А ружье на полѣ битвы
Я нашелъ въ сыромъ пескѣ...

Тѣмъ ружьемъ въ былое время
По дрохвамъ пѣвецъ стрѣлялъ
И, клянусь, всегда имъ въ темя
Всѣмъ зарядомъ попадалъ!

II.

ЭПИГРАММА.

Разъ архитекторъ съ птичницей спознался...
И что-жь?—въ ихъ дѣтищѣ смѣшались двѣ натуры:
Сынъ архитектора, онъ строить покушался;
Потомокъ птичницы, онъ строилъ только куры.

III.

ПИСЬМО ИЗЪ КОРИНѢА.

Древне-греческое.

Я недавно прѣхалъ въ Коринѣ...
Вотъ ступени, а вотъ колоннада.
Я люблю здѣшнихъ мраморныхъ нимфъ
И истмійскаго шумъ водопада!

Цѣлый день я на солнцѣ сижу,
Трусъ елеемъ вокругъ поясницы.
Между камней паросскихъ слѣжу
За извивомъ слѣпой мѣдяницы.

Померанцы растутъ предо мной,
И на нихъ въ упоеньи гляжу я.
Дорогъ мнѣ вождедѣнный покой...
«Красота! красота!»—все твержу я.

А на землю лишь спустится ночь,
Мы съ рабыней совсѣмъ обомлѣемъ...
Всѣхъ рабовъ высылаю я прочь
И опять натираюсь елеемъ.

IV.

ДРЕВНІЙ ПЛАСТИЧЕСКІЙ ГРЕКЪ.

Люблю тебя, дѣва, когда золотистый
И солнцемъ облитый ты держишь лимонъ,
И юноши зрю подбородокъ пушистый
Межъ листьевъ аканѣа и бѣлыхъ колоннъ.

Красивой хламиды тяжелыя складки
Упали одна за другой.
Такъ въ ульѣ шумящемъ вокругъ раненой матки
Снуётъ озабоченный рой.

V.

ФИЛОСОФЪ ВЪ БАНѢ.

Съ древне-греческаго.

Полно меня, Левконоя, упругою гладить ладонью,
Полно по чресламъ моимъ, вдоль поясницы скользить.
Ты позови Дискомета, ременно-обутаго тавра:
Въ сладкой работѣ твоей быстро онъ смѣнитъ тебя,
Опытенъ тавръ и силёнъ. Ему ни почему притиранья!
На спину вскочить какъ разъ; въ выю упрется пятой...
Ты же межъ тѣмъ щекоти мнѣ слегка безволосоё темя,
Взрытый наукою лобъ розами тихо укрась.

VI.

ДРЕВНЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ СТАРУХѢ,

ЕСЛИ БЫ ОНА ДОБИВАЛАСЬ МОЕЙ ЛЮБВИ.

(Подражаніе Катуллу).

Отстань, безумная!.. твои противны ласки!
Съ морщинъ безчисленныхъ искусственныя краски
Какъ известъ сыплются и падаютъ на грудь...
Припомни близкій Стиксъ и страсти позабуди!
Козлинымъ голосомъ не оскорбляя слуха,
Замолкни, фурия! Прикрой, прикрой, старуха,
Безвласую главу, пергаментъ желтыхъ плечь
И шею, коею меня ты мнишь привлечь!
Разувшись, на руки надѣнь свои сандали,
А ноги спрячь отъ насъ куда-нибудь подалѣй!..
Сожженной въ порошокъ, тебѣ бы ужъ давно
Во урнѣ глиняной покоиться должно.

VII.

Я всталъ однажды рано утромъ,
Сидѣлъ въ просонкахъ у окна.
Рѣка играла перламутромъ;
Была мнѣ мельница видна—
И мнѣ казалось, что колеса
Напрасно мельницѣ даны:
Что ей, стоящей возлѣ плёса,
Приличнѣй были бы штаны.
Вошелъ отшельникъ. Велегласно
И неожиданно онъ рекъ:
«О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!»
Онъ говорилъ,—я прослезился;
Сталъ утѣшать меня старикъ;
Морозной пылью серебрился
Его бобровый воротникъ...

VIII.

ПРОСТУДА.

Увидя Юлію на скатѣ
Крутой горы,
Поспѣшно я сошелъ съ кровати,
И съ той поры
Насмѣркъ ужасный ощущаю
И ломъ въ костяхъ.
Не только дома я чихаю,
Но и въ гостяхъ...
Я, ревматизмомъ надѣленный,
Хоть сталъ ужъ старъ,
Но снять не смѣю дерзновенно
Папье-файяръ.

ВЕСЕННЯ ЧУВСТВА НЕОБУЗДАННАГО ДРЕВНЯГО.

Дождусь ли той исторіи,
Когда придетъ весна
И молодой цикоріи
Засвѣтитъ желтизна.

Уже любовной жаждою
Вся грудь моя горить;
Объ этомъ ночью каждую

.

Земля цвѣтами новыми
Покрылася опять,
Пошли быки съ коровами
Въ зеленый лугъ гулять.

„Медицинскія“ стихотворенія.

I.

НАВОЗНЫЙ ЖУКЪ.

Навозный жукъ, навозный жукъ,
Зачѣмъ среди вечерней тѣни
Смущаетъ доктора твой звукъ?
Зачѣмъ дрожать его колѣни?

О, врачъ, скажи, твоя мечта
Теперь какую слышитъ повѣсть?
Какого ропотъ живота
Тебѣ на умъ приводитъ совѣсть?

Лукавый врачъ, лукавый врачъ!
Трепещешь ты не безъ причины:
Припомни стонъ, припомни плачь
Тобой убитой Адольфины!

Твои уста, твой взглядъ, твой носъ
Ее жестоко обманули,
Когда съ улыбкой ты поднесъ
Ей каломельныя пилюли...

Свершилось! памятенъ мнѣ день:
Закатъ пылалъ на небѣ грозномъ...
Съ тѣхъ поръ моя летаетъ тѣнь
Вокругъ тебя жукомъ навознымъ...

Трепещетъ врачъ—навозный жукъ
Вокругъ него въ вечерней тѣни
Чертитъ круги,—а съ нимъ недугъ,
И подгибаются колѣни.

II.

ВРАЧЬ И ПОНОМАРЬ.

«Вѣрь мнѣ, докторъ, кромѣ шутки»,—
Говорилъ разъ пономарь:—
«Отъ крутыхъ яицъ въ желудкѣ
Образуется янтарь».

Врачъ скептическаго складу
Не любилъ духовныхъ лицъ
И, причетнику въ досаду,
Проглотилъ пятьсотъ яицъ.

Стонъ и вопли! Всѣ рыдаютъ,
Пономарь звонить сплеча:
Это значить—погребають
Вольнодумнаго врача.

Не прошли еще и сутки,
Молвить грустно пономарь:
«А ужъ въ докторскомъ желудкѣ
Видно сдѣлался янтарь!»

III.

БЕРЕСТОВАЯ БУДОЧКА.

Въ берестовой сидя будочкѣ,
Ногу на ногу скрестивъ,
Врачъ наигрывалъ на дудочкѣ
Безсознательный мотивъ.

Онъ мечталъ объ операціяхъ,
О бинтахъ, о ревенѣ,
О Венерѣ и о граціяхъ...
Птицы пѣли въ вышинѣ.

Птицы пѣли и на тополѣ,
Хоть не вѣдали о чемъ,
И внезапно всѣ захопали,
Восхищенныя врачомъ.

Лишь одинъ скворецъ завистливый
Имъ сказалъ какъ бы шутя:
«Что на вѣточкахъ повисли вы,
Даромъ уши распустя?»

Пѣсни есть и мелодичнѣе,
Да и дудочка слаба,—
И врачу была-бъ приличнѣе
Оловянная труба!»

Э Л Е Г И Я.

Гдѣ Майковъ, Мей, и Марковъ, и Минаевъ?
И Фетъ, что двамъ любовь?
Полонскій сладостный, невидящій Ширяевъ
И грѣшный Соллогубъ?
Предо мной стоятъ лишь голыя березы
И пожелтѣвшій дубъ,
Но нѣтъ, съ кѣмъ раздѣлить въ бору холодномъ слезы
И насморкъ дать кому-бъ.

Вы свѣтъ, а я похожъ на тьму;
Вы веселы, а я печалень;
Вы параллельны ко всему,
А я, напротивъ, вертикаленъ!

Пью-ль мадеру, пью ли квасъ я,
Пью ли сливки я коровьи,
За твое всегда, Настасья,
Выпиваю я здоровье.
Нынѣ «Тигра» пассажиры
Мнѣ вручили полномочье,
Чтобы пилъ при звонѣ лиры
За твою младую дочь я.
Лиры нѣтъ у капитана,
Лишь бутылки да графины,—
И при шумѣ урагана,
И при грохотѣ машины,
Пью изъ этого стакана
За обѣихъ именины.

ПРИГЛАШЕНИЕ А. и Н. М. ЖЕМЧУЖНИКОВЫМЪ.

Милыя дѣти, васъ просятъ обѣдать.
Дайте посланцу отвѣтъ:
Нуженъ отвѣтъ, чтобы повару вѣдать,
Сколько состряпать котлетъ.

ПРОСЬБА о Н. Ѳ. ЩЕРБИНѢ.

(Гр. Д. А. Толстому).

Бисмаркъ, сидючи въ Берлинѣ,
Пишетъ Австріи уставъ,
Бонапартъ, въ своей рутинѣ,
Непреклонный кажетъ нравъ;
Говорять, что будто нынѣ
Кто настойчивъ, тотъ и правъ;
И по этой-то причинѣ,
Передъ вами ницъ упавъ,
Вновь молю васъ: о Щербинѣ
Не забудьте, милый графъ!

КНЯЗЮ Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВУ.

Боюсь людей передовыхъ,
Страшуся милыхъ нигилистовъ.
Ихъ судъ правдивъ, ихъ натискъ лихъ,
Ихъ гнѣвъ губительно неистовъ!

Но все-жъ подчасъ бываетъ мнѣ
Пріятно, въ званьи ретрограда,
Когда ихъ хлещетъ по спинѣ
Моя былина иль баллада.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Исполненъ вѣчнымъ идеаломъ,
Я не рожденъ служить, а пѣть;
Не дай мнѣ, Фебъ, быть генераломъ,
Не дай безвинно поглупѣть!

О, Фебъ, всесильный, на парадѣ
Услышь мой голосъ свысока:
Не дай постичь мнѣ, Бога ради,
Святой поэзіи носка.

Примѣчанія и варианты.

Подобно большинству нашихъ старыхъ мастеровъ слова, графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой очень ревностно относился къ формѣ, въ какую выливались его задушевные мысли, его поэтическія вдохновенія. Онъ очень заботился всегда, чтобы языкъ его произведеній получалъ большую точность, чтобы форма была выдержана. Написанныя имъ произведенія рѣдко удовлетворяли его вполне, и много разъ онъ работалъ надъ ихъ передѣлкой, вычеркивая лишнія, по его мнѣнію, слова и даже цѣлыя строфы, измѣняя выраженія ради ясности мысли, ради ея развитія или ради сохраненія свѣжести произведенія. «Мнѣ стало ясно,—говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Я. П. Полонскому:—что для меня писать стихами легче, чѣмъ прозой! Тутъ всякая болтовня такъ ярко выступаетъ, что ее хѣришь да хѣришь...» Строго относясь къ своей мысли, къ формѣ, къ образности выраженія, графъ Толстой подвергъ существенной передѣлкѣ цѣлую сцену своей драматической поэмы «Донъ-Жуанъ» уже послѣ появленія всего произведенія въ печати, а затѣмъ при включеніи его въ собраніе своихъ сочиненій вновь редактировалъ свою поэму. Вотъ примѣръ того, какъ гр. Толстой трудился надъ переводами. Въ одномъ изъ писемъ его къ Софьѣ Андреевнѣ Толстой, его женѣ, помѣщенъ оригиналъ нѣмецкаго стихотворенія и нѣсколько вариантовъ перевода. Они краснорѣчиво говорятъ о трудолюбии и добросовѣстности поэта.

Altwälder sind's. Die Eiche starret mächtig
Und eigensinnig zackt sich Ast an Ast;
Der Ahorn mild, von süßem Saft trüchtig,
Steigt rein empor und spielt mit seiner Last.

То древній лѣсъ. Могучій дубъ широко
Надъ сукомъ сукъ кривить въ кудряхъ вѣтвей;
Кленъ, чистъ и прямъ, подъемлясь, полный сока,
Играетъ въ небѣ ношею своей.

Это первоначальный текстъ перевода. А вотъ и четыре варианта его:

- 1) Вотъ древній лѣсъ. Дубъ сильный своенравно
Кривить зубцы негнущихся вѣтвей.
Кленъ, сока полнъ, стремится къ небу плавно
И въ немъ играетъ ношею своей.

- 2) Вотъ древній дѣсь. Дубъ сильный своенравно
Надъ сукомъ сукъ кривить въ зубцахъ вѣтвей;
Кленъ, сока полнь, стремится къ небу плавно
И въ немъ играетъ ношею своею.

- 3) Вотъ древній дѣсь. Вдвываетъ дубъ высоко
Надъ сукомъ сукъ, въ искривленныхъ зубцахъ;
Кленъ, чистъ и прямъ, вознесся полный сока
И ношею играетъ въ небесахъ.

- 4) Вотъ древній дѣсь. Дубъ выгнувъ своенравно
Надъ сукомъ сукъ, въ искривленныхъ зубцахъ;
Кленъ, сока полнь, возносить ношу плавно
И ей легко играетъ въ небесахъ.

Однако и это не удовлетворило ревниваго поэта, и онъ бросилъ начатый переводъ.

Здѣсь мы помѣщаемъ наиболѣ любопытные варианты разныхъ стихотвореній гр. Толстого, опуская незначительныя поправки.

Іоаннъ Дамаскинъ. Кромѣ нѣсколькихъ перемѣнъ противъ текста поэмы, помѣщенной въ «Русской Бесѣдѣ», въ собраніи сочиненій замѣчаются слѣдующіе варианты. Въ 1-й главѣ вмѣсто строки: «Но отъ него бѣжить покой» стояло: «Но грусть объемлетъ Іоанна. Въ своей темницѣ золотой». Послѣ строки: «Онъ прежде мнилъ идти дорогою», въ настоящее время выпущены двѣ строки:

Когда онъ пѣсенъ даръ святой
Въ младыхъ лѣтахъ пріялъ отъ Бога.

Въ четвертой главѣ, послѣ стиха: «Твоей, отецъ, я повинуюсь волѣ» въ прежнемъ текстѣ стояли, нынѣ пропущенныя, строки:

Въ ней Божій перстъ и Божья благодать;
Отнынѣ гласъ мой не раздастся болѣ.
Не самъ ли я у Господа просилъ
Тернистый путь и крестъ послать мнѣ свыше,
И Онъ теперь мою мольбу услышалъ:
Въ твоихъ рѣчахъ Онъ волю проявилъ.

Наконецъ, въ восьмой главѣ нынѣ уже не печатаются слѣдующія заключительныя строки, находящіяся и въ началѣ этой же главы:

Свѣчами свѣтится алтарь,
Стоить пѣвецъ съ поникшимъ взоромъ;
Поеть напутственный тропарь,
Ему монахи вторять хоромъ.

По заключенію многихъ критиковъ, поэма «Іоаннъ Дамаскинъ» имѣетъ несомнѣнное автобіографическое значеніе. Между положеніемъ героя поэмы и положеніемъ поэта при высочайшемъ дворѣ параллель, по отзыву одного изъ біографовъ гр. Толстого, напрашивается сама собою. Ко двору поэтъ нашъ былъ такъ же близокъ, какъ Іоаннъ Дамаскинъ къ калифу, такъ же былъ любимъ и обласканъ государемъ и такъ же тяготился этимъ, своимъ званіемъ придворнаго, и рвался на свободу. Подобно своему герою, онъ такъ же пламенно желалъ отдаться своему истинному призванію и уйти отъ власти, къ

которой графъ всегда чувствовалъ какое-то органическое отвращеніе. Крайне восторженная рѣчь Іоанна во второй главѣ поэмы, начинающаяся стихомъ: «Благословляю васъ, лѣса»—по справедливому замѣчанію кн. Д. Н. Цертелева, «не объективная передача стариннаго преданія, а выраженіе того радостнаго чувства, которое охватило Толстого, когда онъ вырвался на свободу и вздохнулъ полной грудью». Русскіе композиторы пытались класть на музыку нѣкоторые отрывки изъ этой поэмы. Такъ, напримѣръ, С. И. Танѣевъ написалъ цѣлую кантату на одну изъ строфъ «Іоанна Дамаскина».

Грѣшница. Здѣсь сдѣланы совершенно незначительныя измѣненія противъ первоначальнаго текста. Напримѣръ, вмѣсто: «О ненавистномъ игѣ Рима» прежде стояло: «О ненавистой дани Риму», и вмѣсто слѣдующихъ двухъ строкъ было: «Что править съ города Пилаты; о Кесаря посланы тайномъ».

Портретъ также полонъ автобіографическихъ чертъ, и сюжетъ его взятъ изъ воспоминаній отроческихъ лѣтъ поэта. Какъ извѣстно, подъ влияніемъ своего дяди А. А. Перовскаго (Антоня Погорѣльскаго), увлекавшагося всѣмъ таинственнымъ и писавшаго нерѣдко въ духѣ нѣмецкаго фантаста Эрнста Гофмана, графъ Толстой, также зачитывавшійся произведеніями послѣдняго, съ юныхъ лѣтъ находился подъ обаяніемъ всего неразгаданнаго, того, «что не снилось нашимъ мудрецамъ». «Упырь», «Семья вурдалака», отрывки изъ романа «Стебеловскій», гаданія волхвовъ въ «Смерти Іоанна Грознаго» и въ «Князь Серебряномъ», которымъ отведено очень замѣтное мѣсто, все это подтверждаетъ неотразимую склонность поэта къ чудесному и таинственному. Подъ обаяніемъ подобной склонности написанъ и «Портретъ». Эта повѣсть въ стихахъ приводитъ на память стихотвореніе съ тѣмъ же заглавіемъ, помѣщенное въ одномъ изданіи середины сороковыхъ годовъ и не подписанное. Въ немъ говорится о портретѣ старинной живописи, изображающемъ молодую женщину въ напудренныхъ локонахъ. Авторъ очень заинтересованъ портретомъ и дѣлаетъ догадки объ оригиналѣ портрета. Стихотвореніе наводитъ на мысль—не принадлежитъ ли оно графу Толстому, стихотворенія котораго изрѣдка уже появлялись въ печати въ началѣ сороковыхъ годовъ, хотя и безъ подписи. Впослѣдствіи они были включены въ собраніе сочиненій поэта.

Драконъ. Въ «Вѣстникѣ Европы» послѣ заглавія этого стихотворенія стояло: «съ итальянскаго». Такой мистификаціей поэтъ какъ бы показаль—насколько онъ усвоилъ себѣ дантовскую манеру. «Пусть Анджемо де-Губернатись,—говорилъ графъ А. К. Толстой М. М. Стасюлевичу при свиданіи съ послѣднимъ въ Карлсбадѣ:—поломаешь себѣ голову и пороешь въ старыхъ изданіяхъ, отыскивая оригиналъ!» Написанный терцинами, «Драконъ» краснорѣчиво доказываетъ, какимъ удивительнымъ мастеромъ стиха былъ гр. Толстой. По отзыву Тургенева, въ этомъ произведеніи поэтъ «достигаетъ почти дантовской образности и силы». Какъ видно изъ переписки поэта съ г. Стасюлевичемъ и другими лицами, эта вещь ранѣе появленія въ печати подвергалась большой переработкѣ.

Донъ-Жуанъ. Драматическая поэма эта, пользующаяся среди образованныхъ читателей огромной популярностью, окончена весною 1861 года. Она вызвала цѣлый рядъ довольно разнорѣчивыхъ критическихъ отзывовъ. Но нельзя не признать справедливымъ замѣчанія кн. Цертелева, что «основная мысль этой поэмы затрогиваетъ самые

сложные и глубокие вопросы человеческой жизни», и что, «оставаясь на границах поэзии и метафизики, она представляет выдающееся явление не только в русской, но и в европейской литературе». Относительно основной идеи «Донъ-Жуана» и вообще разных деталей поэмы возникла у графа Толстого съ Б. М. Маркевичем интересная переписка, в которой, конечно, драгоценны ответы письма автора поэмы, который посвятил ее и Моцарту и Гюфману, так какъ нѣмецкій фантастъ первый понялъ, «что Донъ-Жуанъ—искатель идеала, а не кутила».

Князь Ростиславъ. Противъ первоначального текста здѣсь сдѣлано много стилистическихъ поправокъ, и кромѣ того въ девятой строфѣ предпоследняго строчка, вмѣсто: «Но сонмомъ гридней окружень», прежде читалась: «Но въ шумъ похмелья погружень».

Курганъ. Кромѣ многихъ перестановокъ словъ и стилистическихъ поправокъ, вмѣсто теперешней строки: «Твое громоносное имя», раньше значилось: «Наслѣдника страшное имя».

Въ колоколь, мирно дремавшій — четверостишіе, относящееся къ 1855 году, когда гр. Толстой со своимъ полкомъ выступилъ въ походъ, написано подъ впечатлѣніемъ тогдашнихъ событій и вполне отражаетъ и настроеніе, царившее въ тогдашнемъ обществѣ, исполненномъ патріотическаго подъема.

Князь Михайло Репинъ, Василій Шибановъ и Старицкій воевода относятся къ московскому циклу нашей исторіи, характеризуя взрѣнія гр. Толстого на этотъ періодъ. Въ «Старицкомъ воеводѣ», не имѣвшемъ заглавія въ «Русской Бесѣдѣ» 1858 года, сдѣланы незначительныя поправки, при чемъ вмѣсто: «По шелковымъ коврамъ виновнаго возвелъ» прежде стояло: «Смирненною рукою виновнаго возвелъ».

Правда. Независимо отъ многихъ стилистическихъ поправокъ, это стихотвореніе нынѣ печатается со значительными сокращеніями и перемѣнами. Такъ, нынѣ, послѣ строки: «Посмотрѣть на тебя—шапка валится», теперь не печатается строфа:

А и какъ же то случилось, то сдѣлалось,
Что никто тебя не знаетъ, не вѣдаетъ?
А и какъ же то случилось, то сдѣлалось,
Что тебя всякъ толкуеть по-своему?

Послѣ строки: «А и много про нее лыгано» равнѣ стояло слѣдующее:

А увидимъ мы правду лицомъ къ лицу
И вернемся на свою сторону,
И расскажемъ, что сами видѣли.

Взаимнъ теперешней строки: «И увидѣли правду со семи сторонъ», равнѣ было:

И, подѣхавъ, на правду дивилися:
Кто увидѣлъ море синее,
Кто, подѣхавъ, увидѣлъ дремучій лѣсъ,
Кто торговые города, людные,
Кто увидѣлъ горы высокія,
А кто голую степь.

Послѣ строки: «Покачали головами удалыми», стояло:

Повернуи коней быстрыхъ.

Вмѣсто нынѣшней строки: «Полегли за правду, за истину» стояло: «Положить животъ за правду-истину».

Ой, кабы Волга-матушка. Здѣсь ранѣе помѣщены не были теперешнія двѣ строки: «Да кабы звенѣли» и проч. Вслѣдствіе цензурныхъ условій, послѣдняя строка читалась такъ: «Да кабы неправды чловѣкъ не вѣдалъ». Вмѣсто нынѣшнихъ словъ: «Да кабы приказныхъ», ранѣе было: «Кабы кривосудье».

Пѣсня о Гаральдѣ и Ярославнѣ. Это стихотвореніе подверглось существеннымъ измѣненіямъ. Помимо мелкихъ поправокъ почти въ каждой строфѣ, есть вставки. Между 7-й и 8-й строфами прежде было:

На сѣверъ онъ бѣгъ повернулъ кораблей,
И Русь уже сердцемъ онъ чувствуетъ,
Поеть съ удаюю дружиной своей —
А синее море бушуетъ.

Строфъ 14-й и 15-й въ прежнемъ текстѣ не было, а между 13-й и 14-й строфами стояла видоизмѣненная строфа 16-я:

Я ужасомъ сталъ отдаленныхъ морей,
Нигдѣ моей славы нѣтъ равной!
Согласна ли сдѣлаться нынѣ моей,
Звѣзда ты моя, Ярославна?

Три побойща. Въ «Вѣстникѣ Европы» стихотвореніе называлось: «Пѣсня о трехъ побойщахъ». Нынѣ напечатано со значительными поправками. Въ 19-й строфѣ вторая строка читалась: «И солнцу сіять онъ мѣшаетъ». Въ 30-й строфѣ три послѣднія строки напечатаны ранѣе были въ такомъ видѣ:

И солнцу сіять онъ мѣшаетъ,
Со враномъ слетается сызнова вранъ,
Слетаяся, такъ вопрошаетъ:

Пѣсня о походѣ Владиміра на Корсунь. Въ «Вѣстникѣ Европы» стоялъ автографъ: «Не по замыслу Байнову...». 2-я строка восьмой строфы читалась: «Подать мнѣ мой щитъ въ оборону», а послѣдняя 10-й строфы: «Такъ кончимъ мы бой безъ насилія». Кромѣ того первоначальный текстъ не дѣлился на двѣ части. Въ 20-й, 23-й и 24-й строфахъ сдѣланы противъ прежняго текста нѣкоторыя измѣненія. Въ 24-й строфѣ поставлено было слово «варяги» вмѣсто «русскіе».

Романъ Галицій. Въ нашемъ изданіи появляется впервые, хотя было помѣщено еще въ 1870 г. въ разныхъ изданіяхъ, первоначально во «Всемирной Иллюстраціи», и написано нарочито для художественнаго вечера (1 апрѣля 1870 г.), устроенаго, въ пользу славянскаго благотворительнаго комитета, въ Маріинскомъ театрѣ.

Пѣсня о Потокѣ-богатырѣ. Кромѣ незначительныхъ перемѣнъ въ словахъ, эта былинная пѣсня въ прежней редакціи не имѣла трехъ послѣднихъ строфъ, 28—30-й, нынѣ помѣщенныхъ въ собраніи сочиненій гр. Толстого.

Порой веселой мая. Помѣщенное въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1871 г., это стихотвореніе называлось «Баллада съ тенденціей», подъ каковымъ заглавіемъ помѣщается и въ нашемъ изданіи. Баллада подверглась значительной переработкѣ съ измѣненіемъ цѣлыхъ строфъ. Вмѣсто нынѣ напечатанныхъ 21—24-й строфъ, были слѣдующія:

Они, вишь, коммунисты,
Честивѣйшіе межъ всѣми

И на-руку не чисты
По строгой лишь спетёмъ;
Системы ихъ дешевле
Другая есть едва ли,
Станичниками древле
У насъ ихъ называли.
Знать сами не казисты;
Они-жъ и реалисты,
Изящнаго не любятъ,
Затѣмъ красу и губятъ;
Они-жъ матерьялисты,
Отъ имени прогресса,
Крича, что трубочисты
Суть выше Апеллеса.
— Не тѣ-ль то нигилисты,
Невѣста спросила:
Въ честь коихъ журналисты
Качаютъ такъ кадила?
— Тѣ самые, о, Лада,
Такъ точно, нигилисты;
Ни толку въ нихъ ни склада,
Но бойки и рѣчисты.

Кромѣ того баллада не имѣла раньше послѣдней, сороковой строфы:
«Служите-жь дѣлу, струны» и проч.

Садко. Въ былинѣ сдѣлано противъ первоначальнаго текста нѣ-
сколько измѣненій. Послѣ 17-й строфы прежде стояла еще одна
строфа:

Ты самъ, чай, не вѣдаешь, что говоришь,
Ты бредишь, о волѣ тоскуя!
Не дамъ тебѣ воли я—вотъ тебѣ шишъ!
Добра твоего же хочу я...

Теперешней 36-й строфы не было, также и 47-й строфы, и вмѣсто
нея стояло:

Его ты испортилъ и мнѣ досадилъ,
Споткнулся я, гуслей не чуя—
Я первую грубость тебѣ отпустилъ,
Второй отпустить не хочу я!

«Илья Муромецъ», «Алеша Поповичъ», «Сватовство» и «Садко»
относятся къ циклу кievскому, который для поэта былъ несравненно
симпатичнѣе московскаго періода, гдѣ графъ Толстой возмущался мас-
сою произвола, неисчислимыми казнями и злодѣянiями, царившими въ
этомъ періодѣ. «Моя ненависть къ московскому періоду, — говорилъ
гр. Толстой въ одномъ письмѣ: — есть моя идюсинкразiя... Моя не-
нависть къ деспотизму—это я самъ...»

И. С. Аксакову. Это вступительное стихотворенiе гр. Толстого къ
отдѣлу «Пѣсни, очерки» имѣетъ немалое значенiе для характеристики
творчества поэта, который разъясняетъ здѣсь свое profession de foi
и причины, по которымъ онъ не можетъ многое повѣдать «на еже-
дневномъ языкѣ» и почему въ его стихахъ «торжественности много».

Борь сосновый въ странѣ одинокой. Граціозное стихотворенiе это, подъ
заглавiемъ «Серебрянка», было помѣщено въ одномъ малоизвѣстномъ из-
данiи, съ рисункомъ князя Г. Г. Гагарина, еще въ 1843 году. Вмѣсто

подписи стоятъ три звѣздочки. Такимъ образомъ оказывается, что гр. Толстой началъ печатать свои стихи не съ 1855 года, какъ говоритъ онъ въ своей автобіографіи, а гораздо ранѣе, не подписывая своихъ стиховъ. Въ 1841 г. появился его «Упырь», въ слѣдующемъ— очеркъ «Два дня въ киргизской степи», который наслѣдники литературнаго имуществва перепечатали въ «Вѣстникъ Европы» 1906 г., ошибочно выдавъ его за произведеніе, извлеченное изъ рукописей поэта и будто бы не появлявшееся въ печати. Стихотвореніе «Серебрянка» явилось по счету третьей его вещи, увидѣвшей печать. Въ то время гр. Толстому было 26 лѣтъ, но его первое печатное стихотвореніе такъ же безукоризненно, звучно, изящно по формѣ, какъ и тѣ поэтическія вещи, которыя онъ создавалъ въ разгаръ своей литературной дѣятельности, когда ему было уже лѣтъ за сорокъ.

Колокольчики мои. Первое стихотвореніе, появившееся въ печати съ именемъ гр. Толстого. Къ первоначальному тексту въ собраніи сочиненій прибавлено, послѣ строки: «Знаеть Богъ единый», цѣлыхъ шесть строфъ—48 строкъ.

Благоразуміе. Первоначально называлось «Умѣренность» и появилось въ 1854 г., во дни Крымской кампаніи, почему въ шестой строфѣ имѣло строчку: «Хоть сейчасъ пойду на турку». Въ собраніи сочиненій она замѣнена строкою: «Радъ за родину сразиться». Кроме того къ прежнимъ 7-ми строфамъ прибавлена нынѣ еще одна—последняя.

Ты знаешь край. Это стихотвореніе подверглось значительной переработкѣ въ стилистическомъ отношеніи. Въ 7-й строфѣ ранѣе 2—4-я строки читались такъ:

И груди тѣль легли среди полей,
Гдѣ за царя, склонивъ главу у плахи,
Въ послѣдній разъ молился Кочубей.

Затѣмъ, послѣ строки: «Несутся вновь Палѣй и Сагайдачный» раньше была еще одна строфа:

Ты знаешь край, гдѣ древле нашъ Великій
Въ открытомъ полѣ шумно пировалъ,
Со звукомъ трубъ побѣдъ сливались клики
И гордый шведъ въ смятеніи бѣжалъ?
Гдѣ наши дѣды всѣ летѣли къ бою...
Туда, туда стремлюся я душою!

Кромѣ того стихотвореніе оканчивалось слѣдующей, нынѣ уничтоженной, строфою:

Ты знаешь домъ, гдѣ врагъ презрѣнной лести,
Родной землѣ отдавъ остатокъ силъ,
Послѣдній гетманъ жизни, полной чести,
Златой закатъ спокойно проводилъ?
Ты знаешь домъ и липы подъ горою?
Туда, туда стремлюся я душою!

Милый другъ, тебѣ не спится. Относится къ циклу стихотвореній гр. Толстого, посвященныхъ его женѣ Софьѣ Андреевнѣ (урожд. Бахметовой, въ первомъ бракѣ Миллеръ). Въ первоначальномъ текстѣ послѣдней строфы: «Встань, приютъ тебя со мною» и проч. не было, а 5-я и 6-я строки читались такъ:

Подойди, взгляни въ окошко,
Дворъ широкий спить.

Благовѣсть и Пустой домъ. Оба эти стихотворенія, хотя и были напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ», но не вносились ни въ одно изъ изданій собранія стихотвореній гр. Толстого и въ нашемъ изданіи появляются впервые.

Ужь ты мать-тоска. Въ прежнихъ изданіяхъ, очевидно, по ошибкѣ пропускалась, послѣ 22-й строки, строка: «Потупляю очи, краснѣючи». Въ нынѣшнемъ нашемъ изданіи она восстанавливается.

Средь шумнаго бала. Также принадлежитъ къ дѣлому ряду стихотвореній, посвященныхъ женѣ поэта, и говорить о первой его встрѣчѣ съ любимой женщиной. Сюда же относятся: «Колышется море», «Не вѣрь мнѣ, другъ», «Минула страсть», «Что ты голову склонила», «Осень! Обсыпается весь нашъ бѣдный садъ», «Ты клонишь лѣкъ, о немъ упоминаю», «Съ ружьемъ за плечами», «Порой среди заботы и жизненнаго шума», «Когда кругомъ безмолвенъ лѣсъ дремучій», «Ты не спрашивай, не распытывай», «Не вѣтеръ, вѣя съ высоты», «Слеза дрожить въ твоемъ ревнивомъ взорѣ», «Тебя такъ любятъ всѣ», «Къ страданіямъ чужимъ ты горести полна», «О, если-бъ ты могла хоть на единый мигъ», «Насъ не преслѣдовала злоба», «Ты знаешь, я люблю тамъ, за лазурнымъ сводомъ», «Ты жертва жизненныхъ тревогъ», «Западъ гаснетъ вдали», «Усни, печальный другъ», «О, не спиши туда», «Въ странѣ лучей», «На нивы желтыя нисходитъ тишина», «Съ тѣхъ поръ, какъ я одинъ», «Смеркалось», «Ужь ласточки, кружась», «Слушая повѣсть твою», «То было раннею весной». Если читать всѣ эти стихотворенія въ извѣстномъ порядкѣ, получается дѣлая исторія любви нашего поэта и его отношеній къ женщинѣ, игравшей громадную роль въ его творчествѣ.

Тщетно, художникъ, ты мнишь. Стихотвореніе это подверглось сильнымъ измѣненіямъ. Послѣ 1-й строки ранѣе стояло: «Воздухъ, которымъ мы дышимъ, исполненъ былъ ими издавна»; послѣ 5-й строки было слѣдующее:

Мягкій извивъ бороды и спокойное усть очертанье,
Гѣте не собственной мыслію Фауста великаго создавъ,
Фауста, что въ средневѣковой красѣ, въ человѣческой правдѣ

Строка 15-я читалась такъ: «Много живетъ еще въ воздухѣ формъ и невидимыхъ линий»; послѣ 20-й строки стояло: «Въ темной души глубинѣ бьетъ звонкій родникъ вдохновенья!», а вмѣсто 24-й строки было слѣдующее:

Явственно вдругъ выступаютъ, глубокаго полныя смысла,

Такъ предъ тобой, развиваясь въ туманѣ, предстануть картины.

Не вѣрь мнѣ, другъ. Стихи эти положены на музыку В. Т. Соколовымъ и П. И. Чайковскимъ.

Онъ водилъ по струнамъ. Въ собраніи сочиненій противъ прежняго текста прибавлено восемь новыхъ заключительныхъ строкъ.

Что за грустная обитель. Ранѣе имѣло заглавіе «Станція».

О, не спиши туда, гдѣ жизнь свѣтлѣй. Въ первоначальномъ текстѣ, послѣ строки: «Твоихъ надеждъ земныхъ», имѣется еще одна строфа:

Повѣрь, въ странѣ лучей изъ міра въ міръ влекома,

Средь пѣнія свѣтилъ,

Ты будешь тосковать о горести знакомой,

Что я съ тобой дѣлилъ.

Мадонна Рафаэля. Ранѣе носила заглавіе: «La Madonna della Seggiola», и вторая строфа ея читалась такъ:

А Овь въ мышленіи глубокожь,
Уже готовясь съ жизнью въ бой,
Взираеть вдаль и проч.

Что ты голову склонила. Первоначальный текст оканчивался, вмѣсто теперешнихъ, такими двумя строками:

Темно будущее, Лора,
А бывое невозвратно!

Этими же самыми строками оканчивалась и третья строфа. Имя Лоры здѣсь, такъ же какъ и въ одномъ изъ «Крымскихъ очерковъ», — вымышленное, которымъ маскировалось имя Софьи Андреевны, къ которой это стихотвореніе относилось.

Горними тихо летѣла душа небесами. Положено на музыку Чайковскимъ и Римскимъ-Корсаковымъ.

Хорошо, братцы, тому на свѣтъ жить. Вмѣсто строки: «И поидеть впередъ, воротится», раньше стояло:

Что направо-ль иди, нагъво ли,
А не такъ пошелъ, воротится.

Послѣ строки: «На всѣ боки бы поворачивать», раньше стояло: «Ни къ чему, молъ, не пригоденъ онъ», а строка: «Не бывать ему посадникомъ» въ первоначальномъ текстѣ отсутствовала.

Нась не преслѣдовала злоба. Ранѣ начиналось словами: «Не отъ гоненій, не отъ злобы».

Вотъ ужъ снѣгъ послѣдній. Въ первоначальномъ текстѣ была еще слѣдующая заключительная строфа:

Погоди, дитя, еще немного,
Дай и мнѣ уйти туда съ тобой..
Легче намъ покажется дорога —
Мы пройдемъ ее рука съ рукой!

Исполать тебѣ, жизнь. Помѣщенное въ «Русской Бесѣдѣ», это стихотвореніе не было включено въ собраніе сочиненій гр. Толстого и въ нашемъ изданіи появляется впервые.

На нивы желтыя нисходитъ тишина. Положено на музыку Чайковскимъ.

Крымскіе очерки. Посвящены совмѣстному путешествію графа Толстого и Софьи Андреевны Миллеръ, ставшей потомъ женой поэта. Изъ этихъ стихотвореній V-е («Клонить къ лѣни полдень жгучій») въ первоначальномъ текстѣ имѣло еще одну срединную строфу:

Съ черныхъ глазъ твоихъ, о Лора,
Съ загорѣлаго лица,
Не своди до ночи взора,
Я бы слушалъ безъ конца,
Какъ, изъ камней вытекаая и проч.

Въ IX-мъ стихотвореніи («Привѣтствую тебя, опустошенный домъ») раньше не было 4-хъ строкъ послѣ строки: «Безпечно въ красотѣ раскидистой цвѣтуть», а 5-я строка 2-й строфы читалась такъ: «Съ нахальнымъ торжествомъ язвѣщія Россію». Въ III-мъ стихотвореніи 8-я строка послѣдней строфы читалась прежде: «Да стукъ враждебный барабана». Послѣднее, XIV-е стихотвореніе имѣло заглавіе: «Чуфутъ-Кале».

Пѣсня стрѣлковъ Императорской фамилии и Чарочка. Оба стихотворенія относятся къ бытности поэта въ военной службѣ, написаны подъ вліяніемъ общаго подъема патриотическаго духа и очень нравились царю и царицѣ. Эти пѣсни введены для пѣнія въ полковыхъ хорахъ. Чарочка имѣетъ нѣсколько вариантовъ. Пропущенныя въ прежнихъ изданіяхъ, въ нашемъ обѣ пѣсни печатаются впервые.

Юношеское стихотвореніе («Я вѣрю въ чистую любовь»). Взято изъ переписки гр. Толстого, гдѣ приведено имъ, какъ образчикъ его творчества самыхъ раннихъ лѣтъ. Кстати сказать, гр. Толстой, по его признанію, начавшій слагать стихи съ шестилѣтняго возраста, отрокомъ писалъ и басни и «аллискія» стихотворенія. О нихъ упоминается въ письмахъ А. А. Перовскаго къ своему «племяннику». Письма эти обнимаютъ все его дѣтство и юность, полны глубокой нѣжности и заботъ какъ о здоровьѣ, такъ и о ходѣ ученія поэта. Когда поэту было лѣтъ 14—15, Перовскій (Антонъ Погорѣльскій), безъ вѣдома юнаго автора, напечаталъ въ одномъ изъ журналовъ начала 30-хъ годовъ одну изъ стихотворныхъ его попытокъ и тутъ же снабдилъ стихи строгой рецензіей. То и другое было положено на столъ поэту, какъ говорить, съ цѣлью отвлечь его отъ чрезмѣрнаго увлеченія стихотворствомъ.

То было раннею весной. Положено на музыку Чайковскимъ.

На тягъ. Это не единственное стихотвореніе гр. Толстого, написанное подъ вліяніемъ его страсти къ охотѣ, о которой говорится въ его автобіографіи. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, существуетъ еще нѣсколько подобныхъ стихотвореній и охотничьихъ разсказовъ поэта, погребенныхъ среди его рукописей, которыя владѣльцы ихъ почему-то не только не спѣшаютъ обнародовать, но и скрываютъ ихъ отъ интересующихся бібліографовъ.

Про подвигъ слышалъ я Кротонскаго бойца. Напечатанное еще при жизни автора въ «Вѣстникѣ Европы» 1873 г., стихотвореніе это вторично появилось въ томъ же журналѣ (1894), почему-то выданное наследниками литературнаго имущества поэта за новое.

Земля цвѣла. Последнее по времени стихотвореніе гр. Толстого.

Ты почто, злая кручинушка. Предварительно появившееся въ «Русской Бесѣдѣ» 1858 г., стихотвореніе это вторично было перепечатано, съ нѣкоторыми измѣненіями, самимъ поэтомъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1875 г. Въ первоначальномъ текстѣ послѣ строки: «Перекинулся хмель черезъ рѣченку» стояло:

Перевилъ онъ два дуба крѣпкіе,
Что растутъ по обѣ сторонушки,
И качается онъ надъ быстрой водой...

Изъ Шенье. Въ 3-мъ стихотвореніи («Ко мнѣ, молодой Хромидъ») три послѣднія строки ранѣ читались такъ:

Богиней чтобъ не быть, и не пришлось пловцамъ
Къ царицѣ бѣлой водѣ, храня въ крушеньяхъ вѣру,
На помощь призывать и бѣлую Неэру.

А въ последнемъ стихотвореніи («Я вмѣсто матери уже считаю стадо») вмѣсто теперешнихъ 6—8-й строкъ стояло:

Охотно на него летятъ младыя пчелы,
Народу новому готова новый домъ,
Мы къ дереву его цвѣтущему зовемъ.

То древній льсь. См. въ началѣ примѣчаній и вариантовъ.

Изъ Гервега. Въ собраніи сочиненій въ этомъ стихотвореніи опущена строфа, печатавшаяся ранѣе:

Я бы хотѣлъ подняться какъ роса,
Когда ее встрѣчаетъ солнце жадно,
И какъ росу пускай бы небеса
Испили духъ больной и безотрадный.

Изъ Гейне. «Довольно, пора мнѣ забыть». Переведено гр. Толстымъ, по просьбѣ И. А. Гончарова, для пятой части романа его «Обрывъ», гдѣ оно и было помѣщено первоначально, а затѣмъ сообщено Гончаровымъ наследникамъ поэта съ просьбою помѣстить это стихотвореніе въ посмертное собраніе сочиненій поэта.

Изъ Гёте. Богъ и баядера. Ранѣе, въ силу цензурныхъ условій, называлось «Магадевъ и баядера». Его текстъ значительно разнится отъ послѣдняго текста. Три первыя строки 2-й строфы читались такъ:

Вотъ его предстала взорамъ,
Въ ожерелье убрана,
Разрисована узоромъ и проч.

Тамъ же 6-я строка иная—«Утомился ты,—войди», а 10-я и 11-я слѣдующія:

Она, нагибаясь, трясеть надъ главою
И поступью легкой обходить кругомъ.

Текстъ шести первыхъ строкъ 4-й строфы раньше былъ слѣдующій:

И онъ требуетъ покорства,
Онъ все строже и мрачнѣй;
Но ужъ раннее притворство
Стало истиною въ ней.
И она въ заботѣ вѣщней
И въ радушіи услугъ...

Четвертая строка 5-й строфы прежде читалась: «Дѣва плачетъ и дрожить», а 9-я и 10-я—

Небо темнѣетъ и солнце заходитъ,
Онъ къ ложу, ее ободряя, приводитъ.

Наконецъ текстъ заключительной строфы былъ слѣдующій, сильно разнящійся отъ теперешняго:

Такъ покоя ряды съ рядами,
И, прорвавшись впередъ,
Съ распростертыми руками,
Въ злую смерть она падеть;
Но изъ пламеннаго зѣва
Юный богъ исходитъ самъ,
И въ его объятыхъ дѣва
Съ нимъ взлетаетъ къ небесамъ.
Любовь расторгаетъ отверженныхъ сѣти,
Безсмертнымъ не чужды заблудшія дѣти,
Раскаленные грѣшныхъ пріятно богамъ!

Коринская невѣста. Текстъ въ «Вѣстникѣ Европы» (1868, № 3) много отличается отъ нынѣшняго и кромѣ того снабженъ большими

примѣчаніемъ о происхожденіи содержанія этой гётевской баллады. Строфы были помѣчены цифрами. Четвертая и пятая представляли собою слѣдующее:

Такъ снабдивъ пришельца, доброй ночи
До утра ему желаетъ мать,
Но его смыкаются ужь очи,
Онъ, одѣтъ, ложится на кровать;
И ужь дремлетъ онъ,
Какъ ему сквозь сонъ
Слышно, кто-то крадется, какъ тать.

И въ покой, онъ видитъ, полутѣмный,
Вся покрыта бѣлой пеленой,
Входитъ дѣва поступію скромной,
На челѣ съ повязкой золотой.
Но, его узрѣвъ,
Стала, оробѣвъ,
Съ приподнятой блѣдною рукой.

Строфа семнадцатая напечатана была въ такомъ видѣ:

— Нѣтъ, клянусь любовію моею,
Эта ночь недаромъ насъ свела,
Я тебя въ объятіяхъ согрѣю,
Ты хотя-бъ изъ гроба изшла!
Онъ въ разгарѣ силъ
Дѣву охватилъ,
И она въ блаженствѣ замерла.

Послѣднія пять строкъ 25-й строфы были слѣдующія:

Но для новой, для жестокой вѣры
Ты святой нарушила обѣты!
Знай же, знай, о, мать,
Дочь твою терзать
У тебя ужь болѣ власти нѣтъ!

Наконецъ послѣднія четыре строки заключительной, 28-й строфы были слѣдующія:

Въ пепель дай разрушиться тѣламъ!
Такъ въ дыму густомъ
Мы сквозь огонь и громъ
Къ нашимъ прежнимъ улетимъ богамъ!

Переводъ этого стихотворенія сдѣланъ гр. Толстымъ въ Веймарѣ, въ сентябрѣ 1867 года.

Русская исторія отъ Гостомысла. Одна изъ замѣчательныхъ сатиръ поэта, она долго ходила въ рукописи въ разныхъ спискахъ, издавалась за границей и лишь спустя восемь лѣтъ по смерти поэта была напечатана въ «Русской Старинѣ» (1883, кн. XI) съ нѣкоторыми ошибками. Въ нашемъ изданіи сатира эта появляется впервые и притомъ полностью и тщательно проредактированной. Написана въ 1868 г.

Сонъ Полова. Также находилось подъ запретомъ и впервые напечатано въ «Русской Старинѣ» 1882 г. (кн. XII) по тексту, проверенному княземъ Д. Н. Цертелевымъ, съ его же предисловіемъ. Написана эта поэма-сатира въ 1874 г. Ни въ одно изъ изданій сочи-

веній гр. Толстого она не была включена и въ нашемъ изданіи появляется въ первый разъ.

Бунтъ въ Ватиканѣ. Былъ напечатанъ только за границей и появляется впервые въ нашемъ изданіи.

Баллада о камергерѣ Деларю и Баллада о Мандаринѣ. Оба шуточные стихотворенія также въ настоящемъ изданіи печатаются впервые. По замѣчанію одного изъ биографовъ поэта, первое стихотвореніе осмѣиваетъ теорію непротивленія злу, которая, повидимому, въ 40-хъ и 50-хъ гг. имѣла своихъ поклонниковъ. «Баллада о Деларю» впервые была помещена въ печати Вл. Серг. Соловьевымъ, въ «Книжкахъ Недѣли».

Единство. Помѣщено въ «Русской Старинѣ» 1887 г., доставленное А. В. Селивановымъ и снабженное предисловіемъ, изъ котораго видно, что эта стихотворная шутка находится въ письмѣ гр. Толстого къ Теофілю Матвѣевичу Толстому, отъ 16 мая 1869 г., посланномъ изъ Краснаго Пога. А. В. Селивановъ извлекъ письмо изъ собранія автографовъ, принадлежащаго Е. Н. Муромцевой, часть которыхъ напечатана въ «Журналѣ рязанской ученой архивной комиссіи». Это письмо заключаетъ въ себѣ слѣдующее: «Дражайшій и многоуважаемый Теофіль Матвѣевичъ! Хитровъ, только-что возвратившись изъ Петербурга, сообщилъ мнѣ, что Маркевичъ читаетъ вездѣ мои посланія къ Вамъ. Надобно ему отомстить. Вотъ оружіе, которое спѣшу Вамъ вручить: «Пѣсня о К*** (Катковѣ), о Черкасскомъ, о Самаринѣ, о Маркевичѣ и объ арапахъ». «Единство» въ нашемъ изданіи также появляется впервые.

Посланіе къ Лонгинову о дарвинизмѣ. Написано поэтомъ по поводу слуховъ о томъ, что начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ (извѣстный библиографъ и порнографъ), невѣроятно давившій печать, намѣревался запретить переводъ книги Дарвина «Происхожденіе человѣка». Быть-можетъ, только благодаря этому посланію, сочиненіе знаменитаго англійскаго натуралиста въ русскомъ переводѣ увидѣло свѣтъ. Впрочемъ, слухи, повидимому, оказались не вѣрны, и М. Н. Лонгиновъ, въ свою очередь, отвѣчалъ гр. Толстому стихотвореніемъ, которое оканчивалось слѣдующими строками:

Виновать передъ тобою
Я безъ всякихъ винъ:
Быль досель не тронуть мною
Господинъ Дарвинъ.

Посланія къ Ѡ. М. Толстому. Первое посланіе написано по поводу того, что Ѡ. М. Толстой, предсѣдательствуя, за отсутствіемъ М. Н. Похвиснева, въ театрално-литературномъ комитетѣ, далъ свои два голоса противъ постановки на сценѣ «Федора Ивановича», хотя и стоялъ, въ качествѣ литератора, за принятіе этой пьесы. Второе посланіе—отвѣтъ Ѡ. М. Толстому на его отзывы о трилогіи гр. Алексѣя Константиновича. Въ наше изданіе оба стихотворенія, такъ же какъ и посланіе къ Лонгинову, внесены впервые.

Письмо къ М. П. Арнольди. Писано изъ Флоренціи 5 (11) марта 1871 г. и заключаетъ въ себѣ благодарность за присылку Михаиломъ Петровичемъ Арнольди, жившимъ тогда въ Ниццѣ, ржаныхъ сухарей нашему поэту, очень любимыхъ имъ.

Къ друзьямъ послѣ женитьбы, Я всталъ однажды рано утромъ и «Простуда». Изъ Козьмы Пруткова. Стихотворенія эти не внесены въ сборникъ, изданный А. М. Жемчужниковымъ «Полное собраніе

сочиненій Козьмы Пруткова». «Я всталъ однажды рано утромъ» печаталось съ именемъ гр. Толстого также и въ «Хрестоматіи для всѣхъ» Н. В. Гербеля. Принадлежность этихъ стихотвореній, а также и остальныхъ «изъ Козьмы Пруткова», гр. А. К. Толстому была удостовѣрена В. П. Гаевскимъ (†) и другими лицами, къ которымъ редакторъ настоящаго собранія стихотвореній обращался еще въ 80-хъ годахъ за справками и указаніями.

Навозный жукъ, Врачъ и пономарь и Берестовая будочка. Эти три стихотворенія относятся къ циклу «медицинскихъ» стихотвореній, какъ ихъ называлъ самъ поэтъ. Написаны они для его домашняго доктора Александра Ивановича Кривскаго, и понынѣ здравствующаго.

Просьба о Щербинѣ. Ранѣе было помѣщено въ журналѣ «Россійская Библиографія» (1881) и заимствовано К. Граномъ изъ экземпляра «Стихотвореній графа А. К. Толстого» (Спб. 1867), поднесеннаго по-этомъ родственнику своему гр. Дм. Андреевичу Толстому, бывшему въ то время министромъ народнаго просвѣщенія. Стихотворная просьба не забыть о Н. Ѳ. Щербинѣ (извѣстномъ поэтѣ) написана на оборотѣ обложки этой книги.

Петръ Быковъ.

Алфавитный указатель стихотворений.

Аксакову (И. С.) (Судя меня довольно строго)	351
Алеша Поповичъ (Кто весломъ такъ ловко править).	322
Алхимикъ (Дымясь, качались кадила)	57
Ассирияне шли какъ на стадо волки (Изъ Байрона).	444
Ахъ ты, гой-еси, правда-матушка (Правда).	249
Багровый гаснетъ день, толпится за оградой (Изъ Шенье)	442
Баллада о камергерѣ Деларю (Вонзилъ кинжалъ убійца)	493
Баллада о мандаринѣ (Сидитъ подъ балдахиномъ).	495
Баллада съ тенденціей (Порой веселой мая).	316
Безоблачно небо, нѣтъ вѣтру съ утра (Изъ Гейне)	459
Безъ отдыха пируетъ (Князь Михайло Репнинъ)	237
Берестовая будочка (Въ берестовой сидя будочкѣ)	510
Бисмаркъ, сидючи въ Берлинѣ (Просьба о Щербинѣ)	513
Благовѣсть (Среди дубравы)	367
Благодаруміе (Поразмысливъ аккуратно)	361
Богатырь (По русскому славному царству)	228
Богъ и баядера (Магадовъ, земли владыка. Изъ Гёте)	449
Боривой (Къ дѣлу церкви сердцемъ рьяный)	284
Борь основной въ странѣ одинокой стоитъ	353
Боюсь людей передовыхъ (Князю Д. Н. Цертелеву).	513
Бунтъ въ Ватиканѣ (Взбунтовалися кастраты)	489
Бываютъ дни, когда злой духъ меня тревожитъ	399
Василій Шибановъ (Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва)	239
Весеннія чувства необузд. древняго (Дождусь ли той исторіи)	508
Взбунтовалися кастраты (Бунтъ въ Ватиканѣ)	489
Вздымаются волны какъ горы.	419
Вкусивъ елей твоихъ страницъ (Посланіе къ Э. М. Толстому)	501
Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо	430
Во дни минувшіе, бывало	416
Воли (Когда въ селахъ пустеть)	221
Вонзилъ кинжалъ убійца нечестивый (Баллада о Деларю).	493
Воспомянній рой (Портретъ)	63
Вотъ онъ, Низійскій богъ, смиритель дикихъ странъ (Изъ Шенье)	442
Вотъ ужъ снѣгъ послѣдній въ полѣ таетъ.	373
Врачъ и пономарь (Вѣрь мнѣ, докторъ, кромѣ шутки).	510
Всесильной волею Аллаха... (Крымскіе очерки, I)	421
Въ альбомъ (Исполненъ вѣчнымъ идеаломъ).	514
» (Стрѣлокъ, на той полянѣ).	418

Въ берестовой сидя будочкѣ (Берестовая будочка)	510
Въ десницѣ жива еще прежняя мочь (Гаконъ Слѣпой)	293
Въ колоколь, мирно дремавшій, съ налета тяжелая бомба	233
Въ лѣсную чашу богатырь при лунѣ (Чужое горе)	245
Въ монастырѣ пустынномъ, близъ Кордовы	430
Въ пустынной дубравѣ (Ричардъ Львиное Сердце). (Изъ Гейне)	460
Въ совѣсти искалъ я долго обвиненья	391
Въ степи, на равнинѣ открытой (Курганъ)	226
Въ странѣ лучей, незримой нашимъ взорамъ (Изъ Сведенборга).	441
Въ твоємъ письмѣ, о, Теофиль (Посланіе къ Ф. М. Толстому) .	501
Въ тѣ дни, когда на насъ созвѣзды Пса (Драконъ).	84
Вы все любуетесь на скалы (Крымскіе очерки, II)	421
Вырастаетъ дума, словно дерево	406
Вы свѣтъ, а я похожъ на тьму	512
Вѣрь мнѣ, докторъ, кромѣ шутки (Врачъ и пономарь)	510
Гаконъ Слѣпой (Въ десницѣ жива еще прежняя мочь)	293
Гаральдъ въ боевое садится (Пѣсня о Гаральдѣ и Ярославнѣ) .	264
Гаральдъ Свенгольмъ (Его голосъ звучалъ какъ морская волна).	446
Гдѣ гнутса надъ омутомъ лозы	223
Гдѣ Майковъ, Мей, и Марковъ, и Минаевъ (Элегія)	512
Гдѣ свѣтлый ключъ, спускаясь внизъ (Крымскіе очерки, III) .	422
Горними тихо летѣла душа небесами	405
Господь, меня готова къ бою	382
Государь ты нашъ, батюшка	252
Грѣшница (Народъ кипить; веселье, хохоть)	51
Грядой клубится бѣлоу	412
Двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный.	—
Двѣ вѣсти ко князю Кануту пришли (Кануть)	327
Дерево мое миндальное	412
Добро!—сказалъ князь (Пѣсня о походѣ Владиміра на Корсунь).	274
Довольно! Пора мнѣ забыть этотъ вздоръ! (Изъ Гейне).	460
Дождусь ли той исторіи (Весеннія чувства необузд. древняго).	508
Дождя отшумѣвшего капли	366
Донъ-Жуанъ. Драматическая поэма	106
Драконъ (Въ тѣ дни, когда на насъ созвѣзды Пса)	84
Древней греческой старухѣ (Отстанъ, безумная!..)	506
Древній пластическій грекъ (Люблю тебя, дѣва)	505
Дробится, и плещеть, и брызжетъ волна	403
Други, вы слышите-ль крикъ оглушительный (Противъ теченія).	256
Друзья, ура! Въ единство (Единство)	496
Дымясь, качались кадила (Алхимикъ)	57
Его голосъ звучалъ какъ морская волна (Гаральдъ Свенгольмъ).	446
Единство (Друзья, ура! Въ единство)	496
Есть много звуковъ въ сердца глубинѣ	410
Замолкнулъ громъ, шумѣтъ гроза устала	397
Западъ гаснетъ въ дали блѣдно-розовой	404
Зачинается пѣсня отъ древнихъ затѣй (Потокъ-богатырь)	296
Звонче жаворонка пѣнье	394
Земля цвѣла. Въ лугу, весной одѣтомъ.	435
Змѣй Тугаринъ (Надъ свѣтлымъ Днѣпромъ).	258
Змѣя, что по скаламъ влечешь свои извивы	397
Изъ Аеинъ въ Коринѣ многоколонный (Коринеская невѣста).	452
Изъ Байрона. Ассиріяне шли какъ на стадо волки	444
»	445
Неспящихъ солнце, грустная звѣзда	445

Ужь ты, нива моя, нивушка	373
У моря сижу, на утесъ крутомъ (Изъ Гейне)	459
У приказныхъ воротъ собирався народъ	247
Усни, печальный другъ, уже съ грядущей тьмой	388
Ушкуйникъ (Одолѣла сила-удаль меня, молодца)	295
Философъ въ банѣ (Полно меня, Левконой)	506
Ходить Спѣсь, надувающихся	244
Хорошо, братцы, тому на свѣтѣ жить	407
Хотѣлъ бы я угаснуть какъ заря (Изъ Гервега)	458
Цыганскія пѣсни (Изъ Индіи дальней)	370
Чарочка моя	438
Что за грустная обитель	385
Что ни день, какъ поломя со влагой	394
Что ты голову склонила?	380
Чужое горе (Въ лѣсную чащу богатырь при лунѣ)	245
Чьей кровію мечъ свой (Эдвардъ. Народн. шотл. баллада)	447
Шумить на дворѣ непогода	372
Эдвардъ (Чьей кровію мечъ ты свой такъ обагрилъ)	447
Элегія (Гдѣ Майковъ, Мей, и Марковъ, и Минаевъ?)	512
Эпиграмма (Разъ архитекторъ съ птичницей спознался)	504
Я васъ узналъ, святяга убѣжденя	401
Я виѣсто матери уже считаю стадо (Изъ Шенье)	443
Я всталъ однажды рано утромъ	507
Я вѣрю въ чистую любовь	438
Я женился; небо вняло (Къ друзьямъ послѣ женитьбы)	504
Я задремалъ, главу понуря	404
Я недавно пріѣхалъ въ Коринѣ (Письмо изъ Коринѣа)	505
Ярились подъ Кіевомъ волны Днѣпра (Гри побоища)	268

Оглавленіе

I ТОМА.

	СТР.
Алексѣй Толстой. (Литературный портретъ). Очеркъ С. А. Венгерова	3
Литературная исповѣдь. (Письмо гр. А. К. Толстого къ проф. Анджело де-Губернатису, во Флоренціи).	21
Е. И. В. Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ	27

Поэмы, повѣсти, драмы.

Іоаннъ Дамаскинъ	31
Грѣшница	51
Алхимикъ. Неконченная поэма.	57
Портретъ. Повѣсть въ стихахъ.	63
Драконъ. Итальянскій разсказъ XII-го вѣка.	84
Донъ-Жуанъ. Драматическая поэма	106

Былины, баллады, притчи.

Волки	221
Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы	223
Князь Ростиславъ	224
Курганъ.	226
Богатырь	228
Въ колоколь, мирно дремавшій	233
Ночь передъ приступомъ	234
Князь Михайло Репнинъ	237
Василій Шибановъ.	239
Старицкій воевода	243
Ходить Спѣсь, надувающихся	244
Чужое горе	245
У приказныхъ воротъ собирался народъ	247
Правда	249
Ой, кабы Волга-матушка да вспять побѣжала	251
Государь ты нашъ, батюшка	252
Пантелей цѣлитель.	254
Противъ теченія.	256

Змѣй Тугаринъ	258
Пѣсня о Гаральдѣ и Ярославнѣ	264
Три побойща	268
Пѣсня о походѣ Владиміра на Корсунь	274
Романъ Галицкій	282
Боривой	284
Ругевитъ	290
Гаконъ Слѣпой	293
Ушкуйникъ	295
Пѣсня о Потокѣ-богатырѣ	296
Илья-Муромецъ	304
Сватовство	307
Баллада съ тенденціей	316
Алеша Поповичъ	322
Кавуть	327
Садко	333
Слѣпой	341
Колодники	347

Пѣсни, очерки.

И. С. Аксакову	351
Боръ сосновый въ странѣ одинокой стоять	353
Колокольчики мои	354
Ой, стоги, стоги	357
По греблѣ неровной и тряской	359
Коль любить, такъ безъ разсудку	360
Благоразуміе	361
Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышитъ	363
Милый другъ, тебѣ не спится	365
Дождя отшумѣвшаго капли	366
Благовѣсть	367
Пустой домъ	368
Цыганскія пѣсни	370
Ужъ ты, мать-тоска, горе-гореваньяце	371
Шумить на дворѣ непогода	372
Вотъ ужъ снѣгъ послѣдній въ полѣ таетъ	373
Ужъ ты, нива моя, нивушка	—
Край ты мой, родимый край	374
Средь шумнаго бала, случайно	—
Тщетно, художникъ, ты мнишь	375
Съ ружьемъ за плечами, одинъ, при лунѣ	377
Колышется море; волна за волной	378
Не вѣрь мнѣ, другъ, когда, въ избыткѣ горя	—
Острою сѣкирой ранена береза	—
О, не пытайся духъ унять тревожный	379
Когда кругомъ безмолвенъ лѣсъ дремучій	—
Сердце, сильнѣй разгораясь отъ года до году	380
Что ты голову склонила?	—
Смеркалось,—жаркій день блѣднѣлъ неуловимо	381
Мнѣ въ душу, полную ничтожной суеты	—
Господь, меня готова къ бою	382
Порой среди заботъ и жизненнаго шума	—
Онъ водилъ по струнамъ	383

Лишь только одинъ я останусь съ собою	384
Что за грустная обитель	385
Не Божинъ громъ горе ударило	386
Ой, честь ли то молодцу лень прастя?	—
Ты, небѣдомое, незнамое	387
Усни, печальный другъ	388
Б. М. Маркевичу	389
Осень! Обсыпается весь нашъ бѣдный садъ	—
Источникъ за вишневымъ садомъ	—
Ужъ ласточки, кружась, надъ крышей щебетали	—
Не вѣтеръ, вѣя съ высоты	390
О, другъ! ты жизнь влачишь, безъ пользы увядая	—
Въ совѣсти искалъ я долго обвиненья	391
Меня, во мракъ и въ пыли	392
Ты почто, злая кручинушка	393
Звонче жаворонка пѣнье	394
Что ни день, какъ поломя со влагой	—
Разсѣвается, разступается	395
Минула страсть, и пылъ ея тревожный	—
Когда природа вся трепещеть и сияетъ	396
Ты знаешь, я люблю тамъ, за лазурнымъ сводомъ	397
Замолкнулъ громъ, шумѣть гроза устала	—
Змѣя, что по скаламъ влечешь свои извивы	—
Ты жертва жизненныхъ тревогъ	398
Бываютъ дни, когда злой духъ меня тревожить	399
Съ тѣхъ поръ какъ я одинъ	—
Слеза дрожить въ твоемъ ревнивомъ взорѣ	400
Я васъ узналъ, святая убѣжденя	401
О, не спиши туда, гдѣ жизнь свѣтлѣй и чище	402
Мадонна Рафаэля	—
Дробится, и плещеть, и брызжетъ волна	403
Не пѣнится море, не плещеть волна	—
Не брани меня, мой другъ	—
Я задремалъ, главу понуря	404
Западъ гаснетъ въ дали блѣдно-розовой	—
Горними тихо летѣла душа небесами	405
Ты клонишь ликъ, о немъ упоминая	—
Вырастаетъ дума, словно дерево	406
Тебя такъ любятъ всѣ	—
Хорошо, братцы, тому на свѣтѣ жить	407
Кабы знала я, кабы вѣдала	408
Насъ не преслѣдовала злоба	409
Нѣтъ, ужъ не вѣдать мнѣ, братцы, ни сна ни покою	—
Сижу да гляжу я все, братцы, вонъ въ эту сторонку	410
Есть много звуковъ въ сердца глубинѣ	—
Къ страданіямъ чужимъ ты горести полна	—
О, если-бъ ты могла, хоть на единый мигъ	411
Исполать тебѣ, жизнь—баба старая	—
Грядой клубится бѣлою	412
Двухъ станова не боецъ, но только гость случайный	—
Деревцо мое миндальное	—
Ты помнишь ли, Марія	413
Ты не спрашивай, не распытывай	414
На нивы желтыя нисходитъ тишина	—

Какъ селянинъ, когда грозятъ	415
Во дни минувшіе, бывало	416
Какъ часто ночью въ тишинѣ глубокой	417
Въ альбомъ	418
Вздываются волны какъ горы	419
Пусть тотъ, чья честь не безъ укора	420

Крымскіе очерки:

I. Всесильной волею Аллаха	421
II. Вы все любуетесь на скалы	—
III. Гдѣ свѣтлый ключъ, спускаясь внизъ	422
IV. Какъ чудесно хороши вы	423
V. Клонить къ лѣни полдень жгучій	—
VI. Надъ неприсутной крутизною	—
VII. Обычной полная печали	424
VIII. Приваль. Дымяся, огонекъ	—
IX. Привѣтствую тебя, опустошенный домъ	425
X. Солнце жжетъ; передъ грозою	426
XI. Смотри, все ближе, съ двухъ сторонъ	—
XII. Туманъ встаетъ на днѣ стремнинъ	427
XIII. Ты помнишь ли вечеръ, какъ море шумѣло	428
XIV. Тяжелъ нашъ путь; твой бѣдный муть	—

Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо	430
Въ монастырѣ пустынномъ, близъ Кордовы	—
То было раннею весной	431
На тягѣ	432
Про подвигъ слышала я Кротонскаго бойца	433
Темнота и туманъ застилаютъ мнѣ путь	—
Прозрачныхъ облаковъ спокойное движеніе	434
Слушая повѣсть твою, полюбилъ я тебя, моя радости!	—
Земля цвѣла. Въ лугу, весной одѣтомъ	435
Пѣсня стрѣлковъ Императорской Фамиліи	437
Чарочка моя	438
Я вѣрю въ чистую любовь (юношеское стихотвореніе)	—

Переводы, переложенія.

Сведенборгъ. Въ странѣ лучей, незримой нашимъ взорамъ	441
---	-----

Шенье.

I. Багровый гаснетъ день; толпится за оградой	442
II. Вотъ онъ, Низійскій богъ, смиритель дикихъ странъ	—
III. Ко мнѣ, младой Хромидъ, смотри, какъ я прекрасна!	—
IV. Крылатый богъ любви, склоняся надъ сохой	443
V. Супругъ блудливыхъ козъ, нечистый и кичливый	—
VI. Я вмѣсто матери уже считаю стадо	—

Байронъ.

I. Ассиріяне шли какъ на стадо волки	444
II. Неспящихъ солнце, грустная звѣзда	445

Гаральдъ Свенгольмъ	446
-------------------------------	-----

Эдвардъ. Народная шотландская баллада	447
---	-----

Гёте.

I. Богъ и бадера	449
----------------------------	-----

Гёте.	
II. Коринеская невѣста	452
III. То древній лѣсъ. (Отрывокъ)	457
Гервегъ. Хотѣлъ бы я угаснуть какъ заря	458
Гейне.	
I. У моря сижу, на утесѣ крутомъ	459
II. Безоблачно небо, нѣтъ вѣтру съ утра	—
III. Изъ водъ подымая головку	—
IV. Довольно! пора мнѣ забыть этотъ вздоръ!	460
V. Ричардъ Львиное Сердце	—
VI. Обнявшись дружно, сидѣли	461
Сатиры, шутки.	
Русская исторія отъ Гостомысла, съ IX по XIX вѣкъ	465
Сонъ Попова. Поэма	478
Бунтъ въ Ватиканѣ	489
Баллада о камергерѣ Деларю	493
Баллада о мандаринѣ	495
Единство	496
Посланіе къ М. Н. Лонгинову о дарвинизмѣ	498
Посланія къ Ѳ. М. Толстому:	
I. Вкуснѣ елей твоихъ страницъ	501
II. Въ твоемъ письмѣ, о, Теофиль	—
Письмо къ Михаилу Петровичу Арнольди	503
Изъ Козьмы Пруткова.	
I. Къ друзьямъ послѣ женитьбы	504
II. Эпиграмма	—
III. Письмо изъ Коринѳа (Древне-греческое)	505
IV. Древній пластическій грекъ	—
V. Философъ въ банѣ (Съ древне-греческаго)	506
VI. Древней греческой старухѣ, если бы она добивалась моей любви.	—
VII. Я всталъ однажды рано утромъ	507
VIII. Простуда	—
Весеннія чувства необузданнаго древняго	508
Медицинскія стихотворенія:	
I. Навозный жукъ	509
II. Врачъ и пономарь	510
III. Берестовая будочка	—
Элегія	512
Вы свѣтъ, а я похожъ на тьму	—
Пью-ль мадеру, пью ли квась я	—
Приглашеніе А. и Н. М. Жемчужниковымъ	513
Просьба о Н. Ѳ. Щербинѣ	—
Князю Д. Н. Цертелеву	—
Въ альбомъ	514
Примѣчанія и варианты	515
Алфавитный указатель	529
Оглавленіе	536

PG 3363

.A1

1907

vii

3 2000 004 537 892

DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET

